

vk.com/darkfairytale

*Он задаст
жару...*

Флиртуя
с
ОГНЕМ

«Горячие парни Чикаго -1»

Кейт Мидер

Прагматичная гуру пиара Кинси Тэйлор всегда оценивала себя по карьерным достижениям, а не по принадлежности к женскому полу. До тех пор, пока не переехала из Сан Франциско в Чикаго, чтобы быть рядом со своим женихом. Он считает, что девушка недостаточно серьезно относится к своей "работе" по развитию его перспективной карьеры, и тут же бросает ее ради более поддерживающей его и "женственной" медсестры. Теперь, работая новым пресс-секретарем действующего мэра Чикаго, она решает сосредоточиться на цели: нет времени на переживания, потому что она — сильная, успешная женщина, и конечно же... нет времени на мужчин.

Но все меняется, когда девушка встречает Люка Алмэйда, пожарного, такого же обжигающе сексуального, как и вспыльчивого. Он — второй по старшинству в Пожарной части Дэмпси. Семье, объединяющей людей, которые посвятили свою жизнь службе. Если только Люка не уволят за его выходки. Когда Люк заходит слишком далеко и ввязывается в драку в баре с Чикагским отделением полиции, Кинси отправляется в пожарную часть Люка, чтобы призвать к закону и порядку по приказу мэра. Но в пожарном отделении № 6, Люк Алмэйда — закон. И он не позволит Кинси устанавливать свои правила.

Флиртуя с огнем

Серия: Горячие парни Чикаго — 1 (про разных героев)

Переводчики: Ирина Васина, отдельные главы: Аня Петрова

Редактирование: Наталья Ульянова

Вычитка: Мария Суркаева

Обложка и оформление: Мария Суркаева

*Эта книга посвящена храбрым мужчинам и женщинам,
которые бегут В горящий дом, вместо того, чтобы бежать ИЗ него.
Ваш героизм и трудная работа вдохновляют.
Спасибо за все, что вы делаете.*

Глава 1

Так вот куда приходили умирать все любители спорта.

Носик Кинси Тэйлор дернулся от смеси запахов пота, грязного белья и чрезмерного обилия тестостерона. Имея трех вонючих братьев, девушка привыкла и к более отвратительным мужским особенностям, так что по большей части она осталась равнодушной, проходя через импровизированный спортзал, расположенный в пожарном отделении № 6 (далее ПО № 6), в северном районе Чикаго.

Судя по отвисшим челюстям и удивленному выражению на лицах парней, мимо которых она прошла, ее спокойствие не оценили.

— Эй, дамочка, вы не можете находиться здесь, — сказал накачанный, как Попай^[1], придурок, ставя гантели, с которыми с легкостью управлялся.

Игнорируя его и ворчание других парней, Кинси продолжила путь к месту своего назначения — раздевалке старейшего чикагского пожарного отделения. Чтобы встретиться с человеком, которого никогда не видела, но успевшему уже настолько вывести ее из себя, что девушка была готова, поджечь его голову. Возможно, у парня и была репутация одного из самых храбрых пожарников Чикагского пожарного департамента (далее ЧПД) с кучей наград, но Кинси хотела посмотреть, как мистер Люк Алмэйда справится с этим особым “большим пожаром”.

Свернув за угол, она прошла до конца по коридору с серыми с облупившейся краской стенами и вошла во вращающиеся двери. Пахло тут немного лучше, отчасти благодаря запахам шампуня и мыла, но в основном из-за присутствием широкоплечего парня, стоящего перед открытым шкафом.

Он медленно повернулся, на его лице, которое можно было назвать скорее мужественным, чем красивым, брови сошлись буквой V.

— Это не место для экскурсии, мисс.

Мисс.

Это слово щелкнуло по восприимчивым чувствам девушки, словно кто-то провел ногтем по свежей ране. Уже почти месяц как она должна была быть Миссис Дэвид Халфорд, и тот болезненный факт, что она *не* была таковой, все еще удивлял ее. О, прекрасно. Теперь Кинси должна была закалить свой разум против слова “*мисс*”, наравне с другими перлами вроде “*несовместимый*” и “*безвозвратный депозит*”. Ее словарный запас заметно расширился за последние четыре месяца, с момента переезда из Сан-Франциско в Чикаго.

— Я ищу Люка Алмэйда, — подняв голову, сказала она парню, стоящему перед ней.

Губы мужчины пренебрежительно скривились, но брови разгладились.

— Люк. Посетитель, — прокричал он тоном, который давал понять, что Люк часто принимал посетителей.

У Кинси была куча причин испытывать неприязнь к Люку Алмэйда. Любой мужчина который затевал драку в баре, вовлекая в нее добрую половину пожарной команды и активно дополняя ее Чикагским полицейским департаментом, уже был в топе ее дерьмового списка. Когда тот же самый человек, не перезванивал после трех звонков из Пресс-службы мэрии, он занимал особое место среди тех, кому она желала бы отвесить пинка под зад. Теперь эта ухмылка Высокого, Темного и Все-в-таком-роде лишь подтверждала все ее ожидания с тех пор, как файл Алмэйда появился на ее столе четыре дня назад.

— Должно быть, ты заблудилась, сладкая.

Тихий рык вызвал у Кинси покалывание от кончиков волос до шеи, привлекая ее внимание. Она развернулась на четырех дюймовых^[2] каблуках и увидела, как клубы пара расступились, словно магическое облако, являя взгляду полуобнаженного мужчину.

Ух ты!

Оседающий туман оказывал противоположное воздействие на ее быстро затуманивающийся разум. Прощай, Темный и Высокий, потому как грубая мужская сила *этого* самца по всем пунктам явно превосходит твою.

Слоган Морского Флота США, “Semper Fidelis”^[3], проходивший через всю широкую грудь мужчины, соединился с татуировкой в виде манжеты на бицепсе, которую девушка не могла прочесть, рассматривая его.

И ей хотелось пялиться на него, потому что все становилось только лучше.

Полотенце, висящее крайне низко на бедрах, открывало впадины по бокам под кубиками пресса. Было ли что-то жарче этого V-образного вида? Слово мало было его убийственного тела, так еще и глаза были настолько ярко-голубыми, что Кинси задалась вопросом, естественный ли это цвет. Конечно же, все это было создано в лаборатории.

К тому же, весь вид мужчины представлял собой генетически выведенную пожарную машину. Или бойцовскую, учитывая его любовь к “бью первым и к черту последствия”.

Он протер полотенцем влажные волосы, высушивая их и возвращая каштановые волны, обрамляющие сильные скулы и ярко выделяющуюся челюсть. От движения стала видна тату на его правом бицепсе: “*Логан*”, объединенное с переплетающимися буквами CFD (ЧПД). Девушка бы поспорила на двухкратное кольцо, которое швырнула в лицо бывшего, что на левой руке написано “*Шон*”, имя приемного отца Люка Алмэйда. Известный пожарный, награжденный всеми известными медалями, Шон Дэмпси принес великую жертву в горящей многоэтажке восемь лет назад. Логан, старший брат, также погиб в пожаре.

Бледно-желтый синяк на левом глазу Алмэйда плавно переходил на щеку. Не было необходимости пояснять, как он там появился. Именно поэтому Кинси и была здесь.

Возвращаясь к реальности своего визита, Кинси встретила его любопытный взгляд.

— Что вы сказали?

— Думаю, вы немного заблудились, — он четко проговаривал слова, будто она какая-то дурочка, которая впервые увидела голую мужскую грудь. — Экскурсии по пожарному отделу каждую среду.

— Я здесь не для экскурсии.

Алмэйда провел полотенцем, которым только что сушил волосы, по накачанной груди, а затем по грубому рубцу от шрама, тянувшемуся по правому плечу.

— Хорошо, — проговорил он, растянув губы в великолепную улыбку и демонстрируя ровные белые зубы, которые сделали бы его победителем стоматологического конкурса города. — Можно организовать экскурсию другого рода. Как насчет завтрашней ночи?

— Извините?!

— Ну, у меня только что закончилась смена и впереди сорок восемь свободных часов. Обычно первые двенадцать я сплю, но если тебе не терпится, сладкая, то могу пересмотреть свое расписание.

Кинси не имела дел с наглецами. Или с мужчинами, называющими девушку, которую видят первый раз, “сладкая”. Люк Алмэйда видимо сделал неправильные выводы... Неужели он действительно думает, что она пришла в эту вонючую дыру, чтобы назначить свидание?

— Вы не ответили ни на одно мое сообщение. Я звонила три раза.

Высокий и Тёмный фыркнул.

— Черт, Люк, теперь они тебя преследуют.

— Кто преследует Люка?

В помещение вошел еще один парень, в шортах и обтягивающей футболке ЧПД, сквозь которую явно просматривались его мускулы. Высокий и светловолосый, с лицом Тора, он выглядел так, будто заехал в ПО № 6 между фотосессиями для *GQ*. Точно, по пути сюда она должно быть пропустила вход в лабораторию по изготовлению горячих красавцев.

— Люк следует по твоим стопам, — ответил Высокий и Темный Мальшу Тору. — Будто нам недостаточно всего этого с твоими бывшими, которые заявляются каждую неделю в надежде почистить твой шланг.

Мальш Тор усмехнулся, кривовато, но очень сексуально.

— Что я могу поделаться, если разбил половину сердец Бойстауна?

Бойстаун. Чикагский район геев, значит, Мальш Тор играет за другую команду. Великолепные мужчины всегда такие и, по правде говоря, великолепия тут с лихвой. Но остальные двое по прежнему занимали все пространство и создавали нехватку кислорода.

Подавляя своим присутствием.

Алмэйда пялился на нее и колесики его неандертальского мозга активно крутились, пока он пытался сообразить *где* и *когда* они встречались, и насколько большие у него проблемы, потому что картинка в памяти отказывалась складываться.

Она решила ему помочь.

— Вы не получали моих звонков?

Он приподнял широкое плечо.

— Конечно получал, но был занят. Ликвидировал пожары.

А похоже больше занят кулачным боем, который сделал его и его братьев-пожарных сенсацией YouTube и подтолкнул к действию мэра. Теперь поиск решения этого медийного кошмара стал работой Кинси, как помощника пресс-секретаря мэра. Алмэйда даже не должно было быть на дежурстве. К нему были применены административные меры. Но когда он не появился на встрече с Пресс-службой в мэрии города, она позвонила по номеру, указанному в деле, и оставила сообщение. Потом еще одно. И еще.

— Игнорировать звонки это грубо.

— Да, брат, — сказал Мальш Тор. — Ты был воспитан в лучших традициях. — Он протянул руку. — Я Гейдж. Красивый, сексуальный, интересный и хорошо воспитанный.

Кинси протянула руку, наслаждаясь твердым рукопожатием. Согласно данным его файла, в свои двадцать четыре года, Гейдж Симпсон был самым молодым из Дэмпси, семьи приемных братьев и сестер, в которой все следовали по стопам своего покойного приемного отца.

— Это Уайатт, — кивнув подбородком, Гейдж указал на Высокого и Темного. — Обычно он открывает рот только для критики.

Уайатт Фокс, старший в братстве, тридцать три года, скрестил свои сильные руки на груди и молча сжал губы. Кинси посчитала, что она должна быть признательна.

Был еще один брат, Бэк и сестра Александра, одна из всего лишь ста двадцати женщин пожарников в ЧПД. Ни один из приемных братьев и сестер не носил одинаковой фамилии и не был родственником по крови. Но их узы — узы Дэмпси — были достаточно сильны, чтобы всем стало понятно, что они служили в одном пожарном отделении. Это было

необычно, но такова была эта семья.

— И вы уже знакомы с Люком, — продолжил Гейдж и в его серых глазах сверкнуло веселье. — Ну, а насколько хорошо вы знаете друг друга — это другая история. Мы говорим об обмене флюидами или просто номерами телефонов?

Алмэйда смотрел на нее с интересом. Неужели этот болван и вправду думает, что они могли недавно познакомиться, и она примчалась сюда в семь утра в понедельник из-за того, что он не выполнил свое сладкоречивое обещание позвонить.

Под ее острым взглядом, Люк начал говорить, разрушая паузу, которую Кинси не намеревалась прерывать.

— Она знает меня достаточно хорошо, чтобы думать, что может прийти в мое пожарное отделение и что-то требовать. Довольно смело, сладкая.

— Иногда приходится брать дело в свои руки, и после той ночи... — она покрутила носком туфли, будто была ужасно не уверена в себе. Время переходить на новый уровень. — Я думала, у нас было что-то особенное.

Его удивительные голубые глаза расширились, когда он ступил в ее личное пространство, и, хоть она не считала себя низкорослой, девушка с удивлением почувствовала себя крохотной в присутствии громадного пожарного Алмэйда. Ее бывший жених Дэвид был едва ли на три дюйма^[4] выше ее. Ему не нравилось, когда она надевала каблуки, которые делали Кинси выше него.

Также ему не нравилось, что она пробежала пятимильную^[5] дистанцию на двенадцать секунд быстрее его, или что она била его, как пыльный ковер, в бадминтон, или черт побери, что у нее было три оргазма за его один. Хотя обычно с последним ей приходило помогать самой себе.

Соперничество не слишком женственно, Кинси.

Нет, дорогой, но оно чертовски более выигрышно по сравнению с поражением.

Люк пригвоздил ее к месту своим взглядом цвета океана.

— Итак, той ночью, когда мы...

— Танцевали.

— И у нас довольно неплохо получалось.

— Это ты так думал. Мои ноги были оттоптаны, но позже ты позаботился об этом.

Его губы дрогнули.

— Своей сверкающей остроумием беседой, — продолжила она. — Я понятия не имела, что пожарный столько знает о "Холостяке"^[6].

— Много времени в простоях между выездами, — он потер подбородок. — И затем у нас был разговор о... о чем, напомни?

Она вздохнула, раздраженная тем, что приходится напоминать о том, каких удивительных разговорных высот они достигли вместе.

— О составе питчеров^[7] Кабса. Ты был уверен, что Арриента продержится в форме до конца сезона, а я беспокоилась о...

— Запасных питчеров, — его безразличный взгляд опустился на ее рот. — Или как глубоко они могут пройти.

— Да, — пробормотала она, с опозданием осознавая, что возможно зашла в этом обсуждении слишком далеко. — Ты так и не успокоил меня по этому поводу.

— Будь уверена, сладкая. Глубоко. Так глубоко, как тебе нужно.

Черт, ничего себе! Она почувствовала, как ее желудок упал и сделал кувырок от его провокационных слов.

О бейсболе.

— Ты намного симпатичнее Варгаса, мисс....?

— Тэйлор.

— Итак, мисс Тэйлор, комиссар Фриман является моим хорошим другом, а Луис Варгас из Пресс-службы ЧПД занимается этим делом, так что, кажется, у нас все под контролем.

Ха! Значит Люк Алмэйда точно знал, кто она такая, и сразу раскусил ее игру, еще и вызвав при этом в ней неожиданную волну тепла.

— Под контролем? Ваши четыре минуты славы стали предметом первых новостей на Трибе^[8]. Вы стали национальной новостью на всех основных телеканалах, и городской совет созывает специальное заседание на этой неделе, чтобы обсудить ситуацию. Не сказала бы, что это выглядит как *"все под контролем"*.

Теперь, когда открылась настоящая причина ее раннего утреннего визита, она почувствовала неприязнь со стороны Уайатта.

Люк прищурил свои голубые-преголубые глаза, глядя на нее.

— В вашем сообщении говорилось, что вы из офиса мэра, мисс...

— Тэйлор, — она стиснула зубы. — И там было не одно сообщение. А три.

— Верно. И хоть пожарное отделение технически отчитывается перед мэром, у нас есть свои способы решать проблемы. Наш собственный комиссар. Наша собственная Пресс-служба. Не знаю, почему вас отправили сюда, но, вероятно, для всех будет лучше, если вы развернетесь на этих каблучках и отправитесь обратно в мэрию.

Хах, он делал все, как она ожидала, разве только не сказал, что ей следует отправить свою маленькую милую задницу на кухню и заняться готовкой печенья. Приготовьте свои шпанги, ребята, потому что сейчас из ее ушей валило достаточно пара, чтобы поджечь всех, находящихся рядом с ней.

— Боюсь, это невозможно. Видите ли, у меня проблема, мистер Алмэйда, — она проговорила слова деловым тоном, который умела включать даже во сне, но добиться которого сегодня получилось не так легко.

— О, теперь я мистер? А мне казалось, что той ночью у нас было что-то особенное.

Не плохо, Алмэйда, не плохо. Кинси пыталась скрыть невольную улыбку, которой безуспешно старалась не поддаваться. А также проигнорировать то, что он подошел к ней еще ближе, произнеся слово "особенное". Девушке пришлось откинуть голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом. Ни в коем случае она не будет вести этот разговор с его толстой накачанной шеей, даже если из-за этого заработает растяжение своей ненакачанной.

— Моя проблема заключается в том, что... — она ткнула пальцем ему в грудь. По ее пальцам пробежало приятное покалывание. — Вы. Все. Еще. Здесь.

— Я *здесь* работаю.

Раздражение странным образом расширило ее кровеносные сосуды, отчего Кинси стало жарко. Не от его близости. Нет, не от нее.

— Здесь вы *работали*. Но три дня назад вас отправили в административный отпуск ожидать слушания из-за вашего бестолкового поведения. Вам не следует даже находиться на территории ЧПД, пока не будет вынесено решение по делу.

Заметно ошестинившись, Люк склонил челюсть, словно та была оружием.

— Я оказался здесь, когда поступил вызов. Вряд ли я буду сидеть, когда мои парни

отправляются на пожар. Это был тяжелый случай и нам нужен был каждый пожарный.

С неохотой, она признала, что это ее невольно восхищает, но не меняет сути дела. Он уже бросил тень на весь ЧПД, когда сомнительного качества видео его мордобоя собрало миллион просмотров в первый же день. Ей нужно было достучаться до него и лучшим вариантом было опуститься на его уровень развития. Мужчины, подобные этому, понимали только угрозы: источнику их заработка, мужественности и еде.

— Я провела свое расследование, мистер Алмэйда. Комиссар у вас в кармане, как и безоговорочная поддержка союза, и вы можете быть уверены в себе, благодаря огромному вкладу вашей семьи в ЧПД, но мэр устал от гражданских служащих, возомнивших себя выше закона.

За последнее время ряд скандалов потряс мэрию. Взятки за получение разрешений. Закулисные сделки. У детектива полицейского департамента в крови обнаружили больше водки, чем крови, а в бардачке мешочек с кокаином, и это сразу после того, как он покинул место аварии. Выходка Алмэйда возможно и не имела отношения к местной коррупции, но она только подчеркивала то, что с органами местного самоуправления Чикаго что-то было не так.

— В городе политика нулевой терпимости к насилию со стороны его служащих, — продолжила она. — У вас еще пять дней отпуска, а затем если, и это очень сомнительное “если”, вы выйдете со слушания все еще со своими целыми яйцами, вам придется очень постараться, чтобы очистить репутацию важего пожарного отделения. И мэр назначил меня ответственной за это.

На его лице отразились гнев и ярость.

— Вас?

— Меня.

— Я уже объяснил свою версию событий в отчете по этому случаю. Полагаю, ваши дотошные расследования не обошли его стороной.

Кинси вернулась к этому моменту, мысленно вспоминая отчеты свидетелей драки в баре. Довольно сдержанные отчеты с небольшими различиями. Кодекс молчания полицейских и пожарных держал рты закрытыми на замок крепче, чем кора на деревьях.

— В одну минуту вы подаете напитки в своем семейном баре, а в другую детектив МакГиннис уже на полу и пара работников из ПО № 6 и Третьего округа дерутся так, словно это эпизод “Отчаянных домохозяек”^[9]. И все потому, что он сделал замечание по поводу вашей сестры, — она наклонила голову, копируя его позу. — Я думала, что опытный владелец бара должен знать, как обращаться с пьяными, самодовольными посетителями. Почему мне кажется, что в этом есть нечто большее, чем то, что черным по белому отражено в тех отчетах?

Это была длинная тирада, но Кинси сразу поняла, что ее удар попал в цель. Его глаза потемнели с неправдоподобного голубого до темно-синего, а то, что он собирался сказать, явно прошло через пару фильтров в его мозгу. Мужчина бросил косой взгляд в сторону своих братьев.

— Слишком много алкоголя, ссоры быстро переходят в драки, — пробормотал он. — И это была седьмая игра финального кубка. Уверен, детектив МакГиннис болеет за Рэйнджеров, — он четко выделил эти слова, выдав натянутую улыбку. Которая, не смотря на большой толстый слой фальши все же была великолепной.

— Так это типичный вечер парней?

Алмэйда выглядел скучающим.

— Я так и не понял, что вы хотите от меня мисс...

— Тэйлор, — закончила Кинси, прежде чем он снова выскажет это раздражающее как-там-ваше-имя.

— Она хочет, чтобы вы с МакГиннисом пожали друг другу руки, — подхватил Гейдж. — Предпочтительно после того, как вместе проведете какое-нибудь публичное мероприятие, нацеленное на нужды общества. Возможно вечеринку в квартале, на которой ты будешь жарить сосиски, а детектив выдавливать кетчуп. Я прав, мисс Тэйлор?

— Принимаются любые хорошие идеи, — ответила она Гейджу. — И, пожалуйста, зовите меня Кинси.

— Мы уже многое сделали для общества, — пробормотал Уайатт.

— Да, созданная вашим отцом программа по поддержке приемных детей. Я видела это в вашем файле, — и безусловно они могли бы ее использовать, чтобы изменить общественное мнение. — У нас много вариантов. Командное спортивное мероприятие, вечеринка с чили на воздухе, может, даже общий календарь, демонстрирующий вашу мужественность.

Гейдж громко хмыкнул, но недостаточно громко, чтобы заглушить рычание Алмэйда, звук, означавший, что его мужественность не подвергнется сомнению. Да, она сделала его.

— Уверена, чикагские налогоплательщики, особенно женщины, захотят увидеть полураздетую гору мышц с большим шлангом в одной руке и котенком в другой. Вырученные средства, конечно же, пойдут на благотворительность, — сейчас девушка начала получать удовольствие, поэтому подмигнула, — сладкий.

Уайатт потер рот, очевидно скрывая улыбку. Гейдж широко улыбнулся. А Люк? С таким же успехом она могла бы сказать, что ему придется надеть комплект из трусиков и лифчика, пока он будет гладить пушистого славного котенка.

— О это будет неплохо, — проговорил Гейдж, и Кинси больше не считала нужным скрывать свое веселье. Она нашла союзника в ПО № 6.

Решительно настроенная оставить за собой последнее слово, девушка пронзила Люка Алмэйда своим самым непоколебимым взглядом. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но она подняла руку, прерывая его.

— Придержите ваш сладкоречивый язык, мистер Алмэйда. Как только с вас снимут обвинения, мы будем работать над тем, чтобы сделать вас звездой в правильном свете.

Кинси закончила речь и выскочила из этой раздевалки раньше, чем он смог бы ей что-то ответить.

Люк захлопнул дверцу своего шкафчика, однако та отскочила обратно, как бумеранг плохих новостей. Одной силы было недостаточно, чтобы сбить фото, заправленное за верхний правый угол: Шон Дэмпси и Logan Киз, его приемный отец и брат. Замершие во времени. Их сияющие улыбками лица смотрели на него, как постоянное горько-сладкое напоминание о том, что он был не только сотрудником Чикагского пожарного департамента, но и одним из Дэмпси.

Мужчина взял чистую одежду из шкафчика и оделся, прикрывая мышцы, которые все еще болели даже после очень горячего душа. Сегодняшний вызов в три часа утра на пожарный склад в Элстоне мог оказаться сложным, учитывая опасные химические вещества, нелегально хранившиеся в северном углу помещения. Но им удалось быстро сбить пламя и локализовать распространение огня, чтобы его тушением занялись ребята в костюмах химзащиты. В общем, хорошая ночная работа.

Аппетитный запах бекона ударил в нос даже раньше, чем он толкнул дверь кухни ПО № 6. Независимо от времени суток, после пожара все обычно были голодны. Адреналин бежал по венам пожарных, как наркотик, который постоянно надо было подпитывать. Сначала едой, затем сексом. Если бы какие-нибудь ученые взяли на себя труд изучить даты рождения детей в ЧПД, то Люк готов был биться об заклад, что они бы выявили зависимости между наиболее сложными выездами и днями зачатия детей. Он всегда был готов к женщине после пожара и появление мисс Темперамент на Каблуках было похоже на приток кислорода в непроветриваемую комнату.

Люк налил кофе, занял место на стуле рядом с Уайаттом и перевел взгляд на то, что Гейдж готовил на плите. Блюдо выглядело как яйца, но с учетом претензий Гейджа на брата гурмана-шеф-повара, это было бы слишком просто. К счастью парнишка не исполнил свою угрозу и не установил машину по приготовлению эспрессо с функцией вспенивания молока. Старый приятель Люка — мистер Кофе делал свое дело и кофе с ореховым вкусом на пополам с молоком был чем-то фантастическим.

— Тебе следует позвонить своему представителю из союза, — сказал Уайатт Люку в промежутке между пережевыванием пищи.

— Зачем? Сказать им, чтобы мэр не дышал мне в спину? Или сказать им, что я не могу справиться с его бойцовой собакой с большим ртом?

Полным, роскошным ртом, который безумно хотелось облизать, если быть честным. Опасная привычка, которой он редко предавался в эти дни, особенно сам с собой.

— Хм, — донеслось со стороны Гейджа, который накладывал в тарелку омлет с овощами и жареной картошкой. Сейчас его младший брат выглядел намного более серьезным, чем когда как идиот пытался заигрывать с Кинси Тэйлор.

— Хочешь что-то сказать, шеф?

— К вашему удовольствию сегодня на ужин у нас овощная фриттата, колбаски из индейки с яблочно-сырным соусом и сальса верде [\[10\]](#), — он наклонил голову. — И, да, помимо вкусной еды у меня есть один красочный комментарий. Тебе следовало быть более откровенным в своем отчете.

— И что бы это изменило?

— Если бы ты рассказал им, что сделал МакГиннис...

— Это просто добавило бы еще больше красочных подробностей в постоянно развивающуюся историю обо мне и детективе МакГиннисе, но не изменило бы того, что случилось неделю назад, — от простого упоминания вслух имени этого ублюдка его кожа начала зудеть. — Он коснулся своими грязными руками Алекс, получил от меня по морде, и теперь я отстранен, — ухмыльнулся Люк. — Или во всяком случае должен быть.

Мужчина ткнул вилкой, останавливая очередную жалобу Гейджа.

— Разговоры о моей истории с детективом только подливают масла в огонь. От них все выглядит так, будто я затаил обиду на него и искал только повод, чтобы подправить ему лицо, — не важно, что так и было. Он не хотел, чтобы начальство ЧПД и эти канцелярские крысы из мэрии знали все о его неприятных делах.

Люк украдкой глянул на Уайатта, оценивая его реакцию на сказанное. Его старший брат был спокоен как скала, не поддавался давлению и был не слишком разговорчив, даже если пару последних выездов ситуация выходила из-под контроля и ему приходилось рисковать, спасая команду.

— Ты прав, — произнес Уайатт и подвел черту сказанному, демонстративно запихнув вилку, полную фантастического омлета, в рот. Будто приукрасил слова, чего обычно не делал.

— Видишь? — самодовольно сказал Люк.

Гейдж разочарованно нахмурился от того, что снова неправильно понял ситуацию в споре со старшими, которые все всегда знали лучше.

— Ага, потому что Уай такой “эксперт” в сердечных делах. Посмотри на него, — Гейдж считал, что Уайатт был самым унылым созданием на всей земле. — Парень не признает страсть, даже если та пробьется к нему в голову гидравлическим домкратом^[11]. Мне уже надоело отправлять отряд своих леди к нему только для того, чтобы все они вернулись и доложили, насколько он скучный.

— Я не заинтересован в твоих дурацких цыпочках, — произнес Уайатт так серьезно, что Гейдж и Люк рассмеялись.

Гейдж покачал головой.

— Я люблю тебя, чувак, но ты никогда ни с кем не трахнешься с таким отношением.

Обычно Уайатт выглядел смущенным от открытых проявлений привязанности Гейджа. Такими были все Дэмпси, любили до глубины души и ненавидели демонстрировать это. Все, кроме Гейджа, который был более уравновешенным. Непонятное чудо, учитывая через что он прошел до того, как Шон забрал его к себе в возрасте десяти лет. У каждого из них были свои истории, которые они хотели забыть, и сожаления, которые влияли на них, но Гейдж был тем, кто справлялся с этим лучше и быстрее других.

— Мы все еще пытаемся заставить Уайатта трахнуть с кем-нибудь? — донесся веселый женский голос с другой стороны кухни.

— А разве мы не делаем это постоянно? — проворчал Гейдж.

Люк улыбнулся их сестре, Алекс, пришедшей к началу своей смены. Темно-шоколадные волны, прореженные огненно-красными полосами, обрамляли лицо в форме сердца. Обладая убийственным сочетанием завуалированного сарказма и отсутствием фильтров, она также славилась вспыльчивым нравом, от проявлений которого ее зеленые глаза загорались, как драгоценные камни.

Гейдж протянул ей только что намазанный маслом кусок тоста, который уже один раз укусил. Что было упреждающим ходом, так как Алекс в любом случае выхватила бы тот из

его рук через три секунды.

Она усмехнулась, признавая победу.

— Забудьте о Уайе и сосредоточьтесь на поиске горячего мужчины для вашей покорной слуги. Знаете какого-нибудь гетеросексуального парня, мальчишки?

— Один гетеросексуал прямо здесь, детка, — жадно посмотрел на нее лейтенант Тони "Большой Мак" МакЭлрой, важно входя в кухню.

— Давай представим, что тот факт, что ты счастливо женат уже тринадцать лет, — единственная причина, по которой я не кидаюсь на это очень соблазнительное предложение, Антонио, — произнесла Алекс, тоже глядя на него натурально сыгранным жадным взглядом. Люк подавил защитный инстинкт, который вскипал в нем, — для драки было еще слишком рано, и Большой Мак на самом деле был счастливо женат. В любом случае, Алекс могла сама справиться со всеми, кто к ней подкатывал.

Однако, это не то, что он написал в докладе.

Похотливый оскал Большого Мака сошел на нет при виде приготовленного Гейджем.

— Неужели ты не можешь просто сделать яичницу-болтунью, как нормальный человек, Симпсон? Здесь не чертов "Ритц".

— Будешь есть или нет? Я даже сделал бекон для тебя, потому что ты — мой любимый лейтенант.

— Я — твой единственный лейтенант, — пробормотал он.

— Mangia, bambini, mangia,^[12] — одной рукой Гейдж поставил доверху наполненную тарелку с дополнительной порцией бекона, на стол, а другой передал Алекс кофе, сваренный так, как она любит.

Обычно прямые, как лезвия ножей, брови Уайатта немного приподнялись в ответ на улыбку Люка. Почти одного возраста, Алекс и Гейдж были не разлей вода, за что Люк и Уайатт были безмерно благодарны. Отчасти потому, что ни у кого из них, находящихся в уже преклонном возрасте тридцати двух и тридцати трех лет соответственно, не было сил, чтобы зависать с младшими (что обязательно включало в себя танцевальные клубы), но в основном потому, что их тесная связь означала, что они всегда будут друг у друга, если что-то случится с их старшими братьями. Конечно, они все подвергались опасности на каждом выезде, но Люк и Уайатт делали все возможное, чтобы защитить младших в семье, включая Бэка, который в настоящий момент был в отпуске в Тайланде со своей девушкой, Дарси. Это было самым важным из многочисленных уроков Шона Дэмпси: *"защищайте людей, которых любите, до последних тлеющих углей"*.

— Говоря о выполнении государственного долга и попытке заставить трахнуть с кем-нибудь моих старших, — Гейдж направил взгляд на Люка. — Пора и тебе снова запрыгнуть на пони. Как давно у тебя уже этого не было?

Слишком давно. Ни дать, ни взять, год и два месяца, как закончились отношения с женщиной, которая, как он предполагал, станет его будущим. Дети, кресла-качалки, все, что только возможно. Лиза разбила его сердце, а затем забралась в свой "порше" и сбежала от него, чтобы свести на нет любое оставшееся между ними притяжение.

— Я заодно с Уайем. Не заинтересован в любой женщине, которая ищет себе друга.

— А как же мисс Тэйлор?

— Кто такая мисс Тэйлор? — спросила Алекс.

— Крошка, с которой флиртовал Люк.

— Я не флиртовал, — хмыкнул Люк.

— Тебе надо было видеть его, Алекс, — сказала Гейдж. — Это была словесная перепалка, траханье глазами и достаточно огня, чтобы включить пожарную сигнализацию. Люк готов вернуть свой член в игру. Я так горжусь.

Черт побери. Люк посмотрел на Уайатта в поиске поддержки.

Его старший брат лишь пожал плечами.

— Это было довольно мило, — и снова вернулся к яйцам.

Определение "мило" нельзя было применить к мисс Тэйлор. Эта женщина была кучей неприятностей, и не только из-за ее теплых карих глаз, которые метали искры, когда у него получилось взбесить ее. Ему стало интересно, как может измениться их цвет, если он погладит ее золотистую кожу, или как ярко они загорятся, если он запустит пальцы во все это шелковистое великолепие цвета меда, каскадом спадающее на плечи. Она заманчиво покачивала бедрами, плавно перемещая свою великолепную задницу к выходу из раздевалки, полностью довольная тем, что оставила за собой последнее слово. Эта задница будет так хорошо ощущаться, сжатая его ладонями и...

Ему действительно нужен оргазм, который не будет получен с помощью его правой руки.

Но не с Кинси Тэйлор. Потому что тогда ему придется слушать ее, а Люк покончил со всезнающими гарпиями, которые ставили парня на колени по совершенно ложным причинам. В следующий раз, когда он обратит внимание на женщину, та будет нежной, податливой и готовой к детям сразу же, как только он наденет кольцо ей на палец. Возможно, обычная школьная учительница или милая, славная девушка, которая работает со спасенными щенками. Кто-то попроще.

И если у нее будет великолепная задница, тем лучше.

Мрачным, неровным стенам штаб-квартиры ЧПД в Южном Мичигане явно требовался ремонт, но сейчас они отлично соответствовали тому, что чувствовал Люк, сидя прямо, как бамбук, перед комнатой, в которой проходило слушание дела, спустя неделю после того, как Дэниел МакГиннис налетел на кулак Люка. Боже, он чувствовал себя дерьмово. Егс застегнутый на все пуговицы воротник выполнял две задачи: перекрывал ему весь доступ кислорода в легкие и заставлял потеть так, что он думал, умрет от обезвоживания.

Через пару минут решится его судьба. Люк предпочел бы временное отстранение от работы нежели обязательную консультацию по какой-то выдуманной проблеме, связанной с контролем над гневом. Одной лишь идеи о том, чтобы вытащить наружу его проблемы перед любым четырехглазым сумасшедшим доктором, которого ему назначат, было достаточно, чтобы довести его до дрожи.

В детстве он выдержал бесчисленное количество встреч с психологами и социальными работниками, каждый из которых стремился добраться до истоков его проблем. Пока не найдут ключ к разгадке подробностей жизни Люка. Мать — шлюха на крэке. Отец неизвестен. Малышку сестру, вырвав у него из рук, определили в другой детский дом за много миль от Люка.

За время своего двухлетнего пребывания в детском доме, большая часть организованных поездок к маленькой Дженни была отменена, потому что социального работника не было на месте, чтобы отвезти его, но чаще, потому что Люк плохо себя вел и визиты ему запрещали. Разделение братьев и сестер по приемным семьям было обычной практикой, но его гнев на всех: его наркоманку мать, череду благодетелей, и других плачущих детей, — не позволял Люку увидеть причину такого разделения и суметь достаточно долго мириться с этим, чтобы выяснить, как переиграть систему.

Девятилетние на самом деле не славятся навыками решения проблем.

Судя по всему, тридцатидвухлетние тоже.

Обещание о воссоединении семьи сошло на нет, когда его мать сторела, зависая с бандой наркоманов в подпольной лаборатории по производству метамфетамина, убивая любую надежду Люка на хорошую жизнь с Дженни. Его сестра, сияющий лучик света, была сразу же удочерена любящей семьей, живущей в одном из этих пригородных домиков для среднего класса на Северном побережье Чикаго. Наконец-то в безопасности, так думал Люк, но даже счастливая, как у свињи в грязи, жизнь в пригороде не гарантировала безопасности. Естественно, в их сказочной семье не нашлось места ребенку с "проблемным поведением". Если бы нашлось, или если бы он не был таким драчуном, возможно, смог бы спасти Дженни от едущей на большой скорости вниз по тихой жилой улочке машины.

К счастью, у Шона и Мэри нашлось место не только в семье, но и в сердце, для ребенка, чьим первым способом общения были его кулаки. Его охватил стыд. Ни один из них сейчас не гордился бы Люком.

— Тебя нельзя оставить ни на секунду, Алмэйда.

Дерьмо, просто убейте его прямо сейчас.

Люк даже не удосужился посмотреть вверх, когда жесткая скамейка закрипела и почти сломалась под давлением приземлившегося на нее веса. Толстые широкие бедра севшего с ним рядом, одетые в форму ЧПД, расплющились по скамье.

— Уже рассказал свою версию истории?

— С минуты на минуту.

Попытка сосчитать плитку на потолке не станет препятствием для зубодробильной лекции, которая, как он знал, была на подходе. Не в состоянии и дальше избегать этого, Люк повернул голову, чтобы посмотреть на комиссара Лоренса Фримана, более известного, как его крестный, Ларри. Большой, лысый, черный, как полночь в безлунную ночь, этот мужчина сыграл такую же роль в воспитании Люка, как и Шон Дэмпси. Люк плакал всего один раз за свои тридцать два года, и этот человек, вторгшийся сейчас в его личное пространство, был единственным, кто видел, как Люк сломался.

— Тебе нужно сотрудничать, — сказал Ларри. — Только в этом случае я смогу тебе помочь.

Сталь в голосе пожилого мужчины резко осадил Люка.

— Что это даст? — Люк не был настолько глуп, чтобы думать, что выйдет отсюда безнаказанным. Он решил, что короткого отстранения и пары сеансов с мозгоправом из ЧПД будет достаточно, чтобы сдвинуть дело с проигрышного до подходящей обоим сторонам ничьей.

Обычно гладкий лоб Ларри нахмурился.

— Тебя пустят в расход, Люк, и они ходят сделать из тебя пример для остальных. На мэра оказывается большое давление, особенно со стороны его самого крупного мецената, Сэма Кокрэйна, чтобы он навел порядок в муниципальных службах. Я пообещал, что ты будешь сотрудничать с его пресс-секретарем. Во всем, что бы они ни захотели. А не просто мнимое сотрудничество "на отвяжись". Тебе следует иметь это ввиду.

— Или что? Совет не поддержит какую-то ерундовую кампанию в СМИ, которая сделает нас более милыми в глазах общественности.

На лице Ларри отразилась боль, что выглядело ужасно странным для него. Парень был самый спокойным человеком из всех, кого Люк знал.

— Они угрожают тем, что расформируют вас.

Холодный страх собрался в животе Люка, потому что это... это было худшее, что могло случиться с Дэмпси. После гибели Логана и Шона, они с Уайаттом заключили соглашение: насколько это будет в человеческих силах, они уберегут своих младших от любых неприятностей. Старшие из Дэмпси дергали за все доступные ниточки, гарантирующие, что все пятеро останутся вместе в ПО № 6. А, поскольку им так и не удалось убедить своих братьев и сестру, которые были теми еще занозами в заднице, не вступать в ряды пожарных, то сейчас главной задачей стала забота об их жизнях и здоровье.

Именно поэтому Люк не давал волю своим собственным амбициям. Потому что, как только он сдал бы экзамены на лейтенанта, его бы перевели в другое отделение.

А теперь этот тупоголовый бюрократ с пятого этажа мэрии считает, что его крестовый поход против ЧПД, против Дэмпси, поможет ему переизбраться. Это полная несправедливость, но как говаривал Шон: *“единственная справедливая вещь в жизни — это волосы на заднице норвежского альбиноса”*.

— Этого не произойдет, — наконец выдавил Люк.

Лицо Ларри стало таким же жестким, как скамейка, на которой уже онемели их задницы.

— Держи свой нрав под контролем, будь там самым очарованием и сотрудничай с девчонкой мэра.

Дверь комнаты, в которой проходило слушание, со свистом распахнулась, выплевывая детектива Дэниэла МакГинниса, как непереваренные объедки. Ларри положил руку на плечо Люка, успокаивая его, но это было не нужно. Гнев Люка нашел себе новую цель. Какое бы он ни чувствовал отвращение к Дэну, его гнев был сейчас полностью направлен на мэра Эли Купера и его твякающую болонку Кинси Тэйлор.

МакГиннис вышагивал в строгом костюме и ни капельки пота не скатилось по его лбу. Гладкий, как слизняк. Но Люк с удовольствием отметил, что следы от синяков у Дэна выглядели гораздо хуже, чем его собственные. Его когда-то близкий друг разумно держал рот на замке и смотрел только вперед, проходя мимо.

— Пожарный Алмэйда? — выкрикнул голос. — Вас готовы принять.

А он был готов к ним. Время надеть свою маску для игры и пройти через это. Он обеспечит хороший материал для пиар-принцессы.

Джимми Чу^[13] может поцеловать ее в задницу.

Кинси прислонилась к стене снаружи своего офиса и потерла ноющие ноги. Второй раз за неделю капризный старый лифт в здании мэрии вышел из строя, и она сочла это явным знаком, дающим возможность получить так необходимую ей тренировку после ужасно калорийного обеда с Джилиан Мэлоун, репортером из “Чикаго Трибьюн” (с “Кровавой Мэри” на десерт). Эндорфины, полученные на семидесятипроцентной распродаже демисезонной обуви в Чу на Нордстроме, состоявшейся неделю назад, давно выветрились. Эта дерьмовые туфли безумно натирала.

Звонкий смех донесся до ушей девушки. Ее ассистентка, Джози, работающая помощницей еще у двух сотрудников из отдела по связям с общественностью, была милой девушкой, проводившей все свое время на фейсбуке, когда думала, что Кинси этого не замечает. Теперь по звуку ее гортанного смеха было понятно, что она флиртовала с одним из штатных сотрудников, скорее всего с Калемом, который любил отираться рядом с админами, вместо того, чтобы работать над пресс-релизом о летней обучающей программе, отданном ей час назад.

Но Кинси не могла ошибиться еще больше.

Она замерла и остановилась перед стеклянными дверями в отдел Пресс-службы, когда увидела причину смеха Джози: Люк Алмэйда. Его широкая спина, одетая в угольно-черный костюм, сразу бросалась в глаза. Белая полоска над воротником создавала приятный контраст с коричневыми, цвета норки, вьющимися волосами, которые сегодня выглядели немного сырыми от влажности в воздухе, поднимающейся с плавящегося от июньской жары асфальта. Он словно невзначай присел на стол Джози и одна его мощная нога раскачивалась в воздухе вперед-назад.

Мощный. Именно это слово приходило на ум, когда Кинси видела Люка Алмэйда.

Джози вся трепетала, то откидываясь на спинку стула и показывая, как ее блузка натягивается и обрисовывает двадцатидвухлетний бюст, то наклоняясь вперед и предоставляя в непосредственное поле зрения Люка ложбинку между своими полушариями.

— Рики пять и он очень озорной, — говорила она. — Хотя, уверена, ты знаешь,

насколько ужасны мальчики в этом возрасте.

— Знаю по опыту, сам был таким, — пробормотал он.

Джози рассмеялась так громко, что рисковала лишиться легких.

— Если бы он не был моим племянником, я бы испытывала соблазн отречься от него, но временами он такой очаровашка.

Сильные пальцы Люка обхватили оловянную фоторамку в виде кота, в которой было милое фото двух племянниц и племянника Джози, словно подчеркивающее явное женское начало сидящей за столом девушки.

— Я вижу ты еще и любительница животных? — проговорил Люк, указывая на кучу фото с животными на ее столе.

— Да! — взвизгнула она. — Их любовь такая безусловная, верно?

— Это точно, — произнес он голосом, который Кинси сочла бы соблазнительным, если вам нравится подобное. Ей же это точно не нравилось.

В последнее время Кинси чувствовала себя немного задетой тем, что флирт и отношения вокруг имели наглость продолжаться без нее. Не то, чтобы ее разбитое долго-и-счастливо с Дэвидом должно было стать причиной, по которой вся любовь в мире остановилась бы, но ее уже достало то, что она на каждом шагу сталкивалась со счастьем других людей.

Затолкав свои обиды обратно, она вошла в офис и прочистила горло, как в том клише, которым обычно прерывают сцены. Кинси поставила большое фраппучино^[14] на стол Джози.

— Кое-что для поднятия настроения на вторую половину дня, — не то, чтобы девушка нуждалась в этом, она, казалось, и сама хорошо со всем справлялась.

— О, спасибо, Кинси, — сказала Джози с виноватым румянцем, окрасившим ее щеки.

Люк даже не шевельнулся, только поднял свои поразительные голубые глаза на Кинси. В них отражалось одно лишь презрение. Словно она была дешевкой.

— Нам нужно поговорить, мисс Тэйлор.

То, как он произнес ее имя только подтверждало не слишком радужные чувства мужчины по отношению к ней, но за этим последовало нечто неожиданное. Конечно же, все было только плодом ее воображения, но девушке показалось, что она увидела проблеск одобрения, когда он скользнул взглядом по ее ногам, затем задержался на бедрах, и вспышку возбуждения, когда его пристальный взгляд, словно поцелуй, коснулся груди. Возможно, в следующий раз ей следует удостоить Джози вэнти [3] за предварительный разогрев Люка.

Вернув себя на землю, Кинси посмотрела мимо него на свою помощницу.

— Что там в моем расписании на вторую половину дня, Джози?

— Вы свободны следующие полчаса, — вклинился Люк в разговор, выпрямляясь в полный рост. Во всем свои шесть футов и четыре дюйма^[15]. Его костюм немного помялся от жары. А сине-серебристый полосатый галстук был ослаблен до такой степени, что с тем же успехом мужчина мог бы и вовсе снять его. На белоснежной рубашке все еще виднелись складки только что распакованной вещи. Купил специально для состоявшегося этим утром слушания, предположила девушка. Казалось, что ему неуютно в костюме. Тело мужчины боролось с ограничениями этого предмета гардероба, а ее мозг наполнился изображениями того, как он срывает его со своего мускулистого, соблазнительного торса, едва вернувшись домой.

Сейчас взору было открыто меньше его кожи, чем когда они встретились в первый раз,

но то, что Кинси видела, было так же соблазнительно. Гладкое блестящее какао, которое выглядело достаточно хорошо, чтобы его попробовать. В файле Люка не было указано его этнической принадлежности, но она подслушала, как две ветреные стажерки сплетничали вчера в туалете о его кубинско-ирландских корнях.

Если быть честной, то пускали по ним слюни.

Без приглашения мужчина направился прямо к ней в офис, преодолевая ковер широкими шагами своих длинных мускулистых ног. Джози приподняла бровь, но Кинси проигнорировала ее. Сейчас было не время для девчачьего обсуждения.

Она пошла следом за ним и заперла дверь, что прозвучало оглушительным щелчком, громким и окончательным. Засунув руки в карманы, Люк застыл у окна, глядя на оживленную улицу Лупа^[16].

— Я ожидал, что вид будет лучше, — произнес он, не оборачиваясь.

— Из офиса мэра, этажом выше, вид открывается лучше, — ей нужно было облегчить непосильное напряжение, которое девушка внезапно почувствовала в своих ногах, но она уж точно не хотела быть той, кто присядет первой, особенно когда он осматривал окрестности с королевским видом. Расплата за равноправие полов двадцать первого века.

— Не желаете присесть, мистер Алмэйда?

Он повернулся и прислонился к окну, одарив ее суровым взглядом и вымученной улыбкой.

— Думаю, время покончить с формальностями. В конце концов, мы вместе будем тесно сотрудничать.

Кинси кивнула.

— Полагаю, ваше слушание прошло хорошо...

— Люк.

От этого простого слова, сказанного самым хриплым и сексуальными тоном, который она когда-либо слышала, в животе разлилось тепло.

— Люк, — проговорила девушка, раздраженная тем, что это звучало так, будто она задыхается.

— Оно прошло так хорошо, как и ожидалось, учитывая обстоятельства. Я должен поговорить с психологом ЧПД и разработать рекламный план с вами. Очевидно, вы будете решать, когда я смогу вернуться к выполнению своих рабочих обязанностей.

Кинси испытала шок от его неприятных новостей.

— Зачем бы мне что-то решать? Мне просто нужно сотрудничать с тобой, чтобы выставить ПО № 6 в лучшем свете.

Мужчина рассмеялся, коротко и горько.

— Я известен тем, что не очень-то хорошо срабатываюсь с другими, мисс Тэйлор. А есть некоторые люди, которым не нравлюсь я или моя семья, и которые используют любой предлог, чтобы усложнить нашу жизнь.

Она была все еще "мисс Тэйлор". Здесь и не пахло доверием, за исключением его предложения покончить с формальностями. Люк полагал, что она была частью какого-то заговора по уничтожению его семьи, что вызывало тревогу. Не то, что здесь действительно был какой-то заговор, а то, что он так думал.

Склонный к насилию и параноик. Она бы позволила психологу ЧПД разобраться с ним.

— Моя работа заключается в том, чтобы показать насколько важным источником жизненной силы является Чикагская пожарная часть для этого великого города....

— Звучит так, будто вы зачитываете из пресс-релиза.

Кинси с трудом сглотнула. Это не звучало так. Профессионал пиарщик быстро учится выбирать сдержанные высказывания, однако она начала понимать, что защита своего тела в непосредственной близости от Люка Алмэйда была настоящим вызовом.

Стараясь, чтобы ее руки двигались медленно, она просмотрела кучу папок на столе, пока не нашла ту, которая была ей нужна. Девушка извлекла из нее многостраничный документ. Ее идеи по реабилитации репутации ПО № 6.

— Итак, думаю, мы можем провести день открытых дверей. Дети смогут посетить пожарное отделение, забраться на пожарную машину, конечно, под присмотром, пообщаться с живыми героями.

Люк обогнул стол и склонился рядом с ней. Действие, которое натянуло брючную ткань на его бедра. *Его мощных бедрах.* Чистый мужской запах с намеком на... дым, наверное, просочился в ее кровь. *Боже, он пах просто невероятно.*

Она моргнула и вернулась к списку.

— Мы могли бы организовать барбекю и установить надувной дом...

— Надувной дом?

Кинси изучала его, глядя из-под ресниц.

— Да, знаешь, надувной дом. Мои племянницы любят надувные дома.

Зачем она упомянула про своих племянниц? Ну и что, что у Джози были племянницы и что Люк провел пару минут, глядя на ту фотографию и, проклятье, сейчас ей не надо никому ничего доказывать.

Соперничество не слишком женственно, Кинси.

О, заткнись, Дэвид.

— Надувной дом, — повторил он в изумлении, словно вся его жизнь была подготовкой к этому моменту и сейчас мужчина не мог поверить в свою паршивую “удачу”.

Девушка подавила улыбку на губах.

— Я думаю, что твоя работа с приемными детьми, также станет отличным проходом. Я сегодня обедала с репортером из Трибью, и она хотела бы увидеть другую сторону Люка Алмэйда. Ту, которой гордились бы его приемный отец и брат.

Он резанул ее взглядом и она прочувствовала это до кончиков своих идеально наманикюренных пальчиков.

— Дети не будут вовлечены в это. Я не хочу, чтобы их использовали для того, чтобы выставить меня или ЧПД, или вашего проклятого мэра в лучшем свете.

В то время, когда нельзя было предсказать, как воспримут это избиратели, обездоленные дети с грустными глазами, играющие в софтбол с пожарными, были самым выигрышным вариантом из всех.

— Это был бы действительно самый легкий путь...

— Этого не случится, Кинси, — он забрал список у нее из одной руки, а ручку — из другой, и жирно зачеркнул этот пункт.

Кинси не была готова совсем отказаться от этой идеи, особенно теперь, когда он назвал ее по имени. Они наконец-то куда-то сдвинулись, хоть она и не была точно уверена, куда именно. И было ли это тем местом, куда девушка хотела бы попасть.

Она попыталась сменить тактику.

— Работники ЧПД и, в особенности, ПО № 6 активно участвуют в общественных делах города, начиная с их великой службы и общедоступного образования, и заканчивая

волонтерской работой и благотворительными акциями. Нашей кампании нужно сконцентрироваться на этих достижениях, так мы сможем свести к минимуму негатив. Может быть, даже, вообще стереть его.

Положив список на ее стол, Люк посмотрел на нее так, что Кинси начала сильно нервничать.

— Когда этот “негатив” запечатлен на камеру и выложен на YouTube, сладкая, есть очень мало шансов на то, чтобы удалить запись. Она там уже навсегда.

— По правде...

— К тому же, в нашем обществе есть место такому *негативу*, как ты называешь его. Как правило, мужчины направляют свой гнев по узаконенным путям проявления насилия: армия, спорт, благотворительный матч по боксу между пожарными и полицией. Когда же это не законно, вот тогда появляется проблема. Но, Кинси, если бы у меня был шанс все повторить, я бы все равно выбил дерьмо из МакГинниса и принял свое наказание.

В ответ на всю эту страстность и убежденность бабочки в ее животе просто взбесились. После столь долгой работы с постоянно сдерживающимися политиками, это было... освежающе.

Он провел своей большой рукой по краю стола в считанных дюймах от ее бедра, плотно обтянутого кремовой юбкой. Мгновенно загипнотизированной этими сильными пальцами Кинси пришлось потрудиться, чтобы вернуться обратно в реальность.

— Ты говоришь мне, что мужчины в силу принадлежности своему полу вынуждены выбирать насилие в качестве первого средства решения проблем?

— Отчасти. Это удовлетворяет наше чувство справедливости, заставляет нас чувствовать себя хорошо и всегда повышает наши шансы с женщинами.

Он приподнял бровь, ожидая смеха с ее стороны. В какой-то момент она хотела рассмеяться, но потом решила спустить на тормоза аргументы Люка Алмэйда в пользу направления своего внутреннего Истинного Бойца.

— Это не улучшит ваши шансы со *всеми* женщинами.

Минуту он обдумывал это.

— Нет, всегда будут те, кто сделают вид, что их не возбуждает мысль о мужчине, который может защитить себя и обеспечить безопасность своей женщины. Обычно, это те же женщины, которые одевают сексуальные каблуки, подчеркивающие их стройные ноги, или расстегивают верхнюю пуговицу блузки, намекая на красоту и округлость груди, а затем хмурятся, когда парень заглядывается на них.

В довершение своим словам, взгляд мужчины упал на вырез ее блузки (верхняя пуговичка *не* расстегнута, но вырез достаточно глубокий и показывает достаточно) и проследовал вниз. От интенсивности этого действия девушку захлестнуло возбуждение.

Кинси знала, что хорошо выглядела, а от такой жаркой оценки, почувствовала себя еще лучше. Как много времени прошло с тех пор, как мужчина смотрел на нее с таким откровенным интересом? Дэвид перестал смотреть на нее, по-настоящему смотреть, очень давно.

— Ты — одна из таких женщин, мисс Тэйлор? Из тех, кто демонстрирует свои великолепные формы, а затем скрывается за электрическим забором феминизма, оставляя животное снаружи?

Животное. Это слово вывело ее из задумчивости. Девушка никогда не считала себя воинствующей феминисткой, но ей не нужно было иметь степень по исследованиям,

проводимым женщинами, чтобы определить, к какому типу принадлежит Люк Алмэйда. Он был альфа-самцом, парнем, который обращался к насилию для решения своих проблем, мужчиной, который выглядел так, будто костюм, работа, или женщина никогда не смогут удержать его. Ей нужно было выкинуть из головы все мысли и сосредоточиться на своей задаче.

Операция по Очистке Репутации ЧПД. Не позволяй Люку Алмэйда Отвлекать Тебя.

Первая часть обеспечит ей контроль. А что касается второй...

— Думаю мы отвлеклись от дела, мистер Алмэйда.

— Люк, — тепло, сексуально, соблазнительно. О Боже!

Во рту у Кинси стало так сухо, будто там оказались золотые пески Бейкер Бич^[17], а в чувствительном месте между бедрами все было наоборот. Она вытерла липкие руки об юбку. Движение ладоней вниз по бедрам снова притянуло его взгляд к ее наполненному жаром телу. Каждая клеточка была в огне.

Может, ей следует позвонить в ЧПД.

— Люк, — проговорила девушка и ей слишком сильно понравилось, как его имя звучало на ее губах. — Давай начнем с идеи дня открытых дверей и от нее будем отталкиваться. Я удостоверюсь, что у нас будет освещение в прессе, и достаточно влияния на важных городских шишек, чтобы получить все необходимые разрешения.

— И приемные дети не будут задействованы?

На данный момент.

— Тогда нам надо будет добавить что-то еще, — она помолчала так, словно ей надо было подумать. — Может быть, календарь.

Холодная линия его рта контрастировала с горячей вспышкой раздражения в глазах.

— Ты говорила об этом серьезно?

— Серьезнее, чем сердечный приступ. Я провела в офисе некоторые неформальные исследования. Идея календаря с “Мужчинами на Пожаре” была очень популярна, даже среди парней.

Он фыркнул.

Воодушевившись, Кинси продолжила:

— Организация общественного мероприятия займет некоторое время, но, думаю, фотосессия с героями из ПО № 6 может быть проведена довольно быстро, — черт, да она сможет продавать билеты. В ту минуту, как слух об этом “диком пожаре” разнесется по мэрии, она знала, что у нее появится куча новых друзей, которые захотят попасть на это сексуальное действо.

Выпрямившись, она сделала шаг назад, в безопасный профессионализм. Возвращение на твердую почву работы, в которой она была чертовски хороша, было лучшим способом, который она знала, чтобы сконцентрироваться. Но стоило признать, что его высокая оценка ее, как женщины, заставила девушку почувствовать себя всемогущей.

— Мне нужно подготовиться к следующей встрече. Большое спасибо, что зашел.

— И спасибо, что выслушала меня, — насмешливая улыбка в уголке его рта была, вероятно, единственным признанием того, что этот раунд остался за ней, календарь оказался выстрелом наповал, и, что более важно, он не возражал. Ух ты, насколько это было сексуально? Твердолобому Люку Алмэйда удалось удивить ее.

Он поднял свое большое тело с ее стола и плавно пошел к двери, затем повернулся, дойдя до нее.

— Твоя помощница...?

— Джози?

— Джози. Она с кем-нибудь встречается?

Ее сердце подпрыгнуло к горлу.

— Нет, насколько я знаю.

Утверждение о том, что ее ускорившийся пульс был исключительной реакцией на весь полученный сегодня кофеин, она унесет с собой в могилу. Как раз, когда ее чувства к нему зашли на теплую неопределенную территорию.

Очко в пользу мистера Алмэйда.

Он кивнул и уже собирался выйти, но она еще с ним не закончила.

— Когда твой день рождения, Люк?

Повернувшись к ней лицом, он пронзил ее взглядом своих глаз цвета электрик, сейчас подозрительно прищуренных.

— В июле.

Как бы Кинси не старалась, ей не удалось скрыть улыбку.

— Мистер Июль — отлично звучит, как думаешь?

На этом девушка быстро отвернулась, чтобы сохранить свою власть со сказанным последним словом и наклонилась над столом, чтобы взять, ох, степлер, который был всего в паре дюймов от зоны досягаемости. Она могла почувствовать его пронзительный взгляд, направленный на ее задницу, обтянутую узкой юбкой. Возможно, дешевое удовольствие, но учитывая, в каком состоянии была ее сексуальная жизнь, она получала удовольствие там, где могла.

Только услышав, как закрылась дверь позади нее, она выдохнула, даже не заметив, что задерживала дыхание.

— Здесь потрясающий шеф, Кинси. Он сразит тебя наповал.

Она не сомневалась. В Сан-Франциско хоть и была своя процветающая культура питания, но Чикаго с легкостью его обставит своими кулинарными возможностями. Начиная с толстой пиццы^[18] и пирогов, и заканчивая пятизвездочным дегустационным меню и молекулярной кухней^[19], вы могли бы питаться в выдающемся ресторане каждый вечер в неделю в течение года, и все равно не испробовали бы все вкусности.

Кинси пыталась представить, как крепкое, подтянутое тело обедающего с ней мужчины могло выдержать ежедневную атаку жиров, углеводов и сахара. Очевидно, очень хорошо, учитывая, что Эли "Горячий парень" Купер — как говорили о своем преступно привлекательном мэре жительницы Чикаго — обычно пробегал шесть миль^[20] до работы и обратно, вместо того, чтобы воспользоваться машиной, что его предшественник считал за должное. Каждое утро Кинси проверяла страничку на Фейсбуке и находила фотографии того, как мэр даёт пять другим бегунам во время пробежки по набережной вдоль озера, возле фешенебельных улиц Линкольн Парка. Временами он брал "лексус", чтобы радушно поприветствовать пассажиров, пока сам провозглашал ЧА^[21] лучшей транзитной системой страны. Что было далеко от правды, но число пассажиров стремительно росло, оттого, что обнадеженные женщины соперничали за право соприкоснуться плечами (и другими частями тела) с самым завидным холостяком в восточном Миссисипи.

— Хорошо, мистер мэр...

— Кинси, я же говорил тебе называть меня Эли. Это предыдущий парень был мистером мэром.

— Эли, — сказала она, все еще чувствуя дискомфорт от такой неформальности. После работы на руководителя департамента и многочисленных важных персон в Сан-Франциско, после получения степени по связям с общественностью в Беркли, Кинси смущал раскованный стиль ее нового босса. Для него было нормальным заявиться прямо к ней в кабинет, минуя ее помощницу. И прислать ей смс до начала рабочего дня в восемь утра, тоже было в порядке вещей. Он звонил, когда хотел, включая сегодняшнее "пора вставать" в пять утра, чтобы придумать, как завоевать сердца и умы чикагских библиотекарей. За последние месяцы те протащили его задницу по горящим углям из-за угрозы сокращения финансирования.

— Капкейки^[22] с глазировкой в виде кошачьей мордочки, Кинси. Эти книжные черви любят капкейки и кошек.

Трудно сказать, почему мэр в последнее время одарил особым вниманием именно ее. Работая в подчинении двух других сотрудников Пресс-службы — Джона Хернандеса, известного также как "Джон Любитель Порно", и Марка Бейкера, выше ее по должности и младше по возрасту, — Кинси обычно не пересекалась с Эли. Вступив на должность в феврале, она целыми днями работала над пресс-релизами о городских парковках или популярной системе проката велосипедов Дивви^[23]. Раздутая реклама. Жизнеутверждающие статьи. Но все изменилось несколько недель назад, когда на утренних собраниях мэр стал настойчиво интересоваться ее мнением. Эта стычка между поржарными и полицейскими стала первым значительным проектом, предоставленным ей за четыре месяца работы на

этом месте.

Этим вечером он пригласил ее на поздний обед в "Смит & Джонс", новое ультрамодное дополнение к серии ресторанов в западном Лупе. Кинси согласилась, надеясь, что Эли руководствовался только деловым интересом, потому что, хоть она и могла бы откусить от него кусочек, но спать с боссом было явно не ее вариантом. В любом случае, этот мужчина использовал слишком много средств для укладки волос.

Перед ними появилась тарелка, наполненная мясными деликатесами.

— Отменные колбаски мергез из ягненка^[24], куриные сосиски с острым чеддером и колбаса с фенхелем. Compliment от шефа, — проговорил небрежно их официант-гот, с выработанным безразличием в голосе.

Оглянувшись через плечо, Эли отсалютовал одним пальцем в сторону кухни, приветствуя шефа в белой рубашке, дежурившего в проходе. Из-за его толстых, покрытых татуировками рук, скрещенных на бочкообразной груди, шеф производил впечатление человека, у которого имеются рецепты "приготовления" не только еды, но и людей. Холодно кивнув, он развернулся и исчез в своем кулинарном святилище.

— Вы очаровываете всех, с кем не можете работать? — поддразнила Кинси.

— У нас колбаски, которые он предоставил по собственному желанию, не так ли? — Эли намазал мясную колбаску в оболочке толстым слоем молотой горчицы и откусил. Немного жира брызнуло на его французскую голубую рубашку и подтяжки, пересекающие одно из его широких плеч. Да, мэр носил подтяжки.

— Я давно знаком с шефом Брейди Смитом, — сказал он, пережевывая. — Служили вместе в Афганистане. — Он медленно подвинул к ней тарелку с мясом.

— Нет, спасибо. Я — вегетарианка.

Она вполне могла и его попросить перейти на овощи, если бы не легкий намек на отвращение, с которым он нахмурил лоб, но быстро оправился и привлек внимание официанта.

— Ты ешь сыр, Кинси?

— Как безумная.

— Принесите ей козий сыр и клецки из сахарной кукурузы, — сказал мэр их официанту, — а я возьму антрекот средней прожарки.

Что ж, это было неожиданно продуманным заказом, даже скорее своевольным. Совсем не так, как поступал ее бывший жених, который в действительности так и не смирился с ее вегетарианством и обычно брал ее с собой в "Стейк хаус"^[25], где все доступные ей блюда ограничивались скудным меню салатов. Сейчас удивительно думать о том, как она спускала ему все скрытые насмешки над ее жизненным выбором. Как она находила ему оправдания и позволяла быть главным в их отношениях, потому что его это было огромным, как земной шар.

А затем он оскорбил ее в высшей степени. Она переехала сюда. Из-за него.

Влюбленной женщине не должно быть позволено совершать поступки, которые изменят ее жизнь, руководствуясь желаниями своего жениха, который считает, что его карьера важнее, чем ее. Кинси оставила позади свою семью, друзей, и великолепную работу в Сан-Франциско ради мужчины, который оказался настолько мягкотелым, что ему требовались подпорки, чтобы оставаться в строю. Не то, чтобы ее новая работа не была достойной, она была, но девушка так и не смогла проглотить горечь от компромисса.

Она думала, что они были золотой парой. Красивый кардиохирург и ушлая

специалистка по рекламе — пара, достойная страниц глянцевого журнала об образе жизни. Так может быть, она проводила больше времени, организовывая вечеринки, чтобы угодить коллегам Дэвида, чем наслаждаясь плодами их энергичного партнерства. И может быть, секс сошел почти на нет в последний год их отношений, но переезд в Чикаго через год после того, как его назначали заведующим кардио-хирургического отделения Северо-Западного Медицинского центра, должен был это исправить. После всех его жалоб на недостаточную поддержку с ее стороны и эгоистичного внимания только к собственной карьере, он казался таким довольным, когда Кинси сказала, что нашла работу в Чикаго.

Но через два месяца после переезда через всю страну, и менее чем за три недели до их майской свадьбы, крысеныш бросил ее ради нежной "женственной" медсестры с достаточно широкими плечами, чтобы удерживать на них его хрупкое эго. Десять лет вместе и — пуф! — все закончилось. Такая замена соответствовала его потребностям, как объяснил Дэвид своим рассудительным тоном. Она не всегда хотела участвовать в играх за власть и не стремилась перещегоолять других. Она получила его. Мужчина с его положением просто хотел приходить домой и получать двойную порцию Лагавулин [\[26\]](#), а не уставшую женщину или, еще хуже, пустой дом и никакого ужина на столе, потому что Кинси занята на рабочем мероприятии.

Ох, жаль, что она не добралась со ржавой ложкой до его яиц. Посмотрела бы, каким рассудительным он был тогда.

Отложив свой гнев на потом, когда она сможет выместить его на Черри Гарсиа, Кинси подняла глаза и обнаружила, что мэр, нахмурившись уставился в одну точку в конце набитого битком бара. Или точнее, на темноволосую амазонку с копной кудряшек, с красными прядками в ней, и недовольным выражением лица, которое она использовала на... ну и ну, если это не Гейдж "Мальш Тор" Симпсон.

Гейдж воодушевленно размахивал руками, объясняя что-то действительно важное. С каждым преувеличенно драматическим жестом, брови женщины поднимались все выше в скептицизме, пока, под конец, он с раздражением не потряс ее за плечи и она не рассмеялась. Легкость в их отношениях и очевидная привязанность излучалась ими даже с такого расстояния. И она принесет свою "мясную девственность" в жертву отменным колбаскам, если эти двое не состоят в родстве.

— Вы знакомы с Гейджем Симпсоном? — спросила она Эли, который до сих пор был приклеен к парочке в баре.

— С кем?

— Это Гейдж Симпсон, один из Дэмпси. И если я не ошибаюсь, женщина рядом с ним его сестра, Александра.

— Расскажите мне, как все прошло с Алмэйда, — в тоне мэра появились раздражительные нотки, когда он оторвал взгляд от Дэмпси, или, если быть более точной, от Александры. Интересно.

— Не о чем беспокоиться. Реабилитационная машина запущена.

— Сэм Кокрэйн устроил из-за этого шума больше, чем я ожидал, — сказал Эли, с достаточной долей усталости в голосе. — Он на стороне полиции.

Один из крупнейших спонсоров кампании мэра, чикагский барон, владеющий чуть ли не всей недвижимостью, медиамагнат, и подражающий Трампу — миллиардер Сэм Кокрэйн, владеющий Трикаго Трибьюн. Его газета с резкой передовой статьей о том видео облетела город, и с тех пор мэру поступали постоянные звонки с призывами разобраться с

виновными. Кокрэйн также ясно выразил свои намерения, что не окажет ни своей поддержки, ни финансовой помощи Эли на следующих выборах, если тот не замнет все, что касается этого скандала.

— Не важно, чем это закончится, он выйдет победителем, — сказала Кинси, заведомо зная, как действуют акулы вроде Кокрэйна. — Сообщения о плохом поведении государственных служащих позволяют ему читать наставления, пока сам он продает больше газет и усиливает свое давление на тебя.

— У тебя не заняло много времени, чтобы разобраться в текущей ситуации, — криво усмехнулся Эли. — Однако, здесь не все так просто. У Кокрэйна своя история с Дэмпси. Перед тем, как поссориться, они с Шоном Дэмпси были совладельцами одного бара. Теперь его дочь, Дарси, снюхалась с Бэком Риверой.

Сводный брат Дэмпси, с которым Кинси еще не встречалась. Все интереснее и интереснее.

— Дай угадаю? Он и пожарный Ривера на ножах.

— Именно. Дарси милый ребенок, хотя, и у Риверы отличный хук слева. Потрясающий боксер. Я поставил на него и выиграл кучу денег во время последней Битвы Значков.

Чудесно, еще один Дэмпси со склонностью к насилию.

— Итак, Алмэйда и МакГиннис, — подсказал мэр. — Что скажешь?

— Очевидно драка завязалась из-за Александры Дэмпси. Она проходит шестимесячный испытательный срок на должности пожарного в ПО № 6. В ее отчете сказано, что МакГиннис напился и стал приставать к посетительницам, включая и ее, но у меня такое чувство, что там есть что-то еще, — тот многозначительный взгляд, которым Люк обменялся со своими братьями, говорит о том, что это "что-то еще" глубоко похоронено под айсбергом молчания.

Мистер мэр... Эли... вздохнул.

— Шерше ля фам. Там где есть проблема, ищите чертову женщину, — его взгляд скользнул в бар к Александре и вернулся назад, погруженный в раздумья. — И спаси Господи нас от женщин, которые думают, что могут выполнять ту же работу, что и мужчины. И худшие из них — это женщины пожарные.

Каждый волосок на шее Кинси поднялся от возмущения.

— Как предусмотрительно с твоей стороны, Эли, уверена, что твои многочисленные избирательницы с удовольствием послушали бы это.

— Успокойся. Все, что касается равноправия полов, — это хорошо и правильно, Кинси, но просто есть некоторые профессии, для которых женщина не подходит.

Ее пульс ускорился и ей пришлось приложить усилия, чтобы оставаться спокойной. Не единожды Кинси сталкивалась с тем, что из-за наличия вагины ее сбрасывали со счетов, но всегда находился какой-то болван, который верит в то, что "стеклянный потолок" [\[27\]](#) нужно еще больше снизить вместо того, чтобы разбить.

— Напомни мне еще раз, как ты был избран?

Он ухмыльнулся, и ямочка исполнила квикстеп на его поросшей щетиной щеке. Вот как. Кинси иногда не могла понять, действительно ли он наполовину верил в тот бред, который нес, или же просто испытывал пределы преданности подчиненных. Пожалуй, это было уникальной особенностью всех чикагских мужчин. Люк Алмэйда, безусловно, получал удовольствие, нажимая на ее кнопки. *Держу пари, он был хорош в нажимании всех кнопок.*

— Я обещал жестко реагировать на беспорядки, сократить расходы и не заниматься

ерундой, — сказал Эли, как будто ее вопрос не был риторическим. Как и все политики, он любил перечислять свои достоинства. — С тех пор, как меня избрали, Уайт Сокс^[28] снова утвердились в Мировой серии по бейсболу^[29] и Черные Ястребы^[30] дважды за три года выиграли Кубок.

— А как же тот год, когда они проиграли?

— Меня не было в городе во время плей-оффа^[31]. И несмотря на то, что я хорош, даже мне не под силу снять проклятие с Билли Гоуга, чтобы помочь выиграть Чемпионат, — на его губах появилась самонадеянная улыбка. — Я рад сказать, что женщины — мои самые сильные сторонники. Им нравится то, что они видят.

К черту формальности.

— Боже, ну ты и задница... О, привет!

Гейдж Симпсон материализовался у их столика как ухмыляющийся золотой бог.

— Мисс Тейлор, странно видеть вас здесь. Конечно, с такими связям вы можете получить лучшие столики. С моими же дальше бара не пройдешь.

— Познакомьтесь с моими связями, — произнесла Кинси, указывая на Эли, который протянул руку, желая привлечь еще одного избирателя, даже если он был одним из тех раздражающих Дэмпси. — Мэр Купер, Гейдж Симпсон, один из наших непревзойденных пожарных из ПО № 6.

Гейдж пожал предложенную руку.

— Мистер мэр. Приятно познакомиться, — Кинси заметила, что последнее слово Гейдж произнес с придыханием. Очевидно воспользовался случаем пофлиртовать.

Он повернулся к женщине, стоявшей позади него.

— Это моя сестра, Алекс Дэмпси. Алекс, это Кинси Тейлор и, конечно, ты узнала мэра благодаря его бесчисленным выступлениям по телевизору.

Улыбка Алекс была мимолетной и в тоже время приветливой, но выглядела она более сдержанной, чем ее братец. Свое превосходно сложенное, аппетитное тело пловчихи она одела в красные ковбойские сапоги, потертые джинсы и футболку с надписью "Гэндальф^[32] Ненавидит Янкис". Она сразу понравилась Кинси.

— Ну, как вам закуски? — Спросил Гейдж, беззастенчиво разглядывая мясное разнообразие. — Я умираю, так хочется попробовать ресторанные блюда, но мы ограничены меню бара.

— Мы не дошли до них. Мэр знаком с шеф-поваром, — Кинси пожала плечами, типа "ну, конечно", и указала на тарелку с протеинами. — Колбаски?

— Никогда не могу отказать колбаскам, — сказал Гейдж, заговорщицки подмигнув. Алекс улыбнулась шутке брата, но выражение лица Эли было холодным... со взглядом, сверлившим красотку.

— Итак, мисс Дэмпси, или я должен сказать Елена Троянская? — выпалил он.

Улыбка Алекс дрогнула.

— Простите?

— Елена Троянская была красавицей, из-за которой в войне участвовали тысяча кораблей^[33], и она запомнилась тем, что стала причиной войны, затянувшейся на десятки лет. После того, что произошло на прошлой неделе, может мне стоит обращаться к вам, как "красавица, из-за которой в войне участвовали тысяча кулаков"? Из-за вас произошла неофициальная Битва Значков в баре вашего брата, не так ли?

Кинси сжала кулаки под столом оттого, что руки чесались стукнуть своего начальника, но это скомпрометировало бы его на публике. Она отыграется на нем позже.

— Я могу сама за себя постоять, — сказала Алекс, дерзко удерживая взгляд Эли своими поразительными зелеными глазами, — Но моих братьев воспитывали не проявлять неуважения к женщинам. Или не допускать такого от других.

— Как я все-таки и думал, женщина, с воспитанием подобным вашему, должна быть более привычна к грубому обращению в исключительно мужском обществе, и не нуждаться в том, чтобы за нее заступались братья, — признал Эли с интересом. — Иногда я удивляюсь, как это закономерно.

Алекс ошетибилась, так же как и Кинси. Даже Гейдж, который с момента знакомства был сама любезность, выглядел раздраженным.

Умы и души, мистер мэр. Умы и души.

— Что закономерно? — Спросила Алекс, и хотя Кинси познакомилась с ней только этим вечером, она могла бы сказать, что голос девушки от злости поднялся на октаву выше, чем обычно. Кинси подозревала, что он может подняться еще выше, когда босс закончит.

— Женщины пожарные.

Ну вот, приехали.

— Я знаю, что мы снизили требования, предъявляемые к физическим данным, чтобы привлечь больше женщин в эту профессию, — продолжал Эли, — но не уверен, что это положительно влияет на работу пожарных. Особенно, когда случаются такие вот беспорядки и появляются газетные заголовки о потасовках.

— Мистер мэр, — предупредила Кинси.

— Кинси, я же сказал тебе звать меня Эли, — он обратил свой волевой подбородок опять к Алекс, которая выглядела так, будто под ее ногами разверзлась сточная канава, и вонь из нее только что ударила ей в нос. — Те же доводы приводились и для женщин в боевых действиях, и вот вам результат, я подозревал, что мы поплатимся за это. Когда жизни под угрозой, женщины являются сильным отвлекающим фактором.

— Вы придерживаетесь того же мнения относительно геев в армии или в ЧПД, мистер мэр? — Вмешался Гейдж, подчеркивая каждое слово. — Вы не беспокоитесь, что гомосексуалист сможет так отвлечься на горячую задницу одного из своих товарищей пожарных, что забудет вытащить вашу маленькую старенькую бабулю из горящего здания?

Эли встретил пристальный взгляд Гейджа.

— У меня нет проблем с геями в армии или в моей пожарной части. Если быть честным, это также напряженный вопрос, — если речь идет о моей заднице, то я хотел бы нанять человека, который работая на меня, сможет справиться с физическими аспектами. Женщина в данном окружении затрудняет работу.

Кинси почти видела, как Алекс ведет в голове обратный отсчет с десяти. После долгого молчания, она выдала ответ сквозь сжатые зубы:

— Что ж, хорошо, что решение принимаете не вы, мистер мэр, однако я буду счастлива выступить против вас в следующем году, если вы решите собрать на своей платформе партию "Патриархальных женоненавистников-мудаков".

Мертвая тишина повисла над компанией, настолько плотная напряженная атмосфера, что даже ножами для стейков, лежащим на столе, трудно было бы ее разрезать. Хотя судя по блеску в глазах Алекс эти лезвия могли найти более насущное применение. Спустя пару неловких минут, Эли разрушил тишину улыбкой, которая обычно заставляла избирателей

падать в обморок от желанья.

— Хорошо сказано, мисс Дэмпси, — он обратил свое внимание обратно на Гейджа. — Хотите встретиться с шеф-поваром? Как упоминала Кинси, он мой друг.

Гейдж уставился на Эли, вероятно пытаюсь разобраться в нем. Хотел ли он встретиться с шефом достаточно сильно, чтобы принять одолжение от человека, который только что неуважительно отозвался о карьере и амбициях его сестры? Искося поглядывая на Алекс, он, казалось, ждал пока она не послала ему разрешающую улыбку. Резкий укол в груди Кинси очень хорошо напомнил ей, как сильно она скучала по своим собственным братьям.

— Если это не будет слишком затруднительно, — легко сказал Гейдж.

Повернувшись своим длинным телом на стуле, Эли встал, демонстрируя во всей красе свою беззастенчивую мужественность. Мужчина был голубой мечтой для СМИ. Если бы только не использовал так много геля для волос, или если бы вытравил все политически некорректные мысли из своей головы.

— А ты, Александра? — поинтересовался он. — Ты поклонница повара?

Ее щеки залились румянцем, только трудно было сказать, было ли это из-за того, что Эли фамильярно назвал ее по имени, или из-за его очевидного предложения перемирия.

— Я никому не поклоняюсь, мистер мэр, — тихо проговорила она. И на этот раз пространство между ними наполнило напряжение уже другого рода.

Взволнованно Алекс первой отвела взгляд, и Эли с Гейджем ушли в сторону кухни.

— Хотите присесть? — спросила Кинси у Алекс. — Может это поможет вам пробраться в мысли динозавра, который только что сидел на этом месте?

С хриплым смешком, Алекс села и взяла нож Эли для стейка, задумчиво его поворачивая. *О, да, она похоже тоже думала об этом в течение их перепалки.*

— Он не сказал ничего такого, чего я бы не слышала уже миллионы раз. При моей профессии, есть множество скептиков, которые ненавидят идею того, что женщина осмелилась подумать, будто может сделать работу, которая традиционно считается мужской.

— Даже ваши братья?

Алекс печально улыбнулась.

— Они знают, как много значит для меня, чтобы ко мне относились так же, как и к любому другому, но они ничего не могут поделать с желанием защитить меня. Это больше их братский инстинкт, чем что-либо другое, — она испустила вздох, подобный тому, что и миллионы женщин до нее, — или, по крайней мере, я предпочитаю видеть это так.

— Я знаю, что вы имеете ввиду. У меня у самой три брата.

Алекс подняла подбородок и ее удивительные зеленые глаза потеплели от взгляда, который могла понять только такая же страдающая сестра.

— Итак, чему же трое братьев научили вас в отношении того, как обращаться с упрямыми мужчинами?

— Достаточно, чтобы знать, что я могу справиться и с моим боссом, и с вашим братом даже с одной рукой привязанной за спину.

Это вызвало удивленный смех Алекс, который смолк так же быстро, как и начался.

— Люк — хороший парень. Я знаю, что вам нужно делать свою работу, но, может, вы и мэр должны дать ему небольшое послабление.

— А может вам стоит рассказать мне, что происходит между вашим братом и детективом МакГиннисом.

Ранее открытое выражение лица Алекс стало непроницаемым, и Кинси поняла, что этим вечером не сможет вытащить из девушки никаких семейных тайн Дэмпси. В любом случае, понимание того, что породило вражду между двумя мужчинами не должно быть в приоритете. Ее единственная цель заключалась в том, чтобы реабилитировать репутацию ПО № 6 и попутно всего ЧПД, которое приняло на себя удар из-за неподобающего поведения Люка. Причины, из-за которых он потерял самоконтроль, были неважны.

Тогда почему же они были всем, о чем она могла думать?

Если, по какому-то магически возникшему предположению, Гейдж не пошел бы по стопам его братьев и отца в семейное дело, он стал бы профессиональным шеф-поваром. Он любил готовить и был великолепен в этом, так что ступить на кухню "Смит & Джонс" было подобно попаданию в фантастический мир. Он жадно впитывал в себя суету команды, которая двигалась идеально слаженно, их очевидный опыт и умения захлестывали его волнами удовольствия. Добавить к этому запахи, и он испытал соблазн глянуть на свое отражение в блестящей хромированной столешнице, чтобы увидеть, потекли ли у него слюни.

Затем его рот стал таким же сухим как и неудавшийся бисквит "Пицца Ангелов"^[34], на который он замахнулся на прошлой неделе, и по вкусу напоминающий восстановленный картон. Потому что всем этим руководил самый горячий, самый устрашающий ублюдок, которого Гейдж когда-либо видел. Этот парень был огромным как танк... широкие плечи, широкая спина. Весь широкий. Его предплечья были толщиной с ветки многовекового дуба, их темная кожа была как гобелен, на котором в виде комиксов яркими цветными чернилами было выткано миллион историй. Над воротничком безупречной куртки шеф-повара вокруг шеи, как стуйка дыма, вилась черная полоска.

Охренеть.

Гейдж хотел лизнуть эту татуированную шею, затем провести языком до гладко выбритого черепа парня. Заявить свои права на каждый дюйм его гладкой головы. Позже он бы хотел уделить время, чтобы исследовать остальное его тело, но сейчас, он бы поработал над сладостями, которые находятся выше шеи.

Он даже еще не видел лица мужчины, а был уже твердым как камень.

— Брейди, — услышал Гейдж возле себя и подскочил от голоса мэра, забыв, что тот был рядом.

Брейди. Пожалуйста, пусть свершится чудо и это будет он.

Здоровяк обернулся и, черт побери, если он не был похож на голову из какой-нибудь банды, того, который вероятно руководит подпольным бойцовым клубом после того, как ресторан заканчивает работу. С правой стороны его лица вилась зигзаг из шрамов. Темные глаза, жесткие и подозрительные, смотрели поверх строгого римского носа и твердо очерченного рта. Парень был совсем не в его вкусе. Гейджу нравились мужчины с мягкими формами и правильными чертами лица, которые не выглядели так, словно готовы перекусить его пополам.

Но он никогда никого не хотел так сильно.

Когда Брейди подошел к ним, на лице Эли не появилась улыбка узнавания, выверенно нейтральная.

— Брейди, это Гейдж Симпсон. Он большой поклонник. Мистер Симпсон познакомьтесь, Брейди Смит, шеф-повар и владелец “Смит & Джонс”.

Гейдж слишком охотно протянул руку. Он хотел прикоснуться к этому человеку. Он должен был.

Брейди посмотрел на руку Гейджа, словно не был уверен, что следует сделать в этой непростой ситуации. Может быть, он задавался вопросом, надо ли ему пожать ее, хлопнуть по руке или облизать ее. Втянуть пальцы Гейджа в горячий плен своего рта и заставить его умолять об освобождении.

“Все это”, — отчаянно подумал Гейдж. Он может сделать все это.

Несколько секунд прошли под звуки кухонного звона, шипения приготавливаемой пищи и стук сердца Гейджа. Наконец. Брейди пожал протянутую руку Гейджа, и член мужчины дернулся в ответ на это. Твою ж мать, что этот парень делал с ним?

Никогда раньше его тело еще не опережало так быстро его мысли. У Гейджа не было проблем с тем, кем он был, или с тем, что ему нравилось, и не было проблем с тем, чтобы поступать согласно своему здоровому либидо. Всегда был какой-нибудь горячий парень, или несколько горячих парней, готовых дать ему то, что он хотел, где бы и когда бы ему это ни понадобилось. Но это... было похоже на то, что каждый гормон решил, что сегодня благословенный день, чтобы вернуться к вечно-озабоченному подростковому возрасту.

А с этим пришла и отключка мозга, лучшим проявлением которой стал, конечно же, его верный друг — словесный понос. Он всегда оказывался тем, кто заполнял тишину.

— Я здесь со своей сестрой и когда мы не смогли заполучить столик, то заказали закуски в баре. Жареные кальмары с беконово-овощным айоли^[35]? Это было гениально. Чертовски гениально, — слишком поздно Гейдж понял, что все еще сжимает руку Брейди и что это единственное действие, которое удерживает его в вертикальном положении. Вся кровь отлила от мозга к промежности. Был хороший шанс, что если Брейди его отпустит, Гейдж упадет лицом вниз, а его член сейчас настолько твердый, что он закончит как крутящийся волчок.

Брейди Смит был нем, как могила, в которую Гейдж как раз не против был бы провалиться. Но он не мог. Прекратить. Говорить.

— Однажды, я вернусь и продегустирую все меню. Ваши блюда ужасно дорогие для того, кто живет на зарплату пожарного и мне понадобится копить месяцами, но к тому времени, я как раз сумею зарезервировать столик, — Гейдж рассмеялся над своим остроумной шуткой, пустой и маниакальный звук, отразившийся от полированных хромированных поверхностей. Дерьмо, куда его несет? — Исходя из того, что я получил сегодня, знаю, что это будет того стоить.

Брейди смотрел на него глазами цвета кокоса, темными, как грех. Ни один мускул не дрогнул на его угрожающем лице. А выражение не изменилось ни на йоту с тех пор, как он подошел к ним, и теперь Гейдж задался вопросом, а слышал ли парень хоть слово из того потока, который извергся из его рта.

Наконец, Гейдж освободил руку, которая начала потеть от жары на кухне. *Конечно, давайте объясним это так.*

— Как ты видишь, Брейди, живет разговорами о своей работе, — сказал Эли вынужденным веселым тоном, заработав неодобрительный взгляд со стороны молчаливого

шефа.

Боже, этот хмурый вид был горячее, чем Джо Манганьелло^[36] без футболки.

Иииии... тишина.

— Вам нравится готовить? — спросил мэр Гейджа, исполняя новую роль переводчика-посредника. Кто-то должен продолжить нить разговора, которая была единственной вещью в непосредственном окружении близкой к тому, чтобы потеряться. Все остальное — тело Гейджа, рот Брейди, воздух между ними — было туго натянутым и наполненным.

Медленно Гейдж кивнул.

— Нравится, — скрипучий ответ, вышедший из его горла, был явным приглашением для задумчивой скалы из мышц перед ним. Все те вещи, которые ему понравилось бы сделать с этим мужчиной. Вещи, которые ему понравилось бы, чтобы этот мужчина сделал с ним.

— Что ж, позволим тебе вернуться к работе, — проговорил Эли, казалось довольный тем, что его представление прошло как по маслу. — Однако мне надо поговорить с тобой о меню для вечера по сбору средств. Как насчет понедельника?

Брейди Смит только поднял бровь в ответ, потому что зачем тратить драгоценную энергию на что-то такое глупое как подтверждение того, что мэр — какой-то там мэр — говорит с ним? Эли, очевидно привыкший к такой манере общения от мистера Разговорчивого, казался невозмутимым, когда кивнул и повернулся, чтобы выйти с кухни. Может Гейдж пропустил какой-то шифр Морзе, определяющий где “да”, а где “нет”?

С последним, то ли очень горячим, то ли скучающим взглядом Брейди Смит развернул свои широкие плечи и повернулся к ним спиной, но прежде Гейдж услышал хриплое "Позвони мне" из глубины медвежьего горла.

Святое дерьмо, это было ему или мистеру мэру?

Если Гейдж хотел разъяснений, то ему, очевидно, пришлось бы долго их ждать. Эли уже направлялся в зал, Брейди вернулся к ворчанию над заказами в конце линии, а Гейджу оставалось размышлять о том, какого черта только что тут произошло.

— Оооо, Алмэйда, готов к своим съемкам крупным планом?

Люк застыл, так и не закончив надевать защитные штаны, досчитал в уме до пяти, чтобы сдержаться и не ударить пожарного Джейкоба Скотта, а затем продолжил готовиться.

К своим чертовым съемкам крупным планом.

— Джейкоб, ты просто мечтаешь, чтобы кто-то посчитал твое тело достойным фотографии, — отрезал Гейдж. — Но, так как своими дряблыми мышцами ты не заработал себе даже свидания, не говоря уже о фотосессии, то вероятно тебе лучше держать свой жирный рот на замке.

Джейкоб, который очень любил пасту с соусом Путанеска^[37], приготовленную Гейджем, и мог бы, наверное, прилагать больше усилий в тренажерном зале, чтобы поддерживать себя в форме, с угрюмым видом захлопнул дверь шкафчика.

— Все эти штучки с календарем такие гейские, — пробормотал он, выскользнув из раздевалки.

— Отличное замечание, пожарный Скотт, — насмешливо крикнул ему вслед Гейдж. — Достойно Джона Стюарта^[38].

С шумом втянув воздух, Люк задумался над тем, какую футболку надеть, не то, чтобы была хоть какая-то разница, потому что во время съемки он будет без футболки.

Без футболки.

— Ты должен признать, что это довольно по-гейски, — пробормотал он в ответ Гейджу, пока натягивал через голову форменную темно-синюю футболку ЧПД.

— Знаю. Это будет нечто. Напоминает мне ту ночь в Мэнхале: танцы на барной стойке, бросание потной футболки понравившимся мне парням.

Люк застонал и ударился лбом о закрытую дверцу.

— Скажи мне, это будет не таким.

Гейдж хлопнул сильной рукой по его плечу и торжественно кивнул.

— Братан, это будет самая гейская вещь, которая когда-либо с тобой случалась.

Люк даже не знал, чего ожидать, но точно не того, что все события покатаются как тот чертов валун в сцене из "Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега". ПО № 6 и остальные задействованные отделения были сняты с выездов этим утром, это означало, что у них было четыре часа, в течение которых не будет поступать звонков. Все, чтобы можно было обеспечить непрерывную фотосессию для календаря.

При обычных обстоятельствах личный состав увидел бы в этом отличную возможность, чтобы сбежать по своим делам, выспаться или просто держаться чертовски далеко от работы, но нет. Расчет А прибыл вовремя, остались все отдежурившие из С и ребята из В пришли к своей выходной. Все три расчета были в части, готовые стать свидетелями того, как низко может пасть Люк.

Ничего особенного, правда? Просто его кореша, ржущие над ним, потому что он снимет свою футболку и покажет на камеру Образцового самца. Потом это дерьмо будет преследовать его месяцами, но если это заставит мэра не дышать ему в спину и сохранит Дэмпси вместе, то оно будет того стоить. А затем случилось невозможное.

Все стало еще хуже.

Около часа назад транспортный отсек начал заполняться людьми. Он мог еще понять

помощника, работающего с фотографом, даже пару канцелярских крыс из мэрии, чтобы приукрасить это событие. Но никаким гребаным образом Люк не ожидал семьдесят или около того человек, в основном женщин, которые зависали тут, устроив импровизированную вечеринку на заднем фоне.

Он даже мог слышать хруст чипсов Доритос, доносящийся оттуда.

— Интересно, мне разрешат выбрать музыку для моего фотосета, — рассеянно проговорил Гейдж, просматривая плейлист на своем iPod-e.

— Не могу поверить, что ты добровольно подписался на это, — Люк знал, почему он делал это, но его мозг почти взорвался сегодня с утра, когда Гейдж сказал, что позвонил Кинси и попросился тоже поучаствовать.

Потерянный в своем мире, Гейдж пробежался пальцем по рассортированным плавкам, выражение его лица было убийственно серьезным.

— Черные, серые или белые? Думаю, белые лучше демонстрируют изгибы моих бедер, но черные — классика.

— Мне похрен какого цвета трусы ты натянешь на свои причиндалы.

— Вы кажется нервничаете, мистер Алмэйда, — услышал он позади себя.

Испепеляющий жар, вспыхнувший между лопатками отчасти причинял боль. Отчасти чувствовался приятно.

— Угу, — ответил Гейдж. — Я бы побеспокоился о твоей обуви, Кинси, потому что его, скорее всего, может стошнить в любую минуту.

— Мне нужно поговорить с тобой, — выплюнул Люк, поворачиваясь и внимательно осматривая пиар-принцессу. Она была одета в вызывающую стояк офисную одежду из обтягивающей бедра юбки и тонкой блузки, немного просвечивающейся, но недостаточно. Блузка была без рукавов и подчеркивала ее загорелые подтянутые руки и прекрасный изгиб плеч. Эта женщина поддерживала себя в форме. Ему это нравилось.

Но прямо сейчас, ему не нравилась она сама.

Взяв ее под локоть, он повел девушку в другой конец раздевалки. Стук ее каблуков, словно в насмешку, отбивался в его черепе.

— Я не сделаю этого, — произнес Люк своим лучшим я-чертовски-серьезен тоном.

От ее кожи повеяло цитрусовым ароматом, напомнившим ему, что он все еще держал Кинси за локоть. Локти должны на ощупь быть грубыми и костлявыми, но не ее. Она была такой чертовски шелковистой, что не хотелось отпускать.

Он бросил ее локоть, как будто это была раскаленная дверная ручка.

— Ты нервничаешь, — сказала Кинси почти ликующим голосом.

— Я. Не. Нервничаю. — Он просто не хотел стать объектом насмешек всего отделения. Это не одно и то же. — И когда это превратилось в показательное выступление? Там снаружи ужасно много желающих поживиться зрелищем.

Она посмотрела на него с бесконечным терпением во взгляде.

— Послушай, не будь мелочным. Надо хоть изредка привносить краски в серые будни муниципального служащего.

Мелочным? Они говорят о его репутации, его работе, его жизни.

— У тебя есть Гейдж, который в самом деле хотел бы стать твоей марионеткой. Ты только взгляни на него. Он — самая яркая личность, которую я знаю.

Одновременно, будто по команде, они повернулись к Гейджу, качающему головой в такт песне в своем iPod-e, растирая что-то масляное по всей груди. Он поймал их взгляды и

поднял выбранное им нижнее белье.

— Кинси. Белые, серые или черные?

— Черные, малыш. Это классика.

Улыбаясь и кивая Гейдж вернулся к своему занятию делать свою грудь жирнее, чем кусок бекона.

— Видишь? — Прошипел Люк.

Кинси сжала губы и подавила "я не смею над тобой" звук.

— Что я могу сделать, чтобы вытащить тебя сегодня из футболки, Люк? — Ее голос с хрипотцой и деловым тоном, был именно таким, ради которого он, вероятно, сделал бы все. Он представил этот голос, шепчущий ему на ухо, отдающий порочные приказы, делающий его твердым как сталь.

Если подумать, ему не стоило даже представлять такое. Резкий всплеск желания в паху оказался болезненным для его наполовину возбужденного члена.

Она сладко улыбнулась.

— Знаменитости обычно выдвигают требования, на подобии миски M&M's без зеленых драже или свежих особого сорта роз в гримерке. Не уверена, что городской бюджет сможет это потянуть, но мы сделаем все, что в наших силах. Что тебе нужно, Люк?

Теперь она заставляла его походить на дурацкую примадонну. На секунду почувствовав себя еще более нелепо, он для убедительности помучил свой мозг. Мысленно прокрутил список того, что хотел, половина из этих вещей были до неприличия страстными и все они включали в себя длинные, соблазнительные ноги Кинси, обернутые вокруг его бедер. Правда, попросить крышесносный секс в обмен на сотрудничество, вероятно, было не совсем нормально.

Что же еще? Что же еще?

— Выручка от продажи этого календаря пойдет на благотворительность, правильно?

Она кивнула.

— Я хочу иметь возможность выбрать объект благотворительности. — Детям в Святой Кармен не помешала бы новая комната отдыха, и, хоть он и не питал иллюзий, что этот фестиваль "обнаженки" действительно соберет много средств, каждый цент пошел бы на пользу делу.

— При условии, что ты не выберешь что-то скандальное, что могло бы скомпрометировать город.

— Типа Комитета по выборам любого, кроме Эли Купера?

Улыбка приподняла уголок ее сочного, розового рта.

— Я практически уверена, что это не считалось бы благотворительностью, несмотря на услугу, которую ты, по твоим мнению, оказываешь.

Он разразился смехом. Мило. Кинси Тейлор пошутила над своим боссом.

— Я бы хотел, чтобы вся выручка пошла в приют, в котором являюсь волонтером.

— О. Это звучит очень... достойно, — это был первый раз, когда Люк увидел ее растерянной, но через несколько секунд, она расправила плечи и приняла деловой вид. — Ты готов сделать это, Люк?

Он тяжело вздохнул.

— Сделай из меня звезду, сладкая!

Ударные басы в пожарном депо были достаточно громкими, чтобы заглушать возгласы и выкрики дам... и нескольких парней, собравшихся насладиться зрелищем. К счастью, Люк

был не единственным, кто будет строить из себя идиота-клоуна. Как и Гейдж, некоторые пожарные из других отделений вызвались принять участие в "Феерии Мужских Сисек", как обозвала это Алекс. Люк мог понять энтузиазм Гейджа. Парнишка был высшего сорта эксгибиционистом и если что-то повысит его шансы получить член, он сделает это. Но почему все остальные захотели раздеться перед семидесятью изголодавшимися женщинами и кучей мужчин, притворяющихся безразличными, — было за пределами понимания Люка.

Посмотрев на свой расчет, собравшийся в дальней части отсека, он мельком заметил банкноты в руках у МакЭлроя, быстро перешедшие к лейтенанту, царапающему что-то на кусочке бумаги.

Дерьмо на палочке. Большой Мак принимает ставки.

Расслабленной походкой Люк пошел к ребятам.

— Что происходит, дамы?

Его встретили наглые взгляды всех, кроме Уайатта, который смотрел, ну, как Уайатт. Однако, судя по взглядам всех остальных, уважение к Люку медленно стекало по водостоку пожарной сушильной башни. Даже Дерек Фэлан, новобранец, который, как правило, смотрел на Люка снизу вверх широко распахнутыми от восхищения глазами, сейчас уставился на него полным насмешки взглядом.

Капитан Мэтт Вэнтимилья, более известный как Вэнти^[39] из-за своего имени и того, что было двадцать способов вывести его из себя (список был вывешен на кухне), присоединился к ним. Люк вздохнул с облегчением. Конечно же, присутствие старшего офицера ПО № 6 привнесет столько необходимую этим махинаторам дозу порядка.

Кэп прошел мимо Джексона к Большому Маку:

— Двадцатка на то, что Алмэйда не продержится и пяти.

Не многовато ли для того, чтобы выбросить деньги на ветер.

— Азартный игры в черте города — вне закона, — выдавил Люк, удивляясь иронии того, что сорвиголова, который находится в административном отпуске из-за избияния одного парня, стал блюстителем порядка в пожарном отделении.

Джейкоб скрестил руки на груди.

— Просто немного развлечения, Алмэйда. Мы бьемся об заклад на то, как быстро у тебя встанет под всеми этими огнями.

Весь личный состав практически упал со своих складных стульев. Даже Уайатт улыбнулся. Предатель.

— Знаешь что, Джейкоб? Это звучит довольно по-гейски, — Люк удалился под звуки выплевываемых Джейкобом опровержений и шумный хохот парней.

Не то, чтобы Люку требовались издевательства от его расчета, чтобы прозреть. Ехидный голос в голове очень точно рассказывал, как это утро покатится по наклонной.

Ужасным пылающим комом.

Два часа спустя восемь парней, включая Гейджа, по очереди с важным видом начали демонстрировать все, что у них было. Популярные позы, в том числе с небрежно надетыми шлемами, или ухватившись за бок пожарной машины таким образом, что это могло стать поводом для аудита УПОХ^[40], и соревнования по тому, как низко они смогут спустить плавки, не получив тройной ХХХ рейтинг.

— Алмэйда, ты следующий, — прокричала помощница фотографа, милая девушка, похожая на фею, с ног до головы одетая в черное.

Люк почувствовал, как пялится на него весь личный состав и работники мэрии, пока он

шел к своему ярко освещенному ночному кошмару в пункт назначения. Фотограф, милая женщина с оливковой кожей и волосами в стиле "Пляжа"^[41], пожала ему руку.

— Рада познакомиться с тобой, Люк. Я Лили. Это первый раз, когда тебя будут профессионально фотографировать?

— Вторая после парадных фото при зачислении в ЧПД.

— YouTube не считается, а? — подмигнула она. Сегодня все были комиками. — Хорошо. Снимай футболку и я постараюсь сделать все настолько безболезненным, насколько возможно.

Глубоко подышать.

Он рванул футболку, захватив ее со спины и к тому времени, как снова увидел свет, в ушах звенело от аплодисментов. Кто-то забрал футболку из его липких рук.

— Хорошо, — сказала Лили. — Теперь надень подтяжки своих пожарных штанов и наполовину расстегни ширинку.

— Сними-ка их, милый. Красиво и медленно, — крикнул развязный женский голос, вызвав взрыв похотливого смеха в ответ. И женщины еще считаются прекрасным полом.

Он закрыл глаза. *Ты можешь сделать это, Алмэйда.*

Когда он заставил себя открыть глаза, его взгляд нацелился напрямиком на Кинси Тэйлор, как теплонаводящиеся ракеты, и задержался на девушке. Она стояла в стороне, прислонившись к переду Бэсси, их пожарной машины, придавая той совершенно новое сияние своим присутствием. В его жилах вскипела досада, как ракетное топливо. Это ее вина, что он стоит здесь, полуобнаженный, отданный на милость этой толпы стервятников.

Она хотела этого. Сейчас он собирался дать мисс Тэйлор именно то, что она просила.

Наблюдая за Люком, заводящим один завлекающий палец за пояс своих защитных штанов, Кинси впервые была поражена настоящим значением слов Не Безопасно Для Работы. И не только из-за расположения его пальца. Из-за всего, что было на виду.

Он смотрел на нее с такой жадью, что ее кожа горела под его пристальным взглядом.

Щелчок.

Его шесть кубиков — стон, восемь кубиков — показывались дюйм за дюймом.

Щелчок.

Плотная резинка пояса, разделяющая нижнюю половину рельефного живота. Гладкая красота сверху. Недосказанное удовольствие снизу.

Щелчок.

Она наклонилась плечами вперед, всего на йоту, потому, черт ее побери, если она что-то пропустит — ах, да. Интригующая выпуклость просматривалась через снежно-белую ткань его боксеров. Не классически черных, но она не могла представить себе его в каких-нибудь других.

К счастью, у нее было более чем достаточно воображения, чтобы представить его совсем без ничего.

Шум аплодисментов был оглушительным, но кому нужен слух, когда все остальные ощущения на высоте? Ее кожу покалывало от необходимости прикоснуться. Рот наполнился

слюной от необходимости попробовать на вкус. В ее носу моторное масло и феромоны создали опьяняющую смесь чистого, грубого секса. Но победителем здесь было зрение. Это не был избитый образ полуобнаженного пожарного, которого вытолкнули на секси-шоу.

Фотограф постепенно вытащила его из своей раковины с помощью мягких инструкций, но не то, чтобы ему надо было много поощрений. Мужчина был рожден для этого. Его начальная неловкость очевидно была позабыта, и на ее смену легко пришли наглые ухмылки. Каждый поворот показывал больше гладких поверхностей и четко вырисовывающихся мускулов скульптурного тела. Он игриво наклонил голову, глядя в камеру "иди сюда" взглядом из-под темных ресниц.

Для нее.

Как будто не достаточно было убийственного тела и грубо вылепленной мужественной челюсти, эти татуировки делали его совершенным плохишем: *Шон* и пульсирующий зеленый трилистник слева, *Логан* и эмблема ЧПД справа, *Semper Fidelis* украшала его грудь: Семья, Долг, Страна. В сочетании с его требованием пожертвовать доход от календаря на благотворительность приемным детям, все это намекало на что-то большее, чем татуированный, драчливый хулиган. Еще один слой удивляющего Люка Алмэйда.

Ее губы ощущались сухими, как наждачка, и она пробежала по ним языком, чтобы увлажнить. Кинси скрестила ноги и сжала бедра вместе, отчаянно желая освобождения, но все еще полная желанием быть взволнованной и наслаждаться этим моментом так долго, как только возможно.

Люк дразнил ее, сводил с ума похотью, словно отплачивая за то, что она поставила его в такое положение. Разве месть не является тем блюдом, которые лучше подавать холодным? Ну, аппетитное зрелище перед ней только что доказало, что лучшая месть — это мужчина поданный горячим, горячим, горячим.

Несите ее сюда, мистер Алмэйда.

Краем глаза она уловила тень движения и, повернувшись, увидела сногсшибательную рыжулю. Тонкая как шпала, с кремовой веснушчатой кожей, девушка была одета в серый в тонкую полоску пиджак и лодочки с открытым большим пальцем и леопардовым принтом. Последний сезон Лабутэн. Супер мило.

— Привет, — сказала рыжуля, с улыбкой протягивая руку. — Я видела вас в мэрии, обычно когда лифт останавливался, направляясь вверх.

Улыбнувшись в ответ, Кинси пожала ее руку.

— И мне вы показались знакомой. Так где вы работаете?

— Юридический отдел на третьем этаже. Я одна из тех людей, которых всем нравится ненавидеть, — девушка рассмеялась, слишком задорно для своей шутки. — Упс, звучит как хвастовство, да?

— С кем ни бывает, — ответила Кинси, пошевелив бровями.

Минуту или две они провели за разговором о новом отделе с замороженными йогуртами на этаже общепита в мэрии и насколько лучше стало лето с милыми парнями стажерами, которые по возрасту могли быть студентами колледжа, и их милыми и столь же молодыми задницами. Беседа была непринужденной, даже приятной. Может, она нашла новую подругу. Эти последние несколько месяцев в незнакомом городе были тяжелыми, еще и переживания из-за Дэвида держали ее запертой в пузыре уныния.

Чувствуя оптимизм, Кинси почти решила предложить им встретиться и выпить в пятницу после работы, но рыжуля заговорила первая.

— Так вы работаете с Люком, пытаетесь превратить его в хорошего маленького мальчика?

Что-то в ее тоне настораживало. Кинси почувствовала, как ее взгляд снова смещается к Люку, но тот уже не смотрел на нее. Весь его жар был сейчас направлен на ее новую подругу.

— Просто полезный совет, — продолжила рыжуля, плавно пропуская то, что Кинси не ответила на ее вопрос, который выглядел скорее, как оскорбление. — Люк всегда был хорош только в трех вещах: тушении пожаров, сексе и преданности Дэмпси. Его семья всегда на первом месте и для остальных места просто нет.

Кинси мысленно отпрянула, будто от удара.

— И вы говорите мне это, потому что...?

— Раньше он так смотрел на меня.

В рот Кинси будто насыпали золы.

— Я не расслышала ваше имя, — проговорила она, заставляя свой голос успокоиться, когда каждая клеточка на кончиках пальцем жгла от желания выцарапать этой женщине глаза.

— Лиза Салливан, — ответила та, уже уходя. — В прошлом Алмэйда. Удачи с Дэмпси.

Вся зола во рту Кинси, казалось, вспыхнула огнем. Бывшая жена? А от того, как взгляд Люка прожигал Лизу, "бывшая" было понятием относительным.

Кинси была так ошеломлена произошедшим, что ей потребовалось время, чтобы понять, что фотограф зовет ее.

— Мне нужен кто-то с приличным маникюром для следующего снимка, — Лили посмотрела вниз на ногти Кинси, которые могли похвастаться маникюром трехдневной давности. — Ты в деле или мне опросить толпу?

Ее глаза встретились с невероятно синими глазами Люка и скользнули к румянцу, горевшему на его щеках. Над ним раздувалось цунами из страсти. Из-за нее. Лизы.

Зная, что каждая женщина в этом помещении, может даже бывшая миссис Алмэйда, запрыгает от шанса пощупать первоклассного пожарного, Кинси приняла мгновенное решение. Должны же быть какие-то преимущества для той, кто была организатором праздника.

Продолжая смотреть на Люка, она ответила Лили:

— Я в деле.

— Мисс Тэйлор, — отозвался Люк, наклоняя шлем.

— Мистер Алмэйда.

Лили оторвалась от объектива.

— Кинси, стань позади Люка и завели одну руку ему под мышку на грудь. Затем оберни вторую руку вокруг его талии.

Кинси обошла кругом внушительные формы Люка и положила ладонь ему между лопаток. Ох! Она почувствовала тепло, как от вулкана пополам с едва сдерживаемой яростью. Оба эти ощущения обжигали кончики ее пальцев, покалывали кожу, пробуждали все тело к искрящейся жизни. Медленно она провела рукой в пространство, где его покрытый чернилами бицепс прижимался к телу, скользнула ею под полоску подтяжек, исследуя волнующую новую территорию этого невероятного мужского ттрса.

Она положила ладонь ему на грудь и задела, жесткий как камушек, сосок. Люк вздрогнул.

— О, да, именно об этом я и говорю, — раздался женский голос, взрывая орду женщин безумными одобрительными выкриками.

Кинси пришлось встать на цыпочки, чтобы прошептать Люку на ухо и желание прижаться губами к его коже почти убивало девушку. Было ли у него чувствительно местечко здесь, в этой мягкой впадинке под мочкой уха? Где еще ее прикосновение сможет вызвать чувственную дрожь?

— Мы в порядке?

После долгой паузы, он кашлянул.

— Прекрасно.

Она не понимала, почему выбрала "мы". Здесь не было "мы", просто два человека, которых заставляют работать вместе над общей целью, но как только слово слетело с ее губ, она признала его безошибочную правоту. Дэвид, эксперт по части лечение физических сердец, использовал скальпель по отношению к ее сердцу, а Люк сам боролся со своими демонами. Что бы ни произошло между ним и его бывшей, это оставило его в гневе. С болью.

Все его тело было жестким как сталь, каждый мускул напрягся в попытке разрушить барьер из кожи, включая след от шрама на плече. Это вызвало к исключительно женскому инстинкту глубоко внутри нее. Какие смелые подвиги он совершал, чтобы заслужить эту отметку мужества? Кто выжил, чтобы увидеть следующий день, благодаря тому, что Люк Алмэйда излучал героизм каждой своей порой?

Медленно, словно она имела дело с опасным, заключенным в клетку животным, она обняла его талию своим предплечьем и растопырила ладонь на твердом как скала прессе. Сделав это аккуратно.

— К черту ее, — прошептала Кинси, а затем провела ногтем по его соску, впитывая еще одну приятную дрожь своей кожей. — Прости, я холодная? — спросила она, зная что не была такой.

— Да, ты холодна как лед, — за один удар сердца напряжение его тела исчезло и он расслабился в ее руках. — Подойди ближе, сладкая, я тебя согрею.

Ух ты! Не в силах устоять перед этим предложением, она прижалась своим телом вплотную к нему. На уровне плеч он был вдвое шире, чем она, — идеальный образец мужчины. Идеально подходящий. Его сильная спина ощущалась как причина, по которой у нее была грудь. Ее соски, уже превратившиеся в горошинки, теперь отреагировали почти болезненно, желая единственного облегчения в виде вызывающего дрожь трения. Всеми фибрами своего существа, она сопротивлялась желанию это сделать.

Пока фотограф сделала несколько снимков, прошли девяносто семь эротически заряженных секунд. Из дальнего угла, где подобно ведьмам на шабаш собрался личный состав ПО № 6, раздалось шумные аплодисменты, прерываемые возгласом:

— Плати, МакЭлрой. Говорил же тебе, он не продержится.

В груди Люка раздалось рычание, — животная вибрация, которая прокатилась по ее телу, как предвестница плавающего разум оргазма.

— Окей, вот и все, — проговорила Лили. — Кинси, что-то еще?

Кинси убрала свою руку и свою почти горящую грудь подальше от опасного воздействия тела Люка, но, казалось, что при этом она что-то потеряла. Сложив руки на сосках, она обняла себя ладонями, отчаянно желая удержать это полное биения жизни тепло мужского тела еще на несколько драгоценных секунд. Стоя за его спиной, она сделала пару

мелких вдохов, начиная тяжелую дорогу по возвращению к равновесию.

Когда ее разум немного прояснился, она глянула на часы.

— У нас есть пару минут до перерыва, так что я думаю, что мы можем сделать еще пару кадров. Как развлечение, — потому что, черт побери, происходящее было слишком серьезным. Кинси надо было вернуть контроль над своими гормонами, и своими эмоциями, чертовски быстро.

Она отыскала Джози, которая флиртовала с одним из едва одетых пожарных.

— Джози, мы готовы.

Ее ассистентка включилась в работу и вынесла переноску вперед.

Снова с игривым выражением на лице, Кинси повернулась к Люку, который как раз застегивал свои защитные штаны, пряча все мужественное великолепие. Так обидно, но это было действительно к лучшему. Было бы слишком легко потерять себя в его опасном тепле. В этих глазах.

— Уже получили от меня свой фунт плоти, мисс Тэйлор? — пробормотал Люк, заканчивая застегиваться медлительными движениями.

Она сжала руки в кулаки на бедрах и покачала головой.

— Не совсем, мистер Алмэйда, — с высоко поднятой головой встретив его тлеющий взгляд, она веселым голосом отдала следующий приказ.

— Джози, выпускай котят.

Люк сжал кулаки на прохладной плитке и позволил струям воды разбиваться о его тело. Он не имел понятия, сколько времени провел в душе. Достаточно долго, чтобы вода стала холодной. Достаточно долго, чтобы подшучивания коллег сошли до веселой болтовни, а хищная толпа разошлась.

Но очевидно не достаточно долго, чтобы прекратить размышлять о появлении бывшей жены. О чем, черт возьми, она думала, когда заявила в его дом?

Конечно же, это было только начало череды мучений от Лизы. Ей недостаточно было впорхнуть со своим самоуверенным видом и дорогими духами, ей надо было втереться в доверие к Кинси в своем тайном заговоре. Две сложные, не-из-его-лиги женщины, получающие удовольствие от выставленного на показ мужского тела. Вот что на самом деле приводило его в ярость. Не только то, что Лиза нарисовалась в последнем месте, где ей были рады, но то, что она могла попытаться исказить мнение Кинси. Сплетничая о том, каким ужасным у нее был муж, каким плохим кормильцем, может быть, даже подробности о его семье.

Лиза действительно ненавидела его семью.

Его бывшая и Кинси разговаривали. Его прошлое и его... ничто. Приятное глазу отвлечение, пиар-принцесса едва ли была его настоящим, не говоря уже о будущем.

Но она точно ощущалась потрясающим подарком, когда подходила ближе, эти изгибы как у секс-бомбы идеально подходили ему. Она обвила свою изящную руку вокруг его тела, обнимая будто защитном жесте, и прошептала три прекрасных слова ему на ухо.

К черту. Ее.

Проклятье, он не нуждался в ее защите. К тому же, он не привык к такому. Одно дело от своей семьи, так как это подразумевалось характером их отношений. Но от другой женщины, — сильной женщины, такой как Кинси, — поступающей вот так, это испугало его своей пьянящей смесью защиты и заботы. Скорее всего она играла в какую-то игру, чтобы заставить его выглядеть тупым, возбуждившимся животным перед личным составом.

А сейчас он был ослеплен очередным приступом ярости.

Выйдя в раздевалку, он застыл, чтобы насладиться благословенной тишиной, теперь, когда пожарное отделение снова вернулось к своему привычному состоянию бдительной готовности. Затишье перед бурей. Люк схватился за дверь своего шкафчика так сильно, что фотографии Логана и Шона спланировали на пол. Когда он наклонился, чтобы поднять их, стук каблучков объявил о ее приходе.

Мисс Кинси Тэйлор.

Люк прошелся взглядом по ее телу. То, что он как раз наклонился, предоставило мужчине отличный вид на ее стройные ноги и изгиб бедер, обтянутых узкой юбкой. Поднимаясь, он уловил нотки цитруса в ее парфюме, от которого него закружилась голова.

Не в состоянии думать сквозь туман эмоций, создавший в его мозгу короткое замыкание, он заново закрепил фото на своем шкафчике. Затем захлопнул дверь, создав в процессе довольно много шума.

Кинси приподняла бровь.

— Просто скажи это, Люк.

Отлично, блядь, она пришла не просто так. Эта женщина была полна решимости свести

его с ума. Между ее “я-тут-главная” появлением в его доме на прошлой неделе и этим адским днем, то, как она пробралась ему под кожу, было санкционированной на городском уровне пыткой высшего разряда.

Она прислонилась в шкафчику Гейджа.

— Хочешь знать, что она мне сказала?

Выговорить он ничего не мог, но она, должно быть, приняла его неистовое молчание за разрешение, потому что продолжила:

— Она сказала, что ты хорош только трех вещах. О двух из них я уже знала. Все эти похвалы за храбрость.

Он напрягся, ожидая услышать насмешку в ее тоне, но его радар насмешек не сработал.

— Она сказала, что ты сдвинешь Небеса и Ад, чтобы защитить свою семью.

Он сомневался, что Лиза использовать такие выражения. Ее чувство обиды по отношению к Люку не допускало добрых слов в его адрес. Легкая кривая улыбка Кинси говорила о том, что девушка перефразировала то, что его бывшая жена сказала о Дэмпси.

— А третью вещь, которую она упомянула... — она окинула его взглядом сверху вниз. Ее визуальная оценка сделала Люка твердым. — Я могу только представить.

Секс. Вот что сказала Лиза. Чертовски верно, это никогда не было проблемой.

— Женщина смогла заставить вас потерять дар речи, мистер Алмэйда? Или возможно вся кровь, которая обычно питает кору вашего головного мозга, занята где-то в другом месте, — в ее тоне звучал безошибочно угадываемый вызов. Она подстрекала его потерять голову, заставляя таким образом подыграть.

— Она изменяла мне с детективом МакГиннисом.

Ладно, это было *не* тем, что Люк планировал ответить. Он планировал использовать свой рот другим способом, соответствуя ее ожиданиям, что он ведет себя как животное, которым движут только эмоции. Но в последнюю наносекунду что-то остановило его. Он хотел, чтобы она знала, что он не был совсем уж животным. Что иногда у него были чертовски честные причины для своего вызывающего поведения.

Кинси резко и громко вдохнула.

— Когда?

— Более года назад, она бросила меня ради него, после того, как они... — трахались месяцами. В кровати, которая была их общей. В кровати, в которой он больше не спал.

Господи, ему нужно выкинуть эту кровать.

Вспыхнувшие в ее глазах чувства, говорили о том, что она заметила его боль и предлагала сочувствие. Это вызвало у Люка возмущение, не смотря на то, что на самом деле он хотел вызвать у нее симпатию, практически протягивая ей свои яйца на блюдечке. *Предпочитаете их тушеными или жареными, мисс Тэйлор?*

— Драка в баре произошла из-за твоей бывшей?

— Он когда-то был моим другом. Мы играли в баскетбол, вместе напивались, ужинали в моем доме, — Люк пригласил ублюдка в свою жизнь и тот украл ее. И украл Лизу. Отношения Дэна и Лизы даже не переросли во что-то большее, они разошлись вскоре после того, как Люк обнаружил их вместе одним судьбоносным мартовским утром больше года назад. — Он распускал руки с Алекс в баре, впрочем, она и сама могла разобраться с этим. Но вместо нее разобрался я. Потому что это — то, что я делаю.

Кинси положила теплую ладонь на его руку. Прямо под кожей вспыхнули искры.

— Мне жаль...

Саркастически рассмеявшись, Люк произнес:

— Нет, не жаль. Потому что мой маленький всплеск эмоций просто дал тебе шанс засветиться, верно? Ты оторвалась по полной, мисс Тэйлор.

Ее глаза расширились от шока. Это граничило с грубостью, но прямо сейчас он был самым подлым сукиным сыном из всех живущих.

Люк шагнул ближе. Вспышка чистого удовольствия пронеслась по нему, когда она положила руку ему на грудь, чтобы удерживать на расстоянии.

— Я просто какой-то желанный товар для тебя. Задание. Средство для достижения цели.

Его взгляд упал на ее сочные, полный губы, а затем она — боже всемогущий — облизнула губы, быстро скользнув по ним язычком. Это женщина точно знала, что делала с ним. Где-то между тем, как затвердел его член и как его легкие наполнились ее опьяняющим ароматом, Люк принял решение. Не в силах дольше удерживать своего зверя запертым в клетке, он оттолкнул руку Кинси и начал наступать на нее, пока она не прижалась к ближайшему шкафику Гейджа с его радужной наклейкой. А затем он захватил ее рот своим и позволил эмоциям управлять собой.

Так хорошо сдаться.

Так хорошо сдаться *ей*.

Если он ожидал, что она покорится ему, то, пожалуй, ему следовало обдумать все еще раз. Как только он сможет сделать это с ясной головой. Доминирование было тем, что составляло естество Люка. Оно подходило его потребности наказать: своих родных родителей, людей, которые забрали Дженни и не смогли позаботиться о ней, весь мир. Временами в его голове было больше от демона, чем от человека, и поможет бог любому, кто перейдет ему дорогу.

Большинство женщин сдавались ему. Лиза сдалась, а потом жаловалась, что он был слишком грубым, потому что натер ее кожу и оставил на ней отметины своей жесткой щетиной. *Мой постельный зверь*, так она назвала его.

Кинси была... другой. Почувствовав его губы, она сначала немного уступила, но потом отвоевала все обратно с равным ему чувственным напором. Она целовалась так же, как он представлял, делала и все остальное. С пылом и страстью и большой долей "Да пошел ты".

— Люк, — прохрипела она, когда они прервались, чтобы глотнуть воздуха.

Ох, то, как она произнесла его имя, подобно шепоту падшего ангела. Давно он не слышал, чтобы его произносили с таким отчаянием, настолько наполненным желанием. Звук прошелся по его спине и от него каждая клеточка его тела стала твердой.

Подняв руки. Кинси запустила их в его волосы, чтобы притянуть Люка еще ближе, царапая ногтями кожу головы. Покалывание распространилось по всему его телу, те же ощущения, которые он испытывал, когда чувствовал опасность: готовая рухнуть крыша, слишком горячая дверь. Эта женщина может стать следующей в этом списке, повергнув его, словно выстрел из-за угла.

Он оторвал свой рот от ее сладких губ и поймал наполненный страстью взгляд. Руки прижались к его груди, ее мечтательное выражение уступило место осознанию произошедшего, и она оттолкнула его назад, прочь от своего податливого тела. Он выдохнул, уже зная, что момент разрушен, и ему не понравится то, что сейчас произойдет.

А именно тот факт, что никто не кончит ^[42].

— Этого..., — пробормотала Кинси, — вероятно, не должно было случиться.

Она была права. Свалить дурака с женщиной, в чьих руках была его карьера, было ужасно глупым шагом. Но он пока что не намеревался позволить ей сорваться с крючка.

— Собираешься признать, что твои животные импульсы тоже подчиняют тебя себе, или я один буду тут злодеем?

Она провела руками по юбке, разглаживая ткань, не нуждающуюся в этом. У него было стойкое ощущение, что она собиралась сбежать.

— Я не собираюсь делать вид, что во всем виноват только ты. Я ответственна за то, что нажимала на твои кнопки, но этого, вероятно, не должно повториться.

— Вероятно?

— Определенно, — она сглотнула. Громко. Кинси Тэйлор, первоклассная стерва — нервничала, и это было чертовски мило.

— Дай угадаю. Что-то о том, что мы вышли за профессиональные границы, и тебе нужно делать свою работу. И так далее и тому подобное.

— Угу, — Кинси опустила свои темно-золотые ресницы, а затем ее глаза распахнулись, когда она обнаружила, что на блузке расстегнулась пуговица. Явно дрожащими пальцами она привела все в порядок.

Впрочем, зависит от того, как на это посмотреть.

— Мне нужно идти, — она сделала несколько шагов влево. Затем еще несколько.

Так как оргазма больше не было в меню, Люк смирился с тем, что придется получить удовольствие в другом месте. С растущим удовлетворением от очевидного дискомфорта Кинси, он помолчал пару секунд перед тем, как заговорить.

— Выход там, — сказал он, махнув в противоположном направлении.

— О, я знаю. Просто хотела проверить... — не медля ни секунды, она заглянула за стену, которая вела в душевую комнату. — Как я и думала. Довольно большая душевая.

Вздернув подбородок повыше, она прошла мимо него в сторону выхода на своих игнорирующих силу тяжести каблуках. На мгновение приостановилась.

— Хорошо поработали сегодня, мистер Алмэйда.

— Вы тоже, — он улыбнулся из-за ее побега, а его пристальный взгляд был прикован к первоклассной заднице, пока она не вышла из раздевалки.

Очень хорошо поработали, мисс Тэйлор.

В спальном помещении, принадлежащем личному составу ПО № 6, через час после съемок, Гейдж, накручивая себя, вышагивал взад-вперед между односпальными, аккуратно застеленными кроватями. Он уселся на одну из коек и достал свой телефон. Встал. Снова сел. В конечном счете, он нажал на номер, найденный на сайте ресторана и стал ждать.

Гудки — гребаные гудки. Даже автоответчик не включился. Это считается нормальным в ресторанном деле? Только час дня, а никого нет рядом, чтобы принять заказ?

Может сама вселенная говорила ему, что это наихудшая идея со времен Сосиски в блинчиках на палочке Джимми Дина^[43]. Действительно ли парень хотел, чтобы Гейдж ему позвонил, может он был... как это сказать... амбивалентным^[44] по этому поводу? Он же был Гейджем-Черт возьми-Симпсоном. Каждую ночь недели он мог зайти в бар на Холстеде^[45] и

получить минет в течение шестидесяти секунд. Тридцати. Звонить парню... амбивалентному парню, не меньше... было не в его стиле.

Все еще гудки.

Все еще вишу на этом гребаном телефоне.

Да пошло оно на хрен!

— "Смит и Джонс".

Не он.

— Могу я поговорить с Брейди?

Бормотание на испанском, глухой звук упавшей на пол трубки, похожий на треск, потом почти две минуты тишины.

И наконец, грубое...

— Да?

— Это Брейди? — Ничего, кроме напряженного молчания и отзвук глухих ударов сердца Гейджа. — Эй, ты там?

— Чтобы сделать заказ, перезвоните после трех.

Его скрипучий баритон ударил в кровь, как бутылка Джека.

— Это Гейдж, — сказал он, хотя подозревал, что Брейди точно знал с кем говорит. —

Мы познакомились в тот вечер, когда мэр провел меня на твою кухню. — Прошли долгие, неловкие минуты молчания, пока его сердце отбивало неровный ритм. — Я думал, может ты был бы не против как-нибудь сходить выпить.

Еще больше затяжных ударов, и с каждым Гейдж чувствовал себя еще более глупо и униженно. Если мужик не хотел разговаривать, тогда какого хрена, он не положил эту долбанную трубку?

Тик-так.

— У меня много работы. — Сказал Брейди.

Сказал. Брейди.

Ответ!

— Да уж, мне это знакомо. Иногда мне кажется, что все, чем я занимаюсь — это работаю, но обычно я могу найти время, — в его горле застрял ком размером с соединительную рукавную головку. — Если это того стоит.

Не парься. Ничего страшного. Просто забудь...

— Ты говорил, что готовишь.

О, да. Гейдж мог чувствовать, как на его лице расплывается улыбка, и он точно знал, что его следующие слова будут наполнены радостью от этой улыбки.

— Я говорил, что люблю готовить.

— Приходи сейчас. — И он отключился.

Ух ты. Этот шеф — изрядный наглец. А если бы Гейдж был на работе, или у него было назначено свидание, или же просто не захотел последовать пролаянным приказам с последующими грубыми прерываниями телефонных разговоров? Брейди бросил трубку так, как это делают по телевизору. Всякий раз, когда участник шоу так поступал, Алекс с Гейджем скептически качали головами. *Этот парень просто бросил трубку, и даже не попрощался. В реальной жизни так никто не делает.*

Кроме, как оказывается, Грубияна Брейди Смита.

Не прошло и сорока минут, как Брейди дал указание, а Гейдж уже стучал в дверь "Смит и Джонс", потому что, оказалось, у него слабость к грубым, властным шефам. Или ему на

самом деле просто хотелось перепихнуться.

Дверь открылась наружу и Гейдж отступил. Рука Брейди вытянулась вперед, предоставляя чертовски удачный вид на его бицепс и грудь, обтянутую серой футболкой. Символы орла, глобуса и якоря, заключенные в круг, на котором написан слоган морской пехоты США, и, знаете что, в первую очередь, увидев это, Гейдж подумал: Люку и Уайатту он понравится, потому что тоже был пехотинцем.

Парень, ты попал.

— Привет, — сумел выдавить Гейдж.

Брейди держал дверь открытой, пока Гейдж заходил внутрь, по пути делая глубокие вдохи. Что-то пряное пощекотало его обоняние и заставило дернуться член. Добро пожаловать в мир здорового свободного гомосексуального мужчины в городе.

Было около двух по полудни, а в ресторане стояла устрашающая тишина. Полностью сервированные столики, приглушенный свет, ощущение горячего взгляда Брейди на его спине — все это смешалось в пьянящий коктейль, который Гейдж хотел бы опрокинуть в себя, как шот Егеря^[46]. Полоска презервативов в его бумажнике прожигала карман. Как все случится? Как все произойдет с Брейди? Легко, представил себе Гейдж, веря в это слово всем своим существом.

Он прошел пару шагов прежде чем понял, что Брейди не отошел от двери. Гейдж улыбнулся. Он привык быть объектом восхищения. С того момента, как он осознал, кем является, Гейдж использовал все свои достоинства, как любящая внимание шлюха, коей он и являлся. Психолог мог бы объяснить, что это имеет некоторое отношение к его разрушенному детству, переходу из одного дома в другой, постоянным поискам хоть одной семьи, которая не откажется от маленького мальчика с нетрадиционной ориентацией и сумасшедшими глазами, мама которого больше времени проводила в реабилитационном наркологическом центре, чем на свободе.

— Зачем ты здесь?

Гейдж повернулся, чтобы позволить Брейди заметить его интерес. Они действительно собираются играть в игры?

Выражение лица Брейди заставило его придержать свой самоуверенный комментарий. Не смотря на то, что раньше бесстрастный шеф-повар выглядел стоически сексуальным, сейчас же он казался по-настоящему озадаченным. Недоверие стало таким осязаемым, как присутствие еще одного человека.

Зачем Гейдж был здесь?

Я хочу поцеловать тебя с такой страстью, которую не могу даже передать. Я хочу почувствовать твою бритую голову на своем животе после того, как ты выдоишь меня досуха своим недоверчивым ртом. Я хочу чего-то, чего у меня не было и чему я даже не могу дать названия.

Гейдж небрежно пожал плечами, вдавливая в них свою ложь.

— Не каждый день парень получает шанс сыграть в шефа с профессионалом.

Итак, Гейдж все еще был не уверен в том, кому предназначалось это пролаянное на прощание приглашение на прошлой неделе, ему или мэру. Но Брейди точно знал, кем был Гейдж, когда тот позвонил ему сегодня.

Он ждал, что Гейдж позвонит.

Сократив расстояние между ними, Брейди остановился примерно в двух футах^[47]. По всей длине его правой руки шла шкала Сковилла^[48], по которой измерялась жгучесть перца.

Довольно жестко. От болгарского перца на его запястье до хабанеро^[49] у самой кромки рукава рубашки, эта рука заставила рот Гейджа увлажниться, словно он сам укусил один из этих обжигающих горло перчиков. Если бы он смог провести пальцами под рукав, что бы Гейдж нашел там? Как высоко доходила шкала Сквилла?

Казалось, Брейди слегка наклонился верхней частью тела и снова повеяло намеком на специи, пронизанным чем-то еще. Слабым сладким запахом, интенсивность которого словно бы увеличивалась с каждой проходящей секундой.

Большой шеф собирался коснуться его. Пожалуйста, во имя Сквилла, сделай это.

Но он не сделал.

Так что Гейдж взял дело в свои руки. Похожим на шепот прикосновением, он положил палец к груди Брейди над эмблемой морской пехоты США. *Мир наслаждения ждет тебя, шеф.* Эта массивная грудь расширилась от вздоха, сокращая расстояние, так что казалось, будто она требует больше чем только прикосновения руки Гейджа.

— Мои братья служили в морской пехоте. Ирак и Афганистан. А ты?

Словно его укусили, Брейди отступил от радиуса жадного внимания Гейджа, заставляя сердце последнего наполниться тяжестью. По лицу Брейди было видно, что он размышлял, — самое яркое выражение, которое Гейдж видел с момента из знакомства.

— Это было давным-давно, — Брейди сложил руки на груди, закрывая логотип на футболке. Понятно. Время службы Брейди было табу для обсуждения. Это также был первый раз, когда Гейдж заметил акцент: длинные гласные, протяжный и ритмичный выговор. Южный, предположил он.

Гейдж кивнул, хотя в действительности миллион вопросов сражались друг с другом за право, чтобы их задали. *Что произошло с тобой? Поэтому твое лицо в шрамах? Сделаем мы это на столе здесь или на кухне? Какие-то беспокойства по поводу санитарии?*

— Я готовлю энчиладас^[50], — низко и грубо проговорил Брейди. — Тебе они нравятся горячими?

— Чем горячее, тем лучше.

— Уверен, что справишься с чем-то настолько горячим? Ты кажешься немного... хрупким.

Хрупким? Гейдж представлял собой шесть футов два дюйма^[51] беззастенчивых твердых мышц. Он мог выжать лежа триста фунтов (136 кг), пробежать пять миль^[52] меньше чем за сорок пять минут, спасти котов с чертовых деревьев, и мистер Мое-тело-великолепный-экземпляр считает, что он может быть хрупким?

— Перцы — это моя специализация. Если есть что-то острое, я в деле.

— Я использую гуахильо^[53], — Брейди указал примерно на середину шкалы на своей руке. — Он жжет кожу. Может быть действительно опасно, если ты не привык к такому. Если ты слишком...

— Я не хрупкий, Брейди.

Глаза Брейди потемнели и Гейдж осознал, что назвал шефа по имени в лицо впервые. Это звучало слишком интимно, слишком сладко для похотливых планов Гейджа. Гейдж никогда не считал себя самым умным, но до него должно было прийти раньше, что они говорили о чем-то совсем другом, а не о перцах. Может, Брейди предостерегал его?

— Может и не хрупкий, — согласился Брейди, добавляя задумчивости своему суровому виду. — Больше похож на... золотого.

Иисус, это звучало еще хуже, чем хрупкий. Гейдж открыл рот, чтобы возразить, но Брейди уже обошел его, направляясь на кухню.

— Давай посмотрим, что ты умеешь, Золотце.

На следующий день после сессии для календаря Кинси сидела за своим столом и пыталась проанализировать что, черт возьми, стало причиной вчерашнего возмутительного поведения. Как человек логики, она была полна решимости докопаться до истины.

Она не могла винить алкоголь, хотя, к слову, ей стоило бы припрятать в столе бутылку Grey Goose^[54] для чрезвычайных ситуаций.

Она не могла винить определенные дни месяца, не то, чтобы она когда-либо использовала это как оправдание.

Ей на ум пришла еще одна возможность. Профессионалы пиара были более чем знакомы с понятием стадного чувства, идеей того, что толпа может начать вести себя как единое существо и влиять на людей, находящиеся рядом. Эффект массовости. Нахождения рядом с той толпой женщин в ПО № 6, похотливый свист, неистовый эстроген, истинное воплощение — все этого щелкнуло по переключателю и пробудило в Кинси пещерную женщину.

Дело должно быть в этом. Не в рельефном теле Люка. Не в его коварной бывшей жене. Даже не в том, каким несчастным он выглядел, когда рассказывал о своем неудачном браке. Все эти причины могли бы повлиять на женщину, обладающую меньшей долей самоконтроля, но не на Кинси. Она просто была заложницей момента, как одурманенная девушка на грязном девичнике в стриптиз клубе.

Ну и что, что этот мужчина был достаточно горяч, чтобы расплавить масло? Связываться с пожарным Алмэйда было возмутительно неуместно, пока она решала, может ли он вернуться к выполнению своих обязанностей. Вероятно, именно поэтому он в первую очередь и поцеловал ее.

Погоди-ка секундочку, Тэйлор. Ни его мотивы, ни явный этический конфликт не имели значения, — просто связываться с ним было неправильно. И точка. Он был мужчиной, который слишком сильно поддавался влиянию своей животной природы. Она не видела ни одного плюса, кроме потенциально крышесносного секса, в сближении с таким инстинктивным животным, как Люк Алмэйда.

Кроме секса.

Который, судя по этому поцелую, будет великолепным.

Но она никогда этого не узнает, потому что после Дэвида, мужчин и секса в ее меню не было. Только работа имела значение. К слову о которой...

Грохот, прозвучавший как стадо несущихся носорогов, сотряс фундамент мэрии. Кинси же было интересно только, почему это заняло столько времени.

Она попыталась расслабить мышцы лица, стараясь принять нейтральное выражение через три...

— Кинси! — раздался рев мэра.

Джози, благослови ее Господь, предприняла символическое усилие в виде бормотания "Позвольте мне проверить, свободна ли она" перед ее кабинетом, но Кинси могла быть на встрече с президентом США, а Эли Куперу не было бы до этого никакого дела.

Два...

Ее дверь распахнулась настежь и гроыхнула, ударившись о стену.

Один.

Нейтральное, будь все проклято. Кинси улыбнулась хмурому лицу своего боса.

— Объяснись, — он захлопнул дверь за собой, однако, если его целью была приватность, то он мог вычеркнуть ее как полное фиаско. Без сомнений, Джози уже разнесла новости о потере самообладания мэра по каналам сплетен мэрии, в кабинетах которой постоянно витали неиссякающие слухи.

— Полагаю, мы говорим о Летней обучающей программе, — совершенно невинно проговорила Кинси. — Речь в прессе прекрасно прозвучала на WGN^[55]. Ты действительно продал это.

Одну руку он в гневе запустил в свои темные, волнистые, густые волосы. А в другой у него был iPad старой модели, который он использовал как запасной. Уф, это было нехорошо.

— "И вот снова, наш уважаемый мэр был замечен в компании нарушителей с Чикагского пожарного отдела", — прочитал он с iPad-а, или, если точнее, из сегодняшнего утреннего обзора с Трибьюн^[56]. Сэм Кокрэйн заявлял, что его сотрудники имели редакторскую независимость, но все эти комментарии звучали подозрительно похожими на обычное хвастовство.

— "Сначала мы видим муниципальных служащих из ПО № 6 дерущимися со своими братьями по оружию из полицейского департамент и допустившими ошибку, позволив заснять себя на видео. Теперь мы платим им за то, что они раздеваются в городской собственности и воссоздают "Супер Майка"^[57] для хора административных работников. На протяжении всего этого зрелища мэрия практически не работала, срочные вызовы для ПО № 6 были приостановлены и...", — мэр поднял руку в драматическом жесте прислушайся-к-этому, — "всем им заплатили".

Ярость исказила черты Эли, делая его похожим на одну из горгулий Городской библиотеки Чикаго, смотрящих на Стэйт-стрит.

— Это гребаная пиар катастрофа. Предполагалось, что ты прекратишь это, а не превратишь их в Чиппендейлз^[58]. О чем, черт побери, ты думала?

Приложив палец к губам, Кинси попыталась выглядеть раскаивающейся, но у нее это никогда хорошо не получалось. Честность подходила ей куда больше.

— Я думаю, что, возможно, знаю как делать свою работу лучше, чем ты.

Она обошла стол и взяла iPad у него из его рук.

— А что другой сломался?

— Угу, — выдавил мэр.

Это был третий планшет, из тех, что сломались у мэра за ее примерно четыре месяца работы здесь. Технологии были слишком хрупкими для мужчины с таким взрывным характером, или который подвергался нападкам со стороны прессы.

— Верись или нет, у меня тут разработана стратегия, — ее взгляд упал на iPad и губы дернулись в улыбке. Редакция не могла бы быть более идеальной, как будто она сама ее продиктовала.

Первый пункт в плане: выполнен.

Пара зажигательных фотографий со съемок "каким-то образом" попали на почту Джуллиана Мэлоуна. Кинси сама отбирала фото, которые якобы просочатся к опытному репортеру, включая одну милую фотографию блестящего Гейджа Симпсона, но газета использовала знойный кадр, на котором Люк расстегивал свои защитные штаны, его взгляд был направлен куда-то поверх плеча фотографа. На Кинси, судя по всему, как раз за десять

секунд до того, как он воспламенил ее трусики.

— Объясни мне, как *это* поможет мне переизбраться в феврале, — проговорил Эли, немного успокоившись или по крайней мере слегка обнадеженно, когда до него начало доходить ее заявление о том, что она знает, что делает. Парень мог быть болваном-шовинистом, когда дело доходило до женщин пожарных, но Кинси могла расслышать сдержанное проявление уважения в его тоне.

Ее личный телефон зазвонил и она увидела номер звонящего даже с трех футов.

— Одну минутку, мне нужно ответить, — уровень уважения в комнате возрос еще выше, так же как и выгнувшиеся дугой брови мэра. Игнорирование босса, чтобы ответить на важный звонок? Демонстрация силы во всей красе. Быстро покончив с любезностями, Кинси перешла сразу к делу:

— Десятичасовые новости, Мариса, не шестичасовые. Эти фото на самом деле не подходят для вечерних новостей, верно?

Она положила трубку и повернулась обратно к мэру.

— Это была ведущая с местного NBC^[59], — объяснила она, всплеск эйфории в ее венах почти заставил девушку испытать оргазм на месте. — История выйдет в эфир в десять.

Пункт два: выполнен.

Его рот тронула скептическая усмешка:

— Ты имеешь ввиду историю о городских стриптизерах-пожарных?

— Я имею ввиду историю о храбрых мужчинах из ЧПД, демонстрирующих свое отличное физическое состояние, чтобы все несчастные, обездоленные и брошенные дети могли получить новые футбольные мячи, — ее сердце пропустило несколько ударов от воспоминаний о просьбе Люка по поводу выручки от календаря.

— Ты контролируешь это сообщение? — спросил Эли, в его глаза мелькнул блеск одобрения перед тем, как они снова помрачнели. — Думаю, ты забыла о том, что мне нужны деньги и поддержка Кокрэйна. Если мы заставим его глупо выглядеть, это точно никак не поможет мне.

— Здесь тонкая грань, но как только возникнет связь с благотворительностью, у него не останется иного выбора, кроме как спрятать свои клыки. Мы скормим Мэлоуну лакомые кусочки о наших планах по реабилитации, а затем предоставим ему решать, как это преподнести. Думаю, публика увидит в этом неплохое развлечение на лето. Как “Вкус Чикаго”^[60].

Кинси надеялась на это. Провал кампании мэра по переизбранию будет иметь катастрофические последствия, а у нее будут нулевые шансы избежать пинка под зад с рабочего места. Но ее интуиция подсказывала ей, что это сработает. Должно сработать.

Эли сжал губы, обдумывая это.

— Ладно, позволю тебе работать над этим, но в то же мгновение, как я увижу доказательства того, что задуманное не приносит желаемого эффекта, который состоит в том, чтобы заставить ЧПД выглядеть частью уютной городской семьи, я отстраню тебя от этого дела и это станет публичным позором. Хотя, не могу представить, чтобы Алмэйда был очень счастлив, когда ему пришлось наполовину раздеться, чтобы разобраться со своими проблемами.

Мэр, казалось, наслаждался тем, что принудительное сотрудничество доставило Люку немало неприятностей. Хуже всего было то, что желудок Кейси сжался в стремлении защитить сексуального пожарного.

— Исходя из моего опыта, — игриво проговорила она, — решение показать голый торс срабатывает для пятидесяти процентов мужских особей. А снятие штанов является финальным решением проблемы.

— А что касается других пятидесяти процентов?

— Для них срабатывает полное обнажение.

Он тепло рассмеялся.

— Забавно, как вы женщины всегда так свысока смотрите на это. Всегда именно мужчины считаются теми, кто не может удержать себя в своих штанах, и все же я слышал, что пожарное депо было заполнено нашими сотрудниками без членов во время этого горячего события.

— О, должно быть, это создало трудности здесь, — у ваших сотрудников с пенисами возникли проблемы с тем, чтобы включить ксерокс на пятом этаже? Или пробежки в Старбакс стали слишком большим испытанием для их уровня тестостерона, с которым они не смогли справиться?

Это вызвало его сардоническую усмешку.

— Город не платит сотрудницам за то, чтобы они глазели на обнаженных мужчин.

— Нет, только за пробежки в Старбакс.

— У тебя неправильное впечатление обо мне, Кинси.

— Не думаю. Но все в порядке, ты мне все равно нравишься.

Она улыбнулась.

Он нет.

— Просто, чтобы внести ясность, — сказала она, слегка сердито, ей надо было защитить свою стратегию здесь. — Двадцать три сотрудника, как мужчины так и женщины, были выбраны и освобождены от работы, чтобы поддержать благотворительные старания ЧПД во время съемок для календаря. Это не было сделано во время работы для города и никому не платили за то, чтобы он находился там. Остальная часть толпы состояла из представителей общества, которому мы служим.

Эли выглядел не впечатленным.

— Ты уверена, что это не станет разорвавшейся бомбой для нас?

Она мысленно скрестила пальцы за спиной.

— Доверься мне, у меня все под контролем, — пункт три станет вишенкой на торте, но до определенного момента она придержит его при себе.

— Думай об этом, когда будешь встречаться с "M Squared" и делиться своим опытом. Держи сообщение под контролем, — сказал Эли. — Сделай это.

— Конечно, — Кинси заставила себя изобразить безразличие. Встреча с "M Squared" управляющей избирательной кампанией Эли, заставляла ее желудок трепыхаться, как мешок полный царапающихся котят, но будь она проклята, если покажет хоть каплю слабости. *Я профессионал, держащий все под контролем и чертовски хорошо выполняющий свою работу.*

Но когда она наблюдала, как подтянутая задница мэра направлялась к выходу из ее офиса, и задумывалась о том, какой прекрасной та была формы и как отлично смотрелась в его штанах в тонкую полоску, ее мысли неминуемо соскользнули на то, что она была и близко не так соблазнительна, как другая, принадлежащая некоему стриптизеру-пожарному.

Когда дело касалось Люка Алмэйда, казалось, что рациональная, холодная и собранная Кинси Тэйлор покидала здание.

Люк направлялся на запад по Фостер^[61] к дому общества Сэнт-Кармен, когда едва не разбил свой грузовик.

Этого не может быть...

Ни в коем случае, черт побери, она бы не...

Он моргнул. Посмотрел еще раз.

Может... и она сделала это.

Над путями Метра^[62], с другой стороны от Чейс банка, на огромном щите красовался прекрасный, блестящий, с резко освещенными краями обнаженный по пояс Люк Алмэйда.

Придя к выводу, что, должно быть, это были галлюцинации, Люк завернул за здание, молясь о том, чтобы там было что-то другое. Позади приюта он припарковал машину у гидранта. Он не собирался ждать еще дольше, позволяя своему мозгу взорваться вулканом и стечь лавой по спине.

Да, это он был там наверху. Двадцати футов^[63] в высоту, с блестящей грудью (как так получилось?), его пальцы словно намекая на что-то неприличное, накрывали застежку защитной одежды. Он смотрел взглядом, который кто-нибудь с лучшим словарным запасом, чем у него, назвал бы *тлеющим*. На уровне бедер, располагался провокационный вопрос: "Кто-нибудь вызывал пожарных?" и все это завершала ссылка на веб-сайт. К счастью, этот снимок был сделан до того, как выпустили котят. Впрочем, котята были чертовски милыми, особенно тот маленький трехцветный котенок с большими глазами. Дерьмо. Он подавил рычание, раздраженный направлением, которое приняли его мысли.

Она была позади камеры. В паре футов за камерой, но именно на нее он смотрел. *Тлеющим взглядом*. Этой женщине лучше держать наготове свою перчатку для ловли мяча, потому что он был готов сделать ей адскую подачу.

Люк достал свой телефон и прокрутил до старых звонков. Вот этот номер, с кодом города, который он не узнал. Гейдж говорил, что она была из Сан-Франциско, и, ожидая пока она поднимет трубку, Люк представлял ее на чистом калифорнийском пляже, впитывающую солнечный лучи. Ее медовые светлые волосы каскадом спадают по обнаженной спине, которую пересекают тонкие шнурки, едва удерживающие бикини на месте (белое, возможно, или красное... Да, определенно красное). Потянуть за кончик завязок, чтобы оно развязалось и упало, займет всего одно мгновение...

— Алло, — ответила он своим хриплым голосом, который послал толпы мурашек вниз по его спине.

— Привет, — проговорил он в ответ мягче, чем говорил это в своих мыслях. Хватит отвлекаться. Пришло время вытащить голову из своей ставшей знаменитой за последнее время задницы и покончить с его двадцатифутовой сенсацией. — Ты зашла слишком далеко, мисс Тэйлор. Я ехал вниз по улице, и что же я увидел, — себя в какой-то глупой позе на билборде. Не помню, чтобы давал тебе разрешение на это. На календарь — да, но на билборды?

Ответом на его напыщенную речь стала пауза, вероятно потому, что ей нужна была минутка, чтобы переварить его ахиною и дать ему время успокоиться.

— Кто это?

Люк зарычал и ее гортанный смех достиг его ушей. Как и следовало ожидать, его член отреагировал мгновенно.

— Мистер Алмэйда, я говорила, что собираюсь сделать из тебя звезду. Вместе мы поднимем кучу денег тебе на благотворительность...

— За счет моей репутации. Люди могут увидеть этот билборд даже из космоса, — новая ужасающая мысль промелькнула через туман в его голове. — Сколько их всего?

— Всего парочку, — она замолкла. — Не больше десяти. Максимум пятнадцать.

Он хлопнул ладонью по рулю.

— Ты только что ударил что-то?

— Нет.

Ее молчание говорило о том, что он не убедил ее.

— Кинси...

— Не волнуйся, — беспечно проговорила она. — На некоторых из них красуется Гейдж. Мы здесь в мэрии всем предоставляем равные возможности. А теперь мне надо распланировать вечеринку в пожарной части, мистер Алмэйда, этот надувной дом сам по себя не поднимется, — она рассмеялась. — А может и поднимется! Мне нужно это изучить, — щелк.

Двадцать минут спустя Люк с баскетбольным мячом обвел одного, второго, третьего защитника и сделал бросок. Мяч ударился в щит, покружился по кольцу и отскочил, так и не попав в корзину. История его жизни в эти дни.

Наклонившись и оперевшись ладонями о колени, он втянул воздух в свои горящие легкие. Его мутный взгляд блуждал по трещинам асфальтового покрытия корта, находящегося так далеко по Фостер авеню, что это был уже практически пригород. Сорняки пробивались через щели, тянулись к солнцу, создавая жизнь там, где только могли найти ее.

— Киска, — услышал он голос позади себя.

Люк выпрямился и, повернувшись, стрельнул опровергающим взглядом в четырнадцатилетнего панкующего подростка с грязным ртом.

— Для тебя мистер Киска, Антон.

Антон усмехнулся застенчивой улыбкой, которая так расходилась с грязными словами, постоянно слетающими с его языка. Ему нравилось, когда учителя обращались с ним как со взрослым, и позволять некоторым его неуважительным шуточкам оставаться без внимания было продуманным шагом со стороны Люка. Все эти дети в Сэнт-Кармен нуждались в разных вещах. Некоторые хотели, чтобы их оставили в покое, некоторые — уверенности в том, что в конце туннеля есть свет. Некоторые хотели любви или того, что выдавалось за любовь, в этой запутанной вселенной. Но общим у них была потребность в уважении и чтобы с ними не обращались как с недоумками.

— Я видел это видео с тобой в баре, — сказал Антон, дерзко ухмыльнувшись.

Дерьмо. Люк боялся того момента, когда это дойдет до детей.

— Да, что касается этого... — как мог он объяснить это и не выглядеть, как учитель на внеклассных занятиях. — Знаешь, это был не лучший способ справиться с происходящим. Тот парень вывел меня из себя, но мне надо было спустить все на тормозах.

— Подставить другую щеку и прочее дерьмо?

— Верно, — прямо как господь наш Иисус.

Антон обвел языком вокруг губ, что означало для него происходящий мыслительный

процесс. Ничего хорошего.

— Но ты не попал в неприятности. У тебя все еще есть работа, ты все еще здесь с нами, и тебя показывают в телевизионных новостях.

И это было дерьмово вдвойне.

Ему надо было установить здесь порядок и убедить детей в том, что плохое поведение на самом деле приводит к неприятным последствиям. Хотя то, как рот и тело Кинси Тэйлор отвечало на его поцелуй, было настолько далеким от неприятного, насколько только возможно.

— Эй, ребята, слушайте сюда.

Подростки повернулись, используя свои обычные наглые взгляды как броню.

— Я знаю, что вероятно все вы видели то видео, где я срываюсь на другого парня. Что ж, это поведение доставило мне кучу неприятностей на работе. Конечно, у меня все еще есть работа, но если я не буду сотрудничать со своим начальством, то могу потерять ее. Вы понимаете, о чем я сейчас говорю?

— Значит, если мы хотим получить работу, нам не следует ввязываться в драки, — проговорил Кевин, жуя жевательную резинку.

— Да... то есть нет.

— Неа, чувак, — вмешался Дэнни, носящий так низко висящие штаны, что было видно половину его нижнего белья. — Если мы хотим подраться, нельзя позволять, чтобы это засняли на ви-де-о.

Услышав это, ребята хлопнули себя по животам.

Люк скрестил руки и послал жесткий предупреждающий взгляд перед тем, как продолжить:

— Я хочу сказать о том, что насилие не является решением проблемы, когда вы злитесь на кого-нибудь, — даже если этот кто-то трахал вашу жену в вашей кровати, а затем появился в вашем баре во время седьмой игры финального кубка, чтобы самодовольно поулыбаться по этому поводу. МакГиннис счастливчик, что не писает кровью. — И именно поэтому все закончилось тем, что я оказался на билборде, выглядящий как один из этих геев-моделей... что ж, поверьте мне, когда я говорю, что это не является наградой.

За исключением горячей женщины с горячим ртом и еще более горячим... успокойся, парнишка.

Это заявление было встречено неодобрительными взглядами. После долгой, долгой паузы, Мики положил руки на свои бедра.

— Так теперь ты модель на билбордах?

Остальные сочувствующе покачали головами.

Да уж, кажется информация об этом деле с билбордами еще не достигла их ушей.

Кинси пыталась сделать все возможное, чтобы не вести себя как последняя деревенщина, но вид с Signature Room^[64] на девяносто пятом этаже Хэнкока был совершенно захватывающим. Сидя у окна, выходящего на южную сторону, с величественно раскинувшимся перед ней ночным Чикаго, Кинси могла только разглядывать яркие огни и

высокие здания, подчеркивающие красоту и прогрессивность города. И все же, она снова столкнулась с пугающим страхом от того, что насколько бы потрясающим это не было, она была совсем не с тем человеком, с которым этим можно поделиться.

Мысленно она разбила этот камень жалости к себе ударом из карате.

— Как давно закончились ваши отношения?

Кинси отвела глаза от звездных достопримечательностей, удивленная вопросом своей компаньонки за ужином. В самом деле? Она старательно придерживала свои личные дела при себе, так что выбор Мэдисон Мэйтлэнд такой пустой темы для вопроса вызвал ее любопытство. Владелица "M Squared", самой крупной фирмы Чикаго по связям с общественностью, — эта женщина провела бесчисленные политические кампании и корпоративные ребрендинги. Этика и финансовые правила запрещали мэру использовать городских служащих, таких как Кинси, для организации своего переизбрания, так что к удержанию кресла мэра за Эли была привлечена сторонняя фирма Мэдисон.

— Я не сомневаюсь, что вы держите руку на пульсе событий, мисс Мэйтлэнд, но удивлена тем, что вы достаточно заинтересовались мной, чтобы проверить мое прошлое.

Мэдисон потягивала свой "Гленфиддик" восемнадцатилетней выдержки ^[65] и смотрела на Кинси пронзительным взглядом из-под темных ресниц. Беззаботная и собранная с прической боб цвета черного дерева в стиле Анны Винтур ^[66] и в белом пиджаке от модельера Марка Джейкобса, эта женщина выглядела не старше тридцати пяти, хотя Кинси достоверно знала, что она была на десять лет старше. Возможно, это было подтверждением того, что надо переходить на виски высшего класса.

— Эта бледная полоска от кольца на вашем безымянном пальце — вот и вся проверка прошлого, которая мне требовалась.

Кинси полагала, что при внутреннем освещении это легкое различие цвета будет едва заметным, но все же в этом заключалась работа Мэдисон Мэйтлэнд: замечать незаметное.

Она вздохнула.

— Где-то около месяца.

— Переехали в Чикаго, чтобы сбежать?

— Хотела бы.

— Ах, вы переехали из-за него? Еще хуже. Теперь вы работаете на человека, который считает, что вас нельзя оставить одну даже в песочнице.

Кинси сделала глоток своего "Грязного мартини" с Grey Goose и позволила себе осознать момент. Это был не первый раз, когда женщина разыгрывала дружескую симпатию только для того, чтобы позже ударить ей в спину, и использовать этот нож, как опору, чтобы взобраться на ступеньку повыше.

— Мэр осторожен, — дипломатично проговорила она. — Я работаю на город, вы работаете на него. Важно, чтобы мы координировали наши усилия и не сомневаюсь, мне есть чему поучиться, — показная кроткость — идеальное дополнение дипломатии.

— Что ж, ваши пожарные хорошо выглядели в десятичасовых новостях, не говоря уже об этих билбордах. Признаю, что это был хороший шаг, Кинси. Нам просто надо быть осторожными, это не упрощает проблемы.

— Думаю, это создало неплохое отвлечение от идиотов, набрасывающихся друг на друга в баре, — хотя выявившаяся причина раздора между Люком и детективом МакГиннисом, конечно же, представила все в другом свете. Каждый раз, когда она пыталась низвести мистера Алмэйда до всего лишь безмозглого качка, раздражающие ее размышления не

давали этого сделать.

Мэдисон прищурилась.

— Нужно было что-то сказать, чтобы "заманить и подменить", я полагаю, — коснувшись края своего почти пустого стакана, она выгнула ухоженную бровь, глядя на привлекательного официанта даже раньше, чем он успел подойти к столу. Он сразу же развернулся и нашел занятие для своих пустующих рук, поняв, что надо повторить. — Моя работа заключается в том, чтобы убедиться в переизбрании Эли. Ваша — в том, чтобы убедиться, что репутация Чикаго как грязной, коррумпированной помойной ямы с оплаченными публикациями, изменится.

Кинси от души рассмеялась. В лучшем случае, это были слишком завышенные ожидания.

— Прямо сейчас, я была бы рада изменить общественное мнение об одном конкретном пожарном в одном конкретном пожарном отделе.

— Это о том, с рельефным прессом?

— Именно.

Обе женщины замолчали, смакуя несколько непристойных образов. Проходили минуты, но молчание не было неприятным.

— Все это кажется немного..., — Мэдисон взмахнула рукой в воздухе, будто подбирая слово, которое без сомнений уже подготовила, — ... неприятным для женщины с вашими талантами. Я видела кое-какую вашу работу в Сан-Франциско. Кампания по переработке отходов, и другая, связанная с раком молочной железы. Я знаю, что ваша специализация — городское управление, но вы достойны лучшего, чем горячие пожарные и фото с котятками.

Год назад Кинси организовала кампанию по обследованию на рак молочной железы для отдела здравоохранения Сан-Франциско "Проверьте Ваши Сиськи", которая привела к 32 % росту самостоятельных обращений пациентов за шесть месяцев, а также к увеличению числа женщин, посещающих своих докторов и проходящих маммографию. Ее кампания по переработке может и агитировала только тех, кто и так был на ее стороне в полной хиппи и приверженцев гранолы области залива Сан-Франциско^[67], но и там она тоже добилась успехов.

Опять же, проникательная Мэдисон ударила по больному месту: работа в Чикаго, больше похожая на развлекательное безделье, не входила в ее планы.

— Я не буду заниматься этим вечно. Я вела и кое-что другое, но сошла с дистанции, считая, что это может исправить отношения с моим женихом. Я пошла на компромисс, потому что считала, что это создаст баланс между работой и личной жизнью и сделает меня счастливой, — она надеялась, что потакание потребностям Дэвида даст ей подобное дзен-просветлению понимание того, какие правила работают в этой игре. Сделать довольным своего мужчину — сделать довольной себя. Или, возможно, та работа не имела значения, потому что она словила настоящий приз: парня, который соответствовал всем требованиям. Карьера, богатство, престиж.

Остаться совсем одной — было страшной судьбой для женщины, в то время как для мужчины в этом не было ничего такого. Вселенская правда, которую она ненавидела.

Кинси щедро отпила от своего напитка.

— Признаю, я бы лучше имела дела с более важными вопросами, например, образование, здравоохранение, связи с некоммерческим сектором, чем с такими, как можно

ли приструнить парня с десятибалльным темпераментом и склонностью к решению проблемы с помощью кулаков.

Официант заменил пустой стакан Мэдисон на новый. Она старательно игнорировала его.

— Испокон веков мы прибирали беспорядок за мужчинами. Когда мужчина делает это для женщины, это называется спасением, а когда женщина для мужчины — домашней работой, — Мэдисон посмотрела в окно, задумчивое выражение смягчило черты ее лица. — Однажды и я переехала из-за мужчины.

Кинси вздрогнула от этого резкого перехода с "трудности женской доли" к личной теме.

— Мой второй муж получил работу в престижной юридической фирме в Нью-Йорке. Я только начала поднимать "M Squared" и пару месяцев мы попробовали решение одни выходные там, другие здесь, но...

— Вскоре вы стали проводить выходные там, а он ни на одни не приезжал сюда?

Мэдисон кивнула.

— Моя карьера никогда не была настолько же важна, как и его. Я видела, как жили все другие жены в юридической фирме. Они должны были развлекать, поддерживать, оставаться в стороне. Я работала на компании, в которых в основном были мужчины, где упоминание о предыдущих успехах на интервью при приеме на работу выглядело как бахвальство. Где успех и способность располагать к себе были плюсом для мужчин и минусом для женщин. Где женщины заканчивали тем, что шли на компромисс, потому что хотели понравиться.

— И не только со стороны мужчин.

Мэдисон мрачно улыбнулась.

— Да, мы делаем это и с другими женщинами. Мы занижаем нашу силу, чтобы не выглядеть высокомерными. Как будто можем провалить какую-то проверку на женственность, — она наклонилась. — Однако, благонравные женщины не делают историю, так ведь?

— А как же Мать Тереза?

Мэдисон кашлянула, словно ее напиток попал не в то горло.

— Самоотверженная святая? Что касается моего личного мнения? Нет, спасибо. Когда мой муж попросил, я переехала в Нью-Йорк, нашла работу, которая мне вроде бы нравилась, но он стал меньше интересоваться мной, как только я сдалась. Его привлекала моя сила, а попытки угодить ему сделали меня слабой в его глазах. Мы развелись через шесть месяцев, и я вернулась сюда.

Сдалась. Это слово всколыхнуло обиду в Кинси при воспоминания о том, как она жертвовала ради Дэвида. Никогда больше она не позволит мужчине так управлять своими эмоциями.

— И вы остались довольны тем, как все обернулось?

Губы старшей женщины сжались от разочарования, не из-за того, как обернулась ее жизнь, а из-за того, что Кинси задала неправильный вопрос. Счастье было слишком абстрактным понятием для таких женщин, как Мэдисон Мэйтлэнд. И Кинси стало интересно, было ли оно таким же абстрактным и для нее. Возможно, для амбициозных женщин невозможно сосуществовать в гармонии личной жизни и карьеры.

— Я еще не встречала мужчину, который смог бы справиться с тем, что я предлагаю, — призадумалась Мэдисон, взгляд которой был направлен в прошлое. — Мой первый муж был слишком незрелым, слишком молодым, чтобы принять это. В те дни я зарабатывала себе на

жизнь. Я была ответственна за свои оргазмы, — ее взгляд скользнул по официанту. Полагаю, кому-то повезет этой ночью. — Эли свел нас вместе, считая, что вы не сможете справиться с этим заданием.

— А что думаете *вы*?

— Здесь имеет значение только одно мнение. По крайней мере, официально. Потакание личным амбициям — непрерывная работа, но я думаю, между нами, — мы можем сделать так, что это мнение сыграет на руку всем.

С хитрой улыбкой Мэдисон взяла меню.

— Еда здесь не так уж хороша, но вид, как внутри, так и снаружи, удивительный. Еще по одному?

Место преступления, настоящего преступления, которое выдало ей это назначение и на ее радар попал Люк Алмэйда, было уже забито битком к тому времени, как Кинси зашла внутрь, почти в восемь часов пятницы накануне праздника Четвертого июля. Дэмпси на Дамэн был обычным ирландским баром. Высокие столы, приглушенное освещение, нытье Боно^[68] о том, как он все еще не нашел то, что искал. Как и подобало заведению, которым владели пожарные, оно было полно вещей, связанных с их службой. Сепия^[69] чикагских пожарных отделений и расчетов. Медный колокол, который в былые времена бил тревогу.

И также за баром был великолепный лакомый кусочек в виде Гейджа.

Он широко улыбнулся, когда она подошла ближе и запрыгнула на барный стул. Этой ночью “Малыш Тор” выглядел исключительно хорошо, одетый в футболку с надписью: “Я пожарный — занимаюсь довольно важным делом”.

— Тебе *таааак* повезло, — проговорил он. — Его здесь нет.

— Кого?

— Мистера Июль.

Она удачно скрыла за улыбкой свое разочарование от того, что Люка не было.

— Думаешь, я боюсь твоего брата?

— Думаю, тебе следовало бы, — он перегнулся через стойку и постучал по телефону. — Моя любимая — та, на которой Люка с помощью фотошопа сделали блестящим от пота. Его ужасно вывела из себя эта маленькая деталь.

Пролистывая изображения, Гейдж остановился на том, которое, должна была признать Кинси, было и ее любимым. Божественный пресс Люка и это сексуальное V на уровне бедер просто кричали о сексе, а на билборде высотой до небес это никоим чертовым образом не могло быть не замечено каждым водителем, направляющимся этим утром в город по трассе I-90^[70].

— Не могу поверить, что город раскошелится на эти билборды, — подхватил женский голос справа. Алекс уселась на соседний стул и кивнула Гейджу, который передал ей светлое пиво “Гус Айленд Самэр”^[71] и вопросительно приподнял бровь, глядя на Кинси.

— Я буду то же самое, — сказала она и повернулась обратно к Алекс. — Билборды были установлены за счет спонсоров. Как только я объяснила, что они направлены на доброе дело, те были более чем счастливы оплатить их. Да и мне они нужны только на месяц, чтобы увеличить количество заказов на календарь.

— Ты имеешь ввиду, люди действительно собираются покупать это дерьмо? — спросила Алекс.

— Люди уже покупают это дерьмо, — выговорила Кинси, смеясь. — 331 линия городских служб была завалена звонками сегодня, а сайт, через который мы все продаем, этим утром дал сбой на тридцать минут, — наверное, ей надо было попросить ребят из информационно-технологического отдела ненадолго отключить его, чтобы еще больше разжечь это безумие. Угроза об ограниченных поставках первоклассного календаря с пожарными могла тоже сыграть на руку.

Алекс дружески чокнулась своей бутылкой с Кинси.

— Проклятье, женщина, ты бьешь наповал. Помимо этих непристойных билбордов и местных новостей, это идеальное ФУ в сторону того засранца из *Триб*. Он назвал Гейджа

милашкой!!!

Они обе посмотрели на Гейджа, который пожал плечами. В то время, как большинство людей наслаждались календарем, присутствовала и отрицательная реакция, продвигаемая “Трибьюн”, о нецелесообразной трате денег налогоплательщиков, особенно на что-то настолько “нетрадиционное”. Хотя тон комментатора ясно дал понять, что нетрадиционным являются не полуобнаженные мужчины сами по себе, а полуобнаженные геи.

— Когда Дарси и Бэк вернутся из своего отпуска в Тайланде, я собираюсь сказать нашей девочке, что ей надо будет держать своего огра-папочку в узде, — продолжила Алекс. — Мы практически породнились с чуваком. Он мог бы и не быть таким мудаком.

Гейдж покачал головой.

— Именно поэтому он и был мудаком, Скуби-Ду. Он ненавидит то, что Бэк испортил его обожаемую дочурку.

— Звучит больше похожим на то, что он чувствует угрозу со стороны горячего, полуобнаженного пожарного, — ответила Алекс. — К слову об этом... Ты сказал ей?

Кинси посмотрела на Гейджа.

— Сказал мне о чем?

На его красивом лице расцвела сексуальная улыбка.

— Этим утром мне звонили с модельного агентства. Они увидели билборд на Вестерн и хотят, чтобы я пришел на пробы.

— Слово тебе нужна дополнительная помощь в том, чтобы твоя постель оставалась теплой, — пробормотала Алекс. — Вон там один со щенячьими глазами выглядит по уши влюбленным. Возможно, он хочет от тебя автограф на своем стояке.

Всё трио одновременно обернулось, чтобы взглянуть на милого парня из братства с поцелованными солнцем волосами и полной надежды улыбкой. Гейдж оценил его с холодностью, которая, как считала Кинси, не была в его репертуаре.

— Это потрясающие новости, не так ли? — Она предположила, что большинство парней будут руками и ногами “за” предложение поиграть во временных моделей, хотя, мысль о том, что с такой же просьбой могли прийти и к Люку, заставила желчь подняться по ее горлу.

Но это ее не касалось. Пара обжигающих взглядов и один дымящийся поцелуй, и она уже беспокоится о том, что возможности для этого мужчины связаться с женщиной, которую зовут не Кинси Тэйлор, значительно расширились. У нее нет никаких притязаний на него, и никакого желания заявлять таковые.

Так почему же она была здесь?

Потому что Гейдж предложил ей заглянуть, вот и все. Она была одинока и без друзей в незнакомом городе, живущая в стандартном корпоративном доме с холодильником, забитым только китайской едой. Она кучу пятничных вечеров могла провести расхаживая вокруг магазина “Хол Фудз”^[72], пытаясь состряпать сытную еду из Каберне и кусочков сыра азиаго^[73].

Отвернувшись от горячего паренька из колледжа, Гейдж улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его глаз.

— Угу, это все хорошо. Я никогда не скажу “нет” большому количеству возможностей потрахаться.

— Что происходит? Ты чем-то расстроен? — Глаза Алекс распахнулись. — Или кто-то тебя отшил? — приподнявшись на перекладине для ног, она перегнулась через барную

стойку и жестко схватила своего брата за плечи. — Кто он? Мне нужны детали. Сейчас, Симпсон.

— Никто. Ничего такого, — вырвавшись из хватки Алекс, он бросил взгляд на Кинси, и ее поразило жуткое осознание.

— О мой бог, это шеф. Приятель мэра, — после возвращения с кухни той ночью в “Смитс и Джонс”, Эли хвастался своими навыками сватовства. Пугающий шеф и начинающий мужчина-модель казались странной парой, но что она понимала?

Гейдж закатил глаза, словно Кинси ужасно разочаровала его.

— Прости, я не знала, что это секрет.

— Это не секрет, — проговорил он быстро, успокаивая ее. — Как я и говорил, это ничего не значит. Пока нет. Это просто... — улыбка осветила его изнутри, а потаенные мысли, те, которые придержишь для начала чего-то особенного, добавили огня его усмешке. — Ничего не значит. В любом случае парень строит из себя недотрогу.

— Я знаю, что он служил с Эли в Афганистане. Могу разузнать о нем побольше подробностей, — игриво сказала Кинси перед тем, как повернуться к Алекс. — Кстати, если тебе нужно что-либо узнать о нашем бесстрашном лидере, не стесняйся, спрашивай. Боксеры или плавки. В пижаме или обнаженный. Ребристые или с запахом. По мэрии гуляет целый список.

— Зачем бы мне хотеть что-нибудь узнать о нем? — спросила Алекс, внезапно заинтересовавшись этикеткой на своей бутылке пива.

Гейдж и Кинси обменялись понимающими взглядами. Под их насмешками Алекс покраснела, но быстро сбросила свое притворное безразличие.

— Мэр Эли Купер — высокомерный, шовинистический засранец, который кончая, очевидно, выкрикивает свое собственное имя.

— Элиии... — Гейдж запрокинул голову и застонал, как от оргазма, эту пародию Алекс и Кинси встретили взрывом хохота.

Алекс указала бутылкой на Кинси.

— Твой босс — тот еще мудака, я живу с мудаками и работаю с мудаками. Вся по уши в мудаках, так что большое спасибо.

— Никогда не бывает достаточно членов^[74], — мудро проговорил Гейдж.

Кинси подняла свое пиво.

— За это я выпью.

Люк резко проснулся, отдирая приснившихся восьминогих гостей, ползающих по его лицу. Когда он спал в своей комнате, которая была за соседней дверью, наполненные тараканами и разрушающимися домами кошмары обычно оставались глубоко похороненными в его спящем сознании. Но на диване своих сводных брата и сестры, где он задремал, ожидая возвращения Гейджа и Алекс домой, комфорт и безопасность ускользали от него. Даже два стакана Джека, которые он выпил, придя домой со своей смены в баре, не смогли обеспечить его достаточно глубоким сном.

Люк любил этот проклятый бар, даже зная, что владение им или поддержание его

легальности стало, вероятно, одной из причин, по которым провалился его брак. Были времена, когда ему требовалось пространство, и окружение себя кучей подвыпивших посетителей, было лучшим способом получить его. Лиза ненавидела этот бар. Просто еще одно звено, крепко связывающее его с семьей.

Шон открыл Дэмпси на Дамэн с Вэстоном Купером и Сэмом Кокрэйном еще раньше чем Люк быстро промелькнул в жизни своей сидящей на метамфетамине матери. Пожарный, адвокат и бизнесмен зашли в бар... и купили его. Это партнерство точно не вело ни к чему хорошему, но судя по всему оно оставалось успешным до тех пор, пока Кокрэйн, по неизвестной причине, не поссорился с Шоном. Затем Купер, или просто “Куп”, как он был известен всей судебной системе округа Кук^[75], задешево продал свою долю пару лет спустя, готовясь к попытке стать судьей штата.

Уголовно преследуя бандитов и воров в законе, он попал под перекрестный огонь некоторых довольно мерзких криминальных элементов, один из которых убил его и его жену. Все ради того, чтобы выполнить свою работу на службе у государства. А сейчас его сын, Эли Купер, мистер чертов мэр, решил так жестко прокатиться на заднице Люка, что тому было даже интересно, сколько еще дерьма, он может выдержать, или знал ли Купер, что их отцы когда-то были партнерами. Даже друзьями.

Между этим дерьмом с календарем, своим временным отстранением и Кинси Тэйлор, — Люку нужна была всего одна искра, чтобы вспыхнуть, как пороховая бочка. Вероятно не лучшая ночь для того, чтобы обслуживать сопляков из братства. Гейдж и Алекс обычно работали по пятничным вечерам, потягивая пиво, но это было начало праздничных выходных и Люк сказал, что подождет их, пока они будут тусоваться. Позволит детишкам поразвлечься, трясая своими задницами перед другими детишками.

Уайатт говорил, что Люк слишком беспокоиться, что ему стоит позволить им совершить свои собственные ошибки. Люк соглашался, по большей части, но этой ночью он все еще просиживал диван в доме, в котором вырос, чтобы иметь возможность поиграть в строгого отца со своими младшими братом и сестрой. Как только они в безопасности вернутся домой, он вернется к себе, он жил по соседству, для того, чтобы пару часов поспать без сновидений. Пусть и не в своей кровати. Не с тех пор, как...

Знакомый скрежет подсказал ему, что его путешествие в мир снов начнется благословенно скоро. У кого-то возникли проблемы с тем, чтобы попасть ключом в замок.

— Гейдж, отдай сюда, недотёпа, — услышал он невнятное требование своей сестры. У Гейджа проблемы с координацией. Алекс лыка не вяжет. И Уайатт еще говорит, что он слишком сильно беспокоится.

Он вышел в холл и рывком распахнул дверь, к которой все еще прислонялся Гейдж. Тот неуклюже упал в объятия Люка.

— Братуха! Не говори, что ты снова ждал нас. У тебя должна быть своя личная жизнь, — выпрямившись, Гейдж встряхнул Люка за плечи, словно это он был тем, кто словил своего старшего брата, а не наоборот. — И к слову о личной жизни, мы привели тебе подарок.

Посмотрев через плечо Гейджа, Люк обнаружил свою ужасно пьяную и с трудом стоящую на ногах сестру, сжимающую руку — ха! — Кинси Тэйлор.

— Сюрприз! Кей остается на ночь, — проговорила Алекс перед тем, как рассмеяться пьяным от текилы смехом. Таким смехом она смеялась только тогда, когда перебирала с Jose C. — Боже, я бы отдала свою левую сиську за бурито.

Качнувшись вперед, она оставила Кинси, чтобы отправиться на кухню.

— Давайте сделаем поп-корн, — предложил Гейдж, следуя за ней.

Люк окинул Кинси долгим, жестким взглядом, она ответила ему таким же долгим и жестким взглядом. Ожидаемая усталость от окончания ночи, казалось, обошла ее стороной, хоть ее глаза и блестели слишком ярко из-за алкоголя.

— Не переживая, Алмэйда, я не останусь.

Может и так, но она даже не пошевелилась, чтобы уйти. Просто стояла там, выглядя так хорошо, что потеря зрения казалась ему сейчас смертным грехом. Эти джинсы, которые она надела, облегали ее стройной формы, как вторая кожа. Ниже — красные каблуки, выше — красная футболка с блестящим кантом по V-образному вырезу. Округлость ее груди натягивала прилегающую ткань так, что его окатило приятным жаром.

— Я просто хотела убедиться, что они благополучно вернуться домой, — сказала она преднамеренно четко выговаривая слова, как кто-то старающийся не показаться пьяным. — Сейчас, можешь, пожалуйста, показать мне ближайшую стоянку... эм, такси?

Он затащил ее внутрь и закрыл дверь.

— Ты никуда не пойдешь. Как много ты выпила?

Уголок ее рта дерзко изогнулся, усмешка, которую он хотел бы стереть поцелуем. Не один раз.

— Недостаточно, чтобы позволить вам осуществить все свои грязные замыслы со мной, мистер Алмэйда, — она то ли фыркнула, то ли хихикнула и прикрыла ладошкой рот, словно издала какой-то неприличный звук, или сказала слишком многое. Положив обе руки ему на грудь, она продолжила сценическим шепотом. — *Мистер Алмэйда*. Мне нравится то, что мы делаем, *мистер Алмэйда*. Это чертовски сексуально. Ты чертовски сексуален, со всеми этими твердыми мускулами.

Она провела руками по его груди, оценивая, ощупывая. Заявляя права, если быть честным, и его мир стал из-за этого в миллион раз лучше. Его руки в естественном жесте обвили ее тонкую талию, удерживая так, чтобы он мог получить наибольшее удовольствие от разглядывания. Ее золотистый взгляд был направлен на него. Эти прекрасные глаза. Эти прекрасные, пьяные глаза.

— Прекрати это, — прошипела она.

— Прекратить что?

— Эти темные, запрещенные, обжигающие вещи. Это нелегально в Европе, знаешь ли. Генетически модифицированные глаза, вот что у тебя, — она прищурилась, глядя на него. — Они должны быть не настоящими. Такими синие, как Тихий Океан на Бэйкер Бич.

Она уронила голову ему на грудь.

— Боже, я скучаю по этому. Гребаный Дэвид. Тупой гребаный Дэвид, — она выделила каждое слово о “тупом гребаной Дэвиде” ударом головы об его грудь. Было очень приятно держать ее и слушать запутанные объяснения. Круто, невозмутимая Кинси отпустила этот свой тщательно продуманный образ, который с таким усилием поддерживала.

— Кто этот тупой гребаный Дэвид?

— Никто, — пробормотала она ему в грудь, а затем добавила что-то похожее на “мертв для меня”.

— Ее жених, — проговорил Гейдж, вытаскивая кастрюлю, которую обычно использовал для приготовления поп-корна. — Ее бывший жених.

Алекс открывала и закрывала шкафчики, создавая при этом кучу шума.

— Ради которого она протащила свою задницу через всю страну.

— Шшшш, — сказала Кинси, изогнувшись, чтобы заглянуть ему через плечо. Ее грудь мучительно задела его. — Не говори ему.

— И который решил бросить ее, потому что, очевидно, она не вписывалась в его идеал женственности, — закончила Алекс, с явным неодобрением поведения Кинси.

Тупой гребаный Дэвид — точно. Болван, должно быть, имел проблемы со зрением, потому что идеал женственности для Люка был тут, в его руках. Сильная, сексуальная и охрененная.

Завязывай с этим прямо сейчас. Разве Люк не решил совсем недавно интересоваться только сговорчивыми, простыми, воспитанными женщинами, которые любят щенков и детей? Для длительных отношений так уж точно.

Что же касается мимолетных...

Он сжал объятия, заставив Кинси покраснеть.

— Вот ничтожество.

— Знаю, я такая! — с чувством проговорила она. — Я бросила отличную работу, друзей и свою семью, чтобы переехать сюда ради парня, только чтобы меня кинули. Никогда больше. Это ясно, Мистер Июль?

Люк почувствовал, как его губы растягиваются в улыбке, но она говорила так серьезно, что он заставил себя сдержаться.

— Кристально ясно, мисс Тэйлор.

Она рассмеялась и этот искренний, беззастенчивый звук согрел его изнутри. Ему нравились женщины, которые не боялись вести себя таким образом. Он на секунду представил, а если бы ей нравился *он*.

Или щенки.

Или дети.

Больше никаких крепких напитков, Алмэйда.

Каждая часть ее тела совпадала с ним на каком-то клеточном уровне. Тонкая талия, округлые бедра, стройные, длинные ноги. Грудь, будто созданная для того, что бы он втянул ее в рот и пососал. И не забывайте о дьявольском блеске в ее глазах, говорившем, что она может принять его вызов и будет наслаждаться, заставляя его побороться за это.

Боже, он хотел ее.

Он повернулся к Алекс и Гейджу.

— Так, детишки, я могу надеяться, что вы не спалите дом, в котором я вырос?

Алекс одарила его испепеляющим пристальным взглядом Дэмпси.

— Мы — обученные профессионалы, Люк. Если мы *сделаем* что-то, что *может* спалить дом, то справимся с этим.

Совсем неутешительно.

— Думаю, мне надо прилечь, — еле слышно произнесла Кинси. — Можешь вызвать такси?

Ни в коем чертовом случае Люк не посадит ее в такси в таком состоянии, а из-за содержания алкоголя в его крови, он не сможет сам отвезти ее. Кинси останется в его доме по соседству, а сам он займет диван.

Он заправил светлую прядь волос ей за ухо.

— Ты никуда не поедешь. Я позабочусь о тебе, сладкая.

Аромат Кинси наполнил его ноздри, свернулся в груди и осел там странно

возбуждающим и приятно знакомым чувством. Обняв ее руками за талию, Люк дал ей пару секунд на то, чтобы привыкнуть к мысли о том, как он будет вторгаться в ее личное пространство. Было что-то в такой сильной, прекрасной женщине, как Кинси, сейчас уступившей ему, что делало его тверже, чем красное дерево.

Моргнув, глядя на него этими огромными золотистыми глазами, девушка зажала свою нижнюю пухлую губу между зубами и втянула. Медленно.

— Спасибо, Люк. Ты милый.

И милым он останется пока она не протрезвеет. Дикарь может подождать еще один день.

Пробуждение в незнакомой кровати было похоже на возвращение в 2003, или было бы, если бы Кинси когда-либо принадлежала к тем женщинам, которые пили до потери сознания, спали с кем попало и проходили на следующее утро вдоль живой стены позора. Но такой тип поведения всегда был чуждым ей. Она встретила Дэвида на вечеринке братства Альфа-Дельта-Фи в свою первую неделю учебы в Беркли^[76], и они сразу стали официально встречаться. Являясь студентом-медиком третьего курса, он бы ее даже не заметил, но то, что она была новенькой в Калифорнии, и непринужденное общение привлекли его. А его манера идти к цели привлекла ее.

Теперь, казалось, она возмещала свои дни пай-девочки в колледже, пустившись во все тяжкие в Чикаго.

Осторожно, потому что крошечные отбойные молоточки стучали в ее черепе, она рассмотрела то, что ее окружало: логово Люка Алмэйда. Менее мужское, чем она ожидала, не то, чтобы она вообще размышляла об этом, с бледно-голубыми стенами и высококачественной мебелью из пихты от Итана Аллена^[77] или другого высококлассного производителя мебели. Не иначе как по вкусу его бывшей жены. Постельные принадлежности защитного зеленого цвета нарушали гармонию декора, очевидно намекая на то, что Люк предпринял символическую попытку оставить свой брак в прошлом.

Она приподняла простыню. И выдохнула с облегчением. Ее узкие джинсы гармошкой собрались на коленях, но они все еще были на ней. Что касается ее топа, то он, возможно, потерял блески, окаймлявшие его горловину, но в целом, как и следовало, прикрывал ее девочек.

Новые обрывки катастрофичных событий этого раннего утра мерцали, пульсируя отбойными молоточками в ее голове. Прошлая ночь с Люком, в которой был флирт, ощупывание и, о боже, нитье, и все только с ее стороны. Быстро вскочив, Кинси приняла сидячее положение, о чем сразу же пожалела, когда ее голова и желудок совместно выразили протест. Там было что-то еще. Что-то постыдное. Ей надо....

— Ожила.

Желудок свело от сожаления, и Кинси, со скрипом повернув голову, обнаружила Люка, стоящего в дверях. Одетый в потрепанные джинсы и обтягивающую мышцы футболку с логотипом ЧПД, он выглядел так хорошо, что рот Кинси наполнился слюной. Или возможной виной тому была тошнота.

Не помогла и попытка прикрыть глаза предплечьем. А также возвращение головы обратно на подушку. Осторожное. Сексуальность этого горячего мужчины уже отпечаталась на ее сетчатке.

— Прости. Я выселила тебя, — пробормотала она, частично в подушку.

— Не выселила, — он поставил чашку с кофе на прикроватную тумбочку, и этот звук отдался грохотом цимбал у нее в ушах. — Я добавил немного полужирных сливок. Могу добавить сахар, если хочешь.

Аромат ударил в нос, проникая внутрь и возвращая к жизни лишённые кофеина нейроны. Опираясь на один локоть, Кинси сделала глоток, закрыв глаза, когда жидкое золото приступило в своей святой работе.

— Ммм, это идеально, спасибо. Который час?

— Чуть больше семи.

Она посмотрела вверх внезапно слишком ясно осознав, что находилась в постели Люка Алмэйда, пила кофе, который он для нее приготовил, и подозревала, что она была совсем не такой собранной, как ей того хотелось бы. И были все эти воспоминания. Ужасные воспоминания.

Ох. Дерьмо.

— Меня стошнило на твои туфли прошлой ночью.

— В любом случае, они мне никогда не нравились.

— Мне очень, очень жаль, — но это было еще не все. Новый ужас проник в ее мысли, когда мутная память начала проясняться: — Ты держал мои волосы, пока я блевала. Много раз.

— Я с отличием сдал экзамен по держанию волос. Много раз делал это для Алекс, когда та была подростком. И для Гейджа, когда у того волосы были длиннее, — он подарил ей лучшую озорную усмешку, жар от которой направился прямоком в ее трусики. Которые, слава богу, все еще были на ней. — Как ты себя чувствуешь?

— Не слишком хорошо. Я не пила так много с тех пор, как... — она замялась, не желая говорить об этом.

— С тех пор, как твой бывший бросил тебя, после того, как ты протащила свою задницу через всю страну, чтобы быть с ним?

Ох, это была серия откровений с прошлой ночи, которую она смутно припоминала. Хотя, если память не подводила, именно ябеда-Алекс выдала основные подробности. Что же касается ее последнего запоя, — когда она обнаружила, что Дэвид решил пойти дальше и планировать свою жизнь без Кинси, то тогда она купила бутылку водки “Скиннигёл Айсланд Коконат”^[78] и скрылась в гостиничном номере отеля класса люкс “Пенинсула” на Мичиган Авеню. Отказ пользоваться минибаром был призван, как сохранить деньги, так и избежать позора перед обслуживающим персоналом, который мог найти ее вырубившейся посреди моря крошечных бутылочек. Вместо этого, тот нашел ее в компании с одной большой бутылкой.

Несколько часов и одно проклятое похмелье спустя, Кинси сняла свою временную квартиру, чтобы иметь возможность вернуться к своей временной работе и своей временной жизни. С тех пор она несколько месяцев жила в коконе страдания, и прошлой ночью в первый раз позволила себе вырваться из него навсегда. Честно говоря, Кинси скучала по своей семье. Алекс и Гейдж приняли ее в свой уютный круг Дэмпси и, черт побери, если ей не понравилось там, возможно, даже чересчур.

— Похоже я была разговорчивой и блюющей прошлой ночью.

Люк кивнул, с неожиданным пониманием во взгляде.

— Время от времени мы все вправе позволить себе расслабиться.

— Немного сойти с ума?

— Немного сойти с ума.

— А ты немного сходил с ума...?

— Когда обнаружил, что моя жена изменяет мне? О, да. Ты все еще можешь увидеть вмятину в форме кулака на стене в гостиной. Довольно эстетично, если смотреть при правильном освещении, — он зацепился большими пальцами за карманы. — Так что там за история с твоим бывшим?

Кинси сделала вдох, чтобы собраться. Отпила кофе. Вздохнула еще раз.

— В январе он переехал сюда, чтобы стать заведующим кардио-хирургического отделения в Северо-Западном Медицинском центре. Месяц спустя я согласилась на меньшую зарплату и должность пониже, чтобы переехать сюда и быть с ним. Он бросил меня в апреле, за три недели до нашей запланированной в мае свадьбы в Напа^[79].

— Ауч.

Она махнула рукой, свободной от чашки с кофе. Ее немного качнуло, но Кинси предпочла списать это на свое хрупкое физическое состояние.

— Он встретил другую. Медсестру. — Заботливую по своей натуре, полную противоположность Кинси.

— И чего же ты застряла в Чикаго?

Ответить на это “Назло” было бы жалким, но в этом была доля правды. На самом деле Кинси отказалась доставить своему бывшему удовольствие наблюдать за тем, как она, поджав хвост, уползает обратно домой, и такое проявление упорства удерживало беспокойство ее семьи на уровне, поддающемся управлению.

— Мне нравится Чикаго. Я прощупываю возможности вернуться на западное побережье, но пока не всплывет что-нибудь стоящее, этот город подходит мне.

Пару минут Люк изучающе смотрел на нее, словно действительно не понимал эту цепочку рассуждений. Временами, она и сама едва ее понимала. После напряженной паузы, он указал на стул, с подлокотника которого свисали спортивные штаны.

— Я захватил для тебя пару вещей у Алекс. В ванной комнате есть чистые полотенца. Завтрак будет готов через десять минут.

— О, отлично, спасибо, — завтрак мог стать проблемой, учитывая непостоянство в состоянии ее внутренних органов, но после всего, ей ужасно не хотелось быть еще и плохим гостем. Хотелось бы надеяться, что он не слишком любит и нынешнюю пару обуви.

Быстро приняв душ, она надела штаны Алекс и худи с логотипом ЧПО. Вещи висели на ней, потому что у Кинси не было взрывных пропорций женщины-гладиатора, но она была благодарна за то, что избавилась от своей вчерашней одежды, по совместительству ставшей пижамой. Мистер Продуманный оставил запасную зубную щетку, так что она почистила зубы, затем расческой, найденной в одном из ящиков туалетного столика, привела в порядок свои влажные волосы. Со своей еще теплой кружкой, она спустилась вниз по ступенькам к звукам радио и запаху бекона, единственной еде, по которой она скучала, став вегетарианкой.

Крючки для фотографий, но не фотографии, висели на стене вдоль лестницы. Изгнанные воспоминания о браке Люка, предположила Кинси, ожидающие новых, которые займут их место. Она не знала наверняка, когда закончились их отношения, но то, в каком состоянии замер декор его дома, подразумевало, что он был в каком-то состоянии ожидания. Она задалась вопросом, сколько же времени потребуется ей, чтобы пережить разрыв своих отношений. Или, если на то будет воля судьбы, невыносимый соблазн подтолкнет ее к решению насладиться долей обнаженной секс-терапии.

Плохой мозг. Ей нужно было вспомнить, что Люк был работой. Заданием. И он ясно дал понять, что она — враг.

Время провести небольшую разведку на вражеской территории.

Воспользовавшись тем, что она находилась позади него, пока он готовил на кухне, оформленной в стиле пятидесятых, Кинси позволила себе внимательно рассмотреть его. Эти широкие плечи. Крепкие накачанные мышцы спины. Подтянутые бедра. Ее грудь закололо

от воспоминаний о том, как удивительно было держать его в своих объятьях. Каким твердым он был для нее в тот день в раздевалке в ПО № 6. Как хорошо...

— Прямо сейчас ты не относишься к числу мои любимчиков, Кинси, — сказал он, не оборачиваясь.

Вздых. Люк Алмэйда, создатель и разрушитель фантазий. Нуждаясь в минутке, чтобы восстановить свою защиту, девушка подошла к кофеварке и наполнила чашку.

— Не нравится внимание?

— Я позволил тебе расправить крылышки с календарем, и то, как ты ударила в ответ по “Триб” с помощью небольших новостей на местном телевидении, — было хорошо сыграно. Но билборды? Теперь перед пожарным отделением выстраиваются толпы наших фанатов, чтобы сфотографироваться. Не говоря уже об увеличившемся количестве просьб по разрезанию колец.

Фанатки? В ее груди вспыхнула тревога.

— Разрезанию колец?

— Пару раз в месяц женщины приходят к нам, вместо скорой помощи, чтобы снять свои обручальные кольца. Позавчера к нам пришло пять таких, вчера — почти пятнадцать, — он сердито посмотрел на нее. Сексуально, конечно же. — Им кажется, что это все равно, что развод. Разрежь кольцо и они вольны пуститься в загул. И они хотели бы загулять именно в моих руках.

Когда к ней пришла идея сделать из Люка и его команды местных знаменитостей, в процессе поднятия мнения о ЧПД и заработка денег на благотворительность, она и не подозревала, как много женского внимания это привлечет. Конечно, Люк был великолепен с множеством восклицательных знаков, и женщины должны быть слепы, чтобы не заметить этого.

Он поставил на стол тарелку с беконом и яичницей... с горкой.

— Поешь немного жирного. Это поможет твоему похмелью.

— Я не ем мяса.

— Конечно же нет, Калифорнийская девочка, — он скрестил руки и разочарованно выдохнул. — Тебе нравится побеждать, верно?

— А кому не нравится?

— Не всем так сильно, как тебе, но все нормально. Я позволю водить меня по кругу за свой член на публике, если от этого тебе станет лучше. До тех пор, пока мы оба знаем, что наедине все по-другому.

Между бедрами Кинси разлилось тепло. Наедине — это было то, чего она хотела больше всего, но его намек на то, что у нее здесь какая-то дьявольская миссия, действовал ей на нервы.

— Так вот что, как ты думаешь, я делаю? Пинаю тебя по яйцам ради собственного развлечения?

— Ради твоей карьеры. Ради твоего босса. Ради развлечения, — он пожал своими необъятными плечами. — Мне не важны твои причины. Меня волнуют только мои собственные.

— А именно сохранение твоей работы в ПО № 6.

— Не верно. Защита моей семьи в ПО № 6.

Странность этого снова поразила Кинси.

— Ты говорил это и раньше. Слово город или мэр стараются добраться до тебя.

Люк открыл рот, чтобы ответить, но замолк, как только вошел Уайатт, который выглядел так же устало и изнуренно, как чувствовала себя Кинси. Не говоря ни слова, Уай напряженно сведенными бровями глянул на Люка и Кинси, будто показывал, что ситуация не стоит его внимания. Мистер Кофе был его целью. Кинси отошла с его пути.

— Ты вчера не вернулся домой после закрытия бара? — спросил его Люк, обеспокоенно сжав губы.

— Я не один из младших, Люк. За мной не надо приглядывать.

— Возможно, и перестану, если ты расскажешь мне, где провел последние ночи.

Уайатт понюхал кофе, добавил в тот сливки и три кусочка нерафинированного сахара, а затем перевел свой мутный взгляд на Кинси.

— Сейчас вы наслаждаетесь временным затишьем, мисс Тэйлор, но я посоветовал бы вам убраться побыстрее, пока еще не поздно.

Не имея понятия, как на такое ответить, она выбрала нейтральное:

— Зовите меня Кинси.

— Заглянут пару ребятишек с Сэнт-Кармен, — проговорил Уайатт, направляясь к задней двери. — Я буду в гараже работать над “Камаро”.

Пару напряженных мгновений обеспокоенный взгляд Люка следовал за братом.

— Все в порядке? — спросила Кинси.

— Нет, он... — Люк как будто одернул себя, возможно, вспомнив, что говорит с той, которая не достойна его доверия. — Есть булочки с корицей. Они из Энн Сазер^[80]. Чикагского заведения.

В любой другой день, она была бы всеми руками “за” такое предложение, но ее желудок перевернулся от перспективы получить еще и охлажденное тесто поверх всего, чему его подвергли прошлой ночью.

— Лучше не надо. Остановлюсь на кофе, — она присела за кухонный стол. Когда Люк уселся и подтянул к себе ее тарелку с яичницей и беконом, Кинси почувствовала приятное тепло от того, насколько по-домашнему все это было.

— Значит, ты и Уайатт живете здесь, а Гейдж и Алекс по-соседству?

Он кивнул.

— Раньше я жил здесь со своей женой, но после того, как мы разошлись, сюда переехал Уайатт. Бэк со своей девушкой, Дарси, живут в паре домов отсюда. Мы все в свое время выросли в соседнем доме и когда это место выставили на продажу, мы скинулись, чтобы выкупить его.

— А твоей матери больше нет?

— Нет, она умерла за пару лет до Шона и Логана. Рак груди.

Так же, как и мама Кинси. Если она скажет об этом, то это будет выглядеть, как попытка вызвать симпатию или втереться в доверие, — две вещи, которые она никогда не делала.

Люк покосился на нее.

— Ты слышала о правиле Салливана?

— Ты имеешь в виду то, которое запрещает членам одной семьи служить вместе в одном военном отряде или роте?

— Да, но оно также применимо и к пожарным отделениям. Технически, Дэмпси следует разделить и направить в разные пожарные отделения, так как в случае, если будет катастрофа, то нам всем вместе придется столкнуться с ней в один день. Это небольшая

гарантия того, что для близких все ограничится одним гробом в земле, а не пятью.

Кинси вздрогнула от того с какой легкостью он упомянул об опасности, с которой встречался каждый день.

— Но по закону вы не являетесь братьями и сестрами, так что к вам это не относится.

— И у нас никого нет, мы сами присматриваем друг за другом. Мы с Уайаттом работали как черти, чтобы гарантировать то, что все мы останемся в ПО № 6. После смерти Шона и Логана, мы должны были быть уверены в том, что дети будут под защитой. И только *мы* единственные можем защитить их. А твой босс хочет взять то, что мы создали, и разорвать в пух и прах. Он так и сказал комиссару.

— Я не знала об этом...

— Да, не думаю, что ты знала. Но теперь знаешь. У меня могут быть не такие же гены, как у Шона или у любого другого из моей семьи, но по моим венам течет нечто лучшее и более сильное. Огонь и дым, и лед. Уайатт, Бэк, Алекс и Гейдж — вот те, о ком я забочусь. Я участвую в твоей дерьмовой кампании не для спасения своей задницы. А для спасения их.

Сейчас поведение Дэмпси стало проясняться. Люк был скалой, тем, кто ждал по ночам, чтобы убедиться, что его братья и сестры вернутся из города домой в безопасности, тем, чье сердце билось быстрее, с каждой секундой, которую его близкие проводили не у него на виду. Его семья была его целью в жизни.

Кинси осторожно протянула свою ладонь и накрыла его сжатый кулак.

— Я не хочу разделять вас, Люк. У меня тоже есть семья, — та, по которой она так скучала, словно ей вырвали кусок сердца. — Я просто пытаюсь выполнить свою работу.

Почти так же, как и когда она обернула свое тело вокруг него на календарной фотосессии, он, казалось, расслабился в ее присутствии. Неожиданно, Люк раскрыл кулак и переплел свои пальцы с ее. Рваное дыхание, приподнимающее мужскую грудь с каждым тяжелым вдохом, постепенно выравнивалось. Эффект, который она оказывала на него, удивил Кинси, — по своему характеру она не была спокойным человеком, так что ее способность успокоить этого вспыльчивого мужчину ошеломляла и возбуждала ее. Было что-то особенное в том, как они взаимодействовали, просто работая.

Казалось, этот момент протянулся между ними, пока внезапно не открылась задняя дверь и не ввалились два тела. Кинси подпрыгнула от их появления. Люк отпустил ее руку.

— Вы когда-нибудь слышали о том, что нужно стучать? — рявкнул он.

Вновь прибывшие, афроамериканские парни среднего подросткового возраста, изобразили смесь небольшого стыда и властного вызова.

— Мы думали, здесь Уай, — проговорил один из них, пока его любопытный взгляд скользил по Кинси.

— Смотреть прямо, солдат, — сказал Люк. Он поднялся и произвел несколько сложных удар-рукопожатие движений с каждым из ребят. Тот, что был повыше, тайком бросил еще один взгляд на Кинси, затем на Люка и усмехнулся.

— Это твой женщина?

— Вы что, перестали учить английский в школе, Антон? Правильно *твоя*, а не *твой*.

Сердце Кинси бешено застучало, хоть она и знала, что Люк просто использовал *твоя/твой* пример, чтобы удачно обратить внимание на грамматику, а не в самом деле заявляя, что она его.

— Вы завтракали сегодня? — спросил Люк у ребят.

— Только то дерьмо “Грейп-Натс” [\[81\]](#), которое нам дают по субботам, — пробормотал

Антон. — И чертовы яблоки, — добавил мальчик так, словно эта зеленокожая хрень оскорбляла его до глубины души.

— Хватайте пару вилок и булочки с корицей. По одной каждому, а затем — в гараж. Уай ждет вас.

Ребята двигались по кухне со знанием, что где находится, захватили пару тарелок и вилок, а затем уселись за стол. Стоя у барной стойки, Люк смотрел на них по-отцовски, а затем перевел взгляд на Кинси.

— Можешь выбросить эту идею из своей головы, мисс Тэйлор.

Ребята посмотрели на нее так, словно забыли, что она находилась тут.

— Я — Антон, — представился Кинси высокий, не прекращая жевать. Он указал вилок на друга. — А это — Кевин.

— А она уже уходит, — жестом “не потерплю никаких возражений” Люк положил руку на спинку ее стула. — Пошли, я подвезу тебя до дома.

— Ты не обязан...

— Это было не предложение.

Понятно. Кинси вышла, чтобы захватить свою одежду, ее кровь вскипала. Казалось, Мистер Июль сегодня был Мистером Непостоянным; в один момент белым пушистым, а в другой — холодным, как зима в Чикаго. Кинси предположила, что ощущение угрозы со всех сторон как раз может сделать тебя таким: его семья, его работа, эти ребята, с которыми он занимался. Люк явно чувствовал, будто все поставлено на карту, и что на нем лежит ответственность защитить каждого вокруг себя. Но ему не следовало при каждом удобном случае обращаться с ней, как с бездушной и заинтересованной только в пиаре дамочкой.

Захватив свои джинсы и рубашку, Кинси встретила с Люком в его пикапе, даже не удивляясь тому, что этот самый мужественный из мужчин владел “Шевроле Сильверадо” с турбодизельным восьмицилиндровым двигателем. Меньшее количество цилиндров по-видимому могло быть воспринято, как оскорбление. В мучительной тишине, за исключением ее указаний направления, они поехали к ее дому на Эри в районе Ривер-Норт. Люк вел так, словно едет по вызову на пожар пятого ранга^[82], лавируя между машинами, очевидно чрезвычайно сосредоточенный на том, чтобы выкинуть ее из своей жизни. Десять минут холодного, как из морозилки, воздуха между ними, дующего из автомобильного кондиционера, но внутри тело Кинси горело огнем тысячи солнц, способных разрушить планету.

Кем, черт побери, этот парень себя возомнил? Она совсем скоро покончит с этой работой, только вот не в его постели^[83] с его твердым телом, раздвигающим ее ноги, пока он словно поршень будет входить в нее, двигаясь этими подтянутыми бедрами и — *проклятье!* Самое время закругляться с формированием нового имиджа ПО № 6; изменением мнения об одном мудаке, и переходить к проектам, в которых болванов было как можно меньше.

Дерьмовая ситуация с парковками в Чикаго не подразумевала наличия свободных мест у ее дома, но к удивлению Кинси, Люк включил аварийку и обошел вокруг машины, подходя к пассажирской стороне. Он открыл дверь, глядя вверх на навес с надписью “Корпоративные квартиры Бёрнхам”.

— Временное пристанище?

— Временное все, — огрызнулась она и, выходя из машины, проигнорировала его протянутую руку. Она раздраженно промаршировала ко входу в здание, мысленно заклиная

себя спустить все на тормозах. Просто войти внутрь. Просто... *ох, будь он проклят!* Она повернулась и потопала назад. Ткнула пальцем в его твердую грудь, угодив прямо в мышцы..

— Я взялась за эту работу, Люк, потому что она была лучшей из всех, что я могла получить в городе, куда переехал мужчина, с которым я планировала провести остаток своей жизни. Теперь причина бросить все и переехать сюда не является частью уравнения, но это не значит, что мне следует забить на все и перестать быть профессионалом. Тебе может не нравится это, но это — то, что я делаю. Решаю большие долбаные проблемы.

— Как я?

— Как ты.

Это могло бы быть такой отличной сценой завершения диалога, если бы этот приводящий ее в бешенство мужчина был достаточно порядочным, чтобы оставить за ней последнее слово. Но затем она предположила, что определение *порядочности* распространялось на столько далеко, на сколько это было выгодно Люку Алмэйда. Потому что в то время, как он отлично справлялся с тем, чтобы быть одним из самых порядочных людей, которых она знала...

Пример А: его семья.

Пример В: эти дети из приюта.

Пример С: он держал ее волосы и гладил шею, пока у нее выворачивало внутренности прошлой ночью.

... не было ничего и отдаленного приличного в том, как его гранитно-твердое тело с ловкостью прижало ее к двери грузовика. А что касается доказательства его возбуждения, прижимающегося к ее животу?

Не порядочно, но порядочного размера.

Более чем порядочного размера.

— Тебе повезло, что сейчас цели твоей работы совпадают с моими, Кинси, — мощные руки будто заключили ее в ловушку по обе стороны. Сладкое дыхание, наполненное запахом сахара и корицы, коснулось ее губ. — Но когда ты надрываешь свою сладкую попку на моей территории, в моем пожарном отделении, в моей кровати... — он провел губами по ее уху. — Когда ты проходишь в радиусе пяти миль от моего тела, которое становится таким чертовски твердым для тебя, крошка, ты должна отложить в сторону свою работу и позволить мне самому все контролировать.

В ней вспыхнуло удовольствие, но оно сразу же погасло от разочарования. Люк Алмэйда ничем не отличался от Дэвида. Еще одно ничтожество, которое чувствует угрозу со стороны сильной женщины.

И “крошка”? Честно говоря, в такого мужчину трудно даже поверить.

— А что если я хочу отложить в сторону свою работу и продолжить действовать тебе на нервы, Алмэйда?

Он потерялся своей грубой от щетины челюстью об ее щеку. Желание свернулось глубоко в ее животе. Очень глубоко.

— Думаю, я могу принять то, что ты будешь верховодить, при условии, что ты готова провести равное этому время подо мной.

Ох, мамочки.

— Трудно добиться такого баланса. Всегда кто-нибудь будет чувствовать себя проигравшим.

— Значит, ты еще не делала этого правильно, — сказал он перед тем, как накрыть

своим идеальным ртом ее губы и показать ей, как все может быть *правильно*. Их языки сплелись, сражаясь друг с другом, толкаясь вперед и отступая. Разделяя доминирование и капитуляцию, контроль и подчинение.

Никаких проигравших. Люк Алмэйда просто фантастически целовался.

Слишком быстро он оторвал свои фантастические губы от нее. Этот стон, который она услышала, раздался из ее горла? Конечно же, нет.

— Ты останешься в городе на Четвертое июля?

Она кивнула, все еще ошеломленная этой чувственной атакой.

— После полудня мы будем на одном пляже по Северной Авеню, неподалеку от волейбольных кортов. Одень так мало одежды, насколько это возможно, оставаясь в рамках приличия.

Возмущение выдернуло Кинси из сводящей с ума сексуальной дымки, но, как она уже поняла, этот раздражающий мужчина был на десять шагов впереди нее.

— Я буду в едва прикрывающих плавках.

Она рассмеялась. Отличный способ разрядить обстановку, мистер Алмэйда. Даже когда туман в ее сознании рассеялся, возникла потребность кое-что прояснить.

— Знаешь, пока работаем вместе, Люк, мы должны сохранять чисто профессиональные отношения, — или более профессиональные, чем были между ними сейчас.

Его глаза засветились весельем.

— Просто прошу тебя позависать на пляже, Кинси. И не волнуйся, у нас будет компания, так что тебе придется держать свои шаловливые ручонки при себе.

Правильно, потому что с *ее* руками были проблемы. Дьявольски ухмыльнувшись и подмигнув, Люк направился обратно к водительской стороне своего грузовика.

Не так быстро, мистер.

— Ты ничего не забыл?

— Не думаю.

— Как на счет извинений за свое идиотское поведение ранее?

Он прищурил свои потрясающие голубые глаза.

— Я думал, что только что это сделал.

Этот поцелуй, возможно, и заслуживал высший балл по шкале Рихтера в том, что касалось создания влажности, воспламенения трусиков и затвердевания сосков, но она была недовольна тем, как быстро извинения закончились.

Все это отразилось на ее лице.

Вернувшись в ее личное пространство, мужчина провел большим пальцем по челюсти девушки, не отрывая взгляда от ее глаз.

— Прости, что вел себя как мудака, Кинси. Не стесняйся выводить меня из себя в любое время.

Потом он сжал ее задницу, и на какое-то мгновение слова одного из тех мальчишек всплыли в ее памяти: *Это твой женщина?*

Пока ее ягодица была стиснута его грубой рукой, ее гормоны скандировали: *Черт, да!*

— А сейчас иди выпись, чтобы избавиться от похмелья, мисс Тэйлор.

У Алекса была теория о том, что фермерские рынки заменили бары по качеству случайных связей, но рассматривая Грин-Сити Маркет в это прекрасное субботнее утро, Гейдж очень в этом сомневался. Насколько это могли различить его глаза, страдающие похмельем, прохожие перед ним были парочками, как гейскими, так и традиционными. Этот рынок мог быть полон всевозможным разнообразием для гомосексуала, но все казались занятыми своими делами и не заинтересованными в знакомствах.

По крайней мере, когда сталкиваешься с так называемой официальной парой в баре, велик шанс быть втянутым в их гребаные сексуальные игры. Среди освещения, музыки и алкоголя, атмосфера располагает к тому, чтобы перейти с “О, я никогда не” к “Мы живем всего в квартале отсюда, красавчик”.

Никто не трахается с капустой на заднем фоне. А также, судя по всему, и с блестящей хромированной профессиональной кухней в сердце Ресторанного ряда.

Треклятый Брейди Смит.

Пока что Гейдж приходил к нему на кухню три раза, не получив ничего, кроме рецепта эмпанадас со свиной карнитас^[84]. Мужчина едва разговаривал с ним. Едва уделял ему внимание. Даже не восхищался его задницей, когда думал, что Гейдж не замечает. Гейдж был недоволен.

Попытка заманить Ворчуна в бар Дэмпси в Уикед Парк, где у Гейджа, возможно, был бы шанс сделать его более сговорчивым, закончилась провалом. “Слишком занят,” — ответил Брейди. Он работал каждый день с полудня до двух часов ночи, факт, от которого Гейдж настолько опешил, что решил ночью даже прийти и понаблюдать за “Смит & Джонс”, думая, что может Брейди с кем-то встречается. Но нет, шеф закрыл заведение и прошел пол квартала к жилому зданию на углу, верхние этажи которого были заняты производственными помещениями. Следующей ночью все повторилось. Гейдж проверил и нашел имя Брейди на домофоне. Парень жил там и ни разу даже не намекнул, что они могут ускользнуть и немного поразвлечься после обеда у Смита дома.

Гейдж превратился в сталкера, и сегодняшним утром он снова этим грешил.

Один из служащих “Смит & Джонс” поведал ему, что Брейди появляется на рынке по средам и субботам где-то в восемь часов, выбирая свежие продукты для фирменных блюд. И вся-такая-обыденная случайная встреча могла бы добавить огня событиям, которые пока вели в никуда. Один трах и Гейдж выбросил бы этого парня из своей жизни и перешел к тем, кого легче соблазнить.

— Немного рановато для тебя, не так ли? — услышал он позади себя.

Боже, он любил голос этого мужчины. Поиск с помощью системы отслеживания Гугла подсказал ему, что Брейди был из Луизианы, а это ленивое-как-секс растягивание слов, которое иногда проскальзывало в речи, делало Гейджа таким чертовски твердым. Подавив свою торжествующую усмешку, он повернулся и обнаружил Брейди, стоящего в своей обычной позе: руки скрещены на груди, на лице скучающее выражение “Ну, что тебе еще?”.

У Гейджа зашевелились волоски на затылке. Какого черта он делает здесь, преследуя парня, который не заинтересован? Тем более когда у него похмелье!

— Мне нравится этот висконсинский чеддер, который они продают здесь, — пробормотал Гейдж, кивая на продавца мичиганского сыра, стоящего неподалеку от входа.

Висконсинский чеддер на мичиганском сырном прилавке. Гениально.

Реакция Брейди была такой невероятной, что Гейдж даже повнимательнее присмотрелся, чтобы удостовериться.

Парень улыбнулся.

Если бы он знал, что Брейди больше заводит, когда Гейдж ведет себя как придурок, чем когда он пытается быть соблазнителем, то уже недели назад разыграл бы свою внутреннюю блондинку. Быстрее, чем двойной удар молнии, улыбка исчезла, оставляя Гейджа в недоумении, не привиделось ли ему все это.

— Видел тебя в новостях, — проговорил Брейди, насмешливо фыркнув. — И на тех билбордах.

— Знаю, полное безумие. Это все Кинси. Она работает на твоего приятеля мэра, — проводит пиар кампанию по восстановлению репутации моего отделения. И ты никогда не... — он почти начал рассказывать об интересе со стороны модельного агентства, но замолк. Брейди не выглядел стоическим, скорее просто скучающим.

Лааааадно.

— Итак, что сегодня в меню? — спросил вместо этого Гейдж.

— Посмотрим, — прозвучал непонятный ответ.

Гейдж шел в ногу с Брейди, следуя за мужчиной, как золотой ретривер, пока тот совершал покупки. Где-то через пять минут Гейдж уже выполнял работу бесплатного помощника, неся две наполненные до отказа сумки с продуктами. Прошло еще двадцать минут, а Брейди так и не произнес ни слова. Твою ж мать, могло ли все стать еще более мучительным?

Наконец, после еще одного брошенного со знанием дела на прилавок взгляда, большой шеф потопал к главному входу.

— Нужно купить немного висконсинского сыра, — серьезно сказал Брейди. — Я слышал эти торговцы мичиганским сыром используют особый рецепт, чтобы придать ему висконсинский аромат.

— Иисус, ты только что пошутил?

Рот Брейди снова сложился во что-то похожее на улыбку, но опять, как если бы это причиняло ему боль, улыбка мгновенно погасла. Дерьмо, все так запуталось. Поднимающаяся паника сделала шаги Гейджа более тяжелыми, пока он следовал за Брейди по направлению к Кэннон Драйв, где тот припарковал свой джип. Не говоря ни слова, мужчина взял сумки из рук Гейджа, поставил их в грузовик и закрыл дверь.

— *Япришелсюдаразыскиваетебя,* — выпалил Гейдж на одном дыхании, как будто провел с кляпом во рту последние полчаса.

— Зачем?

— А как ты думаешь, зачем?

— Не знаю. Судя по твоим билбордам, похоже на то, что ты можешь получить любого, кого захочешь.

— Могу, но я хочу тебя, — *Не слишком ли самодовольно, Симпсон?* Что ж, если это все, что у тебя есть, то с равным успехом можно сыграть на этом до конца. — Я тебя не привлекаю? — Гейдж шагнул вперед, а Брейди неуверенно отступил назад. — Если ты не заинтересован, то так и скажи.

В ответ Брейди скривился, и Гейджа поразил внезапный, неприятный и совершенно неожиданный вывод.

Мужчина просто был не таким, как он.

— Прости, что зря потратил твое время, — Гейдж отшатнулся, чувствуя холод, дрожь и разочарование, которое упало в живот тяжелее, чем шар для боулинга.

Он повернулся, чтобы уйти, но не прошел и пары шагов, как его тело прижали к багажнику джипа. Мозолистая ладонь Брейди обняла его за шею, притягивая все ближе, ближе, еще ближе, пока, *черт, да*, его губы не нашли рот Гейджа и не захватили в свое распоряжение. Брейди проникал своим ищущим языком все глубже, в то время как Гейдж, положив руки на бедра Брейди, притянул того, чтобы потереться член-об-член. Боже правый, это ощущалось так правильно. Потребовалось совсем немного времени, чтобы Гейдж, подобно человеку, который голодал несколько дней, был готов испытать все возможные блюда, даже если потом это грозило ему болью в животе.

Этот мужчина целовался так, словно был специально создан для этого. Его губы идеально подходили Гейджу, а язык вызывал ощущения, не сравнимые ни с кем другим. Из горла Гейджа вырвался стон, на который, будто на брачный зов, Брейди ответил немного повернув рот, находя еще лучший угол для проникновения.

Идеально. Так чертовски идеально.

Но все закончилось слишком быстро. Брейди, задыхаясь, отстранился, и уставился на Гейджа. Затем медленно попятился назад, за пределы непосредственной досягаемости для Гейджа.

— Не могу сделать этого, — прохрипел он.

— Не можешь сделать чего? — Гейдж осмотрелся по сторонам. Конечно, была пара зрителей, но либерально-настроенная публика Линкольн Парка могла с этим справиться. — Мне нужно, чтобы ты привез меня к себе. Нужно, чтобы ты трахнул меня. Сейчас.

— Я... я не могу. Не могу сделать этого.

Гейдж схватил в кулак рубашку Брейди, впитывая в себя удары сердца мужчины.

— Не говори мне, что не хочешь меня, потому что твое тело говорит об обратном. Оно жаждет моего прикосновения, моего жадного рта. Я могу заставить тебя почувствовать себя офигенно хорошо, Брейди. Лучше, чем когда-либо.

Брейди тяжело дышал, его широкая грудь поднималась и опускалась. Судя по всему, он потерял дар речи, поэтому Гейдж продолжил уговаривать. Призывая на помощь навыки, которые ему редко приходилось использовать.

— Если ты беспокоишься о том, что люди узнают, что ты — гей... Я справлюсь с этим, — он бы презирал этот обман, но за шанс с этим мужчиной, даже на один раз, он бы отбросил те небольшие угрызения совести, которыми обладал. — Брейди, я хочу тебя. Любым способом, которым могу получить.

— Все не так. Я не скрываю то, кем являюсь. Я просто не могу сделать этого, — Брейди потер свой рот, стирая все следы их поцелуя. Все следы Гейджа. Он положил руку на кулак Гейджа и ослабил его хватку, словно имел дело с капризным ребенком, которому требовался строгий выговор. — Не могу сделать с тобой.

От шока Гейдж замер на месте, а его горло онемело, и черт побери, Брейди воспользовался этим преимуществом его заторможенной реакции. В мгновение ока он, как ветер, сел в свой джип и пулей умчался прочь.

Учитывая раздавшийся звук визжащих шин, как во время побега после ограбления банка, легко было поверить в то, что кто-то только что совершил преступление.

— Кинси, сюда!

Сильный голос Алекс разнесся над головами любителей полуденного солнца и семьями, наслаждающимися отдыхом на пляже по Северной Авеню. Идеально расположенный на мысе, пляж был еще более впечатляющим из-за внушительной открывающейся панорамы Чикаго, смотрящегося как страж из стали и стекла. Проходя мимо ресторана, который выглядел как океанский лайнер, Кинси выбрала дорогу, ведущую по песку к волейбольной секции, где расположилась лагерем команда Дэмпси.

Алекс сидела на складном стульчике, как Уайатт, Гейдж и еще пара пожарных, которые, как она вспомнила, были из личного состава ПО № 6. Гейдж представил их: Джейкоб Скотт, Дерек Фэлан, Мёрфи (*просто Мёрфи*), но Кинси не смогла справиться с разочарованием, скрутившим внутренности от того, что одного человека, которого она ожидала встретить, не было в поле зрения.

— Рад, что ты смогла присоединиться к нам, — услышала она глубокий громкий голос позади себя.

Словно ментальный удар кулаком. Девушка обернулась, чтобы насладиться видом.

С великолепным обнаженным торсом, одетый в черные пляжные шорты, которые преступно прикрывали его мощные бедра, Люк, как охранник, стоял позади нее со скрещенными руками и в зеркальных авиаторах. Будто телохранитель, готовый прийти к ней на помощь, или агент секретной службы, ждущий только повода, чтобы затащить ее назад в мэрию, если она сделает какие-нибудь угрожающие движения.

— Ожидала немного больше кожи, Алмэйда, — акцентируя сказанное критическим взглядом в область шорт. Мужчина *обещал* плавки.

— Думаю, Чикаго видел достаточно меня, не так ли?

Чикаго может быть, но Кинси определенно нет.

Чувствуя себя кокеткой, она уронила сумку на песок и сняла свое пляжное платье до середины бедра от Томми Багама. Красное бикини, которое она надела сегодня, было ее любимым, хоть Дэвид и считал его слишком вызывающим. *Можешь с таким же успехом надеть носовые платки, Кинси.*

— Вижу, ты последовала моим инструкциям, — пробормотал Люк, его прикрытый авиаторами взгляд послал жар по ее коже. *Ух ты!* Один взгляд, как двадцать минут прелюдии.

— Что ты принесла? — встрял Гейдж, кивнув на полиэтиленовый пакет у ее ног.

— Просто пару булочек с корицей от Энн Сатер.

— Черт побери, женщина, почему ты сразу не сказала? — Алекс рванула к коробке. — Идеальная еда с похмелья.

Как голодные антилопы гну, толпа мгновенно уничтожила сладкие булочки, которые Кинси купила по дороге на пляж.

— Теперь мы можем поесть, — произнес Гейдж, слизывая сахарную пудру с губ.

Крышки сумок-холодильников были откинута и появился ланч: очевидно, Гейдж провел все утро на кухне. На раскладном столике он разложил разные вариации хумуса^[85], соусов, а также сырые овощи: огурцы, цуккини, перец разных цветов, помидоры черри. Один из пожарных, чье имя она пропустила в процессе представления, направился за хот-догами и

бургерами к портативному грилю. На выбор было представлено несколько прекрасных салатов, идеальных для вегетарианцев. Кинси предположила, что в итоге ей не понадобится этот пакет кренделей, который она принесла.

Уайатт поднялся и указал на свой стул.

— Кинси, присаживайся.

Она повиновалась, отчасти потому, что хотела этого, а отчасти потому, что Уайатт был немного пугающим. Ни один мужчина не пугал ее, но она подозревала, что если бы столкнулась со старшим Дэмпси на плохо освещенной улице, то могла бы перейти на другую сторону, удерживая палец на последней цифре набора 911. Ей было интересно, какая история была у него. У всех них.

Как у любого приемного ребенка, она должна быть тяжелой. Никто полностью не защищал этих детей от жестокости в процессе воспитания, так что все они прошли через это, значительно изменившись. Ожесточившись. Если узы, связывающие их, не были очевидны по добродушным оскорблениям и подшучиваниям, то памятные татуировки, которые были у всех на бицепсах, даже у Алекс, делали их ясными, как день. Семья, долг, Дэмпси.

На протяжении ланча Кинси пыталась сосредоточиться на еде и смехе, в основном, чтобы сдерживать себя и не пялиться на Люка. Он лежал, вытянувшись на пляжном полотенце, кожа блестела, как на его изображении на билборде, мускулистые, жилистые предплечья скрещены под темной головой. Ее пальцы чесались от необходимости провести по этим загоревшим на солнце мускулам и потратить время на то, чтобы их исследовать. Господи, мужчина был ходячим оргазмом.

Всего пару раз у нее получилось выкрутиться, изобразив праздный совсем-не-тайный взгляд. После ее второй попытки замаскированного разглядывания, Люк изогнул свои порочные губы, ясно давая понять, что он засек ее восхищенный взгляд через свои скрывающие глаза авиаторы. *Застукали*. Кинси залилась румянцем и отвела взгляд, убеждая себя в том, что она равнодушна к этой сексуальной усмешке. Она вообще во многом убеждала себя в последнее время.

Гейдж встал и потянулся:

— Думаю, пойду поплаваю.

— Не забудь, младший братик, — напомнил Люк.

— Не забыть что?

— Сначала оберни, потом засовывай, — выкрикнули хором все Дэмпси, даже сдержанный Уайатт.

Гейдж поймал взгляд Кинси.

— Видишь, с чем мне приходится мириться? Чертовы гомофобы. Вы бы не сказали этого, будь я гетеро.

Уайатт фыркнул.

— Отец постоянно говорил нам это, — ответил Люк, опираясь на локоть и глядя на младшего брата поверх своих солнцезащитных очков. — Нет защиты, нет любви. Он совал так много презервативов мне в карман, что я мог бы открыть киоск по их продаже.

— Пока его нового дружка нет на пляже, думаю он будет в порядке, — сказала Алекс.

— Это что ж? — Люк привел свое длинное стройное тело в вертикальное положение и схватил Гейджа за шею. — Ты теперь забиваешь шайбу в одни ворота?

— Никаких шайб и ворот, — терпеливо ответил Гейдж, освобождаясь из захвата Люка. Его щеки горели, а опущенные уголки губ подчеркивали досаду. — Позже, папочка.

Небрежной походкой мужчина направился к воде, в то время как каждая женщина в пределах видимости оценивающе рассматривала его. А также пара парней, включая пожарного Джейкоба Скотта, огромного блондина с шеей достаточно толстой, чтобы отнести его к роду быков.

— И ты заметила? — сказала Алекс Кинси вполголоса, бросая многозначительный взгляд в сторону Джейкоба. — Парнишка задвинут на такую дальнюю полку шкафа, что сосет член в Нарнии.

Смех Кинси привлек острый взгляд Люка, который она проигнорировала. Но никак нельзя было проигнорировать то, что он с кошачьей грацией вскочил на ноги и направился к волейбольной площадке в двадцати футах от них. Словно по какому-то негласному мужскому ритуалу Уайатт, Джейкоб и Дерек последовали за ним.

Давно пора. Вспотевшие мужчины, твердые мускулы которых перекачиваются под кожей, когда они перебрасывают мяч через сетку? Кинси ждала этого весь день, хотя она была явно не одинока в своем интересе. Забавляясь, она наблюдала за разными женщинами, которых будто притягивало к площадке и играющим на ней великолепным образцам тестостерона.

— Спрячьте свои язычки обратно в рот, *сучки*, — пробормотала Алекс. Она вручила Кинси пиво из рядом стоящей переносной холодильной камеры и уселась обратно на стул. — Немного спиртного для облегчения похмелья.

Гитарные переборы Пиксиз^[86] “Here Comes Your Man” перемешивались с криками детей, играющими в фрисби и всплесками воды. Сидя в уютной тишине с Алекс, Кинси впервые почувствовала себя действительно свободно с момента переезда в Чикаго. Алекс никогда не станет ее подружкой, с которой можно сходить на шопинг или вместе накраситься, но Кинси наслаждалась родством с этой женщиной, которая по всем статьям справлялась с одной из самых сложных профессий на планете.

— Уайатт пугает меня, — сказала Кинси сделав несколько глотков, которые требовались ей чтобы начать разговор.

Алекс рассмеялась.

— Он лапочка, но я тебя понимаю. Он был тем еще болтуном, когда папа и Логан были живы.

— Не могу даже представить, насколько это, должно быть, было тяжело.

— Это был ад, но смерть Логана тяжелее всего ударила по Уайю и Грейс.

— Грейс?

— Жена Логана, — от боли уголки рта Алекс сжались. — После похорон она переехала в Бостон поближе к своим родным. Здесь слишком много воспоминаний. Она хотела забыть, а рядом с нами это было невозможно. Мы отказывались быть молчаливыми. Мы хотели говорить о них, вспоминать, как папа рассказывал эти длинные, казалось бы, бессмысленные истории, к сути которых ему всегда удавалось вернуться, даже когда вам казалось, что он уже давно потерял ее. Вспоминать, каким плохим певцом был Логан, но всегда первым вызвался спеть “Country Roads” в ночь караоке. Держи их поближе, понимаешь.

Алекс одним глотком осушила свое пиво и Кинси расценила это как приглашение сделать то же самое. Ей надо было проглотить эмоции, которые свернулись как заварной крем у нее в горле.

— Итак, — сказала Алекс. — Ты уже переспала с моим братом?

Кинси едва сдержалась, чтобы не выплюнуть находящееся во рту пиво, но то все равно

пошло не туда. Вот тебе и разговор по душам.

— Нет, — выдавила она между приступами кашля. — Он видит во мне врага, — даже его тело, прижимающее ее к машине этим утром было больше враждебным, чем соблазняющим. Ладно, враждебным *и* соблазняющим.

— Кроме того, прямо сейчас он — моя работа. Пока я влияю на решение о его возвращении к работе, я не могу...

— Дать недоброжелателям повод для сплетен? — Алекс посмотрела на Люка, сжав брови. — Мы волновались за него. Он никем больше не интересовался с тех пор, как эта сука прокинула его. До тебя.

— Как долго они были вместе?

— Три года, из которых восемь месяцев в браке. Их развод завершился всего около шести месяцев назад, — она усмехнулась. — Может, вы оба могли бы излечить друг друга.

— Или поубивать друг друга? — пробормотала Кинси. Кое что, в чем они уже преуспели. Бурные столкновения и зажимания, которые невыносимо заводили ее. — Нам нужно дойти до стадии, где он не будет видеть во мне всего лишь прислужницу мэра.

— О, мы уже *дааавно* прошли это. Сейчас он на стадии “Что спрятано под этим бикини, мисс Тэйлор?”

Это заставило Кинси через силу рассмеяться. Время сменить тему.

— А что на счет тебя? Твои бикини видят какие-нибудь действия?

— Только сушку в машине.

— Ты ни с кем не встречаешься?

Вздыхнув, Алекс сползла пониже на своем стуле.

— Хочешь знать, как много свиданий у меня было за последние шесть месяцев?

Бедняжка.

— Эй, все в порядке. После моего бывшего, я и сама не пытаюсь подцепить кого-нибудь.

— Двадцать пять.

Кинси разинула рот. Наверное, она что-то не так услышала.

— Двадцать пять свиданий... за шесть месяцев?

— Угу, и ни один из них не повторил приглашения. Или парни пугаются моей всесторонней офигенности, или я каждой порой источаю отпугивающие мужчин феромоны. Одно из двух, но не могу понять, какое.

Алекс встала, все ого-го-го изгибы в потрясающей упаковке пять футов десять дюймов ростом (*178 см — прим. пер.*). И как еще эта женщина не добилась успеха в обведении мужчин вокруг пальца? Улыбнувшись, она кивнула головой в сторону волейбольной площадки.

— Пошли, Кей, покажем парням, как это делается.

Кинси в своем деловом костюме была одной, в джинсах, которые как вторая кожа облегли ее округлую попку, — совсем другой. Сейчас Люк видел вовсе отличающуюся сторону: Кинси бомбу в бикини. Красном, точно как калифорнийская девочка-мечта, и

каждая часть его анатомии наслаждалась видом.

— Кинси, ты — гость, так что выбирай себе партнера, — сказал Люк, которому было любопытно, как она выйдет из ситуации.

Она хотела победить. Он видел, что это написано у нее на лице, значит, лучшим вариантом для нее был выбор в команду одного из парней. Уай и Дерек уже удалились, оставив Джейкоба Скотта, который на самом деле был хорош в волейболе.

Люк был лучше.

Кинси протянула руку Джейкобу.

— Привет, партнер.

Люк отвернулся, чтобы скрыть свою улыбку, но не раньше, чем словил ее, бросающую вызов. Она не только хотела победить, она хотела обыграть его. Он в игре!

Десять минут спустя Люк переоценил ситуацию. Кинси была хорошим игроком, было ясно, что она какое-то время провела на золотых калифорнийских пляжах, ударяя по мячу, но Джейкоб не давал ей развернуться. Парень настолько был поглощен соперничеством, что бросался к каждому мячу, падающему в зону защиты, даже если Кинси уже была там. При этом отталкивая ее со своего пути, что заставляло Люка сжимать зубы, как пресс для отходов. Защита Кинси не даст ему никаких преимуществ, и по-правде говоря, она могла справиться с этим. Но будь он проклят, если это не затрагивало его ирландскую часть, которая обычно была более спокойной стороной. Кубинская половина всегда была за бунтарство.

На удивление, Кинси казалась сдавшейся, словно позволить Джейкобу быть главным было лучшим способом сохранить мир. Сет закончился победой Люка и Алекс, набравших двадцать одно очко против двенадцати. Люк захватил воду из переносной холодильной камеры и подошел к Кинси.

— Вот. Попей водички.

— Спасибо, — пробормотала она, забирая у него бутылку. Они соприкоснулись пальцами, и прошедшего через Люка разряда электричества хватило бы на освещение колеса обозрения Нави Пьер^[87], он смог бы завести его издалека.

— Почему ты позволяешь Джейкобу помыкать собой?

Кинси сморщила нос.

— Я не считаю, что борьба со своим товарищем по команде будет продуктивной. Если он не собирается сотрудничать со мной, то я не собираюсь впустую тратить силы.

Было ли это камнем в огород Люка, не желающего отдавать свою жизнь и имидж в преобразующие их руки Кинси Тэйлор? Он попытался разрядить атмосферу.

— Думаю, может ты засомневалась в своих девчачьих силах и решила, что в конечном счете мужчины лучше в видах спорта с мячом.

Она одним длинным глотком осушила полбутылки воды, отчего ее горло сжалось... Он хотел облизать это горло и двинуться ниже.

— Должно быть, солнце напекло тебе голову, Алмэйда. Обычно твои язвительные комментарии немного острее.

Что ж, может и не самое его удачное замечание. Но Люку не нравилось, когда Кинси играла меньше, чем на сто процентов. Уступки были совсем не в ее стиле.

— Меняемся, Алекс, ты теперь с Джейкобом, — он повернулся к Кинси. — Если не можешь побить меня, сладкая, похоже, тебе придется присоединиться ко мне, — и прежде, чем она смогла ответить, он пошел обратно на другую сторону сетки, его спина горела не от

солнца, а от ее прожигающего взгляда.

— Ты, наверное, лучше будешь играть в зоне защиты, — сказал он Кинси, когда она подбежала двадцать секунд спустя. — Ты хорошо двигаешься.

В ответ на его комплимент она широко усмехнулась.

— Я не боюсь получить удар по лицу. Я пережила трех братьев и два перелома носа, будучи подростком. Ты вряд ли даже заметил это, верно?

Он расценил это как приглашение и приподняв ее за подбородок, изучил черты лица девушки. Ее нос был идеальным, так же как и ее золотисто-карие глаза, в которых светился недюжинный интеллект и решительность.

— Похоже, у тебя был хороший пластический хирург.

Ее прекрасные губы сексуально изогнулись от обиды.

— Я вся настоящая, Люк. Каждый дюйм.

Это было больше похоже на Кинси, которую он привык видеть. Остроумная и оставляющая последнее слово за собой.

— Готова надрать задницы парочке пожарных, калифорнийская девочка?

Она кивнула и, слегка присев, заняла позицию в передней части корта. Эти прелестные ямочки над ее восхитительной задницей словно подмигивали ему. Самый. Лучший. Вид.

— Давай сделаем это.

Следующие пятнадцать минут они играли так, словно победа была важнее дыхания. Наблюдение за тем, как Кинси бьет по мячу, один раз попав в ошарашенное лицо Джейкоба, — было одним из тех сексуальных моментов, присутствию которых Люк был бы рад в каждый день своей жизни. Время от времени ее бикини не справлялись со своей задачей: прикрывать ее идеально-созданную-для-его-рук задницу. А может это и *была* их коварная задача. Мелькать перед ним этими изгибами, где ее бедра переходили в круглую идеальную попку, что в свою очередь заставляло его совсем по-новому оценить женские формы.

Вместе они были, как динамит на песке. Он знал, что так и будет. Чем быстрее закончится эта волокита с отстранением, тем лучше, потому что если они хоть на десятую часть будут так же хороши в постели, как на волейбольной площадке, то это будет полностью отличаться от всего, что он когда-либо испытывал.

Вскоре они уже праздновали каждое заработанное очко, давая друг другу “пять”.

Затем стучаясь бедрами.

Потом легкими взаимными похлопываниями по попе.

И наконец, она отпраздновала победный розыгрыш высоко подпрыгнув. Его реакция на это была инстинктивной: поднял ее вверх, а затем опустил, поддерживая руками за прекрасную попку.

Кинси обвила его руками за шею, прижимая еще ближе, чтобы прошептать на ухо:

— Смотри, что получается, когда ты сотрудничаешь со мной, Люк? Работа в команде намного более продуктивна, ты так не считаешь?

Он пожал плечами, что оказалось труднее, чем выглядело, когда женщина обернулась вокруг его талии, а ее грудь прижалась к его. Жар между ее ногам пульсировал в соблазнительном ритме напротив его пресса.

— Это всего лишь игра, крошка, — проговорил он низким, грубым голосом.

— Это никогда не было просто игрой.

Истина сказанного поразила Люка. Все их язвительные шутки и игривые прелюдии

никогда не ощущались как игра. Нечто разлилось в его груди. Нечто теплое и неожиданное, что он не чувствовал уже очень давно. Никогда, ни разу в жизни, он не хотел женщину так, как хотел эту.

Но где-то в промежутке между оглушительными ударами сердца, настроение переменилось. Ее глаза цвета виски посмотрели через его плечо и расширились. Почувствовав, что что-то было не так, Люк опустил ее на горячий песок.

— До сих пор готова на все ради победы, Кинси?

Люк повернулся к источнику голоса и увидел светловолосого коренастого парня среднего возраста. Он был одет в футболку, которая говорила о его принадлежности к Северо-Западному Медицинскому центру, а рядом была блондинка, которая сообщала всем о его отличной плодовитости. Учитывая, какой она была большой, женщина должно быть ждала двойню.

— Дэвид, — проговорила Кинси, практически выплюнув его имя. — Что ты здесь делаешь?

Так это был Тупой гребанный Дэвид, болван, который бросил ее. Мужчина обнял свою беременную спутницу и прижал ее ближе.

— Мы встречаемся с семьей Натали дальше по пляжу, — Дэвид махнул рукой куда-то вдаль.

Взгляд Кинси притягивался к раздутому животу женщины, который еще больше бросался в глаза из-за открытого бикини.

— Я и не знала... что ты... ты...

— ... собираюсь стать отцом, — самодовольно закончил парень.

Вот дерьмо. Повисла тишина, в течение которой эмоциональный фон полностью поменялся.

— Это... это Люк, — Кинси повернулась к Люку, с ее лица сошли все краски, а глаза были пустыми и невидящими. — Люк, это Дэвид и... Натали.

Угу, понятно. Дэйв-Кретин, из-за которого она полностью изменила жизнь и протащила свою сладкую попку через все страну. Что за невезение. Зная, что Кинси нужна его защита, даже если она, может, и не хочет ее, Люк положил ладонь ей на спину.

Этого было недостаточно. Он завел пальцы за край ее плавок. Обозначая свои права.

Мысли Кинси были такими громкими, что могли бы вызвать цунами на озере. Она производила вычисления, Боже помоги ей, и это было еще одним колоссально большущим минусом к ее итоговой книге о том *“Как я ошибалась”*.

Не спрашивай, малышка. Не. Спрашивай.

— Когда ждете прибавления?

— Третьего октября, — беспечно ответила Натали. Она что, на самом деле не обращала внимания на тот факт, что украла мужчину другой женщины? Что в то время, как она веселилась и закладывала эту булочку-ребенка в свою печку, Кинси планировала жизнь с донором спермы?

Гордый папа имел совесть, чтобы выглядеть смущенно.

— Нам надо поговорить, Кинси. Чувствую, у нас не получилось достойного завершения.

— Не уверена, что это хорошая идея, Дэвид. Завершение для меня может вылиться только в нанесение тебе тяжких телесных повреждений.

— Иисус, ты ненавидишь проигрывать. Не можешь пережить, что так и не получила всего и сразу.

Кинси ошутимо дрожала под заявляющей права ладонью Люка.

— Ты знаешь, чего я не могу пережить? Не того, что ты изменил мне, это было вполне ожидаемо, или что ты обрюхатил медсестру в подсобке или где там еще это произошло, — она махнула дрожащей рукой в сторону Натали, которая, *наконец-то*, покраснела от смущения, — но то, что у тебя не было даже общего понятия о порядочности, чтобы позвонить мне и сообщить о том, что между нами все кончено до того, как я, черт побери, переехала сюда!

— Наши отношения были обречены на провал. Я пытался сказать тебе...

— Значит, недостаточно хорошо пытался. Может то, что твой крошечный член сосала блондиночка, отключило твои мозги, — она шагнула вперед, но Люк сжал руку, удерживая ее от совершения чего-нибудь, о чем она может позже пожалеть.

— Это все твой рот, Кинси, — сказал этот кретин, снисходительно покачав головой. — Тебе всегда приходилось быть своим парнем. Время, проводимое с грязно выражающимися политиками, сделало тебя менее женственной.

— А время, проведенное со мной, сделало тебя менее мужественным.

— Все нормально, дорогая. Я не против признать, что ты гораздо больше мужик, чем я когда-либо буду.

Ох, черт, нет. Что-то взорвалось в голове у Люка, вспышки ярости, требующие от него броситься вперед и напасть. Никто не разговаривает так с его женщиной. Никто. Он шагнул вперед, используя свой рост, чтобы запугать и предупредить все, что бы там ни задумал этот доктор Кретин.

Но прежде чем он смог поступить как обычно “никаких вопросов, только кулаки”, Кинси проскользнула между ними и положила руки на грудь Люка. Защищая своего бывшего и самого Люка от его собственных животных инстинктов.

— Люк, не надо, — ее глаза умоляли его не разрушать всю ту огромную работу, которую она проделала с его репутацией. — Он этого не стоит.

Так же, как она успокоила его в пожарном депо после Лизы и этим утром, как накрыла его сжатый от злости кулак своей маленькой ладонью, когда они сидели за его кухонным столом, и сейчас ее нежное прикосновение вобрало в себя всю его негативную энергию. Бросив последний “да пошел ты” взгляд на дока, Люк повел плечами и отступил.

Именно тогда Кинси повернулась и отвесила хук справа в челюсть кретина.

Дымящаяся лживая куча дерьма.

Конечно же, Кинси все время это подозревала. Когда она переехала в феврале в Чикаго, и шесть недель спустя Дэвид рассказал ей, что встретил кого-то другого, то без сомнения к тому времени уже *провел* тест-драйв со своей хорошенькой медсестрой. Теперь одно ее умение производить простейшие вычисления, будто издеваясь, явно объясняло, как Дэвид провел те холодные и ох-такие-одинокие первые дни в Городе ветров.

Трахая, и оплодотворяя, медсестру.

Ребенок. У него будет ребенок, хотя, судя по всему, блондиночка носила четверню гиппопотамов. Дэвид заявлял, что не хочет детей, добавляя какие-то разумные аргументы о том, что отцовство не подходит ему или их стилю жизни, а она и в этом позволила все решать ему. Но оказалось, что ему не подходит конкретно Кинси.

Он просто не хотел детей от *нее*.

Остолбеневшая и бесчувственная, она бездумно зарывалась ногами в горячий песок, который обжигал ступни так же, как отметины от ожогов обжигали ее сердце. Она сжала руку, которой ударила своего подлеца бывшего. Та болела, как и все остальное. Ее голова, ее грудь, ее костяшки, которые не только ощущались, но и выглядели покрытыми ссадинами. Ее горло сжалось от невыплаканных слез, которые она отчаянно пыталась сдержать, на что с каждой минутой требовалось все больше и больше усилий. Возьми себя в руки, Тэйлор.

Возьми. Себя. В руки.

— Эй, смотри куда идешь, — раздался обиженный голос. Должно быть, она наступила на полотенце владельца голоса. Или его песочный замок. Или его глупое лицо.

Ярость горела в ней, полностью срывая крышу. Она не позволит сегодня еще одному мужчине вытирать об нее ноги.

— Смотреть на что, козел?

Последовавший ответ потонул в налетевшем с озера ветре, и в этот момент сильная рука обняла ее за талию и притянула к твердой груди.

Люк.

Комфорт, который она почувствовала рядом с его телом, был более шокирующим, чем события, которые привели к этому моменту. Слишком долго ей недоставало ласковых мужских прикосновений. Слишком долго она рассчитывала только на собственные силы. Было так хорошо хоть на какое-то время положиться на кого-то еще.

Напряженность в каждой клеточке ее тела постепенно уступила перед силой Люка, мужественностью, которая была как душевной, так и физической. То, что он не хотел прокомментировать сцену, свидетелем которой только что стал, должно быть, требовало значительных моральных сил. Заставить ее почувствовать себя лучше, бормоча какие-нибудь банальности. Заполнить мучительную тишину. Вместо этого, он просто был рядом с ней, его крепкие объятия, уверенность и прикосновения, более грубые, чем те, к которым она привыкла.

Это было идеально.

Взглянув вверх с того места, где ее голова прижималась к его груди, Кинси обнаружила эти озерно-голубые глаза, удерживающие ее в своем плену. И в то время, как любитель соревнований внутри нее соблазнял посмотреть, как долго может продлиться этот взгляд,

женщина в ней хотела совсем другого. Чего-то такого, что только этот мужчина мог ей дать.

— Я с тобой, — прошептал Люк.

Сильные руки легли на ее задницу и он поднял ее тело, прижимаясь своими губами к ее, и это соединение прошло через нее, как огонь. Может их рты и были созданы для обстрела колкостями, но лучше они подходили для этого. Более того, их следовало использовать именно так. Идеальное слияние губ и языков, такое сладкое сплетение и такая правильная химия.

Я с тобой. Впервые за то время, которое, казалось, было вечностью, кто-то был с ней.

Боясь, что Люк прервется до того, как она насытится, Кинси прижалась еще ближе, крепче. Поцелуй стал более уверенным, его интимный вкус более опьяняющим. После столкновения с осознанием того, что она не смогла удовлетворить одного мужчину, ей надо было знать, что она желанна. Что, не смотря на все те черты характера, которые мужчины находили такими отталкивающими, ее властность, ее эгоистичность, ее напористость... ей все еще было что предложить мужчине, который мог бы соответствовать ей, как на словах, так и в поцелуях.

Кровь, наконец, насытилась им, Кинси неохотно отстранилась и сделала прерывистый вдох у его губ.

— Спасибо, — просто сказала она.

— В любое время, сладкая. Обращайся, — Люк опустил на одно колено и засунул одну ее ногу в шлепанцы, потом вторую, с таким трепетом, что от этого у нее защипали веки.

Он снова поднялся.

— Ты, должно быть, помнишь мою теорию о том, как насилие утоляет мужское чувство справедливости, позволяет нам почувствовать себя лучше, и всегда повышает наши шансы с женщинами.

Сбитая с толку, она смотрела на него.

— Помню.

— Это работает в обоих направлениях, — сказал он, с сияющей опасной усмешкой. — Этот маленький взрыв значительно повысил твои шансы на то, чтобы переспать со мной. Как рука?

Она рассмеялась, хоть всё еще продолжало болеть, и вытянула руку, наслаждаясь предстоящим онемением.

— Это стоит того синяка, который будет позже.

— Хорошая девочка.

Взяв ее здоровую руку в свою, Люк повел Кинси по дорожке к задней части пляжа, той, на которой располагался пляжный дом в форме океанского лайнера. Он ни на секунду не отпускал ее, просто прокладывал путь мимо тощих тел детей из колледжа и старых хипстеров, которые рассматривали молодежь со смесью удовольствия и зависти. Наконец, они дошли до бара на крыше и нашли столик рядом с балконом, с которого были видны волейбольные площадки.

Люк вопросительно поднял бровь.

— Разбавленное пиво или разбавленный коктейль?

— Пиво будет отлично.

Просканировав толпу, Люк подал знак официанту, который уже явно и так его заметил. Шесть футов четыре дюйма (193 см) каменной мускулатуры в сочетании и лицом и телом бога, такое тяжело пропустить.

— Привет, ты тот горячий пожарный! — завизжала официантка.

— Угу, просто пытаюсь насладиться здесь спокойствием со своей девушкой. Можем ли мы как-нибудь сохранить это в тайне? Как залог твоих хороших чаевых.

— Скрывающийся пожарный-дефис-модель? Твой секрет в безопасности со мной, если ты оставишь мне позже автограф, — она протанцевала шимми, демонстрируя свою “книгу” для автографов.

Люк тщательно сохранял нейтральное выражение лица.

— Счастливица, — пробормотала девушка Кинси, перед тем как убежать за заказанными Люком кувшином чего-нибудь холодного и миской со льдом.

Он встретился с раздраженным взглядом Кинси.

— Эй. Ты начала это. Не бесись из-за того, что тебе не нравится монстр, которого ты создала.

Она фыркнула, задетая тем, что ее неодобрение мисс Подпиши-мою-грудь оказалось таким очевидным.

— Итак, Дэйв Кретин любит девушек, когда те милые и очаровательные, — проговорил Люк, переходя сразу к сути дела.

— То, в чем меня никак нельзя обвинить.

— Нет, ты не милая. Но ты чертовски очаровательная, когда в стельку пьяна.

— Так вот что мне надо? Обильное возлияние алкоголя, чтобы стать притягательной для противоположного пола?

Он посмотрел на нее, весь такой крутой и сексуальный.

— Я бы не стал ничего менять в тебе, Кинси.

Ее сердце почти остановилось и пришлось приложить усилия, чтобы оно снова забилося.

— Это легко сказать на ранней стадии отношений. — Блестяще. Просто упомяни это слово на “О” в разговоре, почему бы и нет? — Я имею в виду...

— Этот твой особый стиль “вызывающе агрессивный, Я — женщина, слышите, как я рычу” достигает цели в привлечении мужчин, но быстро надоедает и не работает в долгосрочной перспективе.

Какой он ошеломляюще пронизательный.

— Угу. Мужчины заявляют, что сильные женщины сексуальны, но к тому времени, как заканчиваются ухаживания и ты уже не являешься чем-то новеньким, постепенно секс сокращается с еженощного до ежемесячного, если тебе повезет, особенно, когда мужчина, который восхищался тем, что увидел в тебе равную, начинает видеть конкурента, тогда мы можем с уверенностью сказать, что большинство мужчин предпочитает мягкую, ультраженственную замену. Степфордскую жену^[88].

— Не очерняй всех мужчин из-за грехов своего бывшего, сладкая. Может быть, вы двое просто были несовместимы.

Именно это Дэвид и сказал, когда бросил ее. Она решила, что это одна из тех громких фраз при разрыве, которые мужчины выдают, оправдывая то, что им наскучили длительные отношения и они бросились в новые и яркие. Десять лет с кем-то, с кем она может никогда и не была совместима. Как все пришло к этому?

Люк постучал по столу.

— А что там было за дерьмо по поводу победы?

— Дэвид считал, что я была слишком азартна. Мне всегда надо было бежать быстрее,

чем он, превосходить его в спальне, выигрывать в покер...

— Вернись-ка на минутку. В спальне?

Удивительно рассчитав время, их дерзкая официантка вернулась с кувшином пива, миской льда и флиртующей улыбкой для Люка. Он налил стакан и передал тот Кинси, затем проверил пальцами воду в миске со льдом и погрузил ее ноющую руку в холодную жидкость. Обыденность того, как он заботился о ней, коснулась какого-то закрытого, нетронутого места внутри Кинси.

— Ты говорила?

— Нет, это *ты* говорил.

— Как ты превосходила его в спальне?

Она вздохнула, потягивая пиво. Холодный напиток освежал, но не мог остудить ожог от неудачи, горящий в ее груди.

— Я не рассматривала это как превосходство, а он рассматривал. Он хотел все держать под полным контролем, а мне если и нравилось это время от времени... — жар опалил ее щеки, но она зашла уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад, — то так же нравилась и более активная роль.

Мышцы на челюсти Люка дернулись.

— В каком смысле?

— Говорить ему, что мне нравится. Что мне нужно. — *Заткнись, Кинси.* — Как жестко мне хочется.

Мышца сжалась еще сильнее.

— Большинство парней будут счастливы тому, что женщина вслух говорит о своих желаниях, — сказал он голосом, севшим на несколько тонов. — В половине случаев, мы понятия не имеем, получает ли женщина наслаждение.

— В самом деле?

— Не я. Просто пытаюсь заступиться за оклеветанный пол. И что же так сильно мешало этому парню удовлетворить такую женщину, как ты?

— Временами, мне надо было больше, и если я сама заботилась обо всем, он видел в этом обвинение для своих навыков, угрозу своей мужественности, — Боже, она не могла поверить в то, что эти слова слетают с ее губ. Она никогда открыто не говорила о своей сексуальной жизни, даже с подругами. Люк же воспринимал все без осуждения, наоборот, его это, кажется, заводило.

Как она могла посвятить столько лет своей жизни такому мужчине, как Дэвид?

Сдерживая наворачившиеся слезы, Кинси сделала большой глоток своего пива, чтобы вернуть себе грозившее рухнуть спокойствие. Теперь она видела, как глупо это выглядело, как она держалась за эти отношения, которые уже давно были наполовину мертвы. Страх остаться одной удерживал ее лучше любого приговора. Или может она понятия не имела, что было лучше для нее.

Сейчас она знала, или думала, что знала. Ставить на первое место себя: карьера, мороженое, оргазмы, в таком порядке, — вот что ей было надо.

— Может, мне слишком тяжело угодить, — сказала она, моментально отступая от своей позиции *“Вперед, девочка”*.

Люк громко вздохнул.

— Не надо плакаться мне в жилетку, Кинси. Этот придурок напортачил, просто и ясно. Он должен был сделать все, что в его силах, чтобы удовлетворить тебя. И убедиться в том,

что ты знаешь, насколько особенной являешься, — наклонившись вперед, он обхватил ладонью ее щеку и провел по нижней губе подушечкой большого пальца. — Если бы ты была моей, крошка, я никогда не позволил бы тебе забыть об этом.

Если бы ты была моей... Было несправедливо с стороны Люка, так разговаривать с ней, не тогда, когда она чувствовала себя на самом дне. В отчаянии, она воззвала к своему негодованию по поводу названия “крошка”, но того и в помине не было рядом. На его губах, это слово заставило сломанную женщину внутри нее почувствовать себя бесценной. Желанной.

На что это может быть похоже, попасть в центр эмоционального внимания со стороны такого мужчины, как Люк Алмэйда? Принадлежать ему, телом и душой? Подобная перспектива отчасти согрела ее. Но больше напугала. С Люком, как она подозревала, не будет никаких полумер.

Не то, что Дэвид, которому потребовалось девять с половиной лет, чтобы задать ей важный вопрос. А она была дурой, что позволила ему задавать темп их отношений, потому что не была уверена, что заслуживает внимания со стороны мужчины с таким высоким положением. А учитывая ее текущий беспорядок, она не была уверена, что заслуживает внимания вообще какого бы то ни было мужчины, даже того, который сидел напротив нее.

Тошнотворная вспышка воспоминаний об обвинениях со стороны Дэвида заставила ее уклониться от прикосновения Люка.

— Тебе не следует говорить таких вещей... это перебор.

Он посмотрел на нее с безошибочно угадываемой напряженностью, его взгляд был в миллион раз более уверенным, чем ее сердцебиение.

— Разве?

— У меня... у нас есть работа, которую надо сделать, и нам следует оставаться в профессиональных рамках, — *Убеждай себя в этом, сестра.* Случившееся на пляже с Дэвидом только доказывает то, что она и так уже какое-то время знала: она была неудачницей в любви, значит все, что ей оставалось, — карьера. Ставить ее под угрозу, заводя роман со своим заданием, было подобно самоубийству.

Его голос был наполнен низким сексуальным ропотом.

— Ты умная женщина. Уверен, ты уже к этому времени поняла, что профессионализм не является моим вторым именем, — внезапно он поднялся и навис над ней, выглядя раза в три ее больше и злым, как ад, на нее. Он достал из своего кармана две двадчатки и бросил их на стол.

— Пошли.

— Но я еще не допила свое пиво! — А он к своему даже не притронулся.

— Шевели своей сладкой попкой, Кинси, или я вынесу тебя отсюда, — он еще ниже наклонил свое тело, так что они оказались на расстоянии дыхания. — Ты не хочешь, чтобы я устраивал сцену, не после всей той хорошей, *ох-какой-профессиональной* работы, которую ты провела, превращая меня в предмет обожания.

Зарычав от того, что она знала: он был прав, и потому что чувствовала себя разозлившейся, Кинси встала и потопала к выходу на лестницу. Мужчина был полным засранцем, с его “*крошка это*” и “*сладкая то*”. и угрюмостью, которая доводила ее до припадков. Ладно, она покажет ему угрюмость.

Когда она достигла последней ступени, пальцы Люка обернулись вокруг ее руки и, прежде чем она смогла вырваться, он затянул ее в дверь, ведущую в туалет. Кинси

повернулась, чтобы оказаться с ним лицом к лицу и высказаться по поводу грубого отношения, но ментально передумала, увидев его лицо. Его глаза пылали, безжалостно и искренне.

Инстинктивно, она отступила назад, натолкнувшись задницей на холодный фарфор раковины. Это была одна из тех одиночных уборных, закрывающихся отдельным замком. Который он повернул. Щелчок заставил ее сердце трепыхаться, как какого-то дикого зверька, пытающегося выскочить у нее из горла.

— Люк, людям нужно будет зайти сюда, — сказала она своим самым разумным тоном. Да, давайте здесь будем разумными. Людям нужно опорожнить свои мочевые пузыри, а Люк Алмэйда планировал... ну, Кинси не знала, что именно он планировал. Но этот дикий взгляд, ох, он говорил ей, что это будет нечто безнравственное.

Воздух покалывало от мужского запаха, агрессии и опасности. В доли секунды, он был на ней, взрывая все ее чувства, его руки гладили и возбуждали перед тем как остановиться на ее бедрах. Они идеально подходили друг другу. Все в нем. Его татуировка “Semper Fidelis”, поблескивающая на груди, ее челюсть практически упала на несомненно грязную плитку, словно она видела эту грудь впервые.

Кинси, соберись. Это всего лишь грудь!

— Думаю самое время тебе понять, насколько ты чертовски сексуальна, мисс Тэйлор.

— Но мы... мы не можем. Ты слышал хоть слово из того, что я говорила о сохранении проф... — она потеряла ход мыслей, потому что грубые и жесткие руки Люка начали выписывать эротические круги по ее спине... бедрам... заднице.

— Я... я отказалась от мужчин.

— Подожди до завтра, крошка, — он провел носом по ее щеке, губы зажигали вулканическое тепло на ее коже. — Сегодня позволь этому мужчине позаботиться о тебе, это тебе нужно, — его руки сжали ее попку так, что она потеряла голову от желания.

— Я могу сама позаботиться о себе, — простонала Кинси, затем добавила: — и своих оргазмах, — если то, что она подразумевало осталось неясным.

Она почувствовала, как губы Люка изогнулись в улыбке у ее шеи.

— Не сомневаюсь в этом, но почему ты должна это делать?

— Люк остановись. У тебя уже достаточно проблем...

Но проблемы настигли Кинси, когда губы Люка жестко заклеямили ее. Его рука обняла ее за шею, пальцы удерживали ее челюсть на месте и не давали увернуться от атаки. Она сдалась, в ней не осталось сил для борьбы, никакого желания быть требовательной женщиной. Она позволила ему вести в их поцелуе, скользя внутрь своим языком и проводя им по ее небу. Она позволила ему использовать ее.

Люк прервал поцелуй, его взгляд затуманился от странной смеси похоти и сочувствия.

— Все хорошо, крошка. В следующий раз, я жду от тебя полноценного участия, но прямо сейчас я управляю этим поездом.

Да. Она так устала делать все сама, носить и брюки, и юбку. Данное себе разрешение подчиниться возбуждало так же сильно, как и все исключительные способности Люка Алмэйда.

Он повернулся так, что она оказалась лицом к треснувшему зеркалу, которое уже отражало не слишком хорошо, но достаточно, чтобы увидеть неоспоримую реакцию ее тела на этого удивительного сексуального мужчину. Соски затвердели гораздо сильнее, чем ей казалось, волосы взъерошены, как после секса.

— Тебе нужно увидеть, какая ты красивая, Кинси. Какая впечатляющая.

Скользнув шероховатой ладонью по краю ее бикини, он будто испытывал ее границы. Она расставила ноги в стороны. Его усмешка стала возмутительно порочной.

— Хочешь руководить?

— Нет, просто сделай все правильно, Люк. Сделай хорошо.

Он прикусил мочку ее уха, нежное покалывание, отозвавшееся в чувственной плоти, затем дернул трусики от бикини, резко рывком спуская те до середины бедер, что заставило Кинси задохнуться от контраста. Она стала влажной от одной мысли о том, что произойдет дальше.

Его сильное предплечье легло ей под грудь, в то время как другая рука пробралась сквозь рыжеватые завитки волос, разделяя ее набухшие складочки, туда, где она уже была потрясающе горячей и скользкой. Приподнявшись, она завела руку и обняла его за шею, чтобы удержаться. Он поцеловал ее запястье прямо над бешено бьющимся пульсом.

— Вот это моя девочка, — прошептал Люк. — Держись крепче.

Он скользнул в нее пальцем.

Затем, давая ей именно то интимное давление, в котором она нуждалась, и практическим сводя с ума, еще одним.

— Черт, ты такая влажная и тугая. Тебе действительно нужно это, так ведь? Тебе нужен я глубоко внутри, крошка.

— Да. О Боже да, — каждый медленный толчок идеально создавал давление на клитор и увеличивал закручивающуюся спираль желания внизу ее живота. Очевидное доказательство его собственного желания упиралось Кинси в спину.

— Там, прямо там, — она схватила его руку и прижала ближе туда, где нуждалась в ней.

Он усмехнулся.

— Кажется, ты не можешь удержаться, чтобы не начать все контролировать.

Хоть ее разум был затуманен, но она замерла. Именно это ненавидел Дэвид. Ее выступление в роли агрессора, ее просьбы дать ей больше, чем он мог.

Было так трудно следовать правилам.

— Не останавливайся, Кинси. Если тебе что-то нужно, то скажи мне, что именно заставляет тебя чувствовать себя хорошо, сделай это. Я в твоём распоряжении.

Мысли улетучились. Все мышцы расслабились. Желание, освободившись, затопило ее сущность, когда его слова разрушили нить размышлений.

— Мне нужно...

— Что, малышка? Скажи мне, что тебе нужно.

Это. Ты. Все, что у тебя есть.

— Твои пальцы... Твои пальцы во мне. Немного грубее, чем... — Ох! Он последовал ее инструкциям, грубая кожа его жестких пальцев потирала чувствительные складочки, когда он погружался внутрь нее.

— Вот так?

— И моя грудь. Сожми соски.

Его большая ладонь дернула купальник, а затем заменила клочок ткани, обхватив ее ноющую грудь. Он полностью накрыл ее, оказывая нежной плоти свое немного жесткое внимание.

— Пожалуйста, Люк, — умоляла Кинси. — Еще.

Он еще раз укусил мочку уха, ущипнул сосок и быстро подстроился под грубые,

отчаянные требования Кинси. Невидимая волна удовольствия затопила центр ее женственности, и он почувствовал еще больше влаги под своей рукой.

Откровенный взгляд мужского удовольствия на его лице говорил о его одобрении.

Он еще быстрее потер тугой комочек нервов, возводя на вершину обжигающие ощущения. Кинси могла только изгибаться. И смотреть. И чувствовать. Его темная кокосового цвета кожа на фоне ее золотистой еще больше подчеркивала их контраст, и в то же время показывала, как хорошо они дополняли друг друга. Она стояла, заключенная в колыбель его рук, полуодетая, в неряшливом беспорядке, который делал происходящее более грязным, сексуальным и очень, очень приятным.

— Дай мне свой рот, Кинси.

Повернув голову она отдала себя его безжалостному поцелую. Толчки его языка повторяли собственническое вторжение ниже и отправляли ее по спирали все выше, к месту, которого она отчаянно хотела достичь. Где ни один мужчина не мог ее коснуться. Причинить ей боль. Она была так близко, ее стоны стали еще громче.

— Вот так, крошка, — прорычал Люк. — Давай.

Стук. Громкий звук, вытолкнувший ее из сумасшедшей сексуальной дымки.

— *Эй, тут люди ждут!*

— Люк, — выдохнула Кинси.

— Кончай, — он смотрел ей в глаза таким жарким взглядом, что она удивилась, как это зеркало уцелело. Дерзкий, решительный, подталкивающий ее к освобождению. Но то ушло. Люди узнают, чем они здесь занимались, и ее стоны... она не могла подавить их, как бы ни пыталась.

Еще один удар в дверь и ее охватила паника.

— ... *давайте же, открывайте...*

— Кончай, малышка.

— Не могу, — проговорила она и слезы разочарования потекли из уголков ее глаз. Ноги подкосились и она всем своим весом привалилась к нему. — Прости.

Он убрал свою руку, все еще влажную от ее удовольствия, от распухших складочек и поднес к ее рту.

— Оближи.

О. Мой.

— Боже.

— Оближи, — потребовал он.

Это было возмутительно. *Он* был возмутительным.

И все же.

Кинси поняла, что ее губы приоткрываются, рот наполняется слюной, и ощутила новый приятный запретный вкус. Подчинившись ему, она чередовала длинные непристойный облизывания с нежными, как у котенка. Сочетание ее мускусного вкуса и властного хладнокровия Люка возродило скользкий жар между ее бедер и подняло желание до заоблачных высот.

— А теперь укуси и кончай.

В дымке чувственного удовольствия, она прикусила два пальца, которые Люк протолкнул ей в рот. Другой рукой он нашел ее поблескивающий центр женственности, нашептывая на ухо непристойные слова одобрения. Все те испорченные вещи, которые он хотел сделать с ней, грязные обещания, которые распалили ее. Через пару секунд, она

выгнулась рядом с ним, взрываясь в протяжных, дрожащих импульсах удовольствия, крики ее освобождения заглушались рукой Люка. Наконец, Кинси обмякла, уверенная в том, что он поможет ей пережить этот шквал эмоций. Они простояли не шевелясь еще пару драгоценных, лишающих дыхания мгновений.

Когда она снова открыла глаза, Люк повернул ее к себе лицом, поправляя на ней одежду. Так заботливо, так неожиданно. Он прислонился своим лбом к ее, его глаза горели расплавленным жаром.

— Ты — это нечто, Кинси, — прошептал он. — Я могу провести остаток жизни, наблюдая, как ты кончаешь.

Кинси прикрыла глаза, почувствовав к нему губительную нежность, но сердитый стук в дверь заставил ее веки распахнуться и вернул в реальность, от которой она скрывалась на этот краткий момент забвения. Посетители, которым нужно было избавиться от разбавленного пива.

— Готова встретиться со своей публикой? — усмешка Люка была чистым злом. Он наслаждался происходящим. — Мне интересно, как женщина, которая провела свою жизнь подчищая за плохим поведением других, собирается выпутываться из этой неприятной ситуации.

Она перевела взгляд на дверь. Варвары столпились у ворот, а ее только что обслужил самый сексуальный и *самый узнаваемый* пожарный Чикаго.

Как бы сказал ее босс, гребаная-пиар-катастрофа.

— Я выгляжу так, — она закусила губу, — словно только что...

— Твой мир пошатнулся? О, да.

Кинси провела руками по волосам, словно это могло свести к минимуму жаркий румянец на ее щеках или вялость в ногах после пережитого опьяняющего желания. Волнение в груди превратилось в абсолютную панику.

Глаза Люка блестели и в них сквозило самодовольство.

— Ты проделала такую хорошую работу, исправляя мою репутацию. Давай посмотрим, как я справлюсь с твоей. На три... два...

— Люк, я не думаю...

— Один... — он распахнул дверь и протолкнулся через ожидающую толпу, большинство людей в которой было слишком сосредоточено на твердом великолепии груди Люка Алмэйда, чтобы обратить внимание на его взъерошенную, полностью удовлетворенную спутницу. Уверенно он вел Кинси за собой к выходу из бара, пока они не выбрались на безопасное солнце.

— Сделано! — прокричал он, словно только что провел самую смелую операцию по спасению.

Поймав ее недоверчивый взгляд, он пожал плечами, движение, столь же красивое, как и улыбка. Прощай, профессионализм!

В уютной тишине, они пошли обратно к волейбольным площадкам. Обратно к его семье, ее новым друзьям и посторгазменной реальности, и всю дорогу в голове Кинси билась одна мысль.

Люк Алмэйда — мой герой.

На обратном пути к их месту на пляже Кинси притихла, и Люку стало интересно, сожалеет ли она о произошедшем. Все эти потребности и прочие вещи, которые она сдерживала, проведя столько лет с Дэйвом Кретином, взорвались в уборной, как фейерверк.

Под руководством Люка.

Кинси, кончающая на его руке, — это было зрелищем, достойным внимания, событием, которое он точно не скоро забудет. Что касается Крестина, то он мог быть тем еще типом, но на его счету было одно хорошее дело. Если бы он был не таким мудаком, Люк не оказался бы в этой ситуации, которая с каждым мгновением нравилась ему все больше и больше.

Вернувшись на площадку, они увидели, что остался только Уай, который сидел и смотрел на озеро. Довольно часто Люк пытался понять, что творится в голове его брата, но безрезультатно. Однако, сегодня изгиб его губ, говорящий “я-все-знаю” в сочетании с поднятой бровью, делали его мысли такими же ясными, как небо над их головами.

Люк ответил на это своим фирменным “Пошел к черту” взглядом.

— Ларри звонил, — сказал Уай. — Тебе нужно перезвонить ему, — он покосился на Кинси. — Твой телефон тоже звонил. *1812 Увертюра*^[89].

Кинси выудила телефон из своей пляжной сумки.

— Это мэр.

В то время, как она отошла на несколько метров, чтобы уединиться, Люк перезвонил своему крестному отцу. Две минуты спустя, он закончил разговор, Кинси тоже. Через пару наполненных энергией мгновений их взгляды встретились.

— Комиссар сказал, что меня вернули к работе, потому что, очевидно, мэр доволен моим уровнем сотрудничества. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Она открыла рот. Закрыла.

— Кинси...

— Ты переоцениваешь мое влияние...

— Не думаю, — пару шагов, разделяющих их, исчезли, и она уже была в его объятьях, а он яростно целовал ее. — Я благодарен, крошка. Действительно благодарен.

Она покраснела, скользнув взглядом к Уайю, который все еще вовсю ухмылялся.

— Это то, чему ты принадлежишь. Я просто убедилась, что они знают об этом. У нас все еще будет день открытых дверей, но та часть задания, которая связана исключительно с тобой, закончена.

Они уставились друг на друга, как идиоты. Как похотливые перевозбужденные идиоты. Потому что теперь ничто не сможет помешать тому, что будет дальше.

— Возможно, все еще следует придерживаться профессиональных рамок, хм, — подразнил ее Люк, возвращая обратно ее же мантру.

Кинси усмехнулась.

— Согласна. Я ожидаю, что меня обслужат действительно очень профессионально, мистер Алмэйда.

Засмеявшись, Люк поднял ее с земли, прижав к себе так крепко, что она задохнулась. Он определенно немного сходил с ума по этой женщине.

Уай фыркнул, поднимаясь на ноги.

— Кого-нибудь подвезти? Нет? Ладно. До встречи.

Люк припарковал грузовик у ее дома на Эри и включил аварийку. Повернувшись, Кинси коварно улыбнулась уголками рта.

— За углом есть парковочный гараж.

— Не могу. Мне надо в отделение. Ларри сказал, что я нужен сегодня на смене.

Озорная улыбка Кинси быстро исчезла и она недоверчиво нахмурилась.

— Праздничные выходные отличаются от обычных, — объяснил он. — Нам нужны все свободные руки. Я начинаю с шести и закончу завтра утром в восемь.

Недосказанность повисла в воздухе, поэтому он сделал финальный выстрел.

— Я смогу быть внутри тебя к восьми шестнадцати.

Кинси сглотнула, отчего ее тонкая шея дернулась.

— Это звучит очень... пунктуально.

— Пятнадцать минут у меня уйдет на дорогу и парковку...

— А потом трах-бах, и вот Четвертое июля уже здесь? — она показала на свои колени и он не мог не рассмеяться. Приятно было видеть, что ее чувство юмора пришло в норму, особенно после того дерьмового эпизода, произошедшего ранее во время стычки с ее бывшим. Ему нравилось думать, что в этом была заслуга оргазма. Впрочем, Кинси и сама отлично со всем справлялась.

— Если ты ставишь вопрос таким образом, вероятно, мне лучше приехать завтра попозже.

Она покачала головой.

— Нет. То, что ты со мной там сделал, Люк... я хочу, чтобы ты почувствовал себя так же хорошо и отказываюсь ждать, — она скользнула рукой вдоль его бедра к ткани шорт. Еще чуть выше и он взял бы ее прямо здесь и к черту дорожное движение.

Но если серьезно, он не хотел, чтобы с ней все было быстро. Люк хотел ее медленно и сладко, между прохладными, свежими простынями, пока он будет выдавливать из нее эти сексуальные стоны. Может быть, несколько криков.

— К слову об огне, Кинси, он кое-что делает со мной. Со всеми нами. Канун Четвертого — один из наших самых загруженных периодов. Много вызовов из-за барбекю и инцидентов с фейерверками, и когда я заканчиваю смену, то переполнен адреналином. А также чертовски возбужден, и обычно мне надо быстро снять напряжение.

— Ты предупреждаешь меня о своих проблемах с преждевременной эякуляцией?

Он посмотрел на нее своим самым осуждающим взглядом. Она приняла это как вызов.

— Все не так плохо, но я ужасно сильно хочу тебя, поэтому примерно так и будет. Я всегда могу принять душ, позаботившись обо всем до того, как встречу с тобой. В таком случае я смогу все сделать, как надо. Если же нет, то я буду хотеть трахнуть тебя на самом деле быстро, а затем, вероятно, усну прямо на тебе.

— Ух ты, прям набиваешь себе цену, Алмэйда.

Дерьмо, он говорил, как идиот, который не контролирует свой член. Но Люк знал, что стоит только взглянуть на нее завтрашним утром, размякшую после сна и красивую, такую, какой она была, проснувшись в его кровати с похмелья, и он захочет прижать ее к стене. Они даже не дойдут до спальни, а он хотел показать ей все способы того, как хорошо им может быть, когда он по яйца погрузится в ее медовый жар.

Кинси наклонилась и провела языком по своей нижней губе. Это не помогало, совсем.

— Так значит, ты примешь душ в отделении, подрочишь на городскую собственность, а затем приедешь сюда, готовый взорвать мой мир?

— Из твоих уст это звучит так романтично.

Ее нежное дыхание коснулось его губ.

— Когда часы завтра утром пробьют восемь, ты приедешь сразу ко мне. Не принимай душ. Ни о чем не заботься. Единственное, чем ты займешься завтра — это я, Люк. Я хочу быть той, кто снимет твоё напряжение. И тебе лучше быть готовым справиться с этим.

Для этого его шорты были не достаточно свободными.

— Ты убьешь меня прямо здесь, крошка. Не уверен, что смогу выдержать.

— О, ты выдержишь. Потому что, может ты и хорош в попытках произвести впечатление парня, который не может контролировать свой темперамент, но я думаю, что все как раз наоборот. Думаю, тебе нравится контролировать ситуацию с твоей семьей, твоей работой, твоей сексуальной жизнью. И даже учитывая то, что ты терпеть не можешь проигрывать, это единственная гонка, в которой счастьем для тебя будет прийти к финишу вторым. Ты позаботишься обо мне, а затем я позабочусь о тебе.

Кинси его подловила. Ему понравилось, как она докопалась до его сути, с этими своими острыми взглядами и еще более проницательными наблюдениями.

— Я уверен, что уже позаботился о тебе, мисс Жадина.

— Я жадная, и хочу все, — она погладила его эрекцию той же рукой, которой ударила бывшего, ее губы изогнулись в сексуальном намеке на улыбку, когда его член еще больше увеличился под ее ладонью.

— Я хочу *тебя*, Люк. И сейчас нет ничего, что остановило бы меня.

Она коснулась своими губами его в мучительном захвате, этот ее грешный рот был инструментом пыток. Не в силах сопротивляться, Люк обхватил ладонями ее лицо и завладел ртом на несколько взрывающих мозг секунд. А затем оттолкнул назад.

— Иди. Сейчас, Кинси. Или я не отвечаю за то, что произойдет дальше.

— Люк...

— Я трахну тебя прямо здесь и сейчас, если ты не вылезешь из грузовика.

— Спокойнее, сердце мое, — схватив сумку, она открыла дверь, выглянула посмотреть, есть ли машины поблизости, и спрыгнула на тротуар.

Обернись, крошка. Подари мне еще один сладкий взгляд.

Через плечо, она улыбнулась ему и помахала, и он чуть было не кончил прямо в свои шорты. Это будет самая долгая смена.

— ПО № 6 и пятьдесят третья машина на месте происшествия, жилой двухэтажный дом, для одной семьи, примерно двадцать четыре на сорок^[90]. Справимся своим расчетом. — Отчитывался по рации Люк, в то время, как машина остановилась, не доехав полпути до квартала Ливитт, примерно в миле от отделения. Пламя, словно жадные пальцы, языками вырывалось из одного окна на втором этаже, дым, поднимавшийся с первого этажа, уже был серым. Толпа смотрела на происходящее и даже не делала попыток отойти в безопасное место, но затем он подумал, что вероятно они считали это развлечением.

Выходные Четвертого июля. Время отдыха, наполненное кучей пьяных и идиотов. Все могло начаться с вспышки жидкости для розжига на гриле или нелегальной “бомбы с

вишнями”^[91] на заднем дворе. Как бы то ни было, теперь это его проблема.

— Хонда Цивик блокирует гидрант, лейтенант, — вызвал Дэвид с другой стороны улицы.

Фелан начал это дерьмо с “лейтенантом” в ту же минуту, как Люк появился в шесть часов, ощущая себя выше на сто футов после проведенных драгоценных моментов с Кинси. О да, и еще то, что он снова был долбаным пожарным. Угрюмо порадовавшись тому, что Люк снова на работе и это “испытательное дерьмо с YouTube” закончилось, Венти отправил его заменить офицера расчета В, который находился в отпуске. На то время этой ночи, когда личный состав был занят делом, Люк был богом. По крайней мере пока на сцене не появлялся начальник пожарной команды.

Люк искоса глянул на Уайатта. Можно было сделать все, не причиняя вреда собственности добропорядочного гражданина, но...

— Принято, — его брат пошел вперед с хулиганом^[92] и заставил владельца Хонды пожалеть, что он припарковал свою дерьмовую машину в пятнадцати футах^[93] от источника воды. И тридцать секунд спустя, через теперь уже отсутствующие боковые окна был протянут шланг и ввинчен в гидрант.

Не связывайтесь с ЧПД.

Люк начал выкрикивать приказы.

— Фелан! Ты на бочке. Зайди на двести футов^[94] с той стороны и встречу меня у входной двери.

Быстрое распространение огня в горящем здании требовало срочных действий: быстро подать воду из бака на пятьсот галлонов^[95] по главному шлангу. Они выльют все за две минуты, а потом подключат гидрант, но приоритетом сейчас было залить все горящие места водой.

Расчет Люка принялся за работу. Мёрфи оттолкнул назад таращившихся прохожих. Фелан по рации потребовал, чтобы передали наполненный водой шланг, Люк закрепил свою маску, проверил, чтобы та была герметична, а подача воздуха на его баллоне включена. Как у исполняющего обязанности офицера, работой Люка было зайти внутрь и изучить то, с чем они столкнутся, зная, что его команда в это же время выдвигает пожарную лестницу на грузовике, чтобы подготовиться к вентиляции крыши.

Минуту спустя Люк уже выбежал назад на улицу, вынес на руках сильно обгоревшую гражданскую, которая пыталась подняться на второй этаж, где спал ее сын.

— Он все еще там! — прокричала женщина, голос которой ломался от паники. — Мой Робби!

— Знаю, мэм, — он передал ее Горди, фельдшеру скорой помощи, и заговорил громче, чтобы его слышали за приглушающей звук маской. — Мы вытащим его.

Уайатт и Фелан посмотрели на него и доложили:

— Первый этаж чист. На самом деле все перешло на второй и по ступеням уже не подняться. Семилетний ребенок в передней спальне. На какой стадии мы с вентиляцией?

В воздухе прозвучал крик. Стекло градом посыпалось на землю. Все глаза взметнулись вверх, туда где ребенок с растрепанными волосами стоял с телескопом в руках, который был выше, чем он сам. Он бросил предмет на пол, когда тот справился с задачей и разбил окно.

Это обеспечило вентиляцию и сделало работу ЧПО в десять раз более опасной. Теперь огонь будет гореть жарче и быстрее, получив новый источник питания: насыщенный

кислородом воздух. Дающий жизнь, но в этом случае, несущий смерть.

— Слишком горячо! — Робби приложил руки к усеянному осколками подоконнику, а затем отшатнулся, явно шокированный своими порезанными ладонями.

— Оставайся на месте, малыш, — прокричал Люк. — Мы придем за тобой. — Тяжелый черный дым повалил из верхней половины раздвижного окна. Совсем скоро жар усилится и вся комната будет объята пламенем.

— У него есть минута, две в лучшем случае, — сказал Уайатт.

В этот момент, начальник пожарной команды, Лонни Морган появился на сцене, готовый справиться с огнем, как и с любой чрезвычайной ситуацией. У парня язык был таким же острым, как подбородок, но он знал свою работу. Примерно в ста футах ниже по улице находился фургон репортеров местных новостей, болтающих свою чепуху про катастрофу. Прекрасно.

— Доложите, — пролаял Морган, спрыгнув со своего служебного автомобиля.

— Уай, вы с Дерексом отправляйтесь туда со шлангом и задержите этого ублюдка. Выиграйте мне немного времени, — распорядился Люк, надеясь, что Морган быстро во все вникнет.

За тридцать секунд Люк взобрался по пожарной лестнице, быстрее, чем шимпанзе на стероидах. Восемьдесят процентов выездов сегодня было по вызовам скорой помощи: дорожно-транспортные происшествия, проколы, остановка сердца в доме престарелых, обезвоживание на летнем фестивале. Среди звонков о возгораниях в основном все касались тушения, а не спасения. Люди обычно спасались самостоятельно или огонь распространялся уже слишком далеко, к тому времени, как на место происшествия прибывала бригада ЧПД. За семь лет работы Люк произвел только шесть спасательных операций, включая женщину, которую вытащил три минуты назад. На счету Бэка было пять, Гейджа — три, Уайатт превзошел их всех с восемью, рекордом отделения. Алекс по нулям. Пожарные могли десятилетия проработать и так и не спасти кого-то самостоятельно.

Пока он взбирался по лестнице, ситуация из опасной стала совсем дерьмовой: ребенок исчез из окна, очевидно спасаясь от густого черного дыма, который теперь валил через проем.

— Робби! Пожарное отделение, отзовись!

Ничего, кроме отдаленного потрескивания горячей краски. Приближающейся смерти.

Люк забрался в комнату через разбитое окно, проверив сначала пол, чтобы не наступить на ребенка. Но нащупал только длинный твердый предмет, который был телескопом. Видимость была нулевая, воздух настолько горячий, что он почувствовал, как жжет его уши через капюшон Нормекса^[96], верный признак того, что он в полном дерьме.

— Робби!

Опустившись на пол, где жар был не таким сильным, Люк начал ползти по-кошачьи, направляясь к двери. В задымленной комнате, где чувства притуплялись, а адреналин боролся с разумом, расстояния всегда казались огромными, даже если помещение было всего восемь квадратных футов^[97].

Из-за толстых перчаток отличить ножку стола от ноги ребенка было трудно. Он схватился за что-то, похожее на чертежный стол. Обжигающий жар в ушах только усиливался с каждым напряженно преодолеваемым футом пола.

Он нащупал край и подтянулся вверх на пару футов. Дверь. Проклятая открытая дверь. Он потянулся и захлопнул ее.

Мгновенно температура упала, видимость улучшилась, воздух стал больше напоминать древесный уголь, а не чернила кальмара. *“Иисус, малыш, где же ты, черт побери?”* Если ребенок покинул комнату, то это пропащее дело, потому что никто не вытащит его с лестницы живым.

Сначала Люк проверил за дверью, которую только что закрыл. Только новички могли допустить ошибку и проигнорировать что-то. Нет ребенка.

— Робби!

Детей обычно привлекала кровать, так как они думали, что огонь и дым не найдут их там, но не этого. Ни на кровати, ни под ней мальчика не было. Чуть левее....

В яблочко! Нога в кроссовке торчала из приоткрытого шкафа. Потянув одной рукой дверь, Люк вытащил изнутри поникшего ребенка.

— Робби, ты меня слышишь?

Малыш застонал, и сердце Люка, которое и так бешено стучало, чуть не выпрыгнуло из груди от радости и благодарности. Его седьмое спасение, и ни одно еще не было настолько сладким. Проклятье, этот день стал потрясающим.

— Давай, малыш. Пора выбираться отсюда.

Не смотря на беспокойную ночь и свои сны, наполненные и насыщенные Люком, Кинси уже к половине восьмого приняла душ, побрилась и выпила кофе. Она уже проигнорировала “слишком ранний для бога, но не слишком для мэра” звонок, исходя из того, что это был День Независимости, а также из соображений обязательств, которые их связывали. Только если мэрия загорится, вместе с ним внутри, она захочет об этом узнать. Услышав голосовое сообщение от Эли, в котором он спрашивал, не хочет ли она прийти на барбекю, которое он организовывал для нескольких друзей (подтекст: должно быть, тебе одиноко), она порадовалась, что не ответила на звонок. Было бы тяжело отказать ему лично, а так как Люк уже направлялся сюда, она не хотела строить планы на день.

Примерно как и на все те вещи, которые происходили между ними.

Случайные связи не были в ее стиле. Она начала встречаться с Дэвидом в колледже, но им пришлось расстаться, когда он проходил резидентуру [\[98\]](#) в Нью-Йорке, отношения на расстоянии слишком давят. Если бы им было суждено, они бы снова были вместе. После окончания резидентуры он устроился врачом в Калифорнийский университет в Сан-Франциско (кстати, третье полученное им предложение) и они вернулись прямо к тому, на чем расстались. Но за три года их перерыва, она встречалась с парочкой милых ребят из Сан-Франциско. Адвокат, оказывающий безвозмездные юридические услуги. Парень, управляющий программным стартапом в Силиконовой долине. Ключевое слово — *встречалась*. Три ужина перед тем, как они переходили ко второй базе, еще два перед тем, как они видели ее белье для особых случаев. Секс с мужчиной, основанный только на животном притяжении, не был чем-то обычным для нее.

Никто даже по ошибке не мог бы сказать, что Кинси и Люк встречались. Это был просто секс.

Кинси пыталась определить источник трепыхания в своем животе. Были ли ее опасения связаны с тем, что это было не стандартным поведением для Кинси и она чувствовала себя немного распутной, или с тем, что хотела, чтобы во всем этом было что-то большее? Люк Алмэйда был мужчиной со множеством лиц: задирой, опорой для семьи, парнем, который платит за обиды, героем. Но в конечном счете, он был мужчиной, который прекрасно умел обращаться с женским телом без всякого GPS. Насколько бы привлекательными ни были все эти грани, ей следовало помнить, вокруг чего все вертелось. Секс. Ни больше, ни меньше.

И все же, что-то не соглашалось с ее здравым, разумным заключением. Что-то грызущее мозг и требующее, чтобы его услышали.

Это были те богом забытые шлепанцы.

После того, как она оттащила Люка Алмэйда от Дэвида на пляже по Северной авеню, и из-за своей фантастической вспыльчивости оказалась в его объятьях, а затем он опустился перед ней на колени в песок, чтобы позаботиться о ее ступнях. И на этом забота не закончилась. Кинси сжала руку, наслаждаясь воспоминаниями, связанными не только с тем, как она сорвалась на своего бывшего. То, что последовало за этим, тронуло ее разбитое сердце. В своей практичной манере, Люк позаботился об ушибленных костяшках, воспользовавшись льдом, а затем и о ее других доведенных от отчаяния потребностях, воспользовавшись пламенем.

За все ее время с Дэвидом, ни разу Кинси не чувствовала, чтобы за ней так ухаживали.

Десять лет вместе, расставаясь и встречаясь, планируя жизнь в своих мыслях и идеалах. На протяжении всех их отношений, она не могла вспомнить ни одного момента, который смог бы конкурировать с нежностью Люка Алмэйда, проявленной им вчера.

Да уж, отношения слишком переоценивают. Взрывающие мозг оргазмы с татуированным пожарным были тем, что надо. К счастью, *с этим* они определились.

Входящий по ФейсТайм^[99] на ноутбуке спас ее от дальнейшего самоанализа: без пятнадцати шесть в Сан-Рафаэле и полковник уже на линии. Оставаясь ранней пташкой, ее отец все еще жил так, словно, как в старые добрые времена, находился на базе в Президио^[100]. Более известной, как Холодная Война.

— Привет, пап.

— Счастливого Четвертого июля, тыковка.

Она улыбнулась, глядя на его обветренное лицо и услышав нежное обращение. Как бы ей ни нравилось показывать всем, что она — держащая все под контролем и строящая карьеру женщина, ласковое прозвище, произносимое отцом, трогало ее чувства.

— И тебе, пап. Все собираются на пикничное-дефис-животное жертвоприношение?

Отставной армейский врач и полковник Джексон М. Тэйлор IV проводил свои дни, придумывая новые способы приготовления кусков мертвой коровы. Вегетарианство Кинси было источником шуточного конфликта между ними.

Ее отец усмехнулся.

— Коул и Тина придут с девочками. Джакс приведет какую-то вертихвостку, которую встретил в баре.

— Он больше не с Алисон?

— Нет, именно ее он и приведет. Алисон.

Она закатила глаза.

— Они встречаются уже год, папа.

— Пока он не оденет кольцо ей на палец, все это временно, — тридцать пять лет назад, ужасивания лейтенанта Джексон Тэйлор IV, находящегося в отпуске из Окинавы, за учительницей, будущей матерью Кинси, свелись к тому, что он появился в ее классе и окончательно и бесповоротно покорила. Взгляды полковника на любовь и романтику были ясны: найди женщину, заяви на женщину свои права, женись на женщине.

Излишне упоминать, что Дэвид никогда не соответствовал требованиям.

Казалось, ее отец понял, что этот комментарий можно было расценить как бесчувствие по отношению к его недавно брошенной дочери.

— Прости, Кинси. Я не подумал. Как ты держишься?

Другими словами, не скатилась ли она еще до ненависти к самой себе? Не совсем. После ее грубой выходки с Дэвидом вчера, Кинси действительно следовало ощущать себя довольно потрепанной, но на удивление она была в порядке. Оргазмы на почве мести рулят.

— Неплохо. Я встретила кое-... — *Осторожнее, девочка,* — каких людей. Завела друзей, ну, знаешь.

— Это замечательно, Кинси, но... — он умолк и его нерешительность удивила ее. Полковник обычно не лез за словом в карман.

— Что такое, папа?

— Может теперь самое время пересмотреть и другие вещи. У тебя отличные баллы по тесту LSAT^[101] и, ты знаешь, я помог бы тебе со всем. В Беркли одна из лучших юридических программ.

— Мне нравится то, чем я занимаюсь.

Он неодобрительно покачал головой.

— Работа с продажными политиками? Как ты можешь получать удовольствие от нее, тыковка?

Этот набивший оскомину и устаревший аргумент они обсуждали уже в течение семи лет. В такой преуспевающей семье, как Тэйлоры, ее амбиции были слишком малы для высоко мотивированных военных, врачей и адвокатов. В такие моменты, она хотела, чтобы ее мама, со своим смягчающим влиянием, все еще была рядом. Она умерла, когда Кинси было восемь, оставив Кинси в окружении властных мужчин. Закаляет характер, но утомляет.

— Если бы я работала с продажными политиками снова в Калифорнии, это сделало бы тебя более счастливым? Я закинула удочку, чтобы посмотреть, нуждается ли Макс Фордхам в ком-нибудь для своей кампании, — она стажировалась у Макса, получая свою степень, когда он был еще мелким членом муниципального совета в Сан-Франциско. Прошел слух, что он собрался баллотироваться в сенаторы штата, и она хотела принять в этом участие.

Она могла почувствовать, как отношение ее отца меняется, даже учитывая, что он находился в Заливе. Он был более терпим к стараниям Кинси наладить связи с коррумпированными политиками, если это давало ему возможность чаще видеть ее.

— Кинси, я был бы рад видеть тебя здесь каждый воскресный обед, поедающую огромный стейк, который я поджарю для тебя.

Она рассмеялась.

— Ну как могу я, любительница салатов, устоять?

Зажужжал ее домофон и она посмотрела на время на ноутбуке. Всего шесть минут девятого, но ее сердце пустилось вскачь. Это должно быть он. Люк.

— Эй, пап, у меня тут... эм, доставка.

— Четвертого?

— Передай всем, что я их люблю. И съешь два стейка за меня, — смех ее отца еще отдавался в ушах, а Кинси уже направлялась к двери, чтобы открыть человеку, который собирался воспламенить ее тело. У нее будет собственный пикник, прямо здесь, в ее квартире.

— Чувствуете запах дыма?

В лифте, направляющемся вверх к квартире Кинси, женщина сморщила нос и демонстративно уставилась на Люка.

Он прочистил горло, сверкнул жемчужно-белой улыбкой и продолжил врать, как сивый мерин.

— Нет, мэм, не чувствую.

Мгновенно осаженная его вежливостью, дама прищурилась, затем схватила свою твякающую собачку и, подняв, запихнула себе под мышку. К счастью, она решила остаться на своей стороне лифта, потому что, если бы подошла поближе, то точно почувствовала бы запах дыма. От его одежды, волос, сочащийся из каждой поры.

Это была адская ночь. Ну, когда же люди поймут, что, выплескивая керосин на угли, не

получат славный, безопасный огонек, подходящий для гриля? Впрочем, никто никогда не вызывает пожарное отделение из-за какого-нибудь умного поступка. Он считал, что ему следует быть благодарным за то, что у него всегда будет работа.

Спасение того ребенка... в нем были одновременно и гордость, и смирение. После бури из дерьма последних двух недель, он почувствовал себя снова живым.

Может, это как-то связано с Кинси. С ней, он просто снова *чувствовал*.

На двенадцатом этаже дама с собачкой вышла, и она, и собака напоследок одарили его подозрительным взглядом. Осталось проехать всего четыре этажа, и волнение в его груди усилилось. *Тук-тук. Тук-тук.*

Лифт остановился, и двери открылись. Два шага из лифта. Посмотрел направо, посмотрел налево.

Ни хрена себе!

Кинси стояла у входа в свою квартиру через три двери от лифта. На стенах коридора были какие напыщенные картины, а под ногами плюшевое ковровое покрытие, но все детали казались размытыми, потому что все, что Люк мог видеть, была она.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мистер Алмэйда.

То, как она произнесла его имя, смакуя его на языке, обеспечило дополнительный прилив крови к паху. То же сделал и ее наряд: футболка с Беркли и все. Она достигала середины бедер, и все о чем он мог думать, было: *“Повернись, крошка. Покажи мне свою прелестную задницу.”*

— Привет, сладкая.

— Тяжелая ночь?

— Не более, чем обычно, — он сжал руками ее идеальную задницу и приподнял Кинси, чтобы она обняла его ногами. Поцеловал ее медленно и глубоко. Он скучал по ее вкусу. — Мне действительно нужно принять душ.

Она провела пальцами по его волосам, и на коже остались следы от грязи и сажи.

— Душ подождет. Прямо сейчас, я хочу почувствовать запах того, чем ты занимаешься, на своем теле. Хочу почувствовать запах того, что так много значит для тебя, на своей коже.

Он просто потерял дар речи от этих слов и невыносимо возбудился.

Люк занес ее внутрь и закрыл дверь ногой. Возможные развития событий сталкивались в его разжиженном от похоти мозгу... у двери, на полу, на... да, на столешнице. Он посадил ее рядом с ноутбуком. Зная Кинси, он мог поспорить, что она работала перед тем, как он пришел.

Стянув с нее майку с медлительностью, которая удивила его, учитывая скорость мелькающих развратных мыслей, Люк воспользовался моментом, чтобы оценить ее тело с каждым восхитительным открывающимся дюймом. Он вымыл руки, но пропустил пару грязных полос на костяшках. Он задел розовые бутоны ее груди, получив удовольствие, когда они испачкались от его прикосновения. Его метка.

Она потянула за его футболку и он снял ее одним движением.

— Как ты получил это? — ее холодная рука провела по шраму на его плече.

— Глупая неосторожность, когда я еще был новобранцем. Ошибка, которую сейчас я не сделал бы.

Она оставила легкие, как перышко, поцелуи на знаке его глупости.

— Расскажи мне.

— Два месяца после Куинна, это пожарная академия, и я...

— Привет... Кинси? — странный мужской голос прогудел в комнате, словно божественный.

— Ох, дерьмо! — она захлопнула крышку своего ноутбука.

Ага, ноутбук.

Через разгоряченную кровь Люка прошла дрожь ужаса. Четвертое июля, время для общения с друзьями и близкими. Пожалуйста, Боже милостивый, пусть это будет не...

— Сладкая, скажи мне, что это был старый приятель из колледжа. Или твой личный продавец обуви. Или ассистент твоего личного продавца обуви.

Двумя руками она закрыла свое пылающее лицо.

— Это был мой папа. Я говорила с ним до того, как ты пришел, и, должно быть, забыла завершить вызов.

Не сумев удержаться, Люк рассмеялся. Чертовски нелепо.

— Ты полна решимости уничтожить свою репутацию, пиар-принцесса.

Кинси выглядела так, словно хотела ударить его. А затем так и сделала. Ладно, это было больше похоже на шлепок по плечу.

— Не смешно! — в сумасшедшей спешке, она натянула майку, в которую была одета до их стриптиза, заставив его полностью согласиться с ее заявлением. Не обнаженная Кинси — это было совсем не смешно.

Она оттолкнула его в сторону бедром, затем потратила пару минут на то, чтобы успокоиться и поставить ноутбук, оставляя Люка вне обзора камеры. Сделав пару мелких входов, она открыла его и перезвонила.

— Привет, пап. Эм... снова.

— Привет, тыковка, прости за это. Я уже собирался позвонить твоему брату в Парк-Сити. И с запозданием понял, чтобы все еще был включен предыдущий звонок.

Неловкая пауза стала совершенно неудобной.

— Итак, — наконец проговорил ее отец. — Посылка доставлена в целости?

Слава Богу, пожилой мужчина говорил довольно весело, так что Люк почувствовал себя достаточно безопасно, чтобы приподнять бровь, глядя на Кинси. Очевидно, слишком рано. Она посмотрела на него осуждающим взглядом.

— Да, папа. В целости и сохранности, — кажется, приняв какое-то решение и раздраженно взмахнув, она повернула ноутбук, чтобы показать Люка. С экрана смотрел седовласый мужчина с густыми бровями и сильной челюстью.

— Люк, это мой отец, полковник в отставке Джексон Тэйлор IV. Папа, это Люк Алмэйда. Он...

— ... морской пехотинец, — закончил ее отец.

Верно. Люк был с голым торсом и его "Semper Fidelis" татуировкой напоказ.

В квартире дочери отставного полковника.

В восемь утра Четвертого июля.

Хитрая улыбка Кинси дала ему понять, что она снова была на высоте. *Люк, познакомься с моим отцом, жестким-как-никель-стейк, все-американским героем, который был бы счастлив устроить выстрел крылатой ракетой из Томагавка по твоей заднице перед завтраком.*

— Бывший пехотинец, сэр. Демобилизовался в седьмом. Первый лейтенант, 2/24, базирующийся в Чикаго, — ответил Люк, говоря о своей службе в морской пехоте в составе

Второго батальона Двадцать четвертого корпуса, также известного как “Mad Ghosts” (“Сумасшедшие призраки”)^[102].

— Вы, парни, отлично держались тогда в Треугольнике Смерти в четвертом^[103]. Чем занимаешься сейчас в США?

— Пожарная часть. После Ирака, это пикник.

Полковник в отставке Тэйлор понимающе рассмеялся.

— Могу в это поверить. Приятно было познакомиться с тобой, Люк.

— Сэр, — мужской кивок.

— Пока, пап. На этот раз уже точно, — Кинси окончательно закрыла ноутбук и на лицо ее вернулось отчаянное выражение. — Этого просто не может быть. Полная катастрофа.

— Неа, я ему понравился.

— Конечно, понравился. Вас, ребята, объединяет миллион вещей, — она нахмурилась. Ее беспокоило то, что он и ее отец могли быть в чем-то похожи.

Почему, все становилось только лучше и лучше.

Он за руку подвел ее к дивану, непримечательной вещице в квартире, которая была стерильна и безлична, в стиле всех мест временного проживания. Никаких фотографий, никаких растений, никаких попыток придать домашний уют. То, что она не обустроилась и не сняла более постоянное место, немного охладило Люка, но затем он снова ощутил жар, вспомнив к чему все шло несколько минут назад.

Она присела, распахнув глаза и мило приоткрыв ротик.

Он уселся рядом с ней.

— Так на чем мы остановились, когда нас столь весело прервали?

— Мы позволяли моему отцу полюбоваться на свою единственную дочь, находящуюся на пороге разврата.

— С большим плохим волком... — с откровенно развратным видом он потянул вверх край ее футболки, сняв ту через голову и приведя ее волосы в милый беспорядок.

— С моими перемазанными сажей руками...

Которые сейчас он использовал, чтобы снять ее трусики. Симпатичные розовые, похожие на шортики.

— На день рождения нашей нации.

Теперь он своим грязными не-американскими руками, успешно справившись с задачей, уложил ее на диванные подушки и открыл себе доступ к ее телу.

— За жизнь, свободу...

— ... и предстоящие оргазмы, — подхватила она, сверкнув своей озорной улыбкой, которую он обожал.

Ох, совсем скоро она ощутит праздничный дух. Он поцеловал ее грудь, лизнул мазок сажи, оставленный им там. Долгими, глубокими движениями пососал соски, наслаждаясь вздохами удовольствия, подготавливая их для дальнейшего фантастического времяпровождения. Потом, вспомнив, что ей нравилась небольшая грубость, он прикусил ее.

— Люк, — простонала Кинси, его имя слетело с ее губ, как молитва. Ее руки нашли его волосы и крепко сжали, поощряя его сосать еще сильнее. Его член напрягся сильнее.

Подняв голову, он встретился с ее похотливым взглядом.

— Я думал о тебе всю ночь, Кинси. Не мог дождаться, когда увижу тебя вот так. В моей власти, возбужденной для меня, — приоткрыв рот, он запечатлел поцелуй на ее животе. — Этим утром я выскочил из части, запрыгнул в грузовик, — еще больше поцелуев на ее

мягкой как шелк коже, связь между ними усиливалась с каждым его движением, направляющимся южнее по ее телу. — В спешке, я даже не поел. А я никогда не покидаю пожарную часть, не заправившись.

Ее раздраженный взгляд метнулся к мини-кухне.

— Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь приготовила? — вопрос был задан тоном “*Ты, должно быть, издеваешься надо мной*”.

— Да, хочу, — он развел ее ноги и забросил их себе на плечи. Вид был захватывающим, все такое розовое и соблазнительно сочное. Запах ее возбуждения еще больше усилил его удовольствие, и рот наполнился слюной в потребности насытиться ею. Похоронить свое лицо в ее небесах.

— Хочу еще больше твоего нектара, чтобы я смог наестся этой сладости.

Кинси извивалась на диване в стремлении к освобождению.

— Это все для тебя, Люк. Мне нужен твой рот на мне. Сейчас.

Подчиняясь своей завидной задаче, он лизнул ее уже намокшие складочки. Боже, ее вкус. Он мог счастливо прожить и умереть здесь. На его языке ощущалось биение ее пульса, как удары сердца, а она издавала те сексуальные звуки, которые ему так понравились вчера. Он припал к горячему шелку ее возбуждения, каждый отклик отдавался вспышками огня в его крови.

Ее бедра сжали его голову, и он удвоил усилия, облизывая ее по всей длине, еще глубже погружаясь языком, покусывая, когда понял, что она уже близко. Сдерживаясь, он мог бы доставить ей еще большее удовольствие, так что он приказал своим яйцам вести себя хорошо. Маленькие ублюдки могли подождать своей очереди. Его женщина нуждалась в его лучшей игре.

Люк отдавал ей всего себя. Любил ее своим жадным ртом, проверял ее пределы, и свои собственные. Потому что такая удивительная женщина, как Кинси, на меньшее и не рассчитывала бы. Она достойна этого.

И, возможно, он хотел услышать, как она будет умолять.

Двадцать секунд спустя она выкрикнула его имя, вместе с *пожалуйста* *пожалуйста* *пожалуйста* и парочкой очень вульгарных словечек. Цель достигнута.

Наконец, доведя ее до грани и вернув назад столько раз, что не сосчитать, он дал ей то, что она хотела. Женщина была такой громкой, что он бы не удивился, если та твякающая собачонка с двенадцатого этажа сейчас бросалась на стены.

— Все в порядке, сладкая?

Ни звука.

— Кинси?

— Не могу пошевелиться, — наконец выдохнула она. — Оргазменный паралич.

Люк усмехнулся. Добавим бонусные очки.

— Спальня? — он сгреб ее безвольное тело и прижал ближе к себе. Она зарылась лицом ему в шею, такой сладкий уязвимый жест, что это почти уничтожило его.

— Позади тебя, — пробормотала Кинси. — Вторая дверь.

Пока Люк нес ее в комнату, ощущение удовлетворения от того, что он ее защищает, было подобно тому, что он почувствовал вчера, когда она подверглась нападкам со стороны своего бывшего. Забота о ее физических потребностях — это было одно, и он счел, что ему было приятно знать о ее потребности в нем, когда она была в плохом состоянии. Это больше

касалось его профессии пожарного и чего-то, через что он проходил каждый день. Он бежал внутрь, когда крысы и тараканы бежали наружу. Люди нуждались в нем, когда дерьмо попадало в вентилятор, когда они облажались и ситуация вышла из-под контроля.

Для такой сильной женщины, как Кинси, потребность в нем, когда она была не в лучшей форме, была чем-то особенным. Но было бы это чем-то особенным, если б она нуждалась в нем и тогда, когда все было хорошо? Не только в плохие моменты, но и в хорошие тоже.

Откуда, черт побери, все эти размышления? Очевидно, его мозг отправился с последним поездом в Спящий город.

Он положил Кинси на кровать, наблюдая за тем, как ее медовые светлые волосы рассыпались по свежим белым простыням, которые он собирался испортить своим перепачканным дымом телом и покрытыми сажей волосами. Но его больше не беспокоило, как сохранить все чистым и стерильным. Кинси хотела этого. Она хотела пот, мозоли, парня, который мог дать ей это так жестко, как ей было нужно. Может это не значило, что она хотела *его*, мужчину, скрывающегося за билбордом, но он примет все и так, потому что отчаянно нуждался в ней. Люк сбросил с себя джинсы и по своей собственной воле его рука опустилась к члену, потому что, проклятье, он нуждался во внимании. Умолял о нем.

Вытащив из кармана презерватив, Люк разорвал обертку и разместил его у головки своего члена. Все было настолько чувствительным к прикосновению, что мужчина на мгновение прикрыл глаза.

— Планируешь все сделать сам, Люк?

Его глаза распахнулись.

— Просто совершаю предпроверку. У меня есть ощущение, что ты собираешься жестко надо мной поработать, и после этого мой член с трудом можно будет узнать.

Ее рот изогнулся в озорной усмешке. Она забрала презерватив из его рук и положила его на тумбочку.

— Кинси, я не...

— Я тоже. Но я хотела бы сначала коснуться тебя, кожа к коже, — она обхватила его член своей тонкой рукой и слегка сжала. — Ты не против?

А если и был, то о чем бы это сказало? Что он не может выдержать немного поглаживаний и сжатий рукой и... Господи Боже, она лизнула нижнюю часть его длины и его яйца едва не расплавились.

— Так хорошо, — с трудом сумел выдавить он.

Она продолжила дразнить, облизывая и жестко сжимая, идеально рассчитывая время и подводя его близко, а затем возвращая назад с края пропасти. Наконец, он понял, что уже достаточно, и отстранился. Ни в коем случае все не закончится так, пока он не внутри нее.

— Время сделать все по-моему, сладкая.

Он натянул презерватив и накрыл ее тело своим, устроившись между прекрасных бедер. Один толчок, может два, — вот и все, что отправит их обоих через край, и да, она кончит и снова будет кричать его имя, но ему нравился тот неторопливый путь, которым они шли сейчас. Ему также нравился уязвимый взгляд, которым она смотрела на то, как он входил своим членом в ее влажное лоно.

— Кинси, ты офигенно сексуальна.

Из горла девушки вырвался мягкий звук, признательное хныканье за то, что он ценит ее со всеми ее гранями. Сильная, мягкая, напористая, нежная. Полный комплект и любой парень был бы счастлив оказаться в таком положении.

Люк перекатился на спину и одним плавным движением опустил ее вниз на свой ноющий член.

Или в таком положении.

С ее стороны не последовало никаких остроумных возражений, а он закончил с этими движениями вперед-назад, которые до сих пор характеризовали их отношения. В этой постели были только мужчина и женщина, которые хотели друг друга без всяких причин. И наблюдая за тем, как она нависла над ним подобно золотому ангелу, все мысли о прошлом и будущем испарились, оставив плавающий душу момент честности. Этот момент. Ее карие глаза удерживали его взгляд, пока она двигалась вверх и вниз, подстраиваясь под свое удовольствие, ее тело расслаблялось с каждым плавным движением.

И тут Люк понял, что мог бы продержаться очень долго, потому что это был один из тех моментов, которые длятся вечно.

Но, казалось, у Кинси были другие идеи.

— Все нормально, Люк. Ты можешь... ты можешь кончить сейчас.

— Ты только что дала мне разрешение кончить?

В ответ она сжала бархатные мышцы вокруг его члена.

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне. Ты уже это сделал.

Схватив ее за бедра, он остановил ее сексуальные движения.

— Крошка, не отказывайся от этого. Эта твоя жадная маленькая киска нуждается в большем из того, что у меня есть.

Ее рот приоткрылся от желания и низкий стон вырвался из горла. Его чувственной женщине понравился маленький грязный разговорчик.

— Люк, я знаю, что ты близко.

— А я знаю, что могу продержаться столько, столько мне нужно. Ради Бога, я же был морским пехотинцем. — Они что, действительно спорили об этом? И он действительно наслаждался этим?

Она рассмеялась, низко и хрипло.

— Если бы ты был морским котиком, возможно, мои ожидания могли бы быть и выше. Эй! — она взвизгнула, когда он ущипнул ее первоклассную задницу в отместку за дерзость.

— Это не из разряда услуга за услугу, Кинси. Тебе нужно больше и я могу тебе это дать, — проклятье, он бы дал ей все. Люк поднял руку и взял ее за подбородок, давая понять, что имел ввиду под сказанным. — Мое тело — твое. Мой член — твой. Используй это, чтобы взять то, что тебе нужно.

Казалось, эти слова повлияли на нее так, как ничто из сказанного им до этого. Глаза широко распахнулись от переполнявших ее эмоций. Нижняя губа задрожала. Не отрывая своего горящего взгляда от него, Кинси одной рукой схватилась за спинку кровати. Он нежно прижал ее к себе и вместе они нашли угол, который позволял достигнуть нужного ей местечка. Трения там, где соединялись их скользящие обнаженные тела, столь необходимое ей. Кинси не нужно было делать это самой. Он позаботится о ней.

Было ощущение, словно он пришел на Землю именно для этой цели.

— Люк... это ощущается так хорошо. Так... о, Боже.

Приподнявшись, он обхватил ее манящую грудь своим ртом, и громкий звук, который она издала, практически отправил его за грань. Черт, он еще даже не начал исследовать тайны ее тела, все эти чувствительные места, ожидающие правильного прикосновения. Которое только он мог ей дать.

— Да, Люк. Еще.

Он скользнул большим пальцем по ее клитору, легкое давление, от которого она начала двигаться, как королева родео. Давая ей еще больше того, в чем она нуждалась. В чем они оба нуждались, потому что то, что было хорошо для нее, для него было охрененно превосходно. От возросшей интенсивности движений давление в его яйцах еще больше увеличилось, и проклятье, если она вскоре не кончит...

Она замерла и закричала, ее узкое, горячее лоно сжалось, требуя и его освобождения.

Люк перевернул ее и сплел вместе их пальцы. Руки Кинси были маленькими, сильными. Эти тигровые глаза, горящие всей отпущенной на волю страстью, смотрели на него. Умоляя его кончить и любить ее так, как мог только он.

Он толкнулся один раз. Второй. Нечто, похожее на разряд молнии, воспламенило каждую клеточку и он кончил с такой силой, что звезды вспыхнули под закрытыми веками.

Боже всемогущий, это было невероятно.

Прошло несколько идеальных моментов и он понял, что если не покинет ее сейчас, то уснет прямо здесь в колыбели ее тела. Было так соблазнительно, позволить себе раствориться в объятиях Кинси. Собрав последние силы, он откатился и лег на спину, тяжело дыша и не в силах даже пошевелиться.

Не закрывай глаза. Не закрывай глаза.

— Нужно идти, — пробормотал Люк в темноту. Ну да, он закрыл глаза. Ему нужно было встать, одеться и уйти, потому что уже почти девять утра и у Кинси, наверное, были дела, которые не включали его.

Его член дернулся, когда нежные пальцы сняли презерватив и холодная простыня накрыла его горячую, влажную кожу.

— Кинси, я... — но слова затихли, замененные небесным ощущением мягкой, обнаженной женщины, свернувшейся рядом с ним.

— Спи, Люк, — прошептала она.

Угасающего сознания хватило на последнюю мысль и он проговорил:

— Я понравился твоему отцу.

Кинси не ответила на это, так что он предположил, что она отключилась. Его веки опустились под весом родственных чувств комфорта и насыщения, но затем услышал рычание и следом:

— Ох, заткнись.

Если все не было идеальным раньше, то, черт возьми, безусловно стало таковым сейчас.

Нежась в удовлетворении, с улыбкой, разлившейся по его лицу, Люк погрузился в сон без сновидений.

Опираясь плечом на дверь своей спальни, Кинси наслаждалась видом длинного, подтянутого, мускулистого тела мужчины, лежащего лицом вниз на ее кровати. Простынь, которой она заботливо накрыла уставшее, выжатое сексом тело Люка более четырех часов назад сползла, открывая захватывающий вид на его задницу.

Ладно, может это она стянула ее вниз на пару дюймов где-то полчаса назад. Она была

всего лишь человеком, а мужчина был самым лакомым образцом мужественного идеала, который она когда-либо видела.

Касалась.

Чувствовала.

Кинси поднесла прядь своих волос к носу. От запаха дыма ее рот наполнился слюной, вызывая воспоминания о твердом теле Люка, двигающемся внутри нее. В следующий раз, когда сожжет тост, она испытает долбаный оргазм.

Словно услышав ее грязные мыслишки, Люк перевернулся, заворачивая свое тело в простыню. О мой... Цирк приехал в город, самый большой шатер поднят во всей красе.

Ей действительно следовало бы разбудить его. Без сомнений, у него есть дела на праздник. Связанные с семьей. Важные планы. На самом деле, она не должна стоять здесь, наслаждаясь порнографическим зрелищем.

Его рука скользнула под простыню и... *святое дерьмо*... погладила его полуденную эрекцию.

— Проклятье, — промурлыкала она.

Люк, моргнув, открыл глаза и сонное смущение уступило место ясному осознанию. Хотя, руку он не убрал. Просто держал ее там, наготове.

— Который час? — спросил он, хриплым со сна голосом.

— Около часа. Я шла, чтобы разбудить тебя, — после того, как она полюбовалась бы на него еще час, или пять.

— Тебе следовало разбудить меня пораньше, чтобы я тебе не мешал.

— Я решила, что ты можешь поспать здесь с тем же комфортом, что и дома, — в спальне, которую он делил со своей женой. Раздраженная тем, что ее мысли приняли такое направления, она добавила: — А сон после секса, как правило, лучший.

— Особенно если секс был таким невероятным.

Его подтверждение, которое она даже не думала, что было ей нужно, успокоило бешено стучащий пульс. Секс *был* невероятным. И не только, еще и забавным, и непристойным, и наполненным неожиданной щедростью. Люк Алмэйда был щедрым во многих отношениях.

Между ними протянулась нить несомненной близости, когда они оба вспоминали невероятный секс. И на тот случай, если оставались какие-то сомнения по поводу того, насколько фантастическим тот был, его рука начала двигаться под простыней. Медленные, ритмичные движения, от которых ей стало труднее дышать.

— Если ты хочешь принять душ и... — поест, поговорить, продолжать возбуждать эту великолепную часть тела, в которой она нуждалась внутри прямо сейчас.

— Иди сюда, — сказал он сексуально-серьезным голосом.

Она подошла к нему, с удовлетворением отмечая, что некоторые ранее недостаточно часто используемые мышцы приятно побаливали. Болезненность никогда не была такой чувственной. Она присела на край кровати.

— Ближе, — подбодрил он, его взгляд потемнел и потяжелел. Он сел, чтобы встретить ее на полпути.

Простынь упала. И челюсть Кинси упала вместе с ней. Мужчина был просто великолепен, и с великолепной эрекцией. Она сжала бедра.

Он заметил это. Ухмыльнулся.

— Это все для тебя, если ты будешь хорошей, крошка.

— А если я буду плохой?

— Плохие девочки получают это жестче. А сейчас не заставляй меня переходить к этому.

— Может я хочу быть плохой.

Воспользовавшись теми молниеносными рефлексам, который спасали его на работе, он притянул ее в свои сильные объятия.

— Как рука, бандитка?

Кинси сжала кулак в пародии угрозы.

— Тебе лучше не ссориться со мной, Алмэйда.

— Точно так и планировал, — Люк коснулся губами ее все еще покрасневших костяшек и ее глупое потрёпанное сердце прошептало “шлепанцы”. — У меня сегодня выходной. Хочешь позависать?

— Это какая-то странная вещь, связанная с бондажом? — пошутила Кинси, глупо обрадовавшись тому, что он поднял этот вопрос, но все еще боясь увидеть в нём нечто большее.

Он улыбнулся. Одна из тех “все нормально, крошка, я вижу, что ты нервничаешь” улыбок.

— Позже я приглашен на пикник к друзьям. Тебе они понравятся. Мы сможем посмотреть на фейерверки, запустить пару своих. Что скажешь?

Последний вопрос был задан в стиле “сразу к делу”. Никаких больше шуток, давай будем честными: нам может понравится проводить время вместе.

Она подумала о том, что ей было надо. Что было правильным для нее.

— Люк, я хочу... Я просто... Я хочу быть честной. Я не ищу чего-то большего, чем просто компанию. После того, что случилось с Дэвидом, я какое-то время решила поработать над собой, — сказанное вышло более серьезным, чем она планировала, так что время для юмора. — Ты можешь использовать эти свои ненастоящие голубые глаза, как хочешь, но я отказываюсь влюбляться в тебя.

Он посмотрел на нее долгим тревожащим взглядом. Может она привела его в замешательство своей откровенной речью или это из-за ее обвинения в поддельном цвете глаз, или, может дело в опасном упоминании слова на Л? После стольких лет хождения на цыпочках с Дэвидом, когда она подавляла свою сильную личность из уважения к эго ее бывшего жениха, Кинси больше не была заинтересована в играх.

Гранитные черты Люка пересекла улыбка.

— Так ты просто хочешь мое тело.

— Ты можешь говорить. Просто придержишься общих тем в разговоре.

Улыбка стала шире.

— Мне это подходит. Я особенно хорош в той части, что подразумевает работу над тобой. Над твоей грудью, задницей, над сладким местечком между твоими бедрами, — большая мозолистая рука скользнула к краю ее футболки и обхватила попку. — Считаю меня своим секс-тренером, пока ты снова не встанешь на ноги.

За две секунды он уложил ее на спину, подмяв под свое твердое, чрезвычайно твердое тело.

— А это значит, чтобы выполнить работу хорошо, я планирую не давать тебе встать на ноги так долго, как это возможно, мисс Тэйлор.

— Этот подойдет, — пробормотал Люк.

Кинси прищурилась, глядя на него своими прекрасными карими глазами, и упрямо выставила вперед бедро. Проклятье, она выглядела безумно сексуально сегодня в коротком платье в оранжево-белую полоску, которое идеально демонстрировало ее ноги. Ее красивая свободная от бюстгалтера грудь натягивала тонкую ткань, которая оставалась на месте только благодаря завязкам вокруг шеи. Единственной вещью, отделяющей его язык от розовых сосков Кинси, был простой бантик.

Первый пункт в списке причин для раздражения.

Она подняла руку с зажатым в ней листком.

— Ты даже не принимаешь это всерьез.

— Я же говорил, я обычно делаю это онлайн.

— Люк, — она положила руку ему на грудь, первый шаг в процессе, который, как он теперь знал, назывался “нежное убеждение от Кинси Тэйлор”. — Хотя человеческому обществу и удалось перенести все возможное в виртуальную среду, это — единственная область, где виртуальность не может заменить реальности. А сейчас забирайся на эту кровать, усядься поудобнее и расскажи мне, как она ощущается.

Она не слишком нежно толкнула его и Люк легко упал на первый матрас, который бросился ему в глаза, как только они зашли в магазин. В эти выходные он планировал купить новую кровать. Немного покликать мышкой в интернете. И дело сделано. Но затем он сделал ошибку, упомянув об этом при Кинси.

Она посоветовала исследования.

Они все одинаковые, сладкая.

Она провела исследования.

Я просто возьму тот, у которого самый высокий рейтинг на сайте магазина “Mattresses ‘R’ Us”^[104].

Теперь благодаря его болтливому рту они были в традиционном магазине со списком того, что можно и чего нельзя делать, при покупке матраса, когда он предпочел бы вернуться к ней и использовать *ее* идеальный матрас.

Кинси присела на краешек, безнадежно недосягаемо.

— Ну, как ощущается?

Он ходил по магазинам, когда должен был пить пиво, жарить стейк и наверстывать годовую засуху в сексе. Как она думала, он себя чувствовал?

Люк продолжал молчать.

— Исследования предлагают десять минут полежать в позиции, в которой ты обычно спишь.

Раскинув руки и ноги в стороны, он занял так много пространства, как только смог.

— Это твоя обычная позиция?

— Когда я один. Когда у меня есть компания, я более щедр.

— Повезло же девушке.

Усмешка, которую он ей показал, скрыла настоящую реакцию на этот брошенный невзначай комментарий. Люк все понял. Это было временно, что не нравилось ему больше, чем он хотел бы признать.

— Просто иди сюда и временно сыгрой роль этой следующей женщины, которую я осчастливорю своими подарками.

Кинси выглядела больше удивленной, чем раздраженной, когда сбросила свои шлепанцы и подтянула ноги на матрас, чтобы лечь рядом с ним. Несколько минут поизвивавшись, чтобы принять удобное положение, хотя Люк был уверен, что она делала это, чтобы вывести его из себя, Кинси наконец закинула руки за шею.

— Ну что думаешь? — спросила она.

Не слишком жесткий, не слишком мягкий. Златовласка^[105] уж точно бы оценила. А с женщиной, лежащей рядом с ним, ощущения были близки к идеалу.

— По ощущениям отлично. Как...

— Матрас? — она повернулась на бок и подвинулась ближе. — Почему мы здесь, Люк?

— Потому что ты настояла на том, чтобы я сделал это лично. Хотя на Четвертое июля есть миллион других вещей, которыми я предпочел бы заняться, — ею, например. Он не мог поверить, что они нашли открытый магазин матрасов в праздник, но потом он предположил, что именно поэтому отцы-основатели^[106] и начали революцию против этих британских придурков^[107]. За право продавать матрасы в любой чертов день в году, когда им захочется.

— Нет, почему ты покупаешь новый матрас? Я спала на том другом, и он вроде в порядке.

Его взгляд скользнул по магазину, который был пуст, за исключением одинокого продавца, тайно поглядывающего на них в ожидании малейшего поощрения, чтобы начать свою болтовню. Люк размышлял, как бы выразиться поделикатнее, но затем решил, что всегда говорящая все прямо Кинси сможет справиться с чем угодно.

— Именно на той кровати моя бывшая жена несколько месяцев трахала моего бывшего друга.

Ее глаза светились пониманием, когда она легла на локоть.

— Ты об этом знал или, эм, *знал*?

Ох, он точно знал.

— Во всем “Костко”^[108] не хватит отбеливателя, чтобы стереть эту картинку из моих глаз.

И как будто то, что его жена и ее мужчина-шлюха трахались, как кролики, уже само по себе не было ужасно, им надо было заниматься этим в доме Люка. В кровати, которую они с Лизой купили вместе, когда поженились. Тогда его жизнь была полна планов: он подарит Лизе ребенка на этой кровати, она будет кормить грудью их детей на этой кровати, они построят хорошую жизнь в этой кровати.

— Так это было больше года назад, — голос Кинси разрушил его пузырь страдания.

— Верно.

— И ты все время спал в этой кровати?

— Нет, я сплю на диване, — когда она собралась что-то сказать, Люк пояснил: — Не волнуйся, я меняю простыни каждые несколько недель. Ты не спала на настоящем месте преступления.

Он не был настолько повернутым, чтобы сохранять постельное белье, как какое-то святилище для склонного к изменам сердца его бывшей жены. Но с другой стороны, он оставил все в комнате таким, каким оно было. Мебель, которую она выбирала, бледно-голубую краску на стенах, шелковые шторы, до которых ему не позволялось дотрагиваться

испачканными дымом пальцами.

И потом были и другие вещи, которые ему были запрещены.

Сначала помойся, Люк. Ты же знаешь, я не могу спать с тобой, когда ты такой грязный.

Прядь медово-золотистых волос Кинси выбилась из завязанного узла, и он заправил локон за ухо. Без своего делового костюма и “на колени передо мной” каблучков она выглядела моложе на несколько лет и очень похожей на тот идеал, который он создал у себя в мысленных планах на будущее. Эта уступчивая, покладистая женщина, которая будет подчиняться его воле. Рзумеется, его либидо знало толк. Не в силах отстраниться, он провел большим пальцем по ее щеке.

— Лиза всегда хотела большего, ожидала, что у меня будут какие-то еще слои, которые она сможет открывать, когда мы будем узнавать друг друга лучше. Но... я показал ей все, что у меня было. Не было никаких скрытых глубин. Никакого внутреннего ребенка, желающего вырваться на свободу. Я обычный простой парень. Люблю пиво, секс и хоккей. Ненавижу лжецов, Стинга и искусство, в котором не изображены люди.

Кинси рассмеялась, чего Люк и добивался. Он не видел причин, почему разговор о его бывшей и всех тех моментах, в которых он с ней провалился, должен испортить настроение.

Люк поднял глаза к потолку. Одна плитка была треснувшей.

— Я думал, что обеспечение ее безопасности и чертовски сильная любовь будут достаточными, но они не были. Она думала, что мне не хватало эмоциональной разумности, что бы, черт возьми, это ни значило. Но все сводилось к тому, что по ее мнению, у меня было слишком мало амбиций.

— В карьере?

— Да. Она адвокат, какое-то время ее устраивало то, что я синий воротничок, но она хотела, чтобы я стремился к большему. Лейтенант, следователь по поджогам, в общем, что-то вне пожарной части. Она говорила, что моя семья сдерживает меня.

Взгляд Кинси снова стал серьезным и пронизательным.

— А они сдерживают?

— Я уже говорил тебе, насколько мне важно защищать их. Сейчас, это все амбиции, которые мне нужны.

Она кивнула в ответ, не кивок вроде “*Я поняла*”, а один их тех, что говорит “*Мы еще вернемся к этому*”. Он хотел возмутиться, но оказалось, что ему нравится такой ее подход.

— Я не был отличным мужем, Кинси. Мне следовало больше разговаривать с ней. Прислушиваться к ее потребностям. — *В той кровати.* Теперь Люк говорил фразами как в китайских печеньях с предсказаниями, только вместо постскриптума “в постели”, эта последняя фраза была коронной.

Вся твоя жизнь рухнет к чертям собачьим. В той кровати.

Сочувствие в глазах Кинси почти убивало его.

— Иногда нам хочется оценить прошлые решения через призму “следовало бы”, “можно было бы”, “лучше бы”, Люк. Может тебе следовало бы уделять ей больше внимания и прислушиваться к ее проблемам. А может быть ей не следовало бы гулять и быть раздвигающей-свои-ноги-перед-каждым-членом шлюхой.

Смешок, который у него вырвался, облегчил тяжесть в груди. А также привлек внимание продавца, который двинулся к ним, но Кинси подняла руку, чтобы остановить его. Повелительный жест, от которого все тело Люка стало твердым. Эта женщина была чем-то

особенным.

— Скажи мне, что ты действительно чувствуешь?

— Только что сказала. Я тоже прошла через это, помнишь? — она опустила голову обратно на матрас. — Итак, чего ты ждешь от постели.

— Слишком просто, Тэйлор.

Но Люк все-таки весело усмехнулся в ответ.

— Мягкая, твердая, регулируемая... — она наклонилась в сторону, чтобы прихватить список, который бросила на пол, и вид ее золотистых бедер, когда платье задралось выше, привел его в полную готовность. Вернувшись обратно, она одобрительно посмотрела на него взглядом “Я знаю, чего ты хочешь”. — Есть с подъемным верхом, сатиновым чехлом, беспружинный матрас Варианты бесконечны.

— Я хочу такой... — он подумал пару минут, посвящая этому гораздо больше мыслей, чем оно того заслуживало. Кто бы знал, что покупка матраса может быть настолько сложной? — На котором смогу отлично поспать.

— Конечно.

— Заняться удивительным сексом.

— Само собой.

Повернувшись, он позволил себе насладиться ее свежей калифорнийской красотой.

— И поговорить, вот как сейчас.

Уголки губ Кинси дрогнули в улыбке, и то, что эти слова оказали на нее такое влияние, заставило сердце Люка сжаться. Внезапно, они уже целовались, касались. Прижимались друг к другу. Словно вишенка на торте, эта адская шопинговая экскурсия сейчас приобрела пугающее новое значение.

Кто-то кашлянул.

Поцелуй продолжался, потому что Люку действительно было наплевать.

Кто-то очень раздражающий кашлянул снова.

Кинси отстранилась, моргнув своими огромными карими глазами, и ее скулы приобрели розовый оттенок. Она подскочила и села.

— Эм, простите за это, — сказала она продавцу, который угрожающе стоял в ожидании у края матраса.

— Все в порядке, — ответил продавец. — Я видел гораздо худшее. Лежание на кровати, даже если та находится в общественном месте, может быть очень интимным процессом.

Очевидно, делая все, чтобы не встречаться взглядом с Люком, Кинси потеряла свои опухшие от поцелуя губы. Да, сладкая, это ощущалось действительно очень интимно.

Продавец похлопал по матрасу.

— Это одна из наших самых популярных моделей. Сетра^[109] СмартСёрфэс, огнеупорные волокна, анти-микробное верхнее покрытие, наполнитель из мягкой пены. В наполнителе также есть холодный вспененный гель для запоминающего эффекта, дюймовый слой поддерживающей пены, дюймовый слой мягкой пены и изолирующая подкладка. Все покупки дороже 599 долларов включают бесплатную доставку по Чикаго и окрестностям.

— Прости, чувак, но из всей речи я понял где-то только каждое пятое слово. Что в итоге?

Продавец посмотрел на ценник в конце кровати, словно он не помнил все это дерьмо наизусть. Он весь день проводил с этими матрасами, должен бы знать, сколько они стоят.

— Эта модель стоит 799 долларов. Отличная цена за прекрасный ночной сон.

Люк вскочил с кровати так, словно та кишела огненными муравьями.

— Восемь сотен гребаных долларов! За матрас?

Кинси успокаивающе положила руку на его предплечье и послала извиняющуюся улыбку продавцу.

— Можете дать нам минутку, пожалуйста?

Усилив раздражение своей елейной улыбочкой, мальчик-продавец боком отошел подальше.

— Люк, ты не можешь устанавливать цену на отличный сон, секс или разговор.

— Нет, могу. Очевидно, это стоит восемьсот долларов плюс налог.

Кинси изящно вскочила и оттянула задравшееся платье вниз, чем только привлекла внимание к своим стройным ногам. И великолепной выпуклости груди. Сейчас он ничего больше не хотел, кроме как забрать ее домой и оттрахать до умопомрачения.

Глупая покупка матраса.

Засунув ноги обратно в шлепанцы, она взмахнула рукой, показывая на весь магазин.

— Посмотри на все кровати, которые нам еще предстоит попробовать.

Люк застонал.

— Нам надо смотреть на что-то еще?

— Иногда первый вариант не подходит.

Никогда — вот правильное слово. Иногда требуется практика и грузовик опыта. Покупка матраса как метафора ко всей жизни. Он столь многому учился.

Не в силах удержаться, Люк обнял ее, смирившись с тем, что это не будет легко. Ничего легкого. Такая женщина, как эта, никогда не даст ему легко сорваться с крючка, в чем бы ни было дело. При этой мысли странное удовлетворение наполнило теплом его грудь.

— Мне, вероятно, следует улучшить свои навыки разговора в кровати, а где же лучше сделать это?

Она поцеловала его подбородок, своими мягкими, нежными губами.

— К тому времени, как ты вытацишь кредитку, мы узнаем каждый из них очень-очень хорошо.

— Не возражаешь, если я задам тебе личный вопрос?

Люк хмыкнул, потом провел костяшками пальцев по холмикам груди Кинси. Мужчина снова пытался ее отвлечь, что он проделывал весь день, и окончанием всех забавных развлечений был прекрасный, удивительный секс. Теперь она надеялась на то, что такое же крещение пройдет и крыша ее здания, с неожиданно обнаруженным местечком, где можно провести время на свежем воздухе.

Ранее они сходили на праздничное барбекю к нескольким друзьям Люка и встретились с остальными Дэмпси. Компания была отличной, еда вкусной, цикады и легкий смех создавали идеальный летний фон. После часа горячих взглядов от Люка, которые прожигали эротические дыры в ее сарафане, они извинились и ушли. К тому времени, как они повернули в гараж за углом, Кинси потеряла свои трусики, большую часть клеток мозга и прошла три четверти пути к оргазму.

Что может быть более патриотичным, чем секс в Шеви Четвертого июля. Боже, храни Америку.

— Мы весь день провели, разговаривая обо мне, — сказала Кинси, пользуясь случаем, чтобы ей разрешили задать пару личных вопросов. Поход на покупки был откровением, для Люка так точно. На каждом матрасе он оттачивал свои навыки разговора в постели, но сначала проделывал подготовительную работу.

Находил удобное положение.

Занимал каждый дюйм доступного пространства.

Зажимал ее левую ногу в ловушку между своими бедрами.

И только когда они устраивались, как ему нравилось, начинал свой допрос.

Лежа на Сетра Сэджвик Евро Топ, она начала с Джакса, ее брата ортопедического хирурга, который с удовольствием сломает Люку руку, если тот причинит боль его крошке сестре, а затем вылечит его (клятва Гиппократа, пояснила она с улыбкой). Когда они переместились на следующую кровать, перешла к Коулу, единственному из братьев, который последовал по стопам отца в военные силы, став главным военным прокурором. Они окончательно втянулись в процесс выбора, когда она закончила рассказывать про Тэйта. Он был ее любимым братом, но она бы скорее умерла мучительной смертью, чем сказала ему об этом. Чемпион по лыжам, он завоевывал невероятную известность каждые четыре года во время Зимних Олимпийских игр, а в перерывах между ними пропадал в неизвестность.

Что бы ее братья подумали о Люке? Они всегда настороженно относились к Дэвиду, который был слишком совершенным для них, отказываясь даже играть в футбол на День Благодарения из-за своих хрупких рук кардиохирурга. Все Тэйлоры были настоящими мужчинами и терпеть не могли любого поведения, которое пахивало малодушием.

Она подозревала, что Люк с честью выдержал бы проверку.

Не то, чтобы они когда-нибудь встретятся друг с другом. До этого никогда не дойдет, потому что все происходящее было просто отличным, грязным, случайным развлечением. Но даже сделав своему предательскому уму выговор за то, что тот заглядывал на десять шагов вперед, Кинси не могла изменить один бесспорный факт: ее отцу понравился Люк. И девушку волновало то, насколько сильно это ее встревожило.

Через два часа после того, как они зашли в магазин матрасов Кинси рассказала почти всю историю своей жизни. На Темптур Клайд Прима, она поделилась тем, что ее мама умерла, когда ей было восемь. Норфилд Виста Фирм стал очевидцем ее рассказа о своей мечте работать с более интересными общественными процессами, а также, возможно, однажды и с большой политической кампанией.

Все это время Люк слушал, пригвоздив ее к шикарным матрасам пронизательным взглядом синих глаз. Впитывая каждое слово так, словно это была самая важная информация, которую он когда-либо слышал. К тому времени, как мужчина выбрал себе матрас, Риверсайд Плюс, он знал достаточно, чтобы вызвать у нее беспокойство по поводу неравноценности их знаний.

Теперь, наслаждаясь солнцем на двадцатом этаже Ривер-Норт окрестностей Чикаго, Кинси позволила себе потеряться в ощущениях твердой груди Люка за ее спиной и успокаивающей тяжести его требовательных предплечий лежащих на ее груди. Сейчас настала ее очередь.

— Ты можешь спросить меня о чем угодно, — пробормотал он ей на ушко.

— Почему ты провел в морской пехоте всего четыре года? — она видела его файл в

мэрии и, узнав, что он был с почетом отправлен в отставку, заинтересовалась столь коротким сроком службы. Уволиться до истечения полных восьми лет было возможно только из-за травмы или доставив кучу головной боли своему командиру.

— Боишься, что меня вышвырнули из-за моего взрывного характера? — спросил он, будто читая ее мысли.

— Это приходило мне на ум.

Он помолчал минутку, а затем сказал:

— Шон и Логан умерли. Мы с Уайаттом служили в разных подразделениях, он был в Афганистане, я в Ираке. Нам пришлось принять решения о том, кто уйдет. Это возможно в случае тяжелых обстоятельств.

— Ради Гейджа и Алекса?

Он кивнул рядом с ее виском, трение его грубой щетины послало дрожь возбуждения по всему телу.

— Они все еще были несовершеннолетними. Бэку только что исполнилось девятнадцать и, на его взгляд, система социальной помощи была недостаточно хороша. Мой крестный Ларри помог бы, но он проходил химиотерапию в это время. Нужен был кто-то рядом, чтобы присматривать за ними.

Осознание для нее было подобно сильному удару. Кинси повернулась в его объятьях, ощущая необходимость оказаться с ним лицом к лицу.

— Или они снова очутились бы в системе.

— Алекс усыновили Шон и Мэри и ей было семнадцать, так что ее положение было безопасным. Но Гейдж... — он помолчал. — Ему было шестнадцать. Слишком взрослый для усыновления, но недостаточно, чтобы остаться без официального опекуна. Его отправили бы в групповой дом^[110].

Она расслышала боль в его голосе. Не только из-за этого он вернулся домой...

— Ты беспокоился, что над ним будут издеваться.

Он кивнул.

— Гейдж всегда знал, что он гей. Тебе стоило бы увидеть его, когда его привезли к нам в дом, Кинси. Тотщй десятилетний мальчик с сумасшедшими глазами, которого Шон придерживал рукой за плечи, радостно забежал в кухню и объявил: “Всем привет. Я Гейдж и я гомосексуалист”. Я имею ввиду, ну кто так делает? Я знал множество морских пехотинцев, пожарных, и прочих крутых парней, и никто из них по храбрости и в подметки не годился этому ребенку. Но, в этой ситуации, без нашей поддержки, я не уверен, что с ним все было бы в порядке.

Ее сердце растаяло и она почувствовала, что теперь знала его немного лучше, чем мгновением ранее. Это опьяняло.

— Почему ты, а не Уайатт?

— Уайатт был ближе Логану. Биологические братья.

— У них разные фамилии.

— Одна мать и разные отцы. Когда Логан умер, Уайю надо было какое-то время побыть вдали от нас. Морская пехота была лучшим местом для него. Сосредоточиться на работе, — Люк поцеловал ее в лоб, затем его взгляд стал серьезным, словно ему нужно было, чтобы она поняла то, что он собирался сказать. — Это не было какой-то огромной, героической жертвой, Кинси. Я люблю их и готов на все ради них. Кроме того, мы Дэмпси. Это то, что мы делаем.

Сказано с кристальной ясностью, достойной Сваровски, каждое слово наполнено убежденностью. Ух ты, Кинси действительно наслаждалась покалыванием, которое распространялось по ее коже каждый раз, когда Люк включал своего семейного мужчину. Однажды этот парень сделает какую-нибудь женщину очень счастливой.

Правда, не ее. Ей не нужен был мужчина, который будет за ней присматривать, и у нее было чувство, что такому пещерному человеку, как Люк, не понравится развитие отношений, в которых женщина будет равной ему во всем. Он скорее хотел женщину, которая будет счастлива, оставаясь на заднем плане, и довольна, воспитывая маленьких Алмэйда, которые будут выглядеть такими чертовски милыми в своих ползунках с лого ЧПД.

— Могу я спросить кое-что еще?

Он приподнял бровь.

— Разве есть какой-то смысл отказывать тебе?

— Как так получилось, что из всех вас только Алекс удочерили?

— Ну, если бы ты спросила ее, она бы ответила, что это потому, что мама и папа ее любили больше, — он усмехнулся. — Для детей, выпитывающихся в приемных семьях, предпочтительным является возвращение их биологическим родителям, именно это и происходило с большинством из нас, когда мы были подростками. В приюте или с Дэмпси, когда наши родители не могли позаботиться о нас, и снова с ними, когда они исправлялись. Шон и Мэри пытались усыновить всех нас, но разорвать родственные связи гораздо труднее, чем ты думаешь. Если один из родителей не хотел отказываться от ребенка, по любой причине, и все еще остается шанс, что они могут пойти работать, ты попадаешь в юридические сражения, которые могут тянуться вечно.

— Так твои родители...?

— Все еще хотели меня? — его усмешка была горькой. — Нет. Дорогая мамочка уже поджарилась, в прямом смысле слова, из-за пожара, вспыхнувшего в доме с крэком, а мой папа был одним из тех парней, что ходят по краю закона. Какое-то время я жил со своей бабушкой, но когда она не смогла заботиться обо мне, я остался с Дэмпси. А биологический отец был упрямым ублюдком, у которого было свое яркое представление о собственности. И даже при том, что он не мог и надеяться на отношения со мной, потому что редко бывал рядом, он не поставил бы роспись над линией. Он умер около пяти лет назад.

Как ужасно. Кинси погладила Люка по плечам, ощущая его беспокойство своим телом.

— Примерно такая же ситуация была со всеми, за исключением Алекс, которая попала в стан Дэмпси, едва научившись ходить. Никому из нас не нужны подписи и печати. Шон — мой отец. Мэри — моя мать, — его губы мягко коснулись ее, затем глубже, более собственнически. — Конечно, быть Дэмпси не означает постоянное счастье и удовольствие. Иногда скрыться от них на денек или два бывает офигенно.

— В любое время, когда тебе понадобится убежище от твоей сумасшедшей семейки, приходи.

Он встретил ее взгляд своим, теплым и соблазнительным.

— По ощущения похоже на то, что это место здесь наверху. Под звездами, укромный уголок на крыше, островок спокойствия в городе.

Сказочно угадав со временем, в небе над их головами вспыхнул фейерверк.

Она сжала его плечи.

— Ты знал, что это случится!

— Не совсем, но я знаю, что город организует большое шоу на праздник. А я, кажется,

обещал тебе взрыв здесь внизу, — он завел свои большие пальцы под подол ее платья, выше, выше, затем провел по атласным трусикам, заставляя влагалище сжаться. — Никогда не думал, что буду за что-нибудь благодарен нашему прославленному мэру, но похоже на то, что город Чикаго помогает сделать это действительно особенным.

Это действительно ощущалось особенным. Возможно, дело было в уязвимости, которую она ощущала с тех пор, как переехала сюда, но Кинси хотелось думать, что она не была заложником своих эмоций или ощущений между ногами. Связь, которую она чувствовала с Люком, могла быть из разряда “правильный мужчина в правильное время”, но она казалась чем-то большим. Похожей на правильную навсегда.

Опасность, Кинси Тэйлор! Ей нужно было избегать этих опасных мыслей. Просто наслаждаться здесь и сейчас.

К счастью, он, казалось, был с ней на одной волне. Скользя пальцами к ее затылку, Люк развязал узелок сарафана и неторопливо спустил его ниже. Его взгляд потемнел от горящего в нем желания при виде ее затвердевших сосков.

Пойти без бюстгалтера было отличной идеей.

Она расстегнула его джинсы и после нескольких телодвижений освободила его толстую, мощную эрекцию, на ощупь его кожа была гладкой и шелковисто-горячей. Когда Люк раскатал презерватив по своему члену, а она опустила свое тело на него, сверху во всю взрывались фейерверки, в то время как магия соединения двух тел ниже породила собственные фонтаны искр.

Двигаясь медленно, но уверенно, Кинси нашла то, что ей было нужно. Так хорошо, так правильно.

Слишком правильно.

Проклятье. Отмахнувшись от внезапного сильного прилива эмоций, с которыми она не была готова иметь дело, Кинси сосредоточилась на вспышках в небе. Что угодно, лишь бы избежать этой связи глаза-в-глаза, которая могла отправить ее через край слишком быстро, или бросить в пропасть.

— Кинси, — явная напряженность подчеркнула его слова. — Посмотри на меня, сладкая.

Испытывая соблазн настоять на своем и проигнорировать его или даже ответить громким “нет”, Люк Алмэйда не был ее боссом, Кинси вместо этого закрыла глаза от его стремительного натиска.

— Кинси. Я так сильно хочу тебя, — прошептал он. — Никогда никого не хотел так, как тебя.

— Люк, пожалуйста...

— Останься со мной, милая, — простонал он. — Поверь, я всегда буду рядом.

Лжец. И все же, она не могла отрицать удовольствие, отправляющее каждую клеточку в небытие. Ее веки поднялись сами собой и она встретила глазами с его потяжелевшим взглядом.

Неминуемо.

Так необходимо.

Его большие, заглубившие руки сжали ее задницу, направляя вверх и вниз, вверх и вниз. Медленно, равномерно, разрушая каждый защитный слой. Гладкий и толстый, он заполнял ее тело, пока эти внушающие страх голубые глаза наполняли ее сердце потребностью в связи, которая будет больше, чем физическая.

— Вот так, крошка. Продолжай, вот так. Остайся со мной.

И Кинси хотела остаться. С каждым плавным толчком он достигал оголенных окончаний ее эмоций. Объезжая его в этом старом как мир ритме, она могла поклясться, что они разделили пульс. То, что они отдавали и получали, пока она поднималась и опускалась, подталкивало Кинси все ближе к краю, и когда Люк сказал ей кончить для него, она с удовольствием повиновалась и спрыгнула с этой скалы в сладкий, горячий водоворот.

Чувствуя себя легкой, как перышко, этим прекрасным пятничным днем, Кинси вышла из мэрии и направилась к станции Вашингтон, чтобы сесть на Красную линию^[111] до Ригли Филд^[112]. Она встречалась с Люком, чтобы посмотреть вторую из двух игр между “Кабс” и командой Сан-Франциско. Улыбаясь, девушка поправила свою кепку с лого “Гигантов”^[113]. Это соревнование никогда не закончится.

Сегодня город отлично выглядел, его блестящие здания касались неба, а жители, взволнованные выходными, сверкали улыбками. Впереди она могла рассмотреть сцену в Миллениум парке, окаймленную завитками серебристых лент из стали, и открытый, плоский трубчатый стальной купол по проекту Гери, который образовывал подобие арки над газоном с посетителями^[114]. Она еще даже не прошла и по верхам того, что предлагал Чикаго.

Для начала неплохо было бы вытащить себя из постели одного сексуального пожарного. Когда она проходила мимо гостиницы Бёрнхам на углу Вашингтона и Стэйт, зазвонил ее телефон, и на экране высветился незнакомый номер из Сан-Франциско. Кинси ощутила панику при мысли о том, что что-то могло случиться с ее отцом или братьями.

— Привет, это Кинси.

— Привет, а это Макс.

Ей потребовалась минутка, чтобы узнать голос Макса Фордхама, нынешнего члена влиятельной наблюдательной коллегии Сан-Франциско.

— Макс! Как ты?

— Прекрасно. Просто прекрасно, — после пары минут обмена любезностями, он перешел к делу. — Я слышал, ты хочешь вернуться в городскую администрацию здесь в Сан-Франциско.

— Ух ты, твой слух просто невероятен, если ты услышал об этом с Западного побережья, — подразнила она.

Он усмехнулся.

— На меня намного проще работать, чем на этого парня с манией величия из Чикаго. Хотя до меня доходили слухи, что ты справляешься с ним с присущим тебе талантом.

— Он всего лишь мужчина, Макс. Им легко манипулировать, как и всеми представителями вашего пола, — он рассмеялся, а она обрадовалась, что Фордхам не обиделся, на ее шутку над мужчинами. — Так ты собираешься претендовать на место Кальдерона?

— Сенатор штата? Нет, Кинси. Я собираюсь прямиком наверх, национальные гонки на выборах в Конгресс.

Ничего себе, она такого не ожидала. Оставалось еще шестнадцать месяцев, но все же довольно поздно, чтобы выставить свою кандидатуру на сенаторскую кампанию в США. Она считала, что ей придется ждать несколько лет, чтобы отхватить кусочек такого пирога, то, что он упал ей прямо в руки сейчас, было слишком идеально.

— С кем еще ты разговаривал?

— С теми же, с кем всегда, — он назвал пару известных ей пиарщиков из Сан-Франциско. — Но мы хорошо работали вместе раньше. Мне понравилась твоя кампания по обследованию на рак молочной железы, организованная здесь, и сейчас я внимательно

следил за тобой какое-то время. У тебя то самое социальное мышление, которое, полагаю, необходимо в моей команде.

Она улыбнулась от его немного преувеличенного описания их прошлого сотрудничества. Кинси была всего лишь скромным стажером, практикующимся в Беркли, и они не слишком-то много работали вместе, но это было полезным опытом. Он пробудил в ней интерес к городской администрации и, благодаря этому, она посвятила свою карьеру связям с общественностью. Раскрутка его предвыборной платформы будет намного более приятна чем то, что она делает сейчас.

Но.

Дела шли в гору здесь, в Чикаго. Время, которое она проводила с Люком, новые друзья, завоевание доверия мэра, немного везения, и она была уверена, что вскоре ей дадут задания получше...

Двойное “но”.

Она также пообещала, что не позволит больше своим эмоциям влиять на решения, поэтому следующие вылетевшие из ее рта слова стали шоком для нее самой.

— Могу я подумать об этом?

— Где Микки?

Вопрос Люка был встречен хором из “Я не знаю” и небрежными пожатиями плеч, которое у скучающих подростков, казалось, было фирменным жестом. Затем он продемонстрировал им суровый взгляд. Компания из двух мальчиков и двух девочек в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет из Сэнт-Кармен, храбро выдержала натиск.

— Я вижу его, — Уай кивнул туда, где стоял Микки, общаясь с прохожим у восточного входа в Ригли Филд. Нехотя, парень возвращался обратно к компании.

— Пытается продать свой билет, — пробормотал Уай.

О, боже..

— Итак, правила таковы. Не сбегать, — Люк еще раз посмотрел на Микки, который оставался равнодушным к этому. — Не драться. Не ругаться, здесь много детей, а их родители уж точно сами научат своих отпрысков сквернословию. Поняли?

Ворчание, ворчание.

— Прежде чем мы зайдем свои места, каждый получит по одному хот-догу и поп-корну.

— Что на счет бейсбольный кепок? — спросил Кевин, лопаю пузырь жвачки.

— Может быть, и бейсбольные кепки.

— А футболки с “Кабс”? — попытал удачу Антон.

— Посмотрим, — ответил Люк, которого легко было уговорить. — Что-нибудь еще? — он посмотрел на Уайя, который едва заметно дернул бровями.

— О, точно. Выходы в туалет только со мной или Уайем.

Эбби расправила плечи.

— Я не пойду с вами в туалет.

— Мы позволим тебе пописать в одиночестве, Эбс, но проводим до входа.

— Ого, охрана, — проговорила ее напарница по шалостям Шарон.

— Я могу сходиться с девочками, — предложила Кинси.

Одетая в джинсы, закатанные до середины гладких золотистых икр, в которых ее задница выглядела идеально, Кинси поправила козырек своей кепки с “Гигантами”. Люк был уверен, что она сделала это вполне осознанно. Женщина явно наслаждалась перспективой того, что “Кабсам” может надрать задницы команда ее родного города.

Она улыбнулась ему. А затем нахально подмигнула.

О, да, она наслаждалась этим.

Он позвал Кинси с собой, потому что хотел, дать ей возможность увидеть кое-что очень много значащее для него. И позволить познакомиться с другой стороной Люка Алмэйда, пожарного-сорвиголовы. А также потому, что хотел провести каждую минуту своего свободного времени с ней.

Именно так. Люк официально превратился в размазню и подкаблучника, и самым сумасшедшим во всем этом было то, что он безумно наслаждался происходящим.

— Тебе не нужно делать этого, но спасибо, сладкая.

— Спасибо, сладкая, — передразнил один из мальчишек, отчего все остальные покатались со смеху, который быстро превратился в подталкивание друг друга локтями. Чего и следовало ожидать.

— Ладно, давайте сделаем это.

Уайатт прошел через турникет, в то время, как Люк находился позади, одним глазом присматривая за подопечными, а другим сосредоточившись на защите своей девушки по пути к их местам.

— Спасибо, что зависаешь с нами сегодня, — прошептал он ей на ухо.

Кинси подарила ему поцелуй, быстрый, но не смотря на это горячий.

— Думаю, будет весело.

Впереди них, Антон толкнул Микки. Посреди бормотания, проклятий и обвинений, которые не были понятны никому, кроме кучи подростков, Люк тяжело и устало вздохнул.

— Посмотрю, будешь ли ты так же думать, через час.

Час спустя Люк был на 99,99 % уверен, что Кинси должна быть готова пуститься в бегство, но с каждым взгляд исподтишка, который он бросал в ее сторону, обнаруживал, что она с явным удовольствием смотрит на олимпийского уровня нытье и безостановочные выходы.

“Гиганты” заняли вторую базу, но толпа совсем не радостно освистала их. Большинство были фанатами “Кабсов”. Последняя четвертая база и “Кабсы” уже отстают на шесть очков.

— Это так скууучно, — простонала Эбби в пятидесятый раз за последний час. — Могу я проверить свои сообщения?

— Никаких телефонов, — повторил Люк правило, озвученное им через две минуты после того, как ребята, едва усевшись, начали играть в “Кэнди Краш”. — В этой зоне запрещено пользоваться цифровыми устройствами, за исключением чрезвычайной ситуации.

Эбби махнула рукой в сторону поля.

— Я умру, если в ближайшее время не случится ничего интересного. Это *реально* чрезвычайная ситуация, Люк.

— Да, — кивнула Шарон, соглашаясь. — Просто *реально*.

— Энтони Риццо довольно милый, — сказала Кинси, следя глазами за игрой.

Шарон, немного менее болтливая из парной команды Шаз-Эбс, повернулась к ней.

— Кто?

— Да, Кинси, — прорычал Люк. — Кто?

— Энтони Риццо. Прямо сейчас выходит к бите и прекрасно выглядит в своих обтягивающих штанах. Великолепные ягодицы.

Эбби и Шарон обменялись настороженными взглядами, но не смогли удержаться и не посмотреть на ситуацию на поле.

— С трудом могу его разглядеть, — сказала Шарон. — Он там прям как муравей.

— Еще одна причина не покупать видеокуб^[115], — пробормотал Люк.

Многострадальное инновационное предложение, которое привело бы “Ригли” в двадцать первый век, было отложено, пока местные жители воспринимали его в штыки. Люк всегда был на стороне общественности, тем более сейчас. Держите эти великолепные ягодицы на великолепном расстоянии.

Кинси начала рыться в одной из тех гигантских сумочек, которые, казалось, имели внутри все, что нужно было женщине и когда бы ей это не было нужно, и вытащила... бинокль. До смешного крошечный.

Люк недоверчиво фыркнул.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной?

— Эй, ты сказал не выражаться! — последовал ворчливый хор от детей, сопровождаемый нравоучительным взглядом неодобрения от Уайя.

— Ты наблюдаешь за птицами в свободное время? — спросил Люк Кинси, как только жалобы стихли.

— Только за задницами, — она ослепительно улыбнулась ему. — Я была девочкой-скаутом. Всегда готова, — она посмотрела в бинокль, настроила фокус, затем передала его Шарон, которая усмехнулась клоунской улыбкой.

— Ух ты! — Шарон прищурилась, глядя через линзы. — Эти парни просто отпад. Даже лучше, чем Люк на том билборде!

— Дай-ка гляну! — Эбби выхватила бинокль и несколько минут просто смотрела. — У него отличное тело. Такое мускулистое.

— Он слишком стар для них и слишком молод для тебя, — заметил Люк Кинси, но был услышан только знойным воздухом. Она с девочками уже погрузилась в обсуждение невероятных мышц на заднице Дерека Джитера (*классика*, по мнению Кинси, с тех пор, как он покинул Янки). Вскоре были включены телефоны, чтобы поспорить о том, чья задница в Главной лиге бейсбола лучше.

— Я сказал, что телефоны только для чрезвычайных ситуаций, — повторил он.

— У нас в разгаре обсуждение филейных частей, малыш, — ответила Кинси, загружая картинку Барри Цито. — Нет ничего более важного.

С нахальной улыбкой она снова повернулась к девочкам.

— Дамы, зацените какую дань уважения отдал БаззФид^[116] Лучшим Задницам Бейсбола.

Люк откинулся назад, смирившись со своим проигрышем в этом споре, но нисколько об этом не беспокоясь. Ему нравилось наблюдать за Кинси с ребятами — как легко она сходилась с людьми. Она перевернула все его ожидания по поводу того, как может вести себя строящая карьеру, одетая в деловые костюмы женщина профессионал. Все это время он бессознательно, ладно, может и сознательно, сравнивал ее с Лизой. И сейчас на этом увлекательном свидании он не мог не вспомнить свою бывшую. В конце вечера вы могли и не вспомнить, о чем она говорила, но по крайней мере она была красива.

Кинси была не только красива. Она была умной, находчивой и сострадательной. Той, кого стоит удерживать.

Исключением из этого было, что она не хотела, чтобы ее удерживали. Или, если точнее, она не хотела, чтобы ее удерживал он.

Когда Люк поделился с Кинси тем, как разрушился его брак, он упустил некоторые детали. Мало того, что ему не удалось соответствовать высоким стандартам Лизы, возведенным в норму для мужчины двадцать первого века, но он также был слишком требовательным, слишком напористым по многим жизненным позициям. Его бывшая жена в шутку называла его “своим постельным зверем”, но как и в каждой шутке, в этой была явная доля правды. И для Кинси все было так же.

Люк был ее поверхностным отвлечением. Ее грязной интрижкой. Парнем, который достигал всех ее сладких местечек и заставлял кричать, пока она не видела звезды, но черт, нет, вы не приведете его домой к папе. Достаточно было увидеть ужас на ее лице от мысли о том, что у них с полковником могло быть что-то общее. Может ее последние отношения и были безнадежными, но в мыслях у нее точно был образ того мужчины, которого она выберет для следующего серьезного раза.

Кого-то не такого, как Люк.

Кинси не могла поверить, насколько предан был Люк этим детям, и дело не только в почти ста долларах, которые он потратил на каждого, начиная от билетов и заканчивая хот-догом и содовой по непомерно высоким ценам, не говоря уже о кепках и футболках (тридцать баксов за майку!). Она знала, что эти деньги были из его кармана, потому что ни один интернат не располагал лишними средствами, чтобы потратить их на ребенка, находящегося на попечении у государства. Его преданность также выражалась в том, как он разговаривал с ними. На их уровне, без фальшивой снисходительности, обычной для отношений взрослых с детьми.

Охваченная любопытством, Кинси наклонилась к Люку.

— Сколько времени и денег ты потратил на эту программу?

— Не так много, — он небрежно пожал плечами, но по тому, как сжались его губы, она могла сказать, что небрежность была наигранной. — Большинство из этих детей слишком взрослые, чтобы их взяли в семью, и то, что мы можем сделать, чтобы они почувствовали себя настолько нормально, насколько возможно, стоит пары долларов и нескольких часов моего времени. Кроме того, на что еще мне тратить свои деньги? Моя любимая девушка ест только овощи. Самое дешевое свидание.

Сердце сжалось.

— Поможет и доход от календаря.

— Поможет Сэнт-Кармен, но система воспитания детей, оставшихся без родителей, в округе Кук охватывает еще примерно семь тысяч детей, пара тысяч из них в интернатах, и скорее всего так там и останутся до того возраста, когда система не будет за них отвечать. Они забыты всеми.

— Что еще можно сделать?

Он посмотрел на нее, от явного удивления на лбу появились складки. Конечно же, сейчас он уже знал, что она была человеком действия.

— Людям нужно узнать, как они могут помочь. Деньги на книги, игры, выходные дни. Также нам нужно больше людей, которые смогут взять этих детей к себе домой. Дать им ту основу, которую можно получить только являясь частью чего-то надежного.

Кинси обдумала это пару минут.

— Детям нужно больше пиара.

— Это точно.

— Что ты скажешь, если я поговорю с Эли о том, чтобы пролить свет на систему патронажного воспитания^[117]?

— Скажу, что твоему боссу будет на это наср... — нахмурившись, он посмотрел через ее плечо на детей, затем снова на нее. — Это недостаточно сексуальная проблема для нашего бесстрашного лидера, — он улыбнулся. — Но я думаю, что если кто-нибудь и сдвинет это с мертвой точки, то только ты.

Его уверенность в ней взволновала Кинси до мозга костей. С Дэвидом всегда приоритетной была его работы, и он никогда не позволял ей забыть об этом. Беспокоясь об этом, она позволила ему принизить ее собственные амбиции. Кинси начала думать, что медсестра и ее беременность, возможно, лучшее из всего, что с ней случилось.

Взглянув на Люка, она увидела, что тот усмехается своей сражающей ее наповал улыбкой, ярко контрастирующей с пятичасовой небритостью на лице.

— Что такого смешного? — прошептала она в душный воздух.

— Мне нравится смотреть, как ты что-то планируешь.

— Нравится?

— Да, у тебя появляется очаровательная морщинка между бровями и твой “я владею всем миром” взгляд. Нет ничего сексуальнее женщины, которая уверенно идет к своей цели. Нет ничего сексуальнее мужчины, который это ценит.

Он соединил их руки, так легко и непринужденно, словно они знали друг друга годами. Мужчина определенно разбирался в том, что делать с руками, еще одна область, в которой Люк был совсем не таким, как Дэвид, который никогда не любил прикосновений. Он слишком беспокоился, что использует магию своих драгоценных рук хирурга на своей невесте.

Если подумать, то они с Люком одно время были врагами. Кинси не могла представить, что они могут вернуться к этому, но при этом они не могут идти дальше. Или могут? Почему бы еще ей было сомневаться в разговоре с Максом Фордхамом? Мужчина предложил ей лучший шанс в ее жизни, поставить ногу на нижнюю ступеньку в сенаторской кампании США. Работа с Максом будет лучшим применением ее талантов, в то время, как здесь она витала в облаках из-за восхитительного парня, наверстывая недостаток внимания со стороны своего неудачника жениха.

Избавься от этого, Кинси.

Убийственные голубые глаза Люка пленили ее своей головокружительной глубиной, и она задержала дыхание в ожидании... она даже не была уверена, чего именно.

— Смотри за задницы ГЛБ^[118], сладкая, а потом позже, я покажу тебе, почему ЧПД лучше.

Уф. По крайней мере один из них мыслит трезво и удерживал все на гормональном уровне искрящейся сексуальной химии. Ее сердце замерло от облегчения, не от

разочарования.

Кинси была уверена в этом.

Брейди не позвонил.

Что было не удивительно, потому что Брейди никогда не звонил. Гейдж сам проделывал всю работу в этом... чем бы это не было. Не гребаными отношениями, уж точно. У этого угрюмого ублюдка, вероятно, даже не было номера Гейджа, потому что только Гейдж звонил ему в ресторан. Но он знал, где Гейдж работает, в ПО № 6 и в баре. Он мог позвонить или зайти в любое время, если бы хотел.

Но не сделал ни того, ни другого. И это до чертиков бесило Гейджа.

Ожидая возможности выпустить пар на смене, Гейдж затянул ремень своего шлема и сконцентрировался на текущей задаче: в час ночи произошла авария с участием одного автомобиля на перекрестке Западной и Дивизионной. Очевидно, какой-нибудь пьяный по пути домой с одного из баров, расположенных на Дивизионной улице, или идиот на супер навороченной, дорожной тачке.

Когда автоцистерна резко повернула на Западную, примерно в миле от места происшествия, Гейдж поднял голову и встретился взглядом с Джейкобом Скоттом, наблюдающим за ним со своего места на противоположной стороне в конце машины, его глаза были холодные, как у змеи. Придурок гомофоб всегда пялился на него так, словно боялся заразиться гейством просто дыша с ним одним воздухом.

— На что уставился, приятель? Осторожнее, а то кто-нибудь может назвать тебя гомиком.

Джейкоб покраснел и отвел взгляд.

Острый локоток пихнул Гейджа под ребра. Он проигнорировал это, но невозможно было проигнорировать подзатыльник по задней части его шлема, от которого кляцнули зубы.

— Черт возьми, за что это? — рявкнул он на свою сестру.

Алекс прищурилась:

— Не хочешь рассказать мне, почему ты ведешь себя так, словно тетушка Фло приехала в гости ^[119]?

— Просто плохое настроение. Иногда ж мне это позволено, — то, что он постоянно был душой компании, накладывало свой отпечаток. У него не было причин сходить с ума по этой ситуацией с Брейди или явному отсутствию таковой, но Гейдж был в ярости. И он не просто немного сожалел. *Безумно сожалел.* Ему казалось, что он упустил какую-то важную возможность, в то время как возможность заполучить доступную задницу была в каждом баре на Великом розовом пути, так же известном как Халстед Авеню. Хватит, он больше не будет сохнуть по молчаливому мудаку с пристрастием к татуировкам и нулевыми коммуникационными навыками. Как только его смена закончится, Гейдж получит свою парочку доз марихуаны, а затем отправится на поиски хорошего и реального секса. Весь этот бред закончится прямо сейчас.

Они подъехали к месту происшествия и выбрались наружу. Синяя “ламборджини”, которая каким-то образом умудрилась пересечь разделительную полосу и избежать столкновения со встречным потоком, сейчас стояла на другой стороне улицы, врезавшись водительской стороной в другую машину. Если не считать нанесенного ущерба припаркованной “камри”, казалось, разбитая фара была единственным повреждением роскошного транспортного средства. Водитель все еще находился внутри, общаясь по

телефону, даже подушка безопасности не сработала.

Горди Санчез, фельдшер, прибывший раньше на скорой, не спеша, ленивой походкой подошел в Большому Маку.

— Водитель в порядке.

— Почему он все еще в машине?

— Он не пострадал, но дверь заблокирована, — ответил Горди, все так же медленно. — Думаю он подшофе.

Водитель так сильно застучал по стеклу, что все посмотрели на машину. Парень как-то ухитрился разбить машину, не навредив при этом ни себе, ни кому-либо еще, и он еще имел наглость злиться по поводу того, что его недостаточно быстро освобождали.

— Ох, черт, нет, — услышал Гейдж как пробормотала Алекс. — Ты знаешь, кто это?

Гейдж прищурился и внимательнее присмотрелся к водителю. Твою мать! У них в руках оказался величайший медиумагнат.

Сэм Кокрэйн.

Гейдж пересекся взглядом с Санчесом, который пожал плечами. Так вот почему они не рвали задницы, пытаясь вытащить этого парня. Он не находился в непосредственной опасности и код пожарного братства тут не работал. Из-за нападок на ПО № 6 в своей газете Кокрэйн стал врагом сразу для всего Чикагского пожарного департамента. Вывести из себя людей, в чьих руках когда-нибудь может оказаться твоя жизнь, кажется не слишком умным поступком, но, эй, мир полон придурков.

И Гейдж не собирался вступать в их ряды.

Он подошел к машине.

— Мистер Кокрэйн, не беспокойтесь, мы вытащим вас как можно скорее.

Таких слов, сказанных кем-нибудь из ЧПД, обычно было достаточно, чтобы успокоить детей, собак и беременных женщин, но Сэм Кокрэйн не купился на это. Его лицо превратилось в красную разъяренную маску, когда он прорычал через частично открытое окно:

— Отлично. Если это сделает не Красавчик Дэмпси.

Может Гейдж что-то не так расслышал? Этот парень, кажется, забыл, что он пойман в ловушку в стальной клетке и, что более важно, его извлечение из этой клетки зависит от государственных служащих, окружающих его машину.

Глубокий вдох. Оставайся профессионалом.

— Дайте мне хулиган, — бросил он через плечо.

— Смотри не оставь вмятину на этом авто, Симпсон, или я поймаю твою пидорскую задницу в мэрии.

Что ж, ладно. Никаких переживаний, Гейдж слышал и кое-что намного хуже, в том числе и от своей собственной матери, которая во время многочисленных психотических отрывов от реальности любила напоминать ему, что единственная вещь, которая может спасти его от проклятья — ванная полная отбеливателя. Отвратительная терапия, которую она не боялась использовать. Чтобы этот мудака ему ни сказал, это не причинит боли.

— Не страшно, мистер Кей. Я сделаю все возможное, чтобы не пускать на вас свои пидорские слюни, пока буду спасать. Вы сможете поцеловать мою гомосексуальную задницу позже.

Алекс протянула ему хулиган, универсальный инструмент, который Гейдж всегда при возможности использовал в первую очередь. *“Правильный инструмент для правильной*

работы”, — обычно говорил Шон, когда бы Гейдж ни навестил его в пожарном отделении. Инструмент приятной тяжестью лежал в руке, идеальным продолжением той глубокой неудовлетворенности, которая преследовала его во всех аспектах жизни.

Нет, не во всех. Только в том, что касается Брейди.

— Все хорошо? — спросила Алекс.

— Да, нет проблем. Он немного агрессивен. Думаю, пожалуй, он перепил.

Лицо Кокрэйна загорелось как праздник Четвертого июля, когда он заметил Алекс:

— А вот и та, кто считает, что заслуживает занять место впереди более квалифицированных мужчин. Просто мужеподобная баба, использующая систему.

Алекс побледнела.

— Ого, что это с ним?

— Просто выпил. Игнорируй его, пока он не начнет разыгрывать Мэла Гибсона и называть тебя “сладкими сиськами”^[120].

Места аварий обычно были довольно напряженными, но вибрации, исходящие от Алекс, были настолько сильными, что достигали красного уровня. Чем скорее они вытащат и отпустят Кокрэйна, тем лучше. Вставив край хулигана в зазор между дверью и рамой, Гейдж потянул, но дверь не сдвинулась с места.

— Черт возьми, найдите мне пожарного, а не грязного педика. Даже тот ваш брат-гастарбайтер и то смог бы справиться лучше, — невнятно выговорил Кокрэйн, камень в огород брата Гейджа, Бэка, который встречался с дочерью Большого Кея, Дарси.

Бэк без сомнения “оценил” бы этот сомнительный комплимент о своих навыках по спасению людей. При условии, что Гейдж выйдет из этой ситуации и останется в достаточно здоровом уме, чтобы рассказать ему, как только Бэк вернется со своего отпуска, потому что внезапно все стало казаться немного размытым.

Дерьмо, только не сейчас....

Гейдж понял, что мышцы на его руках стали тверже, чем кордовая древесина^[121]. Его тело ощущалось одновременно слишком жестким и таким, словно его может сдуть ветром в любой момент. Звуки раздавались будто вдали, как эхо, вместо них он слышал крики и рев Кокрэйна... словно тех детей в интернате. Хулиганы, от которых он пытался отделаться показным весельем и отношением “*мне наплевать*”.

Прошло более десяти лет с его последней панической атаки, но он чувствовал невидимую волну, бьющую в грудь, и каждый всплеск прибоя забирал все больше его спокойствия. Должно быть, именно на это была бы похожа встреча лицом к лицу с Дементором^[122].

Кто-то осторожно забрал у Гейджа из руки хулиган, возвращая его обратно с обрыва.

— Отойди в сторону, — проговорила Алекс. Или ему показалось, что это была Алекс. Ее голос слышался отдаленно, словно мигающая лампочка в глубокой пещере. — Я позабочусь об этом.

Гейдж отошел назад, а потом еще дальше, чувствуя необходимость оказаться на расстоянии длины нескольких пожарных машин от Кокрэйна раньше, чем сделает что-то глупое. Как, например, заберет хулиган у Алекс и ударит им в окно. Он глубоко дышал полной грудью, чтобы заполнить легкие и предотвратить зарождающуюся панику. Кроме того, помогали хорошие воспоминания. Они всегда срабатывали лучше всего. Успокаивающие слова Шона, сказанные с грубоватым чикагским акцентом, эхом отдавались в его бешено бьющемся сердце.

“Все хорошо, сын. Сейчас с нами ты в безопасности. Никто больше не обидит тебя”.

В дни, похожие на этот, Гейджу особенно не хватало его отца.

— Симпсон, — лейтенант подошел к задней части насоса, у которой стоял Гейдж, обхватив себя руками и изо всех сил пытаясь вернуть контроль. МакЭлрой отошел назад, чтобы пофлиртовать с Марией, фельдшером напарницей Горди, но теперь понял, что ему следовало бы находиться поблизости и заниматься своей работой, руководить процессом. — Что происходит?

— Ничего. Я просто... — слетел с катушек из-за парня. Брейди Смит скрутил его по полной. — Кокрэйн — отец Дарси, — когда Большой Мак все еще выглядел недоумевающим, Гейдж пояснил: — Ну, знаешь, девушки Бэка.

— А. Так он не в восторге, что связан с тобой?

Что-то вроде того. Но язвительность, сочившаяся из Кокрэйна, была слишком застарелой. Бэк говорил, что парень ненавидел Дэмпси из-за какой-то ссоры с Шоном в прошлом, но дело, казалось, совсем вышло за грань разумного.

У Гейджа не было времени подумать об этом. Его внимание привлек протяжный свист, сопровождаемый скрежетом металла, и от увиденного его ноги налились свинцом. Пассажирская дверь машины Кокрэйна лежала, сорванная с петель. Широкий распил до середины крыши прекрасно давал доступ теплему летнему воздуху.

Святое дерьмо.

Где-то в процессе работы Алекс заменила хулиган на хёрст^[123], также известный как “Челюсти жизни”, впрочем, в этом случае их было бы более уместно назвать Челюстями смерти. Учитывая предстоящее окончание карьеры. Отойдя назад, чтобы оценить результат своей работы, который выглядел странно, — как современная арт-инсталляция в центре Западной Авеню, она сняла шлем. Взмахнув своими волосами с рыжими бликами, Алекс сверкнула зелеными глазами, которые так любил Гейдж.

— Мы живем, чтобы служить, мистер Кокрэйн.

— Я оставил сообщение Бэку и Дарси, — сказал Гейдж с беспокойством во взгляде. — Возможно, они слишком заняты, отвлекаясь в Пхукете.

Люк расхаживал по кухне дома, в котором вырос, его мускулы подрагивали от раскаленной ярости.

— Думаешь, Дарси сможет заступиться за нас? Потому что судя по последнему, что я слышал: они с папочкой Кокрэйном не очень-то ладили.

Гейдж скривился.

— Я просто подумал...

— Подумал? — закричал Люк. — Думать — это явно не то, что присутствующие здесь умеют делать. Разве МакЭлрой одобрил двумя или хотя бы одним поднятым вверх большим пальцем, когда Алекс вытащила хёрст и разрешила крышу машины Кокрэйна?

— Эй, не вмешивай в это остальных, — перебила Алекс. — Это касается меня и только меня.

Люк глянул на сестру. Он любил ее больше жизни, но прямо сейчас его руки зачесались от желания медленно придушить ее.

— Я еще даже не начинал с тобой, Алекс. Проклятье, мы уже побывали под прицелом Кокрэйна и его газетенки.

— И чья это была вина? — Гейдж всегда был тем, что подставлял свою шею за Алекс, и наоборот. Дети эти двое были не разлей вода, готовые сразиться с чем угодно, даже с остальной семьей для защиты друг друга. — Ты навлек это на нас со своим *Сокрушительным ударом Люка* на YouTube, и сейчас на Дэмпси открыли сезон охоты.

Люк посмотрел на присутствующих в комнате старших в поисках поддержки. Уайатт сидел на кухонном столе, наблюдая за обменом ударами между всеми и выжидая время перед тем, как высказать свое решение. В четыре часа утра Люк наслаждался посторгазменным сном с Кинси, растянувшейся сверху, каждый изгиб которой плотно прижимался к нему. Но затем звонок Уайатта рывком вернул его к холодной реальности. Уайатта, который никогда не звонил, потому что презирал телефонные разговоры. Уайатта, который предпочел бы пробить дыры у себя под ногтями и залить туда неразбавленную аккумуляторную кислоту, нежели набрать номер и поговорить.

Но прямо сейчас Люк хотел бы услышать мнение Кинси, которая настояла на том, чтобы поехать домой вместе с ним. Он так кипел от негодования, что готов был взорваться, и только ее присутствие сдерживало его.

— Что сказал Кокрэй? — спросил Уайатт у Алекс, весь такой рассудительный и все такое.

Голова Люка была словно объята огнем. Может он заработал аневризму.

— Кому важно, что он сказал? Ничто им сказанное, не может оправдать такую реакцию.

Кинси открыла рот и снова закрыла. Что бы она ни хотела, она могла высказать это сейчас на семейном совете.

— Давай же, Кинси, — подбодрил Люк.

Она откашлялась.

— Ну, то, что сказал Кокрэй, — важно. Если это каким-то образом выражает

нетерпимость к определенным группам городских избирателей, таких как геи или женщины, то это может быть использовано в качестве свидетельства провокации. Может даже разжигания ненависти.

Лицо Алекс просветлело.

— Он назвал Гейджа пидором, меня мужеподобной бабой, а своего будущего зятя Бэка — гастарбайтером, — высказалась она, упрямо сжав губы, и посмотрела на Люка, словно во всем был виноват он.

— Здесь задеты все основные группы избирателей, — пробормотал Уайатт. — Как по мне, звучит довольно провокационно.

Кинси подняла руку.

— Не поймите меня неправильно. Город не поддержит служащего, который разрушает общественную собственность из-за оскорблений, но возможно, у нас получится оказать давление на его команду, когда он потребует привлечения Алекс к уголовной ответственности за причинение ущерба. Что он и сделает. Он может удовлетвориться ее увольнением.

Страдание исказило черты лица Алекс, а ее плечи поникли, признавая поражение. Не смотря на испытываемую злость, сердце Люка сжалось.

— Я могу поговорить с Эли, но он полагается на Кокрэйна в том, что касается поддержки и пожертвований на его кампанию. С учетом предстоящих вскоре выборов, для него слишком рискованно вступить за тебя.

— Да и зачем бы ему это? — с горечью спросила Алекс и ей снова завладел гнев. — Он, вероятно, будет в восторге, увидев как выгоняют еще одну недостаточно квалифицированную женщину пожарного. Он ничем не отличается от Кокрэйна, — в этот момент телефон Алекс подал сигнал о входящем сообщении и на ее лице вспыхнул румянец. Она моргнула, посмотрев на Люка. — Мэр хочет срочно увидеть меня у себя дома. Откуда у него мой номер?

Как насчет, *Он же чертов мэр, сестренка.*

— Наверное, от Ларри, — Люк уже потратил десять напряженных минут на телефонный разговор со своим крестным, пытаясь уберечь Алекс от худшего развития событий. Срочность вызова от Купера не сулила ничего хорошего.

— Сможет ли он сразу уволить меня? — спросила Алекс, скользя взглядом по присутствующим в комнате.

— Нет, — ответил Уайатт. — Профсоюз этого не допустит.

Зажужжал телефон Кинси.

— Меня тоже вызвали, — она бросила взгляд на Люка, и он заметил сквозившее в нем беспокойство.

В последние пару недель они находили общий язык, все больше сближаясь. Ее прикосновение было волшебным бальзамом. Химия ее поцелуев была наркотиком, которым он не мог насытиться. Люк проявлял терпение, так как Кинси заявляла, что не хочет ничего серьезного, но выбор времени для этого был, хм, дерьмовым, если быть честным.

— Сделай то, что должна, — сказал он, а затем поморщился от того, насколько уязвленной она выглядела. Казалось, они снова были по разным стороны баррикад, и не важно насколько сексуальным и личным было их перемирие. В молчаливом согласии все поднялись и двинулись к выходу.

— Вы не можете пойти со мной, — проговорила Алекс. — Как бы мне ни хотелось,

чтобы все вы были там, я должна столкнуться с этим одна.

— Я позвонил Питеру Дойлу, репортеру совета, но он уехал из города на выходные, — сказал Гейдж. — А тебе дорога каждая секунда. Алекс.

— Я пойду с ней, — предложил Люк.

— Ни в коем, черт побери, случае...

— Ты, должно быть, шутишь.

Люк набрал полную грудь воздуха, пока его сводные братья и сестра на все голоса приводили доводы за то, что он должен оставаться в стороне. *О боже, семья, да скажите же то, что вы чувствуете на самом деле.*

Алекс погладила его по руке.

— Спасибо, Люк, но ты не сможешь удержать свой нрав в узде, а прямо сейчас мне нужны рядом холодные головы. Особенно, если мне придется разговаривать с ним.

В смысле, с мэром? С каких это пор у его сестры разногласия с Купером? Люк хотел расспросить поподробнее, когда Уайатт обрубил на корню его вопрос холодным взглядом.

— Я позабочусь о ней.

Люк кивнул.

— Просто не допускай, чтобы над ней издевались, Уай.

Гейдж обнял сестру.

— Мы разберемся с этим.

Алекс промолчала, только позволила Гейджу крепко прижать себя к груди. Затем она кивнула и направилась к двери, выглядя так, словно собиралась на расстрел на рассвете.

— Подвезти, Кинси? — бросила она через плечо.

— Вероятно, мне следует приехать отдельно.

И о чем это все говорило? Трудно понять, какой именно аспект бесил Люка больше всего: тот факт, что его сестра плыла по реке из дерьма со сломанным веслом, или то, что какие бы отношения ни начались между ним и Кинси, они, казалось, ускользали из его рук, как песок.

Алекс вышла вместе с Уайаттом, оставляя Кинси и Люка одних в холле.

— Полагаю мы снова по разные стороны, — сказал Люк, зная, что ему не следует винить ее, но испытывая необходимости произнести это вслух.

Кинси выглядела уязвленной.

— Здесь мы в одной команде. Мы все работаем на город Чикаго. и сейчас он находится под угрозой со стороны внешних сил.

Он полагал, что это была одна из возможных точек зрения.

— Но когда дело дойдет до драки, в итоге будет растоптана Алекс.

— Люк, она облажалась. По-крупному. Я сделаю, что смогу, но город не может позволить себе начать судебный процесс с подобными Сэму Кокрэйну. Кто-то здесь должен заплатить, и это не будет мэр.

— У нее есть характер. Ее лояльность выше разумного. Эта семья значит все для нее, — он ударил кулаком по стене. — Обычно я на вызове в эту смену, но расписание изменилось из-за отстранения. Если бы я был там, ничего подобного бы не случилось.

— Или, может быть, мы сейчас воздвигали бы надгробие над твоей карьерой, — она открыла дверь.

— Кинси... — слова застряли у него в горле. Время, которое они до сих пор проводили вместе, было удивительным, каждая минута, как бесценный подарок. Сейчас было похоже на

то, что между ними образовался разлом. — Просто... позже.

Прижавшись губами к его губам и коротко кивнув, она вышла.

Рано утром движение было свободным, что сделало дорогу Кинси в такси к дому мэра в фешенебельном районе Линкольн Парка быстрой. Слишком быстрой. Хоть она и останавливалась, чтобы выпить кофе и дать им фору, все равно приехала одновременно с Уайаттом и Алекс. Плохо. Ее профессиональная преданность принадлежала городу Чикаго, но ее сердце было с Дэмпси.

С одним из Дэмпси, в частности. Ей не понравилось то, как Люк смотрел на нее в кухне, словно оценивал врага, а сейчас ей надо было сыграть роль для мэра. Совмещать эти два мира становилось все тяжелее и тяжелее.

Прежде, чем Уайатт и Алекс выбрались из своей машины, Кинси взбежала по ступенькам к особняку Эли, увитому плющом, и позвонила в дверной звонок. Дверь открыл Эли, выглядящий устало, угрюмо и так повседневно, как она никогда его не видела, в футболке защитного цвета, пляжных шортах и кроссовках.

— Кинси, — выражение его лица помрачнело при виде Дэмпси.

— И это все? — спросил он Алекс. — Я думал, ситуация будет расценена, как достаточно серьезная, чтобы оправдать присутствие всей вашей семьи, мисс Дэмпси.

— Мы не хотели подавлять вас, — ответила Алекс, проходя внутрь не дожидаясь приглашения. — Уайатт здесь, чтобы убедиться, что все будет честно.

Будто из ниоткуда, огромный черный пес прыгнул на Алекс и поднялся на задние лапы, став почти таким же высоким, как она. Рассмеявшись, она потрепала его за уши и опустила на землю.

— Кто ты, большой мальчик?

— Это Шэдоу, — ответил Эли тоном, наполненным гордостью. — Он ужасный сторожевой пес, потому что всех любит, — мэр протянул руку Уайатту. — Мистер Фокс. Я так понимаю, вы служили в 3/5. “Темная лошадь”^[124].

Рожденная в семье военных, Кинси знала, что он имел ввиду батальон морских пехотинцев, в котором служил Уайатт, и его название. Двое мужчин обменялись понимающими взглядами и пожали руки, а затем Эли развернулся и пошел вперед, давая им понять, чтобы следовали за ним.

Кинси никогда прежде не была в доме мэра, но знала, что это был дом, в котором прошло его детство, а также место, где убили его родителей. На всем пути до кухни был развешаны фотографии, в основном Эли еще ребенком, окруженного родителями и с гордостью демонстрирующего трофеи и пойманную рыбу. Счастливые воспоминания, разбитые вдребезги бессмысленным актом насилия, когда отец Эли, прокурор округа Кук, был застрелен боссом мафии, против которого он вел дело.

У Кинси в голове не укладывалось, как Эли мог все еще жить здесь. Встретив ошеломленный взгляд Алекс, она поняла, что была не одинока в своем непонимании.

— Присаживайтесь, — распорядился Эли, махнув рукой на широкий обеденный стол в приятно обставленной кухне. Солнечный свет проникал через жалюзи, ложась на комнату

яркими полосами.

Все уселись, в том числе и пес, который компанейски растянулся у ног Эли. Мэр вернулся к тому, чем занимался до их прихода, и продолжил готовить кофе. Только отмерив, засыпав и нажав на кнопку старта кофеварки, он снова обратил внимание на веселую маленькую компанию.

— Итак, ты переметнулась на другую сторону, Кинси, — проговорил он опасным тихим голосом.

Именно этого она и боялась.

— Здесь нет сторон, мистер мэр. Только необходимость минимизировать ущерб, нанесенный ситуацией, и убедиться, что город не понесет никакой ответственности.

— Говоришь как настоящий мастер пиар-манипуляций, — он перевел свой свирепый взгляд на Алекс. — О чем, мать твою, ты думала, Александра?

Насколько Кинси могла судить по своему ограниченному опыту, у Уайатта Фокса было два состояния: Холодное безразличие и Безумное раздражение, и выражения лица для этих двух состояний были почти одинаковыми. Но после фамильярного обращения к Алекс со стороны Эли, Кинси обнаружила новое выражение лица старшего из Дэмпси: удивление. Серо-голубые глаза широко распахнуты, а взгляд мечется между Эли и его сестрой.

— Это официальный допрос? — спросил Уайатт мэра.

— Думаете, я обычно прошу людей, которым наплевать на мой город, прийти ко мне в шесть утра, если хочу обсудить все официально? Я пригласил вас, потому что лучше узнаю ее точку зрения до того, как сегодня дерьмо попадет в вентилятор. Я провел предыдущие два часа разговаривая с комиссаром Фриманом, медиа-службой Чикагского полицейского департамента и Сэмом Кокрэйном. Та машина стоит четыреста тысяч долларов!

— Вычтите их из моего жалования, — недовольно пробурчала Алекс, закусив губу.

— Ты имеешь в виду из жалования, которое ты больше не будешь получать? — Эли глубоко вздохнул, схватившись руками за столешницу, словно мог заpastись спокойствием из какого-то внутреннего резерва. — Ладно. Расскажи мне, что произошло.

Щеки Алекс вспыхнули. Примирительный тон Эли не остался незамеченным ею.

— Он был груб. Назвал Гейджа пидором, Бэка гастарбайтером, а меня бабой.

Эли развел руками.

— Мир бывает грубым, Александра. Он полон невероятной грубости и ужасно нетерпимых людей.

— О, я знаю, — язвительно сказала Алекс.

Мэр выразительно выгнул бровь, насмешливое выражение не покидало его лица.

— Но мы — общественные служащие, и эти грубые люди платят нам жалование.

— И финансируют твою кампанию, — Алекс поднялась, что выглядело невероятно эффектно. — Этот мудака решил оскорбить людей, которые прибыли, чтобы вытащить его из машины, попавшей в аварию, причиной которой стал он же. Он был пьян и мог убить себя или кого-нибудь еще.

— Нет очевидцев его вождения в пьяном виде.

Алекс ахнула.

— От него воняло, как от пивоварни! Чикагский департамент полиции как раз должен был проверить его на алкоголь после того, как мы уехали.

Эли скрестил руки.

— Результат пришел, он не превысил допустимого лимита.

Новость, кажется, сдула паруса Алекс, но как обычно с Дэмпси, это не продлилось долго. Она повернулась к Уайатту и выругалась таким красочным языком, который больше подошел бы армейской столовой.

— Этот боров ненавидит нашу семью, потому что Бэк влюблен в его дочь. Когда Люк подрался с мудаком МакГиннисом, Кокрэйн со своей газетой встал на сторону департамента полиции, а теперь те у него в кармане.

Кинси внимательно наблюдала за реакцией Эли. Он хорошо скрывал ее, но правда в высказывании Алекс нашла в нем отклик. Тем не менее, он оставался непоколебимым политиком.

— Необоснованные обвинения в коррупции не помогут тебе здесь, Александра. И все еще остается небольшой вопрос с причинением ущерба очень дорогой машине. Пьяный или нет, теперь он, вероятно, подаст в суд на город.

— О, я уверена, что ты сможешь с этим разобраться, Эли. Ты обладаешь властью, а влиятельные ребята всегда держатся вместе.

— Пожарная Дэмпси, — Кинси выразительно посмотрела на Уайата, который откинулся на спинку стула, скрестив на груди руки, и с жадным любопытством наблюдал за обменом репликами, разворачивающимся перед ним. Эта ситуация полным ходом вырывалась из-под контроля, а старший брат, который, как предполагалось, должен был убедиться, что все интересы Алекс будут учтены, выглядел так, словно хотел, чтобы в одной руке у него была коробка “Милк дадс”^[125], а в другой — большая бутылка Колы. Уайатт на мгновение глянул на Кинси и, очевидно, не проникшись отчаянием, сквозившим в ее взгляде, снова обратил внимание на спорящих.

Да во имя ее женского начала, неужели Кинси придется все делать самой?

Она умоляюще взглянула на Эли.

— Мистер мэр, она расстроена и...

— Нет, подожди секундочку, — отрезал Эли, подняв руку, чтобы прервать защиту Кинси. Его взгляд впился в Алекс. — Да ты хотя бы знаешь значение слов “обладать властью” или “иметь право”? Потому что если ты согласишься, то там будут выходные фотографии Дэмпси, Александра. Думаешь то, что у тебя в семейном деле есть погибший пожарный и твой крестный является офицером, делает тебя неприкасаемой? Это так не работает. Ты слишком мала во всей этой системе и то, что ты сцепилась с Кокрэйном, не делает тебя больше. Это делает тебя глупой. Я бы спустил все на синдром тигрицы-защищающей-своих-детенышей, но рискую быть обвиненным в том, что являюсь патриархальным ненавидящим женщин ублюдком.

— Меня воспитывали, чтобы я гордилась своей семьей, а не принимала дерьмо от людей, которые оскорбляют их, — огрызнулась Алекс.

Во взгляде Эли вспыхнуло восхищение, между ними произошел достойный Оскара обмен взглядами, но они быстро снова напустили безразличие.

— О, так гордись, Александра. Будь гордой, но без работы.

— Отлично! Я подам в отставку.

— Алекс, — предупредительно сказал Уайатт. — Ни слова больше, — *наконец-то*. Он поднялся и открыто посмотрел на мэра. — Пожарная Дэмпси будет сотрудничать на любых разбирательствах дела.

Эли ответил сердитым взглядом.

— Центральное управление ЧПД свяжется сегодня на счет дальнейших шагов, — егс

реплика завершала разговор, и все поняли это, кроме Алекс, которая присела на корточки и чесала за ушами Шэдоу, отчего пес радостно бил хвостом. Кинси подозревала, что она пыталась взять себя в руки и использовала пса, чтобы вернуть контроль над эмоциями.

Уайатт направился к входной двери. Кинси поднялась, чтобы присоединиться к нему.

— Задержись на секунду, — сказал Эли.

Кинси замерла, ее грудь наполнилась страхом, потому что она знала, что именно это и услышит.

— Не ты, Кинси. Зайдешь ко мне в офис, как только появишься сегодня в мэрии.

Александра, я хочу поговорить наедине.

Уайатт ощетинился.

— Все, что вы хотите сказать...

— Все в порядке, Уай, — оставив в покое собаку, Алекс поднялась и коснулась руки брата. — Если я не выйду через пять минут, можешь вызывать поисковую команду за моим телом. И убедись, что на моих похоронах будет звучать Грин Дэй^[126].

Уайатт не выглядел убежденным, но одного тяжелого взгляда от Эли, похоже, оказалось достаточно, чтобы заверить его, что Алекс не будет скомпрометирована большим плохим мэром. Очевидно, это какой-то код военного братства.

Однако, Кинси все еще ощущала опасность, когда мэр повернулся к ней, чтобы попрощаться.

— Ты ходишь сейчас по тонкой грани, Кинси. Будь осторожнее, принимая сторону такой переменчивой команды, как Дэмпси.

Алекс приглушенно вздохнула, не соглашаясь с этим.

— Я не собираюсь делать ничего, что может пойти вразрез с интересами города, мистер мэр, — твердо сказала Кинси. *Или ее собственными* добавила она, в своих запутанных из-за Люка мыслях.

— Хорошо знать, что ты прикрываешь мою спину, — ответил он с острой, как нож, улыбкой, которой она ни на секунду не поверила.

Кинси, следуя за Уайаттом, вышла в прихожую, где несколько неловких минут они стояли, глядя на стены, часы с маятником, куда угодно, только не друг на друга.

Наконец, он с отвращением фыркнул.

— С каких это пор моя сестра и мэр перешли на ты?

Кинси подхватила предложенную тему, благодарная любой возможности поговорить.

— Насколько я знаю, они встречались только однажды. Мы с мэром ужинали в “Смит и Джонс”, где пересеклись с Гейджем и Алекс.

Уайатт обдумал эту информацию. Или, по крайней мере, Кинси предположила, что он занят именно этим. В отличие от Люка, у которого все можно было понять по лицу, Уайатта невозможно быть прочитан.

— Я думала, что ты пришел сюда, чтобы убедиться, что над ней не будут издеваться, — нарушила она затянувшуюся тишину.

— Значит, так мы называем то, что здесь произошло?

Замечание принято. То, что они увидели, было больше похоже на брачный ритуал между двумя возбужденными, стучащими копытами лосями. В этот момент Кинси осознала, что Уайатт абсолютно правильно поступил, оставаясь в стороне и позволяя своей сестре самой разбираться с Эли. Если что-то и могло спасти Алекс, то это увлеченность Эли ею.

Неплохо, мистер Фокс.

Минута прошла в тишине.

Затем вторая.

— Скажи Алекс, что я буду в машине, — Уайатт вышел наружу, а Кинси, наконец, выдохнула воздух, который задерживала. Парень все еще чертовски нервировал ее.

Как только отведенные пять минут истекли, появилась Алекс, щеки которой пылали красным.

— Что случилось?

— Давай просто пойдем, — пробормотала Алекс, распахнув тяжелую дубовую дверь.

Кинси догнала ее на ступеньках.

— Что он сказал? — Тишина. Ее грудь сжалась от беспокойства. — Он... он пытался приставать к тебе?

Ужаснувшись, Алекс покачала головой, словно собака, выбравшаяся из воды.

— Конечно же нет! Он просто... — ее щеки все еще горели и она прижала ладони к лицу, чтобы остудить их. — Где Уай?

— Он не мог выдержать больше ни секунды в моем слишком блестящем обществе, поэтому пошел в машину. Ты собираешься рассказать мне, что произошло, или мне пойти обратно и выбить ответ из Эли?

Алекс пробормотала что-то невнятное.

— Что-что?

— Мы говорили о собаке. Это помесь лабрадора ретривера и бордер-колли.

— *О собаке?*

Девушка смущенно пожала плечами.

— Он хотел узнать, как я держусь.

А, вот это было ближе к правде.

Алекс отмахнулась от усмешки Кинси.

— О, не переживай. Симпатия продлилась всего пять секунд, а затем он снова вернулся к своему обычному дерзкому, подавляюще мужскому поведению. Он сказал мне, что я настолько вывожу его из себя, что он больше всего хочет перекинуть меня через колено.

— Он не мог сказать этого тебе! Это сексуальное домогательство.

— *Привет*, ты видела, где я работаю? Он бы не сказал этого, если бы считал, что я не смогу с этим справиться.

Может быть, но это все еще было возмутительным поведением со стороны действующего мэра. Кинси фыркнула от возмущения. Эти политики и их властные замашки.

— Надеюсь, ты осадила его.

— Я ответила “Сделайте это, мистер мэр, и приготовьтесь доживать свои жалкие деньки без яиц”, — она разразилась нервным хихиканьем, которое грозило перерасти в истерический смех. О Боже. Женщина полностью заморозила Эли своим блеском, а самой ей вскружила голову его властность.

— Проклятье, — сказала Кинси. — Мне лучше застись фонариками и бутылками с водой.

— Эм?

— Когда вы двое сойдетесь вместе точно наступит какой-нибудь “конец света”. Землетрясения, бунты, ряды элитной недвижимости на чикагском Золотом берегу^[127] упадут в озеро Мичиган.

Алекс зашагала по дорожке, ведущей на улицу, едва ли не вприпрыжку, что было

довольно неуместно, учитывая ее шаткое положение.

— Не беспокойся, мир в безопасности. Мистер Метросексуал и девочка, питающаяся остатками китайской еды, которую находит в своей толстовке? Эм. Нет.

— Я не говорю, что тебе нужно рожать ему детей, но ты можешь удовлетворить желание. Я знаю, что ты думала об этом, — каждая сознательная женщина в западном полушарии думала об этом.

Словно найдя силы в изданном ею громком фырканье, Алекс зашагала еще быстрее по обсаженной деревьями дорожке Линкольн парка. Кинси пришлось ускориться, чтобы не отставать.

— В моей спальне недостаточно зеркал, чтобы удовлетворить его потребность поправить волосы в процессе.

— Спорим, в его достаточно, — ответила Кинси с усмешкой.

— Слушай, может у меня и худшая история свиданий среди всех женщин Чикаго, но поверь мне, когда я говорю, что недостаточно отчаялась, чтобы решиться *на такое*, — она направилась к ожидающему их Уайатту, ее лицо снова приняло мрачное выражение. — Прямо сейчас мне нужно сосредоточиться на том, как разобраться со всем этим беспорядком, Кей. Что мне делать дальше?

Гейдж погрузил пропитанную блевотой швабру в ведро и отжал. Он полагал, что эта неделя не может стать еще хуже, но эй, вот оно.

Алекс отстранена до слушания. Люк затыкает Гейджа сразу же, как только он открывает рот, чтобы извиниться. А сейчас какого-то пьяного придурка вырвало в туалете бара, и Джолли Рэнчер^[128], расцвеченный полосами — что это? карри? — покрывал всю плитку.

Он исключил ситуацию с Брейди из своего длинного перечня причин, почему жизнь — отстой. Этого дерьма больше не было в списке.

Конечно, это не останавливало его от проверки телефона каждые пять минут, в надежде на призрачный шанс, что там будет звонок от мистера Буки. Три недели прошло с момента крышесносного поцелуя на фермерском рынке, а Гейдж все еще помнил ощущение покрытой щетиной щеки Брейди рядом со своей. Каждый день Гейдж изнывал от видений того, как горячий, как хабанеро, шеф жестко прижимает его к джипу. Пора все это вытравить из его рта и пор. Чувство, как его член трется о...

Не мучай себя, чувак. Парень просто не заинтересован в тебе.

Но в глубине души Гейдж знал другое. Незаинтересованные мужчины не теряют на несколько секунд здравый смысл и не начинают облизывать парня, который помогает им нести овощи.

Что же удерживало Брейди? В обычных обстоятельствах, к этому времени Гейдж уже прошерстил бы свои источники информации, но их единственным связующим звеном был мэр, так что это было невозможно, не тогда, когда Дэмпси являются *семьей* нон-грата.

Убрав шваброй остатки беспорядка, Гейдж сложил все принадлежности, вымыл руки и направился в бар. В коридоре он увидел, как, *твою мать*, Джейкоб Скотт идет прямо к нему. Не смотря на то, что они работали на одной машине, Гейдж с Джейком никогда особо не ладили, что-то в парне включало первый уровень брезгливости каждый раз, как Гейдж оказывался поблизости. Так что его обычной манерой поведения было пройти мимо, коротко и нейтрально кивнув.

Однако, сегодня Джейкоб остановил Гейджа, положив руку ему на предплечье.

— Как там Алекс? — поинтересовался он.

— В подвешенном состоянии. Ее слушание состоится через пару дней.

Джейсон кивнул. Затем кивнул еще несколько раз.

— Все в порядке, чувак? — спросил Гейдж, потому что парень казался до чертиков напряженным.

Минуту Джейкоб просто смотрел на него, его взгляд бегал туда-сюда. А затем их взгляды снова встретились, Джейкоб наклонился и...

Поцеловал его.

Иисус.

Гейдж оттолкнул парня, а все его тело задрожало от шока.

— Какого хрена?

— П-прости, — Джейкоб тяжело и прерывисто дышал, словно испытывал приступ паники. — Ч-черт, чувак, прости.

— Не хочешь объяснить мне, к чему все это было?

— Просто слишком много выпил, — пробормотал Джейкоб.

Эм. Ни в коем случае это нельзя было легко списать на лишнюю пинту темного пива. Гейдж схватил Джейкоба за руку и завел в подсобное помещение.

— Это не колледж, Джейкоб. Ты не можешь экспериментировать со своими сослуживцами, и ты уж точно не можешь попытаться трахнуть одного из них без предупреждения.

Джейкоб провел рукой по своим коротко стриженным светлым волосам, в то время как ужасный красный румянец окрасил его толстую шею.

— Я знаю, Симпсон. Я полагаю... — он сглотнул и посмотрел прямо в глаза Гейджу. — Я полагаю, ты мне просто нравишься.

Дерьмо на палочке. Это было последней фразой, которую он ожидал услышать изо рта этого парня.

— Ну, это не совсем так работает. Только потому что я гей, и ты... — он запнулся. — Ты ведь гей, верно?

Джейкоб печально кивнул, а его широкие плечи поникли.

— Так вот, только потому что мы оба геи, не значит, что мы должны перепихнуться. Это не подразумевается само собой. — Впрочем, иногда и подразумевается, но прямо сейчас? Не-а.

Тяжело вздохнув, Гейдж прислонился к рабочему столу, заваленному бумагами. У него было пару приятных моментов на этом столе, но сегодня не будет никакого повторного представления. Джейкоб Скотт, кто бы, черт побери, мог подумать?

— Слушай, я знаю, что кто-то похожий на тебя никогда не заинтересуется кем-то таким, как я, — проговорил Джейкоб. — Я имею в виду, ты эффектный и самоуверенный и... сам знаешь, какой.

Проклятье, но это заставило Гейджа почувствовать себя дерьмово из-за всех тех разов, когда он был не особо мил с Джейкобом. Он не мог вспомнить того времени, когда бы его сексуальная ориентация не была частью самого его существования. Такое ранее самоопределение было его способом справиться с жестокостью и самовлюбленностью матери, отбиться от нападков злобных детей и выжить. Гейдж упивался своим отличием, поэтому ему было тяжело понять отрицание, когда он таковое видел. Отрицание себя. Отрицание счастья.

— Прости, чувак, но... — он запнулся, потому что парень соорудил печальные глазки в стиле “ты убил моего щенка”, а Гейдж не очень-то наслаждался своей ролью разбивающего мечты.

Он считал, что Джейкоб не так уж и плох собой с его гладкими мальчишечьими чертами, дурацкой усмешкой и телосложением, как у быка. И в довершение ко всему он был частью священного сообщества: Чикагские огненные дьяволы. Этот последний пункт означал, что Джейкоб благодаря своему чертовому хулигану побьет всех в любом баре Бойзтауна.

Джейкоб продолжал пристально смотреть на него, словно решаясь, сказать или не сказать что-то, и Гейдж напрягся. Но и в этот раз сказанное оказалось полной неожиданностью.

— Что если я могу помочь твоей сестре?

— И как же ты это сделаешь?

— У меня есть видео словесного поноса Кокрэйна, Алекс с хёрстом, всего этого.

Гейдж наострил уши, но его голос оставался нейтральным.

— Оно не снимет с нее ответственности.

— Но мы все знаем, что в любой ситуации видео с отличным звуком побьет сухой газетный отчет. Выложи в прессу видео с тем, как Кокрэйн треплет своим языком, и люди сразу же начнут симпатизировать ей. А также и всем вам. Все это будет выглядеть так, словно вас затравливают.

Парень прекрасно донес основную мысль.

— И что мне нужно сделать, чтобы получить от тебя этот подарок?

Джейкоб наклонил голову и положил руку на грудь Гейджа. Прошло уже какое-то время с тех пор, как Гейджа касались с сексуальными намерениями, не после Брейди, который не мог побороть своих черт знает каких демонов, живущих в его голове. Тем более это был Джейкоб Скотт, на которого Гейдж не посмотрел бы, даже если бы он оделся в блестящие ремешки на параде геев в июне. Но у него было то, что хотел Гейдж, взрывное видео, способное вытащить Алекс из всего беспорядка, и то, что кто-то все еще хотел его, было несомненно опьяняющим.

Но это не значило, что Гейдж упростит все для гребаного маленького вымогателя.

Не двигаясь, и странным образом оставаясь равнодушным, Гейдж наблюдал, как Джейкоб оценивающе провел рукой по его плечу, при этом нервно сглотнув.

— Ты был с парнем раньше?

— Только анонимная ручная работа в тренажерке.

Это Гейдж мог представить. Ему такое было не по душе, но он знал, что в наполненных паром комнатах Эквинокса^[129] были возможны любые случайные связи. Очевидно, расценив молчание Гейджа, как приглашение продолжать, толстые пальцы Джекоба сжались вокруг его шеи, а Гейдж закрыл глаза, представляя, что это Брейди. Воображая, что это губы грубого шефа касаются его подбородка, шеи, груди.

Но реальность была слишком яркой. Вес руки Джейкоба ощущался совсем неправильным, кожа слишком мягкой, чтобы самообман сработал. Или может обжигающий комок в груди Гейджа говорил ему, насколько не таким все было.

Он открыл глаза и накрыл своей рукой руку Джейкоба, собираясь оттолкнуть мужчину. Гейдж сможет получить запись без переписки с парнем, на которого бы даже не взглянул в сексуальном плане.

Ну, и конечно же момент не мог стать просто дерьмовым, ему надо было достичь ядерного уровня дерьма, потому что у Гейджа как раз был один из таких дней. Шум в двери привлек его внимания и, подняв взгляд, Гейдж обнаружил пристально смотрящие на него пронзительные черные глаза. Покрасневшая и пошедшая пятнами кожа на лице новоприбывшего выглядела более грубой, чем обычно, подчеркивая мрачную линию рта.

Гейдж оттолкнул Джейкоба прочь.

— Брейди.

Но он уже ушел.

Будь оно проклято.

— Не двигайся, — рявкнул он Джейкобу, обогнув его и бросившись за Брейди. Постоянное преследование этого парня становится нездоровой привычкой.

Учитывая то, что Брейди был довольно крупным, Гейдж удивился, обнаружив, что тот уже вышел за дверь, к тому времени, как Гейдж забежал в бар. Проталкиваясь через толпу, он услышал, как Алекс окликнула Брейди, — *спасибо за быструю реакцию, сестренка!* —

его ум скручивало от паники. Он может потерять все еще до того, как оно начнется.

— Брейди! — Гейдж догнал его где-то в половине квартала вниз по улице, когда мужчина перекидывал свою длинную ногу через... Харлей. Парень водил гребаный Харлей и Гейдж только сейчас узнал об этом?

Соберись, Симпсон.

— Это было не то...

Взгляд Брейди стал жестче, и он обвиняюще прищурился.

— Ладно, может и то.

— Не мое дело, — выплюнул Брейди. Но он все еще оставался на байке, полный напряженной энергии, и тот факт, что парень до сих пор не вдавил газ, наполнил грудь Гейджа надеждой.

Брейди пришел *сюда*, в бар Дэмпси, очевидно, с намерением сделать... одному богу известно что. Теперь Гейджу придется иметь дело со знанием о том, что у этого мужчины, коммуникационные навыки которого находятся на уровне парковочного счетчика, что-то было на уме.

Что ж, иногда лучшим способом выяснить то, что кто-то хочет, это сказать им, что хочешь *ты*.

— Ты прав, не твое, но я хочу, чтобы было твоим, — проговорил Гейдж. — Мне нужно больше от тебя. Подтверждение, что ты хотя бы думаешь обо мне в таком смысле.

Брейди еще сильнее нахмурился.

— Ну, я уверен, что ты можешь найти любой член на Халстед^[130], который будет твоим. Тебе даже не нужно идти так далеко. Дверь позади тебя.

— Я не хочу любой член. Я хочу тебя.

— Почему? — Брейди покачал своей испорченной, полной беспорядка головой. — Я не понимаю этого. Ты — самый красивый мужчина из всех, кого я видел. На рынке каждый свободный парень смотрел на тебя. Да ради бога, ты на билбордах! А я просто парень, который не может даже... — он захлопнул рот, так и не договорив.

Гейдж наклонился вперед.

— Не может даже что?

Брейди поднял взгляд и то, что Гейдж там увидел, боль, абсолютную печаль, буквально размазало его по асфальту. До чертиков напугало, если быть честным. Может, он и не хочет знать, какие там у Брейди проблемы. Может, он не сможет справиться с демонами, разрывающими душу этого мужчины.

— Не можешь даже что? — переспросил он, подходя еще ближе к Брейди, словно трусливо пробираясь в логово льва. Не очень-то храбрими, скорее детскими шажками.

Брейди задержал дыхание, и Гейдж видел, как трудно ему было сделать выдох, а затем сделать еще один глубокий вдох, при этом его жесткие грудные мышцы оставались полностью напряженными и неподвижными. Момент балансировал на грани интимного и, не смотря на его лучшие намерения, Гейдж возбудился. Подобраться ближе к Брейди, подобраться ближе к его правде, это заводило Гейджа.

— Я просто какой-то вызов для тебя, — проскрежетал Брейди. — Верно?

Гейдж выдавил смешок. Идиот. Красивый, разрушенный идиот..

— Да, так и есть. Но не в том смысле, в котором ты думаешь. Я не занимаюсь переманиванием сопротивляющихся парней на темную сторону. И я здесь не для того, чтобы стать твоим духовным проводником в Страну геев. Когда я встретил тебя, то был напуган до

смерти, потому что никогда и ни с кем раньше не чувствовал ничего подобного. Ты сбил меня с ног, ты... ты такой говнюк! Я хочу готовить с тобой и просыпаться с тобой, и сделать тебе лучший минет из всех, что у тебя были. А потом я хочу начать все с начала. С тобой!

Вся краска отхлынула от лица Брейди, за исключением зигзагообразных шрамов на правой щеке и виске.

Упс, может он хватил через край. Гейдж подыскивал слова, чтобы смягчить сказанное. Объяснить, что Брейди делал его настолько безумным, что у Гейджа начинался словесный понос. Объяснить, что на самом деле он не собирается лезть ему в душу. Они могут двигаться не спеша. Просто весело проводить время.

Брейди и веселье? *Да ради бога.* Заводите долбаных единорогов.

— А что если я не могу дать тебе то, что ты хочешь? — лоб Брейди сморщился, выражая милое недоумение, от которого Гейджу захотелось улыбнуться.

— А что если можешь?

Ответ Брейди позволил им перевести дыхание, давая Гейджу благословенный момент, чтобы справиться с собой.

— Я пришел проверить, как ты. Увидел все эти новости о твоей сестре.

— Я справляюсь с этим, — или справлялся, до того, как показался Брейди и сбросил на него огромную бомбу ревности, потому что только это могло быть причиной его обеспокоенности.

— Так вот что ты делаешь? Справляешься с этим?

— Я не любитель игр, Брейди. Я вижу что-то, я беру это. Есть проблема, я ее исправляю.

— Думаешь, сможешь исправить меня?

— Думаешь, тебе это нужно?

Брейди уставился на него своими темными, греховными глазами, и снова Гейдж почувствовал, как мужчину охватывает печаль. Что бы ни случилось с ним, это не подпускало к нему обычно легко добивающегося своего Гейджа.

— Это потребует большего, чем просто минет, Гейдж. Меня не исправить.

— Но сосание твоего члена кажется хорошим началом. Мы можем перейти к более жестким вещам позже.

Нельзя было этого говорить. Брейди закрылся, а его плечи напряглись.

— Там, где ты был, как раз есть жаждущий член, готовый для тебя, — схватившись за руль, мужчина с удвоенной силой выжал педаль газа. — Я не могу дать то, что тебе нужно.

Через дымку выхлопных газов Гейдж наблюдал, как Брейди уезжает из его жизни. Как бы то ни было, мужчина был прав. Он не мог дать Гейджу то, что ему нужно, потому что Гейджу ничего не было нужно. У него была семья, работа и четкое осознание того, кем он был. И там в баре был парень, отчаянно желающий получить то, что Гейдж мог ему предложить.

Брейди Смит мог пойти и отсосать себе сам, потому что Гейдж уж точно не будет больше умолять о шансе. Приходи добровольно или не приходи вовсе.

Он направился обратно к Дэмпси. Из-за барной стойки ему громко крикнула Алекс.

— Ты в порядке?

И он кивнул, а затем коротко приказал Джейкобу Скотту, который не остался на месте, как его попросили. — За мной. Сейчас же.

Он ждал в подсобке бара, покачиваясь на пятках, до хруста сжимая кулаки и ощущая

огонь в своих венах. Десять секунд спустя, робко осматриваясь, в помещение зашел Джейкоб.

— Это был твой парень?

Гейдж сжал край стола так, что костяшки побелели.

— Нет.

Выражение лица Джейкоба стало самодовольным, словно он подумал, что получил власть что-то здесь изменить. Как будто он мог, придерживав у себя материал, манипулировать Гейджем и его семьей.

— Иди сюда, — сказал Гейдж.

Джейкоб сделал несколько шагов вперед, в его взгляде горело нетерпение.

Гейдж провел пальцем по груди Джейкоба, ощущая каждую пуговицу его рубашки, пока не добрался до слегка выступающего живота. Глаза Джейкоба загорелись еще ярче, и на мгновение, Гейдж подумал о том, чтобы сдаться. Будет так легко толкнуть парня на колени и засунуть свой стояк, вызванный Брейди, в этот расслабленный, неопытный рот. Бог свидетель, когда дело доходило до секса, Гейдж быстро сдавался.

Отбросив прочь эти мысли, он сосредоточился.

— Вот как все будет. Ты отдашь мне это видео. Я не избыю тебя до полусмерти. И может быть, только может быть, сведу тебя с кем-нибудь твоего уровня.

— Но...

— Никаких “но”, Джейкоб. Потому что если ты не отдашь запись, то я расскажу всем о том, что ты пытался тут повернуть и не смогу остановить адское пламя, которое обрушится на тебя после этого. Мы поняли друг друга?

— Думаешь, я боюсь твоих братьев?

Гейдж кашлянул и невесело усмехнулся.

— О, ты бы *хотел*, чтобы я говорил о них. Надеюсь, тебе нравится есть через трубочку. Мне позвать ее прямо сейчас?

Джейкоб побледнел, понял, что рискует навлечь на себя гнев одной зеленоглазой брюнетки. Как недавно было наглядно доказано, с женщиной Дэмпси шутки плохи.

Его рот искривился от раздражения.

— Как-нибудь вечером ты возьмешь меня с собой? Прогуляться по Халстед?

Гейдж хмыкнул.

— У тебя будет столько членов, желающих проникнуть к тебе в горло, что понадобится пластическая хирургия, чтобы сделать твой рот больше. А сейчас отдай мне это чертово видео.

В офисе мэра на пятом этаже мэрии Кинси выработала несколько стратегий, как избегать взгляда на Эли, пока тот просматривал последнее видео, очерняющее репутацию Чикагского пожарного департамента.

Она общипывала воображаемый ворс со своей юбки-карандаша.

Она, закидывала то одну ногу на ногу, то другую.

Она сосредоточилась на истории, которая пропитывала буквально каждую трещину в обшитой деревом стене. Стена была увешана фотографиями предыдущих мэров, пожимающих руку знаменитостям и мало известным людям, включая и ту, на которой были запечатлены мэр Дэйли и молодой помощник прокурора штата Вестон Купер, отец мужчины, сидящего сейчас напротив нее за антикварным письменным столом из красного дерева. Если бы стены могли говорить...

Гейдж принес видео прямо к Кинси. Когда она спросила его, почему он просто не выложил его в Интернет и будь что будет, он возразил, ответив, что им надо защитить Дарси, дочь Сэма Кокрэйна, которая для Геджа была как еще одна сестра. Может Дарси сейчас и не ладила с отцом, но Гейдж знал, что она не захочет такого окончания этого дела, а он также не хотел быть ответственным за причинение любого непоправимого ущерба. Для всех будет лучше, если Кинси сможет использовать это, чтобы надавить на зарвавшегося миллионера.

Именно поэтому сейчас она сидела на неудобном стуле в офисе мэра, опустив голову в знак смирения.

Как только на смену гомофобской, расистской и шовинистской речи Сэма Кокрейна до ее уха донесся звук разрезаемого металла, она рискнула бросить быстрый взгляд, и обнаружила, что рот Эли растянут в улыбке от уха до уха. Чтобы скрыть свою собственную улыбку, Кинси пришлось снова опустить голову. Она рассчитывала на две вещи: врожденное чувство справедливости мэра, и его еще более сильное влечение к Александре Дэмпси.

Эли положил телефон, оперся локтями на стол и сцепил пальцы, теперь его веселое выражение лица уступило место серьезному.

— Итак?

— Это характеризует мистера Кокрэйна не с лучшей стороны, сэр.

Эли поднял бровь в жесте “даже не смей” в ответ на ее *сэр*.

— То, что я здесь увидел, лишь подтверждает последовательность событий. Это не может навредить ему. А вот нам как раз может.

— До сих пор мы только слышали отчеты о том, что говорил Кокрэйн.

— Слитые кем-то, причастным к заявлению пожарной Дэмпси, в главное управление ЧПД.

Кинси нужно было что-то с этим делать.

— Напечатанные слова немногочисленны, а вот произнесенные вслух, услышанные и увиденные миллионами, они приобретают силу, — Кинси встала, нуждаясь оказаться выше, чтобы доказать свою точку зрения. Она словно вернулась в Беркли и опять убеждала своих однокурсников во время публичных выступлений на занятиях по ораторскому искусству, что курение не так уж и плохо, что у транжировч^[131] есть свои плюсы, что Сталин был, черт побери, просто святым.

— С помощью этого мы сможем выпутаться. Нам надо показать публике, что Кокрэйн

— сквернословящий, пьяный нарушитель, который словесно напал на храбрых мужчин и женщин, прибывших, чтобы спасти его из им же созданной неприятной ситуации.

Недоверчиво покачав головой, мэр кинул подбородком в сторону еще одного человека, находящегося сейчас в комнате. Мэдисон Мэйтланд стояла спиной к ним обоим, ее царственный взгляд блуждал по городским улицам подобно тому, как Боудикка [\[132\]](#) осматривала врагов-римлян перед тем, как отправиться в бой.

Не поворачиваясь, она заговорила:

— Доказательств опьянения нет, и он извинился за свое поведение во время пресс-конференции. Он раскаивается и все уладил.

Кинси подавила рычание. Конечно же, Кокрэйн к настоящему моменту отлично со всем разобрался, сначала подменив результаты Алкотестера в свою пользу, она все еще не была уверена, было ли дело в коррупции внутри Полицейского департамента, или это старая добрая ошибка техники, а затем обвинив в своей сквернословной тираде паническую клаустрофобию из-за долгого пребывания в “стальном гробу” (его слова). Кинси так много раз слышала его речь за последние двадцать четыре часа, что могла бы пересказать ее слово в слово.

... Хоть мое поведение и является непростительным, но ситуация заставляет задуматься о профпригодности этой пожарной, которую можно так легко вывести из себя насмешками. К тому же, Александра Дэмпси принадлежит к одной из тех заносчивых семей пожарных, считающей, что правила и нормы к ним не приемлемы. Менее месяца назад ее сводный брат спровоцировал драку против отважных офицеров полицейского департамента и был снова допущен к работе после того, как покрасовался своим обнаженным телом на билбордах. Теперь перед нами еще один пример вопиющего пренебрежения правилами этой семьей. Требования к физическим тестам на профпригодность были снижены пару лет назад, чтобы подстроиться под желающих получить эту работу женщин, но, возможно, нам нужно ввести тест на психологическую пригодность к пожарной службе. Или, может быть, на принятие такого неуместного решения Пожарной Дэмпси повлияли другие причины.

На вопрос со стороны журналистов по поводу этого критичного замечания, Кокрэйн отпустил экспромтом комментарий о том, что Алекс саму надо было проверить на Алкотестере прямо на месте (о, какая ирония), — необоснованное заявление сняло с прицела его, но тут же навело тот на нее, став финальным ударом. Затем он неискренне извинился, но ущерб уже был нанесен и оставил след в умах и сердцах горожан. Коллеги уже ставили под сомнение решение Алекс.

Может, они еще и пожар будут тушить атомной бомбой.

Но Кинси могла понять, в какую деликатную ситуацию это ставило Эли. Кокрэйн имел влияние, как в СМИ, так и в финансовых кругах, которые были необходимы Эли в ближайшие несколько месяцев, когда на подходе были выборы. На стороне Эли было только то, что Кокрэйн вряд ли переключится на его соперника, после столь значительных вложений в действующего мэра.

— Он был пьян, — настаивала Кинси, — не важно, что там сказали в Полицейском департаменте. Вы видели, как он шатаясь вылез из машины.

— Неустойчивость после спасения из разбитой машины, — возразила Мэдисон.

— И его невнятная речь была из-за клаустрофобии и посттравматического шока?

Мэдисон взглянула на Эли и между этими двумя состоялся какой-то безмолвный

диалог.

— Кокрэйн — не политик, — произнесла Мэдисон после нескольких напряженных секунд. — Общественность не беспокоит репутация какого-то парня, которого они едва знают. Думаешь, люди перестанут покупать его газету, или ходить на игры “Кабсов”? — все проекты, в которых Кокрэйн был очень заинтересован финансово.

— Я думаю, мы можем привлечь людей на сторону пожарной Дэмпси. На нашу сторону, — парировала Кинси. — Нам нужно использовать ее. Она фотогеничная женщина, которая как каторжная работает в исключительно мужской профессии, сестра, защищая своего брата-гея и права женщин двадцать первого века там, где может, пытаюсь сломать систему. Это Давид против Голиафа. Лучший пример для подражания даже представить трудно.

Эли постучал по столу, затем повернулся в своем кресле и посмотрел в окно.

— В пустыне было намного проще.

Аpppp! Призвав на помощь терпение, достойное святого, Кинси удалось сдержать себя от истошного крика. Откровенно говоря, у нее не было времени для “война в аду, разве это не прекрасно?” воспоминаний Эли. На кону была работа Алекс, а у них в руках — столь великолепное доказательство.

— Печать мертва, Эли. Может тебе и не настолько нужен Кокрэйн, как ты думаешь. Ты собрал средства на выборы и он не сможет пожертвовать больше определенного лимита на финансирование кампаний, — этические правила запрещали одному человеку вкладывать в чикагскую кампанию по выборам мэра больше пяти тысяч долларов. Конечно же, у Кокрейна было достаточно влияния, чтобы, используя своих друзей и работников, сделать вклад выше обозначенного порога.

— Кто еще видел видео? — спросила Мэдисон.

— Гейдж Симпсон принес его мне. Еще один человек — пожарный, снявший его, но Гейдж уверяет, что того можно контролировать.

Эли резко обернулся к ней.

— Она его не видела?

— Мы... я подумала, что так будет лучше.

Остальные Дэмпси оставались в неведении, потому что Гейдж утверждал, что Люк слетит с катушек, если увидит, как все было на самом деле. Зная этого мужчину, Кинси была склонна согласиться. Они с Люком не общались два дня с тех пор, как все вместе собрались за кухонным столом в кухне Дэмпси на следующее утро после происшествия с Кокрэйном. Время, которое они проводили вместе, покупка матраса, посиделки на крыше, поход на бейсбол, секс (о боже, секс), словно было пропитано какой-то неведомой магией, испарившейся сразу после звонка Уайатта. Она знала, что Люк работал, но не это было причиной внезапного отдаления. Они снова разбежались по своим углам, и хоть она и пыталась объяснить, что они на одной стороне, девушка понимала его нежелание увидеть ее точку зрения. Сведение к минимуму ущерба для города, скорее всего приведет к максимальному ущербу для его семьи.

И снова Кинси обнаружила, что находится по ту сторону баррикад. Защитная зона Люка была в миллю шириной, и она хотела бы стоять рядом с ним. Быть той, о ком он думает, вставая утром и ложась спать, а не женщиной, которую расценивали, как сопутствующий ущерб в борьбе за сохранение семьи.

— Я могу настоять, чтобы Кокрэйн не подавал в суд, Кинси, — сказал Эли. — Сейчас,

когда у него в работе несколько проектов по расширению недвижимости, ему выгодно, чтобы город был на его стороне. Но кто-то должен заплатить.

Было что-то еще, что он недоговаривал ей.

— Может самое время отделиться от Кокрэйна.

Челюсть Эли сжалась и она заметила, сколько усилий он прилагал, чтобы не смотреть на Мэдисон.

— Такое решение коснется и твоего заработка, Тэйлор.

Ее осенило понимание. У Кокрэйна что-то было на Эли. Это было единственным объяснением такой лояльности с его стороны.

Кинси впиалась взглядом в мэра.

— И пожарной Дэмпси?

Ей показалось, что она заметила сожаление в ярко-синих глазах Эли, но может дело было просто в освещении.

— Она не сможет выйти из этого, сохранив работу, но так, по крайней мере, она не останется в долгах до конца своей жизни.

Сердце Кинси ушло в пятки. Она действительно думала, что сможет завоевать здесь победу. И ненавидела проигрывать, особенно вот так.

Оставалось разыграть последнюю карту.

— Она тебе нравится, — сказала девушка Эли. Сказанное звучало как обвинение. Отчаянно.

— Нравится? — Эли откинулся на спинку кресла, будто это его позабавило. — Боже, нет. Это просто... она так чертовски молода, переполнена преданностью и огнем. Даже такая пресытившаяся душа, как моя, может оценить эти чувства. Но я мало что могу сделать, — он покачал головой, будто смирившись. Где же *его* преданность? Где *его* огонь? — А даже если бы и нравилась. Кинси, это не может влиять на мою работу. Ты позволяешь чертовым гормонам управлять своими решениями. Меня не волнует, что ты спишь с Алмэйда, и мне плевать, что Дэмпси — твои новые лучшие друзья, пока *ты* не забываешь о том, кто платит тебе жалование.

От ярости все ее мускулы напряглись. Бессмысленно было отрицать ее отношения с Люком, не то чтобы происходящее между ними можно было назвать таковыми, особенно в последние дни, когда они едва разговаривали друг с другом. И не имело значение, как именно мэр узнал, что они с Люком пересекли эту линию, у самого влиятельного человека в Чикаго, очевидно, повсюду были шпионы, но ни в коем случае она не потерпит обвинений в “приятии решений под влиянием гормонов”.

— Я не поэтому предлагаю поступить таким образом.

Этот предупреждающий острый взгляд он использовал на городских советах, когда какое-то его решение не поддерживалось.

— Уничтожь видео, Кинси, и еще...

Она почти не слушала его, ее мысли на бешеной скорости сменяли одна другую, когда девушка рассматривала все варианты. Что угодно, чтобы унять тошнотворное, болезненное предчувствие поражения в желудке.

— Кинси.

Подняв взгляд, она увидела, что мэр сердито смотрит на нее.

— Я хочу, чтобы все это недоразумение Дэмпси-МакГиннис завернули и преподнесли мне на блюдечке, как можно скорее. То, что мы обсуждали на днях...

Он остановился, заметив хмурое выражение, появившееся на ее лице. То, что они обсуждали, было шагом, способным вынести мозг одному взрывному пожарному кубино-ирландского происхождения.

— Я дал тебе слишком много свободы с этой ситуацией. Приструни Алмэйда. Сейчас же.

Она переключилась на свое “да, мэр” выражение лица.

— День открытых дверей в ПО № 6 будет готов в течение недели, начиная с субботы.

Надувной дом. Проверить. Разрисованные лица. Проверить. Собрать вместе представителей пожарных и полиции на милые посиделки, на расстоянии плевка от стволов и хулиганов. Будет чертовски забавно.

— А все остальное?

— Сделаю в полном соответствии с планом, мистер мэр.

Поднимаясь на лифте на четвертый этаж мэрии Люк мысленно пинал свой мозг за неудачный выбор времени. Его смена официально закончилась всего час назад, но это оказалось как раз близко к часу пик для работающих по обычному графику, поэтому ему пришлось проталкиваться через толпу, которая спешила в офис.

Вечность ушла у него на то, чтобы выйти из пожарного отделения, помимо прочего проверив, чтобы передача дел следующей смене прошла гладко, и написанием коротких отчетов, заполнять которые пришлось ему, как замещающему Большого Мака на время отпуска. Обычно замещал сменный лейтенант, но Люк использовал служебное положение, которое у него хоть немного, но было, и убедил начальство, что справится в отсутствие МакЭлроя. Было не время для посторонних. Учитывая то, в какое дерьмо вовлечено ПО № 6 оно должно встретить следующие несколько недель, как единое целое.

Убедиться, что все будет именно так, было работой Люка, особенно учитывая то, что это из-за его разборок они оказались в таком подвешенном состоянии.

На данный момент команда Дэмпси была идеальным микромиром в ПО № 6, — чертот комок нервов, все нападают друг на друга, и никто не справляется с ситуацией. Алекс знала, что облажалась, но все взгляды были направлены на Люка, или обвиняюще, потому что он пустил их по нисходящей спирали, разукрасив лицо МакГинниса, или с надеждой, что он все исправит, потому что обычно он этим и занимался. Он был мистером Я-все-исправлю для Команды Дэмпси.

Лифт дзинькнул, оповещая об остановке на втором этаже, чтобы выпустить ленивого жирдя, который не мог пройти пешком один этаж. Когда “дом на ножках” выгрузился, женщина рядом с ним вздохнула и тут же принялась еще раз. Ага, так пахнет тяжелое ночное спасение жизнью, дорогая.

Всегда пожалуйста.

Странно, но с тех пор, как он однажды пообещал Кинси, что воздержится от принятия душа в отделении, после смены, он теперь каждый раз приходил к ней пахнувший, как серный источник. Словно простое повторение воспоминания может привезти этот лифт к ее квартире, а потом будет только пробежка к ней, ожидающей его в конце коридора. Что бы он только ни отдал за шанс прижать ее к своему грязному телу, вдохнуть ее свежий, чистый аромат, улечься на прохладные, белые простыни...

Три дня прошло с собрания их семьи на кухне Дэмпси, а общение между ними сошло на нет. Она оставила пару сообщений, и, словно какой-то обиженный ублюдок, которым он и был, Люк проигнорировал их, что было больше похоже на поведение в старшей школе. Он пришел сюда, чтобы со всем разобраться.

Люк проехал третий этаж, тот, на котором работала Лиза. Наглядное доказательство того, где находится его уставший мозг, что в голове даже не промелькнула мысль о бывшей жене, пока он поднимался на лифте в том здании, где она работала. Ха, только представьте! Наконец, лифт доехал до четвертого этажа и двери разошлись. В помещении милая помощница Кинси разговаривала по телефону, но, как только Люк зашел, она тут же повесила трубку.

— Привет, Люк, — кокетливый взмах ресницами.

— Привет, Джози. Как коты?

Ее взгляд оживился.

— Я взяла себе еще одну, прекрасную трехцветную кошку, — девушка поискала на телефоне и показала ему фото котенка, который выглядел так, будто повалился по не высохшему полотну Джексона Поллока^[133].

— Разве это не...?

— Да! Твоя коллега по фотосессии, Миллисент. Я называю ее Милли. Большинство трехцветных кошек — девочки, знаешь, вот почему она была такой красоткой у тебя на руках, — Джози мечтательно вздохнула. — В тот день она почувствовала вкус славы, поэтому я решила, что стыдно возвращать ее обратно в приют.

Люк кивнул на закрытую дверь Кинси.

— Ее Величество уже внутри?

Джози игриво взглянула на него.

— У нее сейчас встреча, но скоро девятичасовое собрание на пятом, так что она вот-вот освободится. Присаживайся.

Она указала на край стола, где он благополучно приземлил свою пятую точку во время последнего визита. Тогда он пришел сюда напрямик из главного управления ЧПД с намерением разорвать мисс Тэйлор, как Тузик грелку. Вместо этого все обернулось напряженной борьбой их темпераментов, которая закончилась тем, что он жадно любовался, как она склонилась над своим столом. Словно покачивания ее прекрасной задницы явили ему тайны вселенной.

— Я посижу здесь, — он сел на диван в стороне от офиса Кинси и залез на Фэйсбук. Дарси и Бэк опубликовали кучу фотографии со своего отдыха на Тайланде. Они выглядели загоревшими, счастливыми, влюбленными. Он улыбнулся и позволил себе немного помечтать. Может однажды он получит шанс на свою калифорнийскую фантазию с собственной калифорнийской пляжной девушкой.

Не прошло и пары минут, как приглушенный смех и звуки движений сообщили ему, что встреча Кинси закончена. Дверь открылась и вышел...

Дэниел МакГиннис.

Дэниел “Ношу костюмы, Говорю льстиво, Увожу чужих жен” МакГиннис. Он сжимал руку Кинси, едва уловимо притягивая ее к себе. Заманивая ближе к своему телу.

Холодная ярость сжала горло Люка, а тело задрожало от бешенства. Он поднялся. Кинси стояла к нему спиной, но ее расслабленное тело и взгляд прямо в глаза сказали ему все, что нужно.

— Рад, что мы наконец встретились, Кинси, — почти напевал Дэн. — Хотя, чувствую, что знаю тебя уже давно со всеми этими оставленными тобой сообщениями. Прости, я был очень занят.

— Все в порядке, детектив. Уверена, ты сбил все ноги в погоне за плохими парнями, но рада, что нашел пару минут для встречи.

— Если я еще что-то могу сделать, чтобы все прошло гладко, дай мне знать, — неохотно он отпустил ее руку, будто смакуя кожу женщины Люка. — Удачи с Алмэйда. Это будет тот еще разговор.

— Какой именно? — рявкнул Люк, не в силах и дальше молчать.

Нужно было отдать должное Кинси: когда она повернулась, то не выглядела так, будто ее застукали за пожатием руки этому ублюдку. Совсем не похоже на шокированный вздох Лизы, когда он застал ее со своим так называемым другом на их брачном ложе. Кинси была

слишком невозмутима, и Люк решил, что это не то же самое.

Это просто чувствовалось, как чертово дежа вю.

— Люк, — сказал МакГиннис, приподняв подбородок в приветствии, глаза наполнены сожалением. — Скоро увидимся, — его дизайнерские мокасины не издали ни звука, пока он шел по ковру.

Люк обратил свое внимание на Кинси, его зубной скрежет был таким, что из ушей, наверное, посыпалась костная пыль.

— Что будет тем еще разговором?

— Хочешь зайти? — спросила она.

Нет, не хочет. Он испытывал желание погнаться за МакГиннисом, и нажать на кнопку аварийного закрытия дверей, чтобы те столкнулись на его черепе. Снова, и снова, и снова. А потом спустить его вниз по лестнице. Все три пролета.

Кинси молчала, пока ее охватывало вытягивающее душу понимание. Застывший в своей ярости, Люк мог только смотреть. Когда он не пошевелился, не смог этого сделать, она повернулась к Джоизи.

— Можешь позвонить наверх и сказать, что я опоздаю на собрание?

— На сколько? — спросила Джоизи, уже поднимая телефонную трубку.

— На сколько потребуется, — не глядя на него, Кинси развернулась и зашла в свой кабинет, а Люк последовал за ней, как слепой глупец.

Когда он вошел, Кинси уже стояла, прислонившись к столу, плавные линии ее юбки очерчивали фантастические бедра. Он скучал по ее телу. Скучал по ней. Но был настолько ослеплен гневом, что даже не понимал, как может испытывать такое чувство.

Он никогда не был хорош в решении проблем по частям. В нем все обычно выплескивалось через край, а гнев был настолько неконтролируемым, что влиял и на работу, и на отношения. Сейчас же боль и обида так сильно перемешались внутри, что Люк едва мог трезво мыслить. В настоящий момент у него был выбор. Подойти к ситуации рационально и спокойно, или отдать все в руки своего гнева.

— Какого черта он тут делал?

Что ж, похоже, он выбрал агрессивную линию поведения.

— Мы определили дату дня открытых дверей в ПО № 6: следующая суббота, — ответила Кинси резким тоном. — Поэтому я и встречалась с детективом МакГиннисом.

Люк знал, что МакГиннис будет присутствовать, чтобы они могли перебросить мостик через пропасть между пожарными и полицейскими департаментами. Может все смогут расценить это как событие года. Чего он не мог понять, так это почему Кинси устроила встречу наедине с мужчиной, который разрушил брак Люка и стал причиной драки на кулаках, едва не покончившей с его карьерой.

— Я знаю, что он должен прийти “для галочки”, и если ты переживаешь, что у меня могут быть с этим проблемы, то не стоит. А у него возникли какие-то трудности?

— Он не против присутствия на мероприятии, и мэр хотел бы увидеть там его вместе с коллегами из Третьего округа...

— Но? — было ясно, как день, что дальше следует что-то еще.

— Мэр хотел бы, чтобы ты попросил его.

— О чем?

— Он хотел бы, чтобы ты официально пригласил МакГинниса на свою территорию. Я встретила сначала с ним, чтобы убедиться, что он не будет заносчивым, когда ты будешь с

ним разговаривать. Знаю, это глупо, но, может, как-то сгладит всю ситуацию.

— Ты имеешь ввиду, что я должен извиниться.

— В некотором роде. Люк, я знаю, что он тот еще засранец, но если говорить о мэре, то здесь ты не прав. Ты ударил первым и, если моральное право на твоей стороне, то мэр — нет. Он не знает... всей истории, — ее взгляд стал более мягким. — А мэр тебе нужен. Особенно сейчас.

Из-за ситуации с Алекс.

— Моя сестра в любом случае потеряет работу. Как ты будешь разбираться с этим, Кинси?

От досады она нахмурилась и на лбу появились морщинки.

— Я работаю над этим. Приоритетом является ограничить ответственность города...

— Ага, уж точно не спасти мою сестру. Все верно, пиар-принцесса, ты придерживаешься линии партии. Твоя работа — убедиться, что Кокрэйи не подаст в суд, даже при том, что Полицейский департамент покрывает его вождение в пьяном виде.

Кинси развела руками.

— Люк, да ладно, ты не можешь доказать этого, а я не могу бороться с этим. На данный момент я делаю все возможное, чтобы Алекс не оказалась разорена, а именно это и произойдет, если она станет участником судебного процесса против города, — она нетерпеливо и раздраженно вздохнула. — Но да, ее карьера скорее всего закончена, если только союз не сотворит чудо. А мне сказали завершить кампанию по восстановлению репутации ПО № 6, чтобы перейти к другим проектам.

Радар его тела окончательно вышел из строя. Он знал, что все идет к этому, что вынужденное время, проведенное вместе, пока она зализывает его ошибку, скоро закончится. Он не был готов к этому. Не готов, к тому, что между ними все кончено.

Но его мысли заполняли не ее красота и ум, не воспоминания об удивительном времени, проведенном вместе, а картинка того, как МакГиннис властно обхватывает ее руку. В ушах все еще отдавался звон смеха, когда они заканчивали их посиделки. Каждый мускул в его груди напрягался при мысли о том, что Кинси и МакГиннис говорили о Люке и его склонности срываться по любому поводу.

Непостижимым образом от воспоминаний о том, как он двигался внутри нее, как ее лоно требовательно сжимались вокруг него, член Люка затвердел. Но Кинси не нужен был Люк, не по-настоящему. Он нужен был ей лишь постольку, поскольку мог быть полезен. Дать ей оргазм. Поцеловать задницу МакГинниса, чтобы она хорошо выглядела в глазах своего босса.

Что ж, Люк не собирался делать этого в ближайшие сто лет, Кинси придется найти другой способ, как произвести впечатление на мэра.

— МакГиннис и его дружки могут присоединиться к вечеринке, но можешь сказать Куперу, что не будет никаких приглашений на золотом блюдечке или извинений от меня. Увидев, насколько вы с детективом мило беседовали пару минут назад, уверен, ты сможешь использовать свои особые методы убеждения, чтобы заручиться его поддержкой.

Она склонила голову, сложила руки на груди и выставила вперед бедро — три признака разозлившейся женщины.

— Надеюсь, ты не считаешь, что в этой встрече с МакГиннисом было нечто большее, чем предложение ему сотрудничать.

— Я? Нет, нет, мисс Тэйлор. Я обычный болван-работяга, слишком эмоциональн

ущербный, чтобы разглядеть что-то даже у себя под носом. Я не так хорош в чтении между строк.

— Люк...

— Мне пора. Ты знаешь, где меня найти.

На мгновение он почувствовал сожаление, что был таким засранцем. Но оно быстро сошло на нет от мысли о том, что Кинси встретила с МакГиннисом, чтобы они смогли выработать стратегию, как обуздать Люка. Убедиться, что он будет действовать как хороший маленький солдатик. Как он вообще мог подумать, что во всем этом она будет на его стороне?

Укрепив свою решимость, он вышел из ее офиса, подгоняемый разгоравшимся праведным негодованием. На ум пришла непонятно откуда взявшаяся мысль о том, что он легко отделался: обычным нагоняем и парой непристойных фоток на билбордах. Иногда наказания бывают и похуже, как удар по мужской гордости. Разыгрывать роль гостеприимного хозяина перед этим ублюдком, пригласить его в свое пожарное отделение, при этом самому доставить это приглашение, нет уж, не бывать этому.

Люк выбрал бы десять отстранений, потерю заработка, годовые посещения психологов, но не извинения перед МакГиннисом.

Кинси уставилась на дверь, через которую только что в приступе бешенства вылетел Люк Алмэйда.

Этот упрямый, тупоголовый идиот.

Вероятно, она могла бы разобраться с этим лучше, но Люк застал ее врасплох, появившись без предупреждения. Он даже не дал ей шанса спросить, почему он пришел сюда в девять утра, хотя до этого днями игнорировал ее звонки и смс. Причем явно сразу после окончания смены, при этом воняя, как будто провел тяжелый рабочий день и нуждался в тепле и ласке. А затем тут же увидел ее со своим заклятым врагом...

Она могла понять его раздражение. Даже злость. Но обвинить ее в том, что она использовала свое тело как инструмент убеждения? Предположить, что она была какой-то стервой, раздвигающей ноги, чтобы продвинуться по работе? Как будто она когда-нибудь делала что-то подобное, еще и с этим отвратительным типом, разрушившим брак ее друга? Просто. Нет. Она знала из первых рук, насколько сильно ранит предательство.

Тьфу. Ее кожу все еще передергивало от необходимости был милой с МакГиннисом по приказу мэра. Хороший детектив, еще один парень, действующий, как прикажет его член, у таких должен быть свой почтовый индекс.

Но не важно, насколько ее взбесил Алмэйда, то, что он сказал об Алекс, задело ее за живое. Его сестра облажалась, но Кинси не нравилось, как влияние одного высокопоставленного человека определило будущее Алекс. Или как Эли Купер не мог набраться мужества и выступить против Кокрэйна.

Джози просунула голову в дверь.

— Кинс...

— *Что?*

Бедная девушка моргнула от недовольного тона Кинси.

Она вздохнула.

— Прости, Джози. Просто неудачный день, — а еще нет даже половины десятого.

“Кинси, я внизу”. Это бутылка Грэй Гуз, припрятанная в нижнем ящике стола, напоминала ей, что она не одинока и у нее есть друг.

Ее помощница сочувственно улыбнулась Кинси.

— Звонили с пятого и спрашивали, придешь ли ты на собрание. Ты уже опоздала на восемь минут.

— Скажи им, что я подойду через пять. Нет, десять минут, — эти придурки с пятого этажа могут и подождать. Удивленная Джози тихонько прикрыла дверь.

Запах дыма повис в воздухе и Кинси ощутила знакомый трепет, распространившийся по телу. Будьте прокляты ее гормоны. Будь проклят Люк Алмэйда.

Палец Кинси завис над номером телефона Люка в ее мобильном, но потом она промотала вверх и набрала другое имя. В ожидании ответа, ее сердце стучало о грудную клетку, как в пинболе. Это было правильным решением, повторила Кинси. Единственным. Как только на звонок ответили, она набрала полные легкие воздуха и начала говорить до того, как струсит и передумает.

— Привет. Мне нужна услуга.

Кинси постучала в дверь дома Гейджа и Алекс и пока ждала, леденящий душу страх мчался по ее венам. Она приняла решение и привела план в действие, а сейчас ей придется жить с последствиями, которые это будет иметь для ее карьеры, ее будущего, и, да, не исключено, что и для ее личной жизни. Но не по этой причине она так поступила.

Продолжай делать то, что у тебя лучше всего получается, Кинси.

Гейдж открыл дверь и втащил ее внутрь.

— Ты связалась с ней?

Кинси кивнула. Ранее она позвонила Гейджу, чтобы узнать номер Дарси Кокрэйна. Разница во времени между Чикаго и Тайландом привела к тому, что она застала женщину, когда та направлялась в постель, очень активно направлялась, если судить по хриплому бормотанию по-испански на заднем фоне. Бэк Ривера, еще один Дэмпси, а те уж точно знали, как пошатнуть женский мир. Они умели так пробраться в вашу кровь и разжечь в ней огонь, что ваше сердце просто закипало.

— Теперь остается ждать, — сказал Гейдж.

— Не слишком долго.

Как только Кинси вошла в гостиную, Алекс поднялась с того места на диване, где сидела.

— Гейдж рассказал мне, что ты сделала.

Кинси предостерегающе подняла палец.

— Не я. Как только я отдала запись, всегда остается риск, что это просто спустят на тормозах. Но если все попадет в нужные руки и получит максимальный охват, тогда, как заинтересованный гражданин, я буду благодарна.

Эли насадит ее голову на пику, если обнаружит, что это она была источником. Когда обнаружит. Не то, чтобы видео было ложью. Она не была согласна с ним в том, что положить этому конец было правильной стратегией. Такие задиры, как Кокрэйна заслуживали того, чтобы их разоблачили, вот почему Кинси позвонила Дарси и объяснила, чтобы было поставлено на карту. Желание Гейджа защитить от позора отца своей будущей невестки было благородным, но столкнувшись с перспективой выбора между примирением с отцом и карьерой Алекс, Дарси не колеблясь поддержала Дэмпси. Она выбрала свою сторону.

Как и Кинси.

— Включи телевизор, — попросила она Гейджа.

Видео вывело местные новости на уровень национального телевидения, как и было обещано Кинси во время сегодняшней встречи с телеведущей Марисой Кларк за “поздним жидким ланчем” (экстра-сухое мартини, Кетел Уан^[134], две оливки). Высказывания Кокрэйна никак не сглаживались, запикивание делала речь еще более оскорбительной. Так даже лучше. С каждым пронзительным сигналом, скрывающим не подходящее для телевидения слово, Кинси ощущала, как чаша весов общественного мнения перевешивала в сторону Александры.

Но лучшая часть была еще на подходе.

Мариса как раз перешла к ней: *“Пожарная Александра Демпси, о которой идет речь, сейчас находится под подозрением, и ее административное слушание назначено на вторник.*

Источник из ЧПД сообщил, что пожарная Дэмпси вряд ли выйдет из зала заседаний, сохранив работу. Тем не менее, петиция с вопросом о том, чтобы оправдать ее поведение на основании того, что она действовала слишком рьяно в силу невероятно сложных обстоятельств, уже доступна на нашем сайте”.

На экране замигал веб-адрес.

Соведущий Марисы бросил взгляд на свою коллегу. *“Женщина, которую оскорбили. С этим можно было разобраться только одним способом,”* — проговорил он, двусмысленно подмигнув.

Отлично сыграно. Журналистка — обладательница премии Эмми^[135] наградила мужчину самой яркой улыбкой перед тем, как все внимание снова переключилось на нее. *“Думаю, я хотела бы иметь такую пожарную на своей стороне. А что на счет тебя, Чикаго? Перед тем, как просмотрите петицию, проголосуйте в нашем он-лайн опросе. Должна ли пожарная Дэмпси потерять из-за этого работу?”*

Кинси вскочила и зааплодировала. Очко в пользу команды хозяев поля!

“Является ли горячая гидромассажная ванна вашим безмолвным убийцей? Узнаем после рекламы”.

Гейдж с ошеломленным выражением лица выключил звук телевизора.

— Есть петиция?

— Обнародование видео было только первой частью, — объяснила Кинси, расхаживая по комнате со сжатыми у бедер кулаками. — Любая кампания требует призыва к действию. Нет гарантий, что это сработает, или, что Алекс сохранит свою работу, но...

Алекс кинулась своим телом-амазонки на Кинси и прижала ту к дивану.

— Не могу поверить, что ты сделала это для меня. Я никогда-никогда не смогу в достаточной мере отблагодарить тебя, Кей. Никогда.

— Мне не нравится смотреть, как такие уроды, как Сэм Кокрэйн получают то, что хотят, — выдавила Кинси, извиваясь, чтобы расположиться поудобнее. Алекс Дэмпси была не очень-то нежным цветочком. — Но мы пока не избежали опасности. Петиция еще не имеет юридической силы.

— Уже имеет... пятьсот четырнадцать подписей, — сказал Гейдж, поднимая свой телефон. Он еще что-то нажал на нем. — А у видео уже шесть... нет, семь тысяч просмотров. До конца ночи может обогнать пятнадцать минут славы Люка.

— Потому что это именно то, что нам нужно. Еще одно видео с неподобающим поведением Дэмпси. — Все повернулись к источнику голоса.

Люк. Он стоял в дверях: руки засунуты глубоко в карманы, поза напряженная и угрожающая. Совершенный плохиш.

— Нам нужно было что-то сделать, бро, — объяснил Гейдж. — Мы попытались использовать видео в качестве рычага, не обнародовав его, но это не сработало. Настало время для плана Б.

— А вы не подумали сначала обсудить это? Как семья?

Алекс уселась и обменялась виноватыми взглядами с Гейджем.

— Мы хотели позаботиться об этом. Ты всегда уберегаешь нас от неприятностей. На этот раз мы захотели решить их сами.

— Вижу, — лицо Люка напоминало каменную стену, когда он осуждающе посмотрел на Кинси, заставив напрячься каждую клеточку ее тела.

Отличное напоминание о том, почему она хотела заехать ему по яйцам огнетушителем.

Она поднялась, с раздражением обнаружив что ее ноги трясутся, как камыши.

— Я лучше пойду. Чувствую очень, очень скоро мне позвонит мой шеф.

— Кинси, огромно тебе спасибо, — сказала Алекс со взглядом, сияющим от благодарности. — Я твоя большая должница.

Бум! Телефон Кинси взорвался “1812 Увертюрой”, помпезная мелодия звонка для Эли.

— Я отвечу снаружи.

Она задела Люка, который и не подумал отойти с ее пути. Мужественно красивый засранец. Выйдя на задний двор дома Дэмпси, Кинси уставилась на имя Эли, сверкающее на экране подобно красному сигналу тревоги. Мелодия нарастала. Раздались пушечные взрывы. Она почти ожидала, что сейчас десантируется отряд спецназа и, скрутив ее, отправит в тюрьму для разговора с мэром.

Была большая вероятность, что сейчас она потеряла работу.

Поддавшись трусости, Кинси отправила вызов на голосовую почту. Только для того, чтобы мгновение спустя телефон снова зазвонил, потому что это же мэр, а он был раздражающе настойчивым парнем. Время натянуть свои трусики большой девочки.

— Мистер мэр, — она попыталась ответить обычным голосом, но провалилась к северу в сторону высокого, писклявого и виноватого.

— Кинси, — послышался резкий ответ.

Ложь была не в ее стиле. Она знала, что было очевидно: она источник, и нечестно делать вид, что это не так.

— Эли, я извиняюсь...

— Я говорил тебе уничтожить это, Кинси, но мы все знаем, что это похоже на запирающие двери конюшни, когда лошадь уже сбежала. Я не могу винить Симпсона за то, что он сделал все, что в его силах, чтобы спасти сестру.

Верно, но... это было неожиданно. Что бы она только ни отдала, чтобы оказаться с ним одной комнате, увидеть выражение его лица и получить хоть какой-то намек. Он не мог на самом деле думать, что она не имела к этому никакого отношения, верно же?

Желание признаться сражалось с ее инстинктом самосохранения. Честность победила.

— Ну, он не был одинок...

— Не сомневаюсь в этом. У Дэмпси хорошие связи, поэтому я уверен, что у них было достаточно людей, подсказавшим им, как разыграть эту карту. Сейчас нам надо только разобраться, как *мы* собираемся разыграть ее.

Выделив “*мы*”, он поднял еще одну волну вины. Если она сейчас промолчит, то как потом будет смотреть ему в глаза? На самом деле Кинси нравился Эли, нравилось работать на него и она обязана сказать ему правду.

— Эли, мне нужно кое в чем признаться.

Он фыркнул.

— Ты наконец-то хочешь сознаться в своих отношениях с Алмэйда? Потому что я уже говорил тебе, что в курсе и мне плевать. Послушай, Кинси, это не становится автоматически картой “легко избегу тюрьмы” для Дэмпси. Слушание все равно состоится, но произошедшее придаст всему другую окраску. Нам следует ожидать марши в ее защиту в мэрии?

Только если не сработает петиция. План В.

Кинси откашлялась.

— Сомневаюсь, что все пойдет так далеко. Думаю, люди оценят ее чрезмерные усилия в стремлении вызволить одного из знаменитых граждан при таких сложных обстоятельствах.

До тех пор, пока избиратели чувствуют, что их представители прислушиваются к ним.

Она могла представить себе, как Эли сейчас закатывает глаза, но Кинси знала, что глубоко внутри его заботило мнение избирателей, особенно таких ключевых групп, как женщины и геи. Прерывистый шум работающего телевизора на заднем фоне дал понять, что он переключал каналы.

— На СиЭнЭн ее уже называют “Любимой пожарной Америки”. Откуда они только взяли эту чушь?

Из головы Кинси Тэйлор, вот откуда. Они с Гейджем поработали над тем, чтобы это прозвище появилось на некоторых веб-порталах пожарных и социальных страницах, зная о том, что братство быстро распространит его. Передачи 24-часовых новостей всегда отчаянно гнались за новой информацией и комбинация женщины, выполняющей мужскую работу, и известного медиа-магната, ведущего себя как полный придурок, стала той парой, которая быстро разлетелась по новостям.

И о том, что это она разработала всю эту чертовщину, нужно было рассказать!

— Эли это целиком моя...

— Подготовь официальное заявление и положи мне его на стол завтра к семи утра, — она услышала тихий щелчок. — На второй линии Кокрэйн. Хотел бы я заставить его еще побеспокоиться, но это будет выглядеть некрасиво с моей стороны. Хорошей ночи. Кинси, — и мэр завершил разговор.

Девушка уставилась на свой телефон, ощущая себя так, словно ее переехал паровой каток по имени Эли. Может, в этом и состоял его подлый замысел. Ситуация была пронизана правдоподобным отрицанием, так может это и было той точкой зрения, с которой на нее смотрел Эли? Классический политический гамбит.

Завтра она поговорит с ним и все прояснит. Если он не уволил ее прямо сейчас, то может ему просто любопытно узнать, почему она рисковала всем, ради чего работала, и послушать, как она будет разглагольствовать в свою защиту о Правде, Справедливости и Американском пути. Может стоит добавить пару утверждений о неотъемлемых правах женщин и геев со ссылкой на Конституцию. Потому что реальная причина того, почему она совершила этот прыжок со скалы, была чем-то, что она не готова была изучить.

Но, как это часто бывает, иногда у нас нет выбора кроме того, чтобы столкнуться лбом с тем, что мы пытаемся игнорировать. Ее сердце застучало сильнее, а тело уже ощутило грубое, физическое присутствие.

Кинси повернулась... и уперлась прямо в непоколебимую стену из мускул под названием Люк Алмэйда.

Его присутствие было настолько *всепоглощающим* Надежный, как скала, сердце своей семьи, сейчас он снова явно ощущал угрозу со стороны женщины, надирающей задницы. Она начала думать, что подобное ему не могло понравиться, как и любому другому мужчине, в принципе.

— Кинси, нам надо поговорить, — серьезно сказал он.

Глаза Кинси чуть не вылезли из орбит. Он собирался снова ругать ее? Она сбила кулаки, пытаясь расчистить его мир: сначала мордобой, устроенный им самим, а сейчас попытку саморазрушения со стороны его сестры. Она ходила по тонкой грани между миротворцем и бульдогом. Она рисковала потерять работу и в груди у нее поднялась злость от всех его домыслов о ней, учитывая фиаско с Алекс, которая начала превращаться в огромную мигрень.

На самом деле, с нее хватит.

— Слушай сюда, пещерный человек, — сказала она, тыкая пальцем в его грудь. — Если ты хоть на одну секунду подумал, что я собираюсь стоять здесь и слушать дерьмо на подобии “не стой у меня на дороге”, которое так и прет из тебя сегодня, тогда тебе надо проверить свой неандертальский череп. Гейдж принес это видео мне, потому что знал, что твоим первым порывом станет впадение в бешенство и выкладывание всего в сеть. Мы хотели попробовать более деликатный способ, а затем, когда тот не сработал, захотели проконтролировать подачу информации. И, похоже, все окупилось, так что слазь со своего бешеного коня, вытащи свою голову из задницы и прими наше решение.

— Ты закончила?

Она опустила руки и сжала кулаки, заняв оборонительную позицию, выпятив одно бедро и расправив плечи.

— Я еще даже не начинала.

— Хорошо. Главное, чтобы кончала со мной.

Этот самодовольный мачо-мудак. Он думает, что может просто...

Подождите. *Что?*

Одним плавным движением Люк обнял ее рукой за талию и прижал к своему телу. Его рот жадно завладел ее и прервал рвущиеся наружу ругательства настолько головокружительным поцелуем, что тот заставил Кинси задыхаться.

Ах, это.

Через пару минут он отстранился и посмотрел на ее лицо взглядом, в котором пылало неприкрытое желание, его губы были припухшими и влажными.

— Ты все еще при работе?

— Да, пока что.

— Но ты могла потерять ее.

— Всегда есть такой шанс, — по сути дела она бы и сейчас не исключала такую вероятность. — Я пыталась все объяснить, но Эли продолжал перебивать меня и...

Люк поцеловал ее, крепко, горячо, прижимая спиной к торцу дома, пока его рот атаковал ее.

— Ты сделала это ради меня.

О, какое высокомерие! Конечно же, он нашел способ повернуть все в свою сторону. А даже если и сделала, ему не стоит быть настолько чертовски уверенным в этом.

— Я сделала это не ради тебя, — Кинси снова поцеловала его своим дрянным лживым ротиком, наслаждаясь тем, как его жесткая напряженная длина идеально упиралась ей в живот, заставляя каждую частичку тела плавиться. — Мне просто не нравятся хулиганы.

— Ты сделала это ради моей семьи.

— Нет, — продолжили настаивать Кинси, но ее решимость таяла в тепле окружающей ночи. — Я сделала это ради прав геев и полового равенства, и ради всех тех, кто когда-либо чувствовал себя крохотным перед лицом наделенных неограниченной властью.

Умелый палец Люка коснулся ее соска и погладил. Волна чувственного удовольствия охватила Кинси.

— Не знаю, о какой фигне ты там говоришь, но то, что ты сделала это ради меня, действительно горячо.

— Я не делала, ты, идиот.

— Угу-м.

И затем он целовал ее до тех пор, пока она не забыла, зачем делала еще что-то в своей жизни помимо того, что отвечала на его поцелуи.

Кинси.

Не берущая пленных, чертовски сексуальная Кинси.

Риск, на который она пошла, чтобы помочь Алекс, помочь его семье, сдвинул мир Люка со своей орбиты. Она рискнула всем. Ради Дэмпси. Не просто выползая потихоньку дюйм за дюймом, при этом проверяя, может ли ветка выдержать ее вес. Она вышла полным ходом и повисла на самых слабых веточках дерева.

Люк знал о том, что значит идти на риск. Это было частью его ищущей острых ощущений натуры, требование для его работы. Но не для Кинси. Она заявляла, что не ищет отношений, но ее решение стать на сторону Дэмпси в произошедшем определенно о чем-то говорило. Знание того, что это может значить нечто больше, что *он* может значить нечто большее, посеяло семя опасной надежды в сердце Люка.

Они нуждались в уединении, поэтому он повел ее к себе домой, не переставая касаться всю дорогу. И затем у себя на кухне он прижался своим телом к ее, грудью к груди, бедрами к бедрам. Ртом ко рту.

— Итак, на чем мы остановились?

— Ты кажется был под впечатлением от того, что мой поступок был полностью ради тебя, — блик лунного света отразился от глаз Кинси, как от сверкающих камней. Люку никогда бы не надоело смотреть в эти глаза. Ему никогда бы не надоела она.

Вот черт.

— Мне не важны твои причины, Кинси, — солгал он, не готовый подтолкнуть к чему-то ее или самого себя. — То, что ты сделала для Алекс, многое значит для меня. Для всех нас.

Он ощущал себя так, словно с него содрали всю кожу и каждый нерв был оголен. Настолько глубокие чувства подкрались к нему исподтишка. Один поцелуй, одно обжигающее прикосновение. Одна женщина, которая поставила его на колени и завладела его разумом.

Мгновение повисло между ними, как нечто осязаемое и тяжелое.

— Отведи меня в постель. Люк, — струйка воздуха, вылетевшая из ее легких, смешалась с его дыханием. Не смотря на то, что его мозг был против, сердце пыталось как-то это объяснить. Разочарование от того, что он не решился и не признал, что это значит нечто большее? Или облегчение от того, что ее просьба сгладила момент?

Кроме того, она не сгладила. Ни в малейшей степени.

Люк повел Кинси вверх, держа за руку, и в дверях спальни щелкнул выключателем отчего вся комната озарилась приглушенным светом.

Ее золотые глаза одобрительно загорелись.

— Новая кровать?

— Новое всё. Гейдж помог мне выбрать другую мебель, — по совету своего брата, Люк остановился на спальном гарнитуре из светлого дерева и, стоило признать, что обновление, которое он провел в этой комнате, сняло груз с его плеч. Может было и глупо так

заикливаться на уловке “долой всё старое”, но, очевидно, материал из “Психологии 101”^[136] творил чудеса, позволяя двигаться дальше.

Кинси присела на край его совершенно нового матраса и попрыгала вверх-вниз на своей великолепной попке.

— Прекрасный выбор, сэр.

Люк усмехнулся.

— Лучшие восемь сотен баксов плюс налоги из всех, что я тратил, — подходя ближе, он ощутил дрожь, пробежавшую по его телу, когда Кинси раздвинула бедра, приглашая его. Люк взял ее за подбородок, заставив посмотреть прямо ему в глаза. — Хочешь обновить ее?

Она приложила руку к груди в притворном удивлении.

— Ты имеешь ввиду... ты еще не...?

— Я может и думал о тебе прошлой ночью, в одиночестве, но делать все самому — плохая замена оригиналу. Ты — единственная женщина, которую я хочу видеть в своей постели, Кинси. И я собираюсь показать тебе, насколько благодарен за то, что ты сделала.

Она ответила на это склонив голову, словно говоря “о, да неужели”.

Он поморщился:

— Это прозвучало как-то неправильно.

— Секс как благодарность. Просто родственник секса из жалости, — она положила руку на его скрытую джинсами эрекцию. — Возможно, мне стоит заработать побольше этой благодарности, которой ты так стремишься меня одарить, — молния медленно поползла вниз, из-под ресниц она наблюдала, как сбилось его дыхание.

Пара мгновений и эрекция Люка стала еще больше, когда Кинси не спеша спустила его боксеры и издала тихий довольный звук, обнаружив его твердым, огромным и готовым для нее.

— Спасибо, — прошептал Люк, уже не заботясь о том, вдруг она поймет все неправильно. Его переполняли эмоции от происходящего. От нее.

Подняв глаза, которые понемногу убивали его каждый раз, когда он смотрел в них, Кинси крепко обхватила его член рукой. Может, она и приведет его к гибели, но зато к какой.

— Нет, Люк. Спасибо тебе, — произнесла она, а затем использовала свой рот для лучших целей.

Сладкие, влажные губы обхватили его член, каждое движение ее языка обещало невероятное удовольствие. Было что-то очень, очень сексуальное в сильной женщине с ее “возьми-меня” губами, обернутыми сейчас вокруг него. Но как бы он ни наслаждался ее чередованием нежных и жестких движений, которые она так умело демонстрировала, сегодня он планировал показать Кинси, как сильно ценит ее.

Люк слегка отстранил ее голову от себя.

— Я хочу позаботиться о тебе, сладкая.

На ее лице вспыхнуло раздражение.

— Я тут кое-чем занята. Но если тебе так уж необходимо принять участие, то сними рубашку и джинсы.

Без промедления Люк сделал так, как ему было сказано.

— Ложись, Люк, — Кинси подняла руку, отмечая все его возражения, которые он и не собирался произносить. — Сегодня мы сделаем это по-моему.

Он вытянулся на кровати, зная, что если замешкается, то она в любом случае толкнет

его вниз, и замер в ожидании ее дальнейших действий. Окинув его взглядом, в котором читалась явная женская признательность, Кинси рассмотрела его тело и прикусила губу.

— Я собираюсь насладиться этим.

От этих слов Люк стал еще тверже, не понимая, как такое вообще возможно.

Невероятно медленно, она разделась до белья, розового и женственного, отлично поддерживающего ее грудь и идеально подчеркивающего попку, а затем заставила всю кровь отлить от головы, оседлав его. Она потерлась своей идеально мягкой женственностью о его твердую длину.

— Давай попробуем еще раз, м? И на этот раз не мешай мне, — начав с его горла, она позволила своим губам все сказать за нее. Подразнила его соски. Уделила внимание кубикам пресса. Откровенно пообщалась с его ... *мммммм*. Она вобрала его в сладкую и влажную нирвану своего рта и он чуть не свалился с кровати.

— Кинси, — простонал Люк. — Крошка... это так...

Приятно.

Горячо.

Идеально.

Люк зарылся пальцами в ее волосы, удерживая там, где больше всего нуждался, отстраняя на пару дюймов, двигая при этом бедрами. Но когда Кинси провела ногтем по его яйцам, это заставило Люка дернуться и толкнуть еще глубже. Этот ее дерзкий ротик, который мог как осадить его резким замечанием, так и расплавить своими губами, продолжил свою эротическую атаку.

Когда она полностью приняла его, втянув щеки, и начала посасывать, опускаясь своим влажным ртом вверх-вниз и рождая чувственный ритм, это ускорило и без того бешено бьющийся пульс. Его бедра подстраивались под ее ритм, умоляя о большем. Покалывание, зародившееся в основании его позвоночника, охватило яйца, которые сейчас ощущались, как огромные арбузы.

— Кинси... — ему следовало предупредить ее. Некоторым женщинам нужно было время, но эта женщина, *его* женщина, знала, что сейчас произойдет, даже больше — она хотела этого. Хотела его.

Как раз в тот момент, когда он толкнулся, испытывая оргазм, а его зрение стало размытым, Кинси взглянула на него своими прекрасными карими глазами. Искра, ум, все, что он любил, было там. словно говоря ему отпустить контроль, потому что она позаботится о нем в любой трудной ситуации.

О нём, о Люке Алмэйда, парне, который сам обо всем заботился, потому что никогда не знал ничего другого, но всегда хотел этого, чтобы его нужды вышли на первый план с этой женщиной. Это понимание не просто отправило его через край, заставив громко застонать, пока он отдавался на волю накатывающим волнам оргазма. Оно, черт побери, полностью взорвало его мозг.

Несколько часов спустя Кинси, насытившись, лежала в сильных руках Люка. Сегодня секс ощущался по-другому, одновременно насущно необходимым и сказочным, каждый поцелуй Люка был, как драгоценное сокровище, каждое движение бедер, как подарок.

Она была уставшей, так же, как и он, но нечто, витающее в воздухе, наводило ее на мысль, что ему было, что сказать. В ожидании она гладила его твердый бицепс и слушала громкий стук сердца у своей щеки. Это *тум-тум* отдавалось таким же быстрым ритмом внутри нее.

Через мгновение Люк повернулся к ней, а затем заправил выбившийся локон ей за ухо.

— Завтра был бы двадцать пятый день рождения моей сестры.

Был бы.

— У тебя была еще одна сестра?

— Мама сидела на метамфетамине и умерла, когда мне было одиннадцать. Мой отец то появлялся, то исчезал, а бабушка не могла справляться с нами постоянно. Мы с Дженни... — он умолк и она ободряюще погладила его по плечу. — Они разделили нас, потому что для обоих не было места. Ей было пять и ее взяла к себе семья из Уиннетки^[137].

Поймав ее непонимающий взгляд, он пояснил:

— Элитный поселок на Северном побережье. Особняки, загородные клубы и все такое. Ее сбила машина, когда она играла на улице. Я думал, что она в безопасности. После всего того дерьма, что ей пришлось перенести, выживая с матерью, которая была настолько под кайфом, что ей даже наркодилеры напоминали про заботу о ребенке, думаешь, богатый пригород безопаснее для маленькой девочки.

— Ох, Люк, — ее сердце сжалось от его боли и отрезвляющего осознания, что никто не защищен. Жизнь коротка и драгоценна, и может быть украдена в любой момент. Неудивительно, что он защищал свою семью, как волк защищает свою стаю.

— Они ничего не говорили мне месяц. Тогда я был эмоционально нестабилен и они боялись, что я сойду с ума на похоронах, — Люк поднял на нее свои голубые глаза. — И я бы сошел, с тех пор не многое изменилось. Если что-нибудь случится с ними... — он покачал головой, не в силах завершить фразу, но они оба знали, что он хотел сказать. Боже, помоги любому, кто станет между Люком и его семьей.

Понимание этого перевернуло в Кинси всё с ног на голову.

— Что бы ни произошло с ними, ты будешь рядом. Как и всегда.

— Но это не может быть всем для меня. Настолько же, насколько важны для меня они, мне нужно также подумать о том, к чему я сам стремлюсь.

Найти баланс между работой и жизнью, потребностями семьи и своими собственными, — это было так тяжело. И, как она поняла сейчас, — не только для женщины. Люк взял на себя роль родителя и воспитателя уже очень давно и позволил той стать своей защитой. Но ему нужно было больше. Как и всем нам.

— Ты хочешь стать лейтенантом, — прошептала Кинси, невероятно гордясь им.

Люк кивнул.

— Они сами разобрались с этой проблемой. Хотя, ты им помогала, а значит они намного более находчивы, чем я думал. Я пытался быть отцом, братом, другом, всем, кем только возможно, для них, и мои собственные желания были погребены под этими

обязательствами.

Кинси погладила его по колючей от щетины щеке, интимность этого разговора в постели странным образом поражала ее. В хорошем смысле.

— Ты всё еще можешь быть всем для них. Я знаю, что работая вместе в одном отделении, ты чувствуешь, будто исполняешь обязательства перед отцом и Логаном, но ты можешь оставаться их скалой. Если станешь лейтенантом и тебя переведут куда-нибудь, они, наконец, усвоят все, чему ты их учил и...

— Все равно облажаются?

— И все равно облажаются, — согласилась Кинси, а затем серьезно добавила. — Они будут совершать ошибки, но в следующий раз, когда кто-нибудь из них решит испортить авто стоимостью четыреста тысяч долларов, принадлежащее одной из VIP-персон города, они задумаются “А что бы сделал Люк?”

Он застонал.

— Да уж, детка, теперь я знаю, что у них нет шансов.

Кинси рассмеялась и Люк к ней присоединился, чередуя хриплые смешки с обжигающими поцелуями. Ей нравилась эта его сторона ранимого мужчины, который искал ее совета не потому, что был слаб, а потому что был достаточно силен, чтобы выслушать ее мнение.

В конце концов, этот матрас был куплен за его способность делать хорошую беседу легкой.

— Прости меня за то, что случилось в мэрии, Кинси. Я увидел, как МакГиннис касается тебя, смеется с тобой, и сорвался. Ты — моя.

Она боялась согласиться с этим, даже просто подумать, но это было правдой.

— Я позвоню ему завтра, приглашу в ПО № 6 на большую вечеринку, — выдохнул он шепотом ей в губы. — Оставим разногласия между нами позади.

— Хорошо. Это будет правильно.

Мужчина задумался и снова Кинси почувствовала, как что-то важное повисло между ними.

— Но как только вечеринка закончится, закончится и твоя работа по управлению мной и очистке репутации моего отделения, — медленно, словно тщательно подбирая слова, продолжил он, — ты займешься новым заданием.

— Обычно именно так и бывает.

— Ты когда-то говорила, что рассматривала другие возможности, — Люк запнулся. — Не в Чикаго.

Да, Кинси говорила об этом. Когда переживала критический момент своего разрыва с бывшим, а сердце пребывало в полном беспорядке. До всего этого.

До Люка.

— Верно.

— Никогда не думала, что возможно этот крупный, амбициозный город мог бы подойти женщине с твоими талантами, Кинси?

Девушка подумала, что он прекрасно ей подходил, но ее забавляла возможность поспорить с ним.

— Ты имеешь ввиду это захолустье, где есть всего два сезона: зима и стройка? С грабительскими налогами на пользование дневным светом?

— Тем проще посчитать сумму чаевых в ресторане. Просто удвоить налог.

Она фыркнула.

— Самая холодная зима, которую я имела несчастье пережить?

— Лучше, чем влажное, туманное лето во Фриско.

— Только туристы говорят Фриско, Алмэйда.

— Знаю, просто подшучиваю над тобой, калифорнийская девочка, — он поцеловал ее, мягкое теплое прикосновение, которое превратилось в неистовое за один удар сердца.

Кинси улыбнулась довольная тем, к чему вел их разговор.

— Ну, не знаю. Чикаго никогда не побить Сан-Фран.

— В самом деле? — Люк провел своей сражающей наповал рукой вниз по ее телу, разжигая огонь на каждом участке чувствительной кожи, которого касался. — Мне нужно убедить тебя?

— Убеждение — это больше моя стезя, Алмэйда. И уроженка Калифорнии никогда не согласится с твоими доводами, что что-то стоит того, чтобы терпеть жуткие Чи-берские [\[138\]](#) зимы.

— О, я обладаю приемами, которых ты никогда раньше не видела, Тэйлор, и тонной причин, почему Чикаго лучше, — пробормотал Люк. — Как насчет того, что пляж здесь не дальше, чем в пятнадцати минутах?

— Восьмимесячная зима разрушает этот аргумент.

Его заглубившая ладонь сжимала ее грудь, рождая удовольствие в каждом нервном окончании.

— А что насчет дружелюбных людей, у которых нет этого апломба, присущего тем, кто живет на побережьях.

— Этот апломб честно зарабатывается, — возразила она, соблазнительно хихикнув. — У нас есть настоящий океан, с соленой водой и всем прочим.

Атака на ее гормональное и умственное здравомыслие продолжилась, когда Люк провел губами по ее щеке. Умелые пальцы раздвинули бедра Кинси и нашли ее влажной и жаждущей. Готовой для него.

— Я достучался до тебя, Кинси? — он дразнил ее нежные складочки, едва касаясь.

Нуждаясь в давлении, Кинси прижалась к его руке, показывая всем телом то, что отказывалась признавать вслух.

— Ни в малейшей степени. Возможно, тебе нужно... поднять свои аргументы на ступеньку выше.

Никогда не упускающий возможности принять вызов, Люк поднял свою игру на следующий волнующий уровень. Его пальцы проникли внутрь, потирая ее отзывчивую плоть. Кинси качнулась к нему, ища, умоляя.

Его соблазнительный голос поймал ее, пленил и подчинил.

— В марте есть один день, когда облачная завеса расступается и сквозь нее проглядывает солнце, словно оно уже сбежало из своей зимней клетки и ты можешь снять свое теплое пальто.

— Только, чтобы надеть его на следующий день, — простонала Кинси.

— Верно, но в этот один день все пребывают в отличном настроении, потому что худшее уже позади, — палец Люка описывал невыносимые, чувственные круги на ее клиторе. Поддразнивая ее и обещая удовольствие. — Холодные дни еще будут, но теперь мы знаем, что надежда есть.

Надежда. Кинси и думать не осмеливалась, что она возможна, но в объятьях Люка

казалось, что фантазии, мечты и желания все же могут осуществиться.

— Люк...

— Словно тебе пришлось пережить все те плохие дни, чтобы еще больше оценить этот один день, понимаешь?

Она понимала. О, Боже, отлично понимала.

Были моменты, когда Кинси казалось, что уже никогда не потеплеет. Сначала буквально, когда она переехала сюда в феврале, а потом фигурально, когда она переживала боль от предательства Дэвида. А затем настал *этот* день. Облака разошлись, она скинула теплую одежду и подняла лицо навстречу мистеру Солнце.

Она знала, что это был за день, может тогда еще не понимала, но сейчас знала. На пляже у озера Люк Алмэйда обнял ее своим большим, твердым телом и держал так, словно она была кем-то значимым.

На самом деле, был не только один день, целый калейдоскоп моментов. Четвертое июля, ее новый День независимости, когда они узнавали друг друга, пока не перепробовали каждый матрас в магазине. Занимались любовью под небом, освещаемым фейерверками. Когда она наблюдала за той страстью, с которой он относился к своей семье и тем детям из приюта, которые были никем для него. Каждый такой момент разрывал ее душу на части и собирал заново.

Насколько правильно *это* чувствовалось.

Кинси застонала от разочарования, когда он убрал руку, но расслабилась, когда он развел ее бедра и скользнул внутрь. Полностью ее заполняя. Он завоевывал и покорял и все еще продолжал говорить. Соблазняя ее душу и тело, неотвратимо привязывая к себе.

— Наплюй на зиму, малышка. Потому что я всегда буду рядом, чтобы тебе было тепло.

Люк продолжил свои толчки, глубокие, всепоглощающие выпады, подводя ее к тому месту, с которого она рухнула вниз. Сила ее оргазма удивила саму Кинси, но он был рядом с ней, ловя ее крики удовольствия своим ртом и заявляя безоговорочные права на ее сердце.

Под раскинувшимся идеально голубым небом стартовал день открытых дверей, призванный положить конец расколу между пожарными и полицией, и поставить финальную точку в деле по реабилитации ЧПД. Все проходило по плану, хотя, черт возьми, почему бы и нет? Организуя это мероприятие, Кинси продумала все до мелочей. Здесь было полно пожарных и полицейских, слонявшихся между готовкой бургеров, которая проходила под руководством шефа Брейди Смита, и поглядывающих с подозрением на своих собратьев в синем. Она притащила сюда представителей СМИ, общественности и достаточно высокопоставленных персон, чтобы начать беспокоиться о том, кто будет управлять городом в их отсутствие.

Событие было отличным завершением адской недельки в мэрии.

Благодаря он-лайн петиции, собравшей 350.000 подписей, Алекс Дэмпси все еще работала в Чикагском пожарном департаменте. Эли сухо прокомментировал, что если уж под петицией подписались Супермен и Микки Маус, то кто он такой, чтобы не прислушаться к пожеланиям общества? Учитывая всё это, а также бесчисленные звонки от женских сообществ, обеспокоенных граждан и даже известного скандального адвоката, предложившего представлять Алекс на судебных слушаниях до тех пор, пока те не закончатся, Эли рисковал не получить шанса на переизбрание, если уволит ее. Ей пришлось потрудиться, чтобы со всем справиться, так же, как и Эли, чтобы сохранить поддержку Сэма Кокрэйна.

Благодаря какой-то очевидно сомнительной закулисной сделке мэру удалось удержать Кокрэйна как от предъявления иска, так и от отказа в поддержке. Кинси была склонна считать, что лишиться поддержки Кокрэйна не такая уж страшная потеря, но, насколько она поняла, в этой ситуации было скрыто больше, чем казалось на первый взгляд. Эти самовлюбленные монстры нуждались друг в друге. Кокрэйн хотел, чтобы Алекс уволили, но его адвокаты сообщили, что видео-свидетельство его хулиганского, и, согласно общественному мнению, явно пьяного, поведения могло повлечь за собой бурю осуждения. Так что ему пришлось прикрыть это дело и двигаться дальше.

Люди обсуждали.

Кинси выиграла.

Чувствуя себя вполне довольной собой, она осматривала толпу, собравшуюся во дворе пожарного отделения, пока ее взгляд не нашел свою точку притяжения.

Люк.

Сегодня он пребывал в отличной форме. Потусовался рядом с местом, где разукрашивали лица. Следил, чтобы люди во время экскурсии по части оценили, на что идут их налоги. Флиртовал (безобидно) с некоторыми аппетитными мамашами. И посреди всего этого счастливого хаоса, мужчина еще нашел время, чтобы затащить ее в подсобку, где хранилась форма, для небольшого тет-а-тета.

— Мне нужно поговорить с тобой, мисс Тэйлор.

Кинси погладила его твердый рельефный бицепс, ей никогда не надоеет касаться греховно сексуального тела этого мужчины, и приложила все усилия, чтобы не отвлечься на его безумную привлекательность.

— Люк, я работаю.

— Конечно, сладкая, — он поцеловал ее, медленно, влажно и глубоко. — Работа — это хорошо.

Поборов свое желание запрыгнуть на него, Кинси уперлась открытой ладонью ему в грудь.

— Значит, ты знаешь, что тебе нужно сделать?

Он хмыкнул. Он знал, но ему это не нравилось, и она ни капли его не винила.

— Тебе просто нужно пожать руку детективу МакГиннису, улыбнуться на камеру, а затем снова вернуться к своим делам и убедиться, что все в курсе того, что это — твой дом.

Люк втянул воздух сквозь зубы.

— Значит, пожать руки, провести удушающий захват сзади и засунуть шланг диаметром два с половиной дюйма (ок. 6 см) туда, где не светит солнце.

— Это звучит не очень по-спортивно, пожарный Алмэйда. Пусть он будет хотя бы в сознании, когда ты будешь запихивать в него шланг.

Рассмеявшись, он недоверчиво покачал головой.

— Должно быть, тебе до смерти надоело быть нянькой для меня и моей семьи, Кинси.

— О, плюсы значительно перевешивают минусы.

— Ты меня успокоила, знаешь это?

— Не полностью, надеюсь, — прошептала она у его губ, слегка касаясь тех своими, зная, что Люк перехватит инициативу. Но к ее удивлению, он продолжал мягкие и нежные движения, ласково и томно покусывая, словно у них было все время в мире, и им не нужно было выходить наружу, во двор пожарного отделения и устраивать шоу.

— Эй, детки, мы готовы начать это цирковое представление? — услышала Кинси позади себя.

Гейдж.

Люк закатил глаза, а Кинси отскочила от него.

— Ты действительно обламываешь меня в моем собственном пожарном отделении, бро? Имеешь что-то против того, чтобы я предался любви?

— Предался любви? — развеселившись, переспросила Кинси.

— Марвин Гэй^[139] — мой лучший друг. А вот этому, — Люк указал на своего брата, — нужно повесить чёртов колокольчик.

Гейдж поднял вверх руки.

— Считай это за услугу, Мистер Июль. Ты же не хочешь попасть в еще большие неприятности, используя городскую собственность для непристойного поведения.

— Подожди меня, сладкая, пока я надеру братишке задницу, — попросил Люк Кинси, делая шаг в сторону Гейджа, пулей вылетевшего из подсобки.

Посмеиваясь, Кинси вытащила обоих братьев наружу, обратно в бой. Сама же задержалась у входа в отделение, наблюдая за тем, как Люк снял ребенка с лестницы пожарной машины и похлопал того по пластиковому шлему, надетому на голову. Ее яичники тут же подняли мятеж. Дэвид заявлял, что не хочет детей, хотя крысеныш явно изменил свое мнение на этот счет, а может это его блудливый член изменил то за него. Она поймала себя в ловушку, думая, что строящая карьеру женщина не должна нуждаться в детях, чтобы ощущать себя полноценной. Но Кинси осознала, что она нуждалась. Всегда нуждалась. Ее подруга из Сан-Франциско утверждала, что единственное предназначение мужчины — зачать ребенка. Родив двух детей, та сейчас жила в своей мечте: усталая, счастливая и одинокая.

Это было не для Кинси. Она хотела партнера во всем, мужчину, который поддерживал бы ее профессиональные стремления и работал бок о бок с ней, доказывая, что она — *они* — могут справиться со всем. Брак, карьера, семья бесстрашных голубоглазых детишек, которых она будет учить кататься на лыжах с гор.

Голубоглазых? У нее большие неприятности.

Она ощутила чье-то присутствие позади, сопровождаемое намеком на Шанель № 5. Повернув голову, Кинси встретила в задумчивым взглядом Мэдисон Мэйтлэнд.

— Ты проделала отличную работу, Кинси. Рейтинг популярности мэра вырос и во многом благодаря тому, как ты провернула это дело с пожарными и полицейскими департаментами. Если бы я интересовалась общественно-ориентированным пиаром, то предложила бы тебе работу.

Кинси ощутила теплоту в груди от одобрительной оценки Мэдисон.

— Я надеюсь уговорить мэра провести кампанию для детей в приютах, — раз уж к ней прислушивался самый могущественный человек в Чикаго, то ей стоило использовать свои связи.

Мэр Купер вышел на подиум, установленный рядом с грилем, в полной готовности очаровать толпу.

— *Иииии* время для шоу, — пробормотала Мэдисон.

— Я не собираюсь произносить избитые фразы, в которых буду умолять всех нас держаться вместе, — начал Эли. *Избитые*. Кинси знала, что он уже прошел это и просто хотел оставить все вынужденные извинения позади.

— Являясь городскими службами быстрого реагирования, важно, чтобы пожарные и полиция работали вместе ради безопасности и благополучия наших горожан. Сотрудничество спасает жизни, обусловлено нашими обязательствами перед налогоплательщиками и позволит мне подольше избегать седины в волосах.

Это было встречено сдержанными смешками, хоть Кинси могла поклясться, что услышала бормотание “Всегда есть краска для волос”, которое звучало подозрительно похоже на голос Алекс. Впрочем, кто бы это ни сказал, фраза вызвала громкий смех, как пожарных, так и полицейских. Прекрасно. Наличие общего врага в руководстве всегда гарантированно объединяло войска.

Мэр поднял бровь, признавая подкол, но, улыбнувшись своей “завоеывающей голоса” улыбкой, продолжил:

— Спасибо всем, кто пришел сюда сегодня, пожарный и полицейский департаменты, уважаемые представители прессы, и, самое главное, горожане, которым мы служим.

Его взгляд лучом пробежался по толпе, особенно уделяя внимание женской ее части, которая хлопала громче и дольше других. У мэра сегодня был на удивление удачный день.

— О, он хорош, — сказала Мэдисон, вздохнув. — В такие моменты я задаю себе вопрос, почему бросила его.

В шоке Кинси повернулась к Мэдисон.

— Вы и... Эли?

— Первый мистер Мэйтлэнд, — ответила та, сухо улыбнувшись, — без году неделю около двенадцати лет назад.

Не может быть. Кинси перевела взгляд обратно на мэра, вспоминая обрывки разговоры с Мэдисон за коктейлем в “Signature Room”. Первый муж Мэдисон, который был слишком молодым и незрелым, чтобы принять ее... но сейчас он полностью сформировался.

Идеально и окончательно.

Пристегни ремни, Алекс Дэмпси. Это будут те еще горячие скачки.

Мэр закончил свою «Возьмитесь за руки по всей Америке»^[140] речь и сделал паузу перед тем, как перейти к той причине, по которой все здесь собрались.

— Пожарный Алмэйда, детектив МакГиннис?

Эли посмотрел налево на Люка и направо на МакГинниса, которые с опаской поглядывали друг на друга, как профессиональные боксеры, решая, стоит ли им погонять друг друга по рингу для галочки или сразу перейти к нокаутирующему удару.

Кинси задержала дыхание. *Давай же, малыш, ты можешь сделать это...*

Люк шагнул вперед. МакГиннис последовал его примеру.

После напряженного момента, Люк протянул руку мужчине, который переспал с его женой и едва не разрушил его карьеру. МакГиннис кивнул и ответил на этот мирный жест крепким пожатием. Официальный фотограф запечатлел это событие для потомков и оба мужчины убрали руки так же быстро, как до этого протянули их.

— Отлично, — продолжил Эли. — А сейчас вас ждет еще море развлечений. И я уверен, что совсем скоро вынесут десерт.

Мэр еще пару минут потратил на поздравляющие рукопожатия с избирателями (женщинами), а Кинси перевела взгляд на Люка, который подмигнул ей и послал дерзкую улыбку. Гордость за то, как он справился со всем, смешалась с уважением, любовью и огромной долей восхищения. Плененная притягательным лучом его взгляда, она не могла и представить, как могла быть где-то еще, с кем-то еще.

Все остальное было не важно, только Люк.

Только этот момент.

На месте, где разукрашивали лица, Гейдж позволил разрисовать себя под любимого супергероя, Человека-паука, якобы потому, что это веселило детей, но на самом деле потому, что он был девятилеткой, заключенным в двадцатичетырехлетнее тело.

— Привет, Спайди. Как делишки?

Гейдж уже не помнил, когда слышал этот голос. Скопив взгляд, он обнаружил своего брата Бэка с небрежной усмешкой на лице, обнимающего свою возлюбленную. Красиво татуированную, невероятную сорви-голову, бывшую наследницу Дарси Кокрэйн. Последний месяц они таскались по всей Азии, и Гейдж никому еще не был так рад.

Он подскочил, чуть не сбив с ног художника, разрисовывающего его, и схватил Бэка в охапку.

— Эй, осторожнее, — проговорил Бэк. — Не испачкай краской мою очень-очень хорошую одежду.

Гейдж отстранился от своего брата и оценивающе посмотрел на него. Сшитые по индивидуальному заказу льняные брюки и шелковая рубашка были совсем не в стиле Бэка Риверы. *О-ля-ля.*

— Твоя работа, *принцесса*? — спросил Гейдж, обнимая Дарси, которая, казалось, не возражала против краски.

Она подняла руки, защищаясь.

— Это все он. Мы привезли домой дополнительный чемодан из-за его прогулок по портным Банкока.

— Тебе нравится одевать меня, *querida*, — пробормотал Бэк. — Признай это.

Улыбка Дарси стала еще шире.

— Я предпочитаю раздевать тебя, красавчик, — перестав улыбаться, она повернулась обратно к Гейджу, в ее взгляде виднелось беспокойство. — Кажется, мы пропустили все “веселье”.

Гейдж кивнул.

— Да, оно было просто диким, — хоть он и знал, что Дарси имела ввиду драму с ЧПД Гейдж почувствовал, как его взгляд неизбежно обращается к большому грилью, который они установили в северной части двора, и к большой сумасшедшей горе мускул, сгорбившейся над ним. Брейди Смит, приставленный к обязанностям по готовке еды для дня открытых дверей своим приятелем мэром. Гейдж уже был благословлен “вроде бы когда-то были знакомы?” кивком от парня, когда проходил мимо тридцать минут назад. Сейчас вокруг была суматоха из соседских ребятишек и их родителей, а также одиноких женщин, желающих закадрить Люка, которая все еще не давала достаточно отвлечения.

— ... хотелось бы верить, что мой отец не мог сказать или сделать что-то такое, но... — Дарси помахала рукой перед его лицом. — Земля вызывает Гейджа.

Гейдж отвел взгляд от придурка, который все еще занимал слишком много пространства в его мыслях.

Бэк проследил за взглядом Гейджа. Его лицо засветилось.

— Эй, Дарси, посмотри, кто здесь. Брейди!

— Вы знаете его?

— Я делала ему тату, — зеленые глаза Дарси заблестели. — Бэк познакомился с ним несколько месяцев назад где-то на Рождество.

Как тесен мир. Если Брейди знал Бэка и Дарси, какого черта он не сказал об этом? Ох верно. Потому что это было слишком личным для такого замкнутого парня, как Брейди “Не могу сделать с тобой” Смит.

— Важнее, откуда ты знаешь его? — спросила Дарси с любопытством.

Гейдж пожал плечами. Он не знал его, не по-настоящему, он только хотел этого.

Бэк положил руку ему на плечо.

— Что происходит?

Проигнорировав брата, Гейдж сосредоточил все свое внимание на Дарси.

— Расскажи мне все.

— Ну, он ветеран морской пехоты, пару поездок в Афганистан. Служил с Эли Купером, так мы и познакомились, на самом деле. Эли — старый друг нашей семьи и мы с ним ужинали в Париже три года назад. Брейди проходил обучение в том же чудесном ресторане “L'Astrance” и ... — поймав раздраженный взгляд Гейджа, говорящий “*Переходи уже к важным вещам*”, она закатила глаза. — Он был для меня хорошим другом, особенно когда я вернулась в Чикаго в прошлом году. Ему не нравится, когда его трогают и, думаю, это из-за чего-то, что случилось с ним за границей. Чтобы нанести тату, ему пришлось пересилить себя.

Чтобы нанести тату, ему пришлось пересилить себя, но он не мог сделать то же самое ради Гейджа.

— А откуда ты его знаешь, Гейдж? — снова задала вопрос Дарси, на этот раз уже мягче.

— Твой приятель Купер, — мэр стоял плечом к плечу с Брейди, болтая без умолку и при этом не получая никакого ответа. Как, черт возьми, эти двое дружили?

— Старый добрый Эли, — задумчиво проговорила Дарси. — Не уверена, что могу представить вас двоих вместе, но эй, если это работает, — что бы она ни увидела на лице Гейджа, губы девушки сжались от беспокойства. — И кто же из вас играет тут роль идиота?

— Никто, не знаю, может, я, — с трудом выдавил Гейдж и это прозвучало слишком отчаянно. Впрочем, неудивительно. — Я думал, он заинтересован, но неправильно все понял. Его душевная боль слишком глубока и я бы не хотел быть рядом, когда это вырвется наружу.

— Трус, — пробормотал Бэк.

В груди Гейджа вспыхнуло раздражение.

— Я так рад, что ты вернулся из своего путешествия, Бэки. Мы все скучали по этому пуэрториканскому шарму.

Бэк издевательски усмехнулся.

— Ты настолько привык получать любой член, который захочешь, что при первом признаке сопротивления поджимаешь хвост.

Гейдж пригвоздил лучшим свирепым взглядом своего брата, которого, честно признаться, считал своим любимым Дэмпси. Ну, после Алекс, конечно же. А сейчас? Даже Уай казался привлекательнее этого мудака с его остроумными высказываниями.

— У меня нет времени гоняться за теми, кто этого не хочет.

— Почему? У тебя кончается время, отведенное на то, чтобы перепробовать как можно больше задниц, пока тебе не стукнет двадцать пять? — взгляд Гейджа стал оценивающим. — Не представляю себе пары из вас двоих. Но если ты что-то там увидел, то для этого должна быть какая-то причина.

Бэк был прав. В этом что-то было и Гейдж собирался точно выяснить, что именно.

Во время выступления мэра Брейди исчез, и Гейдж предположил, что парень покинул свое место, чтобы отлить. Зайдя внутрь, он обнаружил мужчину на кухне, выставляющим на кухонный стол бутылки соуса для барбекю.

— Привет, еда отличная, — произнес Гейдж.

Брейди неохотно поднял голову, словно каждое движение его бычьей шеи причиняло боль.

— Спасибо, — ответил он после продолжительной паузы. — Выяснил, что твоей команде может понравится оставшийся соус. Решил немного придержать.

Гейдж захватил два контейнера и вместе они загрузили их и пару мисок с салатом из шинкованной капусты в общий холодильник.

— Мило раскрасился, — пробормотал Брейди, закрывая дверь холодильника.

Желая поскорее прояснить ситуацию, Гейдж и забыл о том, что носил маску альтер эго Питера Паркера.

— Спайди всегда был моим любимчиком.

— Моим тоже.

Что ж, совсем черт побери, неплохо. Станным образом это ощущалось как какой-то прогресс, воздух наполнился обещанием. Насколько далеко Гейдж сможет продвинуться?

— Мы ценим то, что ты сегодня уделил нам свое время, впрочем, полагаю, когда мэр приказывает, ты это выполняешь, — Гейдж прислонился к столешнице и скрестил руки, кости едва не сводило от прилагаемых усилий к тому, чтобы выглядеть непринужденно. — Он был твоим командиром в Афганистане?

Брейди опустил голову, но не раньше, чем Гейдж уловил слабый намек на улыбку. Сердце Гейджа пустилось вскачь от того, насколько это изменило обычно жесткое лицо.

— Я — его. Команда была моей.

Брейди командовал Купером? Гейдж хорошо заплатил бы за то, чтобы увидеть это. Черт, да он хорошо заплатил бы за то, чтобы Брейди покомандовал *им самим*.

— Хотел бы вернуться в морскую пехоту?

— Никогда. Система неплоха, но через какое-то время она начинает раздражать. Мне нравится то, где я сейчас, — выражение внутренней боли снова омрачило его лицо, как в ту ночь, когда он сказал Гейджу, что его невозможно исправить.

— В самом деле?

— В самом деле что?

— Нравится то, где ты сейчас? — потому что, насколько Гейдж мог судить, мужчина жил лишь наполовину.

После вопроса Гейджа Брейди выглядел так, словно его стукнули палкой по лбу, но как раз в этот момент их прервала пара пожарных из расчета С, шумно ввалившихся на кухню. Дерьмо.

— Можем мы отойти куда-нибудь поговорить? — проворчал Брейди.

— Идем со мной, — ни в коем случае Гейдж не упустит шанс заставить Брейди открыться ему. Он провел их обратно в раздевалку, открыл дверь спального помещения и придержал, словно уговаривая щенка прогуляться. Брейди бросил подозрительный взгляд на комнату и шагнул внутрь. Гейдж закрыл дверь на замок.

— Это самая уединенная часть пожарного отделения.

Огромный шеф уже одной рукой ощупывал матрас, проверяя удобный тот или нет.

— Ты здесь спишь?

— Иногда. Обычно редко удается подремать, потому что мы — одно из самых оживленных отделений, но я обычно могу уснуть где угодно. Я легко приспосабливаюсь.

Плечи Брейди поднялись от вымученного вдоха, прошло пару минут перед тем, как он заговорил:

— Послушай, я сожалею о том, что оскорбил тебя в наш последний разговор. Я наговорил всякой всячины и... Я знаю тебя не достаточно хорошо, чтобы разговаривать таким образом. Не достаточно хорошо, чтобы делать предположения о шаблонах твоих походов и о том, как часто тебе это нужно.

Гейджа настолько ошеломили извинения Брейди, что на мгновение он буквально онемел. Впервые за все время.

— Ты не оскорбил меня. Я просто хочу знать, почему ты столь переменчив.

Брейди снова улыбнулся и *Ух ты!* Гейдж чуть не рухнул на колени прямо там, где стоял, а затем:

— Думаю, ты мне немного нравишься.

Гейдж шагнул ближе.

— Ты не забереешь слова обратно, Брейди.

— Я и не собираюсь, но это ничего не значит. Это... это не сработает.

— Ох, дерьмо, ты же не потерял это в Афгане, верно?

— Потерял что?

— Твой секс-инструмент? Твой член? Твоего верного дружка?

Взгляд Брейди стал сердитым. Определенно, с сексом все в порядке.

— Нет, я ничего не потерял, ты, маленький засранец. Я... мне просто не комфортно, когда кто-то касается меня. Пока нет.

Значит, Дарси была близка к правде, но не это вызвало шок Гейджа. Дело было в тех двух коротких словах. Они остались парить в воздухе, словно подвешенные на заполнившем помещении ощущении насущной потребности.

Пока нет.

Гейдж присел на ближайшую койку и приложил все усилия, чтобы сдержаться и не похлопать по месту рядом с собой.

— И как мы собираемся решить эту проблему? Потому что эта штука с отсутствием прикосновений похожа на полный облом.

— Я знаю, что парни вроде тебя не хотят ждать.

— И снова ты делаешь обо мне предположения.

Румянец, окрасивший щеки Брейди, вызвал у Гейджа улыбку. Так офигенно мило.

— Гейдж, я хочу касаться тебя, но...

— То есть с прикосновениями ко мне у тебя все в порядке?

Огромный мужчина кивнул.

— Но я не могу трогать тебя в ответ.

Еще один кивок.

— Ты описываешь мечту любого парня, гея или натурала. Получать, ничего не давая взамен. И если у прежнего меня все было бы в порядке с тем, чтобы дать кому-то отсосать себе без необходимости вернуть одолжение, то нынешнему мне это не подходит.

С каких это пор, Симпсон? С тех пор, как около месяца назад он важно зашел на кухню этого парня и едва не сошел с ума от похоти, и желания, и прочего пугающего дерьма, которое его тупые серые клетки отказывались анализировать в данную минуту. Звездное время для меняющего сексуальную жизнь прозрения.

Почему он не мог выбрать кого-то попроще? Парни с кучей слоев были не в его вкусе, но, чувак, он хотел этого парня и все его запутанные слои.

— Я делал много разных вещей, Брейди, и их никак не забрать обратно, понимаешь, что я имею ввиду?

Очаровательно смущенный Брейди покивал головой.

— Я молод и горяч. Но годы идут и, возможно, мне пора сбавить обороты.

— Тебе двадцать четыре года, мудака!

Взволнованный Брейди — самое сексуальное зрелище из всех, что Гейдж когда-либо видел. Боже, это будет весело.

— Открою тебе один маленький секрет, — произнес Гейдж, с наигранной подозрительностью бросив взгляд вправо-влево. — Я немного нервничаю. И мне будет спокойнее, зная как это сработает. — Он склонил голову. — Сколько тебе?

— Тридцать пять.

Старше, чем он думал, но это еще больше заводит. Впрочем, Брейди заводил Гейджа даже просто тем, что дышал.

— Что ж. Даже при том, что ты не хочешь, чтобы я прикасался своими горячими руками к твоему крепкому телу, ты все еще фантазируешь обо мне, верно? Ты трогаешь себя, думая обо мне и моих билбордах?

Брейди что-то промямлил.

— Что, шеф Смит?

Намек на улыбку скользнул по его губам.

— Ты знаешь что, Золотце.

С чувством самодовольства, Гейдж откинулся, опершись на локти, отчего преднамеренно и очень удачно задралась его футболка, достаточно, чтобы открыть кусочек загорелой кожи живота. Глаза Брейди стали почти черными.

— Мне нужно, чтобы ты прикоснулся ко мне, Брейди. Сейчас же.

Брейди сглотнул, его кадык был насколько крупным, что выдавался на толстой шее. Но затем он отступил на пару шагов, заставив сердце Гейджа замереть. Какого черта?

Мужчина проверил, закрыта ли дверь.

— Я уже перепугал половину ребятишек снаружи. Не хочу напугать оставшуюся половину, если нас застанут за этим.

Сердце Гейджа сжалось, но весь дискомфорт улетучился в тот момент, когда Брейди подошел ближе, скорее даже подкрался, с удивительной для такой массивной комплекции животной грацией. Опустившись на колени, он провел своей огромной, как у медведя, рукой по бедру Гейджа, и от этого простого касания Гейдж задрожал. Выше, выше, выше... он скользнул к молнии джинсов Гейджа. Его член дернулся, как дикая лошадка, желающая вырваться на свободу.

— Помни, что я говорил, Гейдж. Держи руки при себе.

Парень едва дотронулся до него, а Гейдж уже был готов кончить. Зажав в кулак покрывало, он с трудом выдавил:

— Это будет... очень... очень... трудно.

Брейди усмехнулся и провел по ткани джинсов там, где был переход от бедра к паху, близко, но не достаточно.

— Я собираюсь отсосать Спайдер-мену. Охренеть можно.

Но это волновало Гейджа меньше всего. Он понятия не имел, что было более странным: то, что ему совсем скоро сделает минет бывший пехотинец, пятизвездочный шеф с серьезными проблемами в вопросах интимной близости, или то, что впервые в жизни он играл пассивную роль во время секса.

Брейди потянул вниз молнию на джинсах Гейджа и провел костяшками пальцев по выпуклости, выделяющейся под боксерами. Просто подразнил, чтобы Гейдж знал, у кого контроль над ситуацией.

Впрочем, ублюдок правил балом с первого дня.

Вечеринка во дворе ПО № 6 шла полным ходом. Наконец, закончив любезное общение со своими избирателями, мэр подошел к Кинси и Мэдисон.

— Отличная речь, мистер мэр, — сказала Мэдисон.

Признаательно улыбнувшись в ответ на комплимент, мэр попросил:

— Не возражаешь, если я поговорю с Кинси наедине, Мэдс?

— Конечно, — ответила Мэдисон, на ее гладком лбу появилась складка, когда она поочередно посмотрела на мэра и Кинси. — Думаю, там где-то есть кусочек пирога с моим именем.

Эли глядел вслед своей бывшей жене, Кинси все еще не оправилась от этой шокирующей новости, но даже когда Мэдисон скрылась из виду, он не спешил начать разговор. Тишина встала между ними, как крепость, едва ли не физически ощутимая, ее желудок скрутило от тошнотворного чувства. Каждый раз за последнюю неделю, когда Кинси останавливалась у офиса Эли, чтобы признаться в своих грехах, он был или в служебной командировке или на встрече. Настало время расставить все по своим местам.

— Я надеялась поговорить с тобой о некоторых кампаниях, которыми мы могли бы заняться в дальнейшем, но сначала, я должна признаться...

— У тебя есть неделя, чтобы освободить офис, Кинси, но, полагаю, ты предпочтешь собраться вещи побыстрее.

Ох. Ее глупое сердце стремительно упало на асфальт, где забилося, как пойманная на удочку рыба. *Уволена.* Один из самых могущественных и влиятельных людей в стране только что уволил ее.

— Как давно ты в курсе?

Выражение его лица, сказалось Кинси, что она или идиотка, или просто наивная, или и то и другое. Так вот как все было на самом деле. Все это время ублюдок вел грязную игру.

— Не у тебя одной есть свой человек в Эн-Би-Си, Кинси. У меня сразу были подозрения и они подтвердились через десять секунд после того, как это вышло в эфир, — мэр покачал головой. — Ты могла бы оставить Дэмпси самих разбираться со всем, но петиция, организация всего... что ж, я могу понять, почему ты хотела заняться этим сама. Даже не подчинившись прямому приказу, ты сделала это самым профессиональным образом из всех

ВОЗМОЖНЫХ.

Разве она не подозревала, что Эли был в курсе уже в тот момент, когда положила трубку, поговорив с ним после эфира? Исходя напрямую от самого мэра, видео стало бы открытым объявлением войны Кокрэйну. Возможность сослаться на неведение, когда оно вышло в эфир, была лучшим вариантом для Эли. Таким образом, он сохранил поддержку Кокрэйна, избавил город от изнурительного судебного процесса, а Алекс Дэмпси — от потери работы. Что касается Кинси? Сопутствующий ущерб.

Тут же она ощутила негодование.

— Как только я принесла видео, ты знал, что это способ спасти Алекс, но не хотел, чтобы его обнародование исходило от тебя. Я полагалась на твое чувство справедливости, а ты сделал ставку на мое. Я играла в твою игру, сделала за тебя всю грязную работу и все равно потеряла место?

Наклонив голову он заговорил голосом, в котором звенела сталь.

— Я говорил тебе уничтожить это видео, а вместо этого ты провела теневую кампанию, в результате которой я мог потерять основного спонсора и важную поддержку. Не притворяйся, что ты не понимала возможный риск. Не было никаких гарантий, что все так хорошо закончится, но какими средствами... — промелькнувшая искра, смягчила пронзительные голубые глаза. — Мы составили бы отличную команду, ты и я. Но я не потреплю неблагонадежности, даже когда она играет на руку.

Все верно, Кинси рискнула и знала, что ее работа может оказаться на кону. Но Эли дурачил ее, позволил думать, что она в безопасности. Позволил глубже погрузиться в эту новую жизнь, которую она выстраивала. В новую охватившую ее любовь.

Что за мудак!

Ее голова пошла кругом, когда она попыталась пробраться сквозь лабиринты, по которым блуждал ум этого человека.

— Почему ты не уволил меня сразу, как узнал, что это я заказала эфир?

Он перевел взгляд на толпу, собравшуюся во дворе.

— Учитывая твои особые отношения с Алмэйда, я не собирался ставить это событие под угрозу срыва. Одному Богу известно, насколько сильно он слетит с катушек, когда узнает, что я выгнал тебя.

Приятно узнать, что он ее использовал, пусть даже и в качестве укротителя для ревущего зверя. Какой же позор. Она недооценила Эли, распространенная ошибка, которую совершаешь, общаясь с людьми незаурядной внешности.

— Все было совсем не из-за этого, — проговорила она, в ответ на его насмешку о Люке, даже при том, что признавала верность высказывания Эли. Отчаянное желание удержать ее основные ценности — самоотверженность и профессионализм — заставило Кинси встать на защиту еще одного решения, принятого ради мужчины.

— О, да. Ты просто выступила в поддержку женской части общества и отстаивала права наших граждан нетрадиционной ориентации.

Он был прав. Кинси пересекла всю страну ради одного мужчины, а сейчас пожертвовала работой ради другого.

Она была идиоткой, и ей некого винить, кроме самой себя.

Бар Дэмпси на Дамэн авеню был полон с тех пор, как день открытых дверей в ПО № 6 объявленный старшим руководством ЧПД и вездесущими СМИ “головокружительным успехом”, немного заделал трещину между экстренными службами города. Обычно в баре было уныло, так что Люк был рад видеть, как полицейские снова проводят время со своими братьями по службе. Это было хорошо, как для поднятия боевого духа, так и для увеличения прибыли.

Также у него была еще одна причина для веселого настроения.

Сегодня после обеда он сдал экзамен на лейтенанта, и сейчас ему оставалось пару недель подождать результата. Но он был уверен, что справился успешно, потому что уже был лейтенантом ЧПД во всем, кроме самого звания. Единственное, что слегка омрачало его радость, — отсутствие рядом Кинси. Она вернулась в Сан-Франциско, чтобы навестить семью, и три дня без нее сделали его раздражительным.

Рядом с углом стойки, он заметил Джози, помощницу Кинси, играющую в дартс со стайкой хихикающих подружек. Она подпрыгнула и перегнулась через бар, глядя на него огромными выразительными глазами.

— Люк, ты в порядке?

— Лучше не бывает. А ты?

Грусть исказила ее приятное личико. Черт, может что-то случилось с ее кошкой.

— Я нормально. Я имею ввиду... — она сжала его руку. — Ужасно, что Кинси уволили, верно?

— *Что?*

Ее губы сложились в идеальное “О”.

— Ты не знал?

Сердце бешено забилося, Люк быстро заморгал, словно это могло как-то изменить то, что он только что услышал. Кинси уволили? А она ни слова не сказала?

Джози, очевидно приняв его молчание за поощрение, продолжила:

— Не думаю, что общественность уже в курсе, но было очевидно, что мэр обнаружит ее участие во всем этом деле с видео о Кокрэйне, и, конечно же, он не потерпит такую неблагонадежность...

Его сердце продолжало биться в ускоренном ритме. А Джози все говорила и говорила.

— ... не тогда, когда он сказал ей держать все в тайне...

Люк протолкнул вниз образовавшийся комок вины. Она потеряла работу... из-за Дэмпси?

Из-за тебя, говнюк.

— ...И это все, что сейчас могут обсуждать в мэрии, потому что она была одной из его фавориток. Он пренебрегал даже своим главным парнем по связям с общественностью, чтобы получить ее мнение, хотя Джон с усами, как у моржа, был, вероятно, худшим человеком из всех, кто мог представлять город. То есть, разве ты бы поверил парню с такого рода растительностью на лице....

Люк перестал обращать внимание на Джози. Ему надо было поговорить с Кинси. Сейчас. Его раздражение из-за пребывания в неведении было вытеснено беспокойством за нее. Должно быть, она была раздавлена, зализывала свои раны дома в Сан-Франциско, не

желая доставлять ему хлопот. Он не глядя отступил на пару шагов, однако застыл, когда последняя фраза, вылетевшая изо рта Джози, пронзила его череп, как экспансивная пуля.

— Повтори еще раз.

— Полагаю, это хорошо, что у нее есть на примете та работа в Сан-Франциско.

— Какая работа?

Джози выглядела одновременно раздраженной его незнанием и озадаченной его резкостью.

— С этим политиком, Макс как там его. Я слышала, как она говорила об этом по телефону, когда приходила в понедельник утром, чтобы забрать вещи из кабинета. Я не подслушивала, но она обычно оставляет дверь приоткрытой, потому что придерживается, или придерживалась политики открытых дверей и...

Шум крови в голове стал невыносимым. Он сглотнул и этот звук показался невероятно громким.

У нее уже была на примете работа.

В Сан-Франциско.

Люк вытащил телефон и, застыв, изучил последнее сообщение, которое она послала ему сегодня днем. Он хотел поделиться с ней новостями об экзамене, но потом подумал, что лучше сделает ей сюрприз, когда узнает об успешной сдаче. Когда она снова будет в его объятьях. Вместо этого он спросил о том, как прошел ее день.

“Папа пытается заставить меня съесть бекон!”

Его ответ: *“Пошли его подальше, крошка. Когда вернешься, я приготовлю тебе любой чертов салат, который захочешь”.*

В ответ она прислала улыбающийся смайлик. Гребаный улыбающийся смайлик.

Кинси не собиралась возвращаться. Вообще. Она не доверяла ему достаточно, чтобы рассказать о потере работы. На кой черт ей держать его в курсе своих планов на жизнь?

Может быть, Джози что-то не так поняла. Одному богу известно, какого рода игры с “испорченными телефонами” ведутся в мэрии, где никто *не* подслушивает, а туалеты гудят от полуправды и сплетен.

Ему нужно сохранять. Мать его. Спокойствие.

— Вернусь через минутку, — сказал он Гейджу, который только рассеянно кивнул, слишком занятый флиртом со всеми, кто подходил к бару.

Люк вышел в коридор к уборным, глубоко вдохнул и набрал номер. Она ответила едва закончился первый гудок.

— Привет.

— Привет, как дела?

— Хорошо... — ее голос затих, а потом он услышал, как она прошипела “Джакс, отстань!” — и снова вернулась к разговору. — Прости, это мой брат, Джакс. Он отыгрывается за те месяцы, что не имел возможности лично мучить меня. Итак, как ты?

Не очень-то.

— Я слышал очень странную новость. Очевидно, тебя уволили, но я подумал, что это невозможно, потому что, если бы такое произошло, ты бы рассказала мне об этом, — Люк знал, что это звучало так, будто он предъявлял претензии, но его злость никак не получалось смягчить. Кинси лгала ему, и если она не задолжала ему свое будущее, то уж правду должна была сказать.

Наступила долгая, тяжелая пауза.

— Я не хотела тебя беспокоить. Я знала, что как только ты услышишь об этом, то расстроишься, потому что...

— Ты сделала это ради моей семьи, — ради него.

— Верно, и мне надо определиться со следующим шагом, — "самой" четко звучало в конце ее предложения. Это будет личное решение Кинси.

Она сделала глубокий вдох.

— И твой следующий шаг включает в себя переезд в Калифорнию?

Наступила еще одна пауза и Люк расслышал, что она куда-то идет. Он услышал тихий писк, как будто она открывала дверь-ширму.

— Я не уверена, — наконец ответила Кинси. — Я получила предложение поработать с одним человеком, которым восхищаюсь, здесь, в Сан-Франциско. Это предвыборная гонка в сенат Штатов и я буду идиоткой, если откажусь от этого.

Так будь идиоткой. Вернись ко мне и закрой пустоту, которую может заполнить только твоя улыбка, твой ум, твое сострадание. Будь идиоткой ради меня.

Но она уже так поступила, когда переехала ради своего бывшего, поставив под удар свою карьеру и свои принципы ради мужчины, который не заслуживал ее. Люк знал, что тоже не заслуживал ее, и если сейчас будет умолять ее вернуться, то только унизит себя.

Кинси никогда ничего ему не обещала. Предполагалось, что она будет его реабилитаций, первой женщиной после Лизы. И, очевидно, такую же функцию он выполнял для нее.

Для него же это стало *большим*. Намного *большим*. Она спасла работу ему и Алекс, сохранила его семью вместе в ПО № 6 и распахнула сердце, которое уже вечность как оставалось закрытым. Каким-то образом он убедил себя, что ему достаточно роли отца Дэмпси, но это было не так. Кинси показала ему, что желать лучшего — не так уж плохо. Добиваться чего-то, использовать свои навыки лидера, высказываться, когда он замечал что-то, что должно быть исправлено. Люк станет прекрасным лейтенантом.

Он хотел разделить это с ней.

Хотел разделить с ней все.

Но, конечно же, ее это не волновало. Она была словно Мэри Поппинс, парила с полной ложкой сахара, помогая победить болезнь. Делала своей находчивостью и великолепной улыбкой всю хренотень в его жизни приемлемой, и сейчас она направлялась к своей новой задаче. Все пункты отмечены, миссия выполнена. Люк Алмэйда приручен и возвращен в нормальное общество.

— Люк, ты еще здесь?

Едва ли. Он ощущал себя нереальным, прозрачным. Все это наверняка происходило с кем-то другим.

— Слушай, мне надо идти, мы тут очень заняты.

— О... ладно, — она запнулась, словно хотела сказать что-то еще, и он ждал, молясь, чтобы она сказала что-то стоящее. Но когда она снова заговорила, то всего лишь пожелала спокойной ночи.

Что скорее звучало как прощание.

Да уж, все шло на дно, как "Титаник".

Не в силах удержаться на ногах, Кинси схватилась за мраморную столешницу на кухне своего отца и попыталась логически проанализировать свои чувства.

Трусиха.

Как ни посмотри, это было тем словом, которое насмеялось над ней. Она была трусихой и потому не сказала Люку, что ее уволили. И вдвойне трусихой, не сказав ему о предложенной Максом работе. И, дзинь-дзинь, третьим в списке шло трусливое нежелание говорить ему о том, что она чувствует. Она скучала по нему. Ужасно.

Но и по Дэвиду она тоже скучала, когда он делал перерыв в отношениях, чтобы закончить резидентуру в Нью-Йорке. Она скучала, когда он уехал в Чикаго для нового шага в своей супер-важной карьере. Скучание по ком-то, заполняющем пустоту в твоей жизни, не важно на сколь короткий срок, не является основой для выбора, меняющего жизнь. Она была ходячим примером убогих решений, продиктованных гормонами, начиная от переезда через всю страну и заканчивая продвижением видео с Кокрэйном, и будь она проклята если позволит своему влагилицу снова возобладать над здравым смыслом. Конечно, она могла найти работу в Чикаго и посмотреть, куда приведет приключение с Люком, но как насчет возможностей, предоставленных здесь и сейчас?

Сегодня утром она встретила с Максом Фордхамом в мэрии, полностью готовая признаться, почему Эли ее уволил. Но он уже знал.

Эли позвонил Макс, но не для того, чтобы потопить все ее шансы, а чтобы воспеть дифирамбы. Он выгнал ее, а затем смягчил ситуацию, дав блестящие рекомендации. После того, как Кинси объяснила, что случилось, Макс посмотрел на нее в другом свете. О, она знала, что он уважал ее до этого, но сейчас она оказалась нравственной фигурой, которая пошла наперекор влиятельному мэру Чикаго.

Максу это понравилось.

Если при проверке ее данных не выплывет ничего постыдного, то она явный кандидат на эту должность. Кинси не питала иллюзий, что Макс был менее требовательным политиком, чем Эли или любой другой политик, на которого она работала, но хотела принять участие в начале процесса. Разработать его кампанию с нуля — это было тем вызовом, в котором она нуждалась. Парень мог стать сенатором, может однажды даже президентом.

Все это должно было заставить ее почувствовать себя лучше.

Кинси вернулась на задний двор дома своего отца в Сан-Рафаэле в подавленном настроении. Там папа, Джакс и Али, подружка Джакса, сидели за столом для пикника. Солнце висело над горизонтом и его персиковое сияние обещало отличную погоду завтра. Но, не смотря на теплый воздух, ее кости ломало от холода сожаления, который она привезла с собой из Чикаго.

— Все в порядке? — спросил ее брат, от беспокойства знакомая морщинка пролегла между бровями. Он наполнил ее бокал пино.

— Отлично, — девушка сделала глоток и поставила бокал.

— Полегче, хулиганка, у нас осталось всего три бутылки, — сказал Джакс и только тогда Кинси, посмотрев на бокал, в шоке заметила, что тот наполовину пуст.

Ее отец наблюдал за ней прищуренными от любопытства глазами.

— Это был Люк?

Али оживилась.

— Кто такой Люк?

— Пожарный, с которым у нее была интрижка в Чикаго. В прошлом морской пехотинец, — на лице Джакса отразилось братская брезгливость. — Звучит как какой-то придурок с комплексом героя.

После Фиаско с Дэвидом ее братья стали больше опекать ее. Но поскольку они были мужчинами и их эмоциональная граница находилась на уровне гризли, защита приняла форму оскорблений в адрес каждого мужчины, появлявшегося в ее поле зрения. Показательный пример: Эли Купер, по словам Джакса, был “трусливым, одержимым своей прической тираном”.

— Пожарный, который в отставке? — неудовлетворенная пояснением Джакса, Али заговорщически наклонилась вперед. — Расскажи мне больше.

Кинси заерзала на стуле. Куда, черт побери, подевался весь воздух?

— Нечего рассказывать.

Ее брат приподнял бровь в жесте “ты меня разыгрываешь”:

— Согласно его фанатской страничке на Фэйсбуке, да, у этого придурка есть фанатская страничка, у него ирландско-кубинские корни, он любит бить людей, которые выводят его из себя, и тащится от демонстрации своего пресса на билбордах. На самом деле, он такой эксбиционист, что они с Кинси были не прочь транслировать свои сексуальные авантюры для всей семьи. Да фактически для любого, находящегося в сети.

— Папа! Не могу поверить, что ты рассказал ему об этом, — точнее, она не могла поверить, что Джакс, имея такое первоклассное оружие в своем арсенале, только сейчас высказался.

— О чем вы? — Али продолжала хихикать, пока Джакс потчевал ее своей версией истории о пойманных с поличным (которая на самом деле была даже не *его* историей). К тому времени, как он закончил, та стала в десять раз более откровенной и в двадцать раз более порнографической.

Ее отец смущенно пожал плечами. И это обычно невозмутимый военный.

— После того как я справился с удивлением, потревожив свою дочь, когда она почти... ну вы поняли, я решил, что это довольно забавно. Мне нравится твой кавалер, тыковка.

— Он не мой кавалер, пап. Он...

— Просто интрижка? — улыбнулась Али, само воплощение невинности.

Он был мужчиной, который воскресил ее веру, одним поцелуем, одним прикосновением, одним ударом сердца.

— Просто приятный парень, который сделал Город Ветров более сносным.

Что-то проворчав, Джакс поднял свой бокал.

— Как я и говорил. Придурок.

Они говорили о нем почтительным обеспокоенным шепотом. Гейдж и Алекс так точно. Люк почти видел, как Уайатт, слегка приподняв бровь, слушает их дискуссию о том “Как бы

ты решил проблему на месте Алмэйда?”

Он зашел на кухню, испытывая сильный соблазн свистнуть, чтобы увидеть, спугнет ли это их. Всю неделю с тех пор, как он узнал, что Кинси потеряла работу, он с головой был погружен в свою работу, что вызвало у всех подозрение.

У каждого Дэмпси был свой образ поведения, когда дело касалось краха отношений. Когда Гейдж расставался с кем, то, он готовил. Много. Пока курица в соусе Марсала не начинала вылазить у них через уши. Алекс угрожала “отрезать всем парням достоинство”, но дальше этого дело не заходило. Что касается Уайатта, он жил как монах, за исключением таинственных отлучек, о которых отказывался говорить. А Бэк был по уши влюблен в Дарси.

После Лизы, Люк бил вещи, кричал на людей и снова бил все подряд, затем провел несколько месяцев, не поднимаясь со своего дивана и налаживая очень близкое знакомство со дном бутылки. То, что сейчас он не пребывал в позе эмбриона, жалко заливаясь Джеком, беспокоило их.

Не обращая на них внимания, он налил кофе и вытащил свой зазвонивший телефон. Люк замер, увидел на экране имя Алекс, той самой, которая сидела позади него за кухонным столом.

— Что?

— Просто проверяю, работает ли твой телефон, — ответила его сестра. — Кинси сказала, что ты не отвечаешь на ее звонки.

От упоминания ее имени по шее Люка пробежали мурашки. Перед тем как повернуться, он вернул на лицо безразличное выражение.

— Что ты собираешься с этим делать? — спросил Гейдж. Его сегодняшняя футболка гласила: *“Я — пожарный. Чтобы не тратить время, давайте просто признаем: Я никогда не ошибаюсь”*.

— С чем?

Взгляд Гейджа стал резким.

— Она мне действительно нравится.

— У тебя достаточно друзей.

— Она действительно нравится тебе, — добавила Алекс.

— Это была просто интрижка, сестренка. Ничего больше, — ложь, слетевшая с его губ, казалась кощунством, *“минимум десять раз прочитать “Отче наш” на исповеди”*, сказала бы Мэри. Он сделал глоток кофе, чтобы не закричать.

— Чушь собачья.

Люк перевел взгляд на Уайатта.

— Чушь собачья?

— Женщина идеально тебе подходит. Терпит твоё гиперпекающее дерьмо. Дает нам все отдохнуть.

— Мое гиперпекающее дерьмо? — он обвел взглядом кухню и встретил только приподнятые брови. — Вы имеете в виду тот факт, что я достаточно забочусь о ваших задницах, чтобы узнать где вы находитесь и когда собираетесь вернуться домой? Это вы называете гиперпекающим дерьмом?

— В этом вся проблема, так? — Алекс прикусила губу, проявляя решимость, присущую Дэмпси. — Ты всегда думаешь о нас. Беспокоишься о нас. Ты не можешь быть рядом всегда, во время каждой ошибки.

— Кто-то же должен быть! — Люк повернулся и со стуком поставил чашку с кофе, не

обращая внимание на расплескавшееся по столешнице содержимое. Кто присмотрит за ними, если его не будет рядом? Уайатт? В роли воспитателя Уайатт был бесполезен. Отлично было иметь его на своей стороне во время пожара или в окопе, но он ничего не смыслил в молодежи, с таким же успехом они могли остаться сами по себе.

— Там под раковиной есть коробка гвоздей, — проговорил Уайатт. — Должно как раз хватить, чтобы удержать тебя на кресте.

— О, оставь это, Уай, — перебила Алекс. — Дай ему передышку.

Гейдж вздохнул, вечный миротворец.

— Мы взрослые, Люк. Мы обученные профессионалы...

Тут Уайатт фыркнул.

— ... и иногда все портим, но сами в состоянии это исправить.

— Я просто присматриваю за всеми вами. Это не изменится. Это заложено в моем ДНК, — он не мог бороться за Дженни. Тогда он был бессилён, но это в прошлом.

— Мне нужно поговорить с Люком наедине, — сказал Уайатт.

Люк повернулся как раз вовремя, чтобы заметить удивление на лицах Алекс и Гейджа. Уайатт никогда не просил ни о чем таком. Все семейные дела, — не то, чтобы это было семейным делом, но совать нос во все щели было обычным для Дэмпси, — обсуждались всеми вместе. Они с Уайаттом могли поговорить о детишках наедине, но никогда не просили никого выйти.

Остро осознавая значение момента, Гейдж и Алекс обменялись обеспокоенными взглядами, но подчинились и вышли из кухни.

Несколько мгновений, настолько тяжелых, что они могли бы разбить даже пожарную машину, Уайатт просто смотрел на Люка.

— Меня не было здесь, — наконец начал он тихим голосом. — Когда Шон и Логан погибли, даже не обсуждалось, кто останется.

— Я был счастлив сделать это, — Люк сделал это в той же степени ради Уайатта, как и ради младших. Будь у него выбор, он снова сделал бы то же самое, без колебаний.

— Ты имеешь полное право обижаться из-за этого, — продолжил Уайатт, словно Люк ничего не говорил, — и не только потому, что тебе нравилось в морской пехоте. Я был совершенно бесполезен для тебя или младших, — его грудь поднялась от вдоха. Люк мог назвать это самым ярким проявлением эмоций от Уайатта из всех, что он видел, если только это не было частью разыгрываемой мелодрамы.

— Для тебя это было сложнее, Уай. Логан был твоим родственником, — Люк знал, на что была похожа потеря родных. Боль Уайатта ранила его настолько глубоко, что только строго регламентированная жизнь в пехоте могла удержать его на ногах во время шторма. Способ, которым переживали траур Дэмпси, был слишком запутанным для него.

Уайатт не стал спорить, только кивнул, соглашаясь с умозаключением Люка, и Люк никогда не любил его больше, чем в этот момент. Они всегда понимали друг друга.

— Никто не ждет, что ты будешь и дальше отказываться от своей жизни, Люк. Тебе нужно подумать о том, что нужно тебе самому. Эта твоя женщина... что она сделала для Алекс... — он нахмурился. — И тебе прекрасно известно, что Лиза никогда бы и мизинцем не пошевелила, чтобы прийти на помощь, даже если бы это было в ее силах. Кинси заполучила тебя. Она заполучила нас.

Да, так и было. Она поставила под удар свою работу и это аукнулось ей, больно ударив по симпатичной заднице. Но это не меняло сухих, грубых фактов.

— Она не хочет меня. Боже, она даже не сказала мне, что ее уволили, Уай. Она уже распланировала свою жизнь за тысячи миль от меня.

— А ты уже говорил ей о своих чувствах?

Люк послал ему взгляд, говорящий “черт, нет”. Не то, чтобы он был таким же эмоционально уравновешенным, как Гейдж, или что-то еще.

Его брат покачал головой, подобие улыбки на его губах смотрелось почти странно.

— Ей нужен гребаный широкий жест. Как и всем цыпочкам.

Откуда-то из глубины, где все болело, поднялся неуместный смех. Уайатт, раздающий советы об отношениях был забавнее всего, что он слышал за долгое время.

— И я должен принять совет от парня, который не ходит на свидания, потому что...?

— Забудь. Просто пытаюсь помочь.

Уклонение тут больше не сработает, не тогда, когда Уайатт открыл дверь в свои эмоции.

— Мне нужно кое-что у тебя спросить. Твои ночные вылазки связаны с женщиной?

— Нет.

— Это незаконно?

Уайатт выглядел оскорбленным. Проклятье, к черту риск оскорбить его, Люк обязан быть уверенным. В его голове вспыхнуло видение того, как Уайатт на предельных скоростях гоняет на “Камаро” по Западной Авеню. Люку нужно было знать, что он может доверять и оставить все на своего брата, если его самого здесь не будет.

Если не будет.

Святое дерьмо. Она действительно размышлял об этом.

Уайатт сделал глоток из своей чашки с кофе.

— Несколько лет назад я отпустил одну девушку. Я знал, что она была моей, но был недостаточно смелым, чтобы удержать ее, и она уехала. Если бы я мог все повторить, то сделал бы все возможное, чтобы она поняла, что является моей женщиной. Прояснил ситуацию до конца.

Люк не был бы больше удивлен, даже если бы Уайатт сказал, что присоединяется к цирку. Его старший брат был самым скрытным человеком из всех знакомых Люка, и ему было очень тяжело, во-первых, рассказать что-то личное и, во-вторых, признать, что он был недостаточно смелым. Особенно, последнее признание было тем, которое Дэмпси никогда не делали. Бесстрашие ценилось выше, чем билеты на “Блэкхокс”^[141], и то, что они говорили обо всей этой эмоциональной фигне, не меняло правила.

Люк жил в состоянии комфортного онемения весь последний год. Даже дольше. Прикрывшись, как анестезией, безопасным одеялом из своей семьи, он обрел роль, цели и самообманчивую уверенность в том, что этого было достаточно. Но это не так.

Он с радостью готов был прорваться через горящие двери многоквартирного дома, чтобы спасти кого-нибудь, и в то же время не набрался мужества, чтобы обнять Кинси Тэйлор и рассказать о том, что хочет ее навсегда. Его бесполезное сердце без нее было разорвано в клочья. Она была нужна ему, как воздух. Если был хоть один шанс, что у него может все получиться, то какого черта он сидит на кухне и попивает кофе?

Уай скользнул взглядом к двери и Люк почувствовал, как его губы трогает улыбка с небольшой долей грусти.

— Можете заходить, — сказал он.

Дверь распахнулась и Гейдж с Алекс ввалились в кухню, готовые встретиться любой

только что разорвавшейся тут бомбой правдой.

— Наконец-то, — проворчала его сестра. Она обняла его и положила голову на плечо. — Мне жаль, Люк. Из-за Кокрэйна, из-за того, что Кинси потеряла свою работу. Это я виновата в том, что она ушла. Хотя, в целом вина лежит на этом кретине Эли Купере, но я знаю, что в какой-то мере и на мне тоже. Я всегда была той еще занозой в заднице для вас.

Люк улыбнулся ей в волосы.

— Совершенно верно, но мы больше не собираемся мусолить эту тему. Все закончено и пора двигаться дальше.

Сестра сильнее сжала его.

— Ты всегда был моим любимым братом.

— Я сейчас разрыдаюсь, — пробормотал Гейдж и все засмеялись, разрушая напряжение, уже несколько недель облаком разлада и стресса висевшее над лагерем Дэмпси.

Дверь кухни открылась, впуская Бэка и Дарси. Они остановились, заметив сцену перед собой.

— Что тут происходит? — спросил Бэк, подозрительно сощутив голубые глаза.

— Люк только что вытащил свою голову из задницы, — ответил Уай.

Вздыхнув, Дарси подошла к булочкам с корицей.

— Значит, мы, как обычно, пропустили все самое интересное. Можешь повторить? В замедленном темпе.

Люк окинул взглядом всех до чертиков раздражающих членов своей семьи.

— У кого-нибудь еще есть мнения или комментарии перед тем, как мы уже покончим со всем этим?

Гейдж лукаво посмотрел на него поверх чашки с кофе.

— Ага. Я предлагаю тебе наконец снять с себя платяишко и пойти заполучить ее.

Ритм синтезаторов Рёйксопп^[142] и Робинс “Сделаем это снова” помогал Кинси переставлять ноги, расправляясь с улицами Сан-Рафаэля, но не помогал избегать мыслей о Люке. Его пронзительные голубые глаза преследовали ее. Наблюдая, желая, готовые в любой момент загореться от смеха или желания.

Она увеличила громкость.

Ее постоянно недовольный ум прокручивал образы того, как твердое тело Люка соединяется с ее. Более того, образ этого красавца-мужчины предстал перед ней во всех деталях. Думай о нем только как о парне, с которым у тебя была горячая интрижка во время знойного чикагского лета. Последние пару месяцев были словно отдых от реальной жизни. Своего рода интернатура в офисе мэра. Кампании реализованы, кризисы преодолены, ценности сохранены, и даже не смотря на то, что все закончилось на менее звездной ноте из-за неловкого увольнения, Кинси все равно продолжила путь, обогатив свой опыт. И на протяжении этого отдыха ей удалось заполучить ласки одного горячего пожарного.

Неплохо. Совсем неплохо.

За исключением...

Не было никаких исключений, и в доказательство этого она побежала быстрее. Было только прошлое с недостойным мужчиной, стоящим на пути ее целей. Если она не сможет придерживаться такой позиции, то о какой женской солидарности может идти речь? Была ли она обречена повторять свои ошибки и ошибки многих женщин до нее? Не для этого женщины выходили на парады, сжигали лифчики и боролись за уважение. Не то, чтобы ее работа отражала все женское общество, но ей следовало делать то, что было ей во благо, в этот раз, и прямо сейчас это включало согласие на работу с Максом Фордхамом.

Но Люк Алмэйда тоже принес ей пользу. В спальне. В своем “шеви”. В ее сердце. Он был настолько чертовски хорош для нее, что получил постоянную прописку в ее мыслях. Десять лет с Дэвидом и сейчас Кинси едва вспоминала о нем. Десять дней с Люком и она не могла думать ни о чем другом.

Но он определенно не думал о ней. Кинси звонила ему несколько раз на неделе после того сжимающего сердце телефонного разговора, но все без ответа. И это было единственным, что помогало ей придерживаться убеждения, что это интрижка; совсем другое дело, когда это так недвусмысленно подтверждалось его молчанием. В любом случае, что бы она сказала ему, если бы он ответил на один и ее звонков?

Отлично потусовались, малыш, спасибо за все оргазмы?

Вытащив наушники, Кинси завершила пробежку, побежав к ранчо своего отца и проскользнув через проход во фронтоне. Теплый ветер доносил мужские голоса. Должно быть, Джакс уже приехал на поздний завтрак. Она заскочила на задний двор, чтобы быстро поздороваться перед тем, как отправиться в душ.

Только это был не Джакс.

Сердце бешено забило, Кинси медленно и долго оглядела его, чтобы успокоить свой томящийся от жажды мозг. Она снова делила один часовой пояс с Люком Алмэйда.

— Привет, — обыденно сказал Люк, словно сама идея того, что он заскочил на поздний завтрак в дом ее отца в двух тысячах миль от Чикаго, была совершенно нормальной.

Слова отказывались формулироваться. Присутствие горячего мужчины в саду —

женский IQ резко падает.

Память Кинси была несправедлива к нему. На нем были джинсы, одни из тех мягких, которые облегли его сильные ноги, как старые друзья. Бог свидетель, ей никогда не надоест вид этот мужчины в джинсах. Серая футболка своей простотой только подчеркивала невероятно мускулистую грудь. Это никогда не было *просто* грудью. Она была рада, что Люк не приоделся для встречи с ее отцом. Он был таким, каким должен был быть: сексуальным, примите-меня-таким-какой-я-есть воином, которого она любила как сумасшедшая.

Она любила этого мужчину.

— Люк рассказывал мне о своей службе в морской пехоте, — пояснил ее отец, возвращая Кинси в реальность из ауры Люка, в которой она потерялась. В голосе ее отца слышалось одобрение. Признание. Эти двое были вылеплены из одного теста. Положительные, ориентированные на семью, имеющие четкие ценности мужчины.

Найди женщину, заяви на женщину свои права... о боже. Она влюбилась в парня, как две капли воды похожего на ее отца. Братья не дадут ей этого забыть.

— Пойду, возьму апельсинового сока, — сказал ее отец, не обращая внимания на то, что два запотевших кувшина уже стояли на столе для пикника. Проходя мимо Кинси, он приподнял одну бровь.

Сообщение получено, полковник.

Взгляд Люка, пронзительный, нереально синий, пропутешествовал по ее лицу, словно он впервые ее увидел.

— Сюрприз, — мягко сказал он.

— Я вся потная, — выпалила Кинси, потому что знала, что последует за этим и, боже, если он сейчас ее коснется, все рухнет.

— Такой ты мне и нравишься, Тэйлор. Потной, податливой, в моей власти, — и в следующий момент она уже была в его объятьях, ощущая его обжигающе горячий рот, и это было так, словно в этот чистый момент, наполненный теплом и миром, все обнажилось.

Поцелуй был идеальным, а сам мужчина и подавно. Будь он проклят.

Он уткнулся лбом в ее влажную от пота бровь.

— Я бы сказал, что нам надо поговорить, но предпочитаю делать то, что мы только что делали.

— Решать проблемы с помощью секса?

Мужчина усмехнулся.

— Даже с моими сумасшедшими навыками, я не смогу все проверить до того, как вернется твой отец с третьим кувшином сока. Похоже, обезвоживание нам не грозит.

Кинси тоже усмехнулась, что помогло удержать рвущиеся наружу слезы и успокоить примерно 50 процентов нервов. Может даже 55.

Люк отстранился, выражение его лица стало мрачным.

— Ты уже вышла на новую работу?

— Завтра у меня окончательное интервью.

— Тебе следовало сказать мне. Обо всем.

— Знаю. Просто это... потерять работу таким образом, я думала, что была готова к этому после того, как приняла такое решение с видео, но это больно ударило по мне. Я не могла ясно мыслить, — она имела ввиду, рядом с ним. В пределах досягаемости Люка, ее мозг давал слабину и все решения принимало сердце.

— Крошка, — бормотание, не обвиняющее, просто полное понимания.

Кинси потеряла его бицепс. Она скучала по этим рукам, знакомое движение отвлекло от чувства вины за то, что она сбежала, как трусиха.

— Когда ты приехал?

— Вчера.

При виде ее явного неодобрения того, что он находится здесь уже ночь и не связался с ней раньше, Люк снова крепко обнял ее.

— Кинси...

— Эй, привет всем, — услышала она голос своего брата, Джакса, который заворачивал за угол во двор.

Люк ослабил объятия, но не отпустил ее, просто переместил руку, чтобы властно обнять ее за талию.

— Привет, — ответила она брату. — Джакс, это — Люк. Люк, это — мой брат Джакс.

Люк протянул руку для крепкого рукопожатия с Джаксом. Кинси жадно ловила проявляемые при этом чувства своего брата.

О, черт, что все это значило? Люк заявился сюда, чтобы в пещерной манере стукнуть ее дубинкой и уволочь обратно в Чикаго, но она никак не могла поддаться его требованиям. Она не окажется снова в дураках из-за любви. Хватит. И все же ее сердце сжималось от того, что он пролетел через всю страну, чтобы заявить на нее свои права. Нужно быть сделанной из камня, чтобы не оказаться сраженной явной романтичностью этого жеста.

Во двор вышел ее отец, без кувшина. Люк бросил на нее косой взгляд, изогнув губы в веселой усмешке.

Время для настоящего теста.

— Мне нужно принять душ, — Кинси прямо взглянула на Люка, чтобы узнать, насколько его беспокоила идея остаться наедине с мужчинами семьи Тэйлор, но эти невозможные голубые глаза ничего не выдавали.

— Вперед, сладкая.

Когда она сделала шаг в сторону, кончики его пальцев задели ее, настолько интимное и возбуждающее прикосновение, как и поцелуй, подаренный ранее.

Лучше сделать душ похолоднее.

Сорок минут спустя, Кинси спустилась по ступенькам и обнаружила Люка, Джакса и своего отца на кухне. Люк готовил французские тосты... подлиза... отец нарезал столько бекона, что она задалась вопросом, сколько же свиней было принесено в жертву ради этого. При ее появлении их смех резко оборвался.

Джакс бросил на нее взгляд *“Ну, разве это не что-то особенное?”*

Да, Кинси все поняла. Мужчина проделал долгий путь и, конечно же, ее отец оценил это. Папа в душе был сентиментальным старым романтиком, и он признавал родственную душу, едва увидев ее.

Но Кинси не была романтиком. Она не могла изменить мнение, не смотря на то, сколько широких жестов было припасено у Люка. Риск был слишком большим.

— А вот и наша девочка, — сказал ее отец, откладывая кусок бекона и целуя ее в лоб. Люк шутливо подмигнул ей.

Поздний завтрак был не таким неугомонным, как приемы пищи в семье Дэмпси, но через пару минут все вошло в колею, когда Люк и Джакс начали перемывать кости хоккейным и бейсбольным командам. И все же, куда бы ни уводила их тема разговора, Люк

возвращался решительным взглядом в ее сторону. Девушка обнаружила, что температура ее тела повышается от каждого взгляда, и когда она не смотрела на него, все было еще хуже. Хуже от того, что не видит его, и от того, что приходится встречать понимающую усмешку своего брата и знающий внимательный взгляд отца.

И оба они не скрывали своего одобрения. Двадцать три минуты спустя ее отец пригласил Люка на рыбалку. На тридцать седьмой минуте Джек явно пересмотрел свое мнение о ее летней интрижке, как о “придурке с комплексом героя”, и заверял Люка, что он держится на лыжах, как рыба в воде. Увидишь, во время поездки в Вейл ^[143], к которой Люка пригласили присоединиться на День благодарения. К концу трапезы Кинси начала подозревать, что уютный мужской кружок по вязанию уже был готов определиться со схемой приглашений и рисунком свадебного фарфора.

— Итак, Люк. Ты раньше бывал в Сан-Франциско? — спросил ее отец.

— Нет, но то, что я увидел, произвело на меня впечатление.

— Один день, — сказала Кинси, — и ты уже впечатлен.

— Здесь моя женщина. Это все, что мне надо знать.

Что-то встрепенулось в ее груди. Какого черта это значило?

Полковник принял это за знак, чтобы удалиться.

— Люк, приятно было познакомиться с тобой. Лично, — улыбнувшись и прищурившись, он поднялся и протянул руку.

Люк тоже поднялся и крепко пожал руку.

— Взаимно, сэр.

— Вот вытащим тебя на склоны и посмотрим, из чего ты сделан, Алмэйда, — следуя за ее отцом обратно в дом, Джек послал Кинси многозначительный взгляд “не испогань все”. До чего же не постоянен ее братец.

Люк сел обратно, подтянул поближе стул, на котором сидела Кинси, и взял обе ее руки в свои.

— Я скучал по тебе.

Ее сердце забилося быстрее, а паника заставила обратить внимание на мелькающие на краю сознания факты.

— Ты сказал, что приехал вчера. Почему не зашел раньше?

— Прошлым вечером я ужинал с Джоном Карсоном. Он начальник пожарного отделения Мишен Дистрикт ^[144] департамента Сан-Франциско.

— Твой старый друг?

— Никогда раньше с ним не встречался.

Каждая мысль в ее голове растягивалась как кегли для боулинга, и все равно Кинси отказывалась принимать это. Такого просто не могло происходить.

— Перенимаешь опыт для ЧПД?

Его улыбка вышла насмешливой.

— Узнавал у него по поводу работы.

— Ты имеешь в виду...

— Да.

Кинси сглотнула сухой комок, застрявший в горле. Он приготовил партию французских тостов, высидел весь поздний завтрак, шутил с ее отцом, выдержал ее брата, и сейчас вываливал на нее это?

— Я... я думала ты приехал сюда, чтобы вернуть меня обратно, — сказала она от

удивления слишком высоким голосом. — Думала, поэтому ты здесь.

— Ты слишком много думаешь, Кинси. Последовать за мужчиной и оставить все ради него — этого нет в списке. Я и не жду, что ты пойдешь на компромисс. Поэтому я так чертовски схожу по тебе с ума, — он поднес ее руку к губам и жарко прикоснулся к костяшкам. — Нет никаких причин, почему я не могу переехать сюда.

— Есть миллион причин и имя им — Дэмпси, — возразила она в шоке. — Люк, твоя семья. Ты не можешь оставить их. — Ради нее? Он сделает это ради нее?

Он задумчиво кивнул.

— В первое время будет тяжело. Я буду скучать по ним, но мне пора начинать думать о том, чего хочу я сам. Что мне нужно. И это прямо передом мной. Я думал, что хочу кого-то простого, девушку, которая позволит мне управлять собой с помощью грубой силы. И вместо этого получил тебя, Кинси. Властную, сильную, сексуальную как ад, занозу в моей заднице. Прекрасную занозу. Мое сердце болит, когда тебя нет рядом и... — он крепче сжал ее руки, — черт, крошка, когда я рядом, оно тоже болит, но это хорошая боль, понимаешь? Ты заполучила меня. Ты как колючка, от которой я не могу освободиться.

Кинси не могла вздохнуть.

— Люк, твоя работа...

— Картер из департамента Сан-Франциско сказал, что с моим опытом я, вероятно, смогу сдать экзамен на лейтенанта через год. Сначала это будет небольшим понижением, но все выполнимо.

Выполнимо? Как насчет безумно? Ее летняя интрижка не могла стать настолько серьезной, что он готов отказаться от всего и от всех, кого знал, от людей, от города, который поклялся защищать, чтобы быть с ней. Она обожала свою семью, но для Люка все было по-другому. В нем биологически была заложена необходимость защищать их. Сможет ли она жить со знанием того, что стала причиной, по которой он оказался здесь, вдали от людей, которых любит?

— Люк, это... — *безумная, глупая, самая романтическая вещь, которую кто-либо мог сделать ради нее* — ... не сработает. Мы едва знаем друг друга.

— Я люблю тебя. Это сработает.

Кинси прикрыла глаза. Он любил ее, и эти слова никогда не звучали слаще или искреннее. Но реалист побил и подчинил себе романтика, когда она отыскала трещины в его аргументах.

— Эта работа, на которую я собираюсь, если все получится, через шесть месяцев может привести в Конгресс. Вашингтон. Что произойдет тогда? Ты собираешься каждый раз, когда я буду переезжать на новую работу, переворачивать свою жизнь с ног на голову?

Люк искоса посмотрел на нее.

— Я не задумывался о том, что будет так далеко впереди. Вместо того, чтобы думать обо всех причинах, по которым мы не можем быть вместе, подумай обо всех причинах, по которым должны. Прямо сейчас, я точно знаю: без тебя я несчастен. С тобой — счастлив. Остальное уладится, как только мы признаем эту простую истину.

Истина никогда не была простой, но эта могла сразить Кинси. Люк Алмэйда сразил ее. Он был ее идеальной парой, мужчиной, которому она доверяла свою поддержку и защиту, хотела, чтобы он стал отцом ее детей, которых она не сможет позволить в своем одиноком будущем. Он понимал ее как никто другой. Уважал, как никто другой. С этим мужчиной она могла построить чудесную жизнь.

Но Кинси не могла забрать Люка от его семьи.

— Я ценю то, что ты проделал весь этот путь... — при виде промелькнувшей на его лице боли, Кинси подумала было дать задний ход, но не было безопасного решения, которое оставило бы их обоих счастливыми. — Что ты даже на мгновение задумался о переезде сюда, чтобы быть со мной, но отношений между нами недостаточно, чтобы оправдать такое радикальное решение.

Он вскочил со стула.

— Я знаю, что ты ненавидишь проигрывать, Кинси, но никогда не думал, что когда-нибудь увижу, как ты ненавидишь побеждать. Неужели я потерял у тебя очки, скомпрометировав себя появлением здесь? Потому что решил не придерживаться твоей идеальной версии мужественности?

— Нет Люк, дело не в этом. То, что ты подумал о том, чтобы сделать это ради меня, ужасно льстит, — она съежилась от того, насколько лживо прозвучали эти слова. Все было неправильно.

— Ужасно льстит, — повторил он голосом, лишенным эмоций. — В мои намерения не входило делать это комплиментом, сладкая. Я собирался высказать тебе всю правду, чтобы мы могли начать нашу жизнь вместе. Я люблю тебя и знаю, что ты чувствуешь то... — когда он затих, на его лице постепенно начало проступать осознание. Она с ужасом смотрела, куда сворачивали его мысли.

— Скажи это, — прорычал он.

— Люк...

— *Скажи. Это.*

Кинси не сделала вид, что неправильно поняла его, и поднялась, потому что он заслужил услышать все напрямую.

— Ты мне не безразличен, Люк. Я желаю тебе только самого лучшего, но... — пусть бог не сразит ее молнией, — я не люблю тебя.

Он несколько раз моргнул и с каждым разом свет в этих великолепных голубых глазах тускнел, затемнялся. Умирал. Между ними наступил момент, когда они будто снова стали незнакомцами, словно наглухо закрылась дверь.

— Проклятье, можно было подумать, что за годы работы у меня разовьются инстинкты получше, — медленно он потер рот. — Неужели я действительно все понял настолько неправильно?

В этот момент Кинси ненавидела сама себя. Список причин этого был бесконечен, но наверху была та, что она заставила его сомневаться в инстинктах, которым он обычно безоговорочно доверял, защищая свое тело и семью. Ей хотелось закричать, что он прав. Этот удивительный мужчина, стоящий перед ней, был настолько прав, что она едва могла пошевелиться от потребности в нем. Она хотела сказать ему, что любила то, как он подошел к этой проблеме между ними и решил ее с помощью своего ума, а не с помощью кулаков. Но опасалась за его сердце, этот огромный пульсирующий орган в его груди, которому была нужна забота и любовь.

Дэмпси заботились. Дэмпси любили.

Если она украдет у них Люка. это высушит его сердце как изюм. Ее может оказаться недостаточно для него. Для Дэвида оказалось. И хоть она и не сомневалась, что Люк подойдет ее жизни, как идеально сидящая перчатка, а все, кого она знает, полюбят его так же сильно, как она, между ними всегда будет ноющая нить напряженности, граничащая с

чувством обиды.

Я бросил их ради тебя. Теперь докажи мне, что я не совершил самую большую ошибку в жизни.

Она просто не могла жить с таким давлением.

— Мне очень жаль, Люк, — сказала Кинси, хотя ее сердце разрывалось на миллион кричащих кусочков. — Я... я надеюсь, мы может быть друзьями.

Люк сделал шаг к ней. Совсем не по-дружески.

Затем еще один.

Борясь со всеми инстинктами, требующими уклониться, упасть, бежать, подобно трусихе, которой она и являлась, Кинси осталась на месте и позволила ему обнять себя за шею сильной, грубой рукой.

В последний раз.

Буря эмоций придавала резкости его красивым чертам. Она думала, что знала все способы, которыми могут изъясняться его голубые глаза. Она видела гнев, желание, смех, но не это. Не разбитое сердце.

Люк разглядывал ее лицо, глядя прямо в душу в поисках признаков лжи. Но она закрылась в то время, как внутри часть ее обрушилась и умерла. Его большой палец провел по ее щеке, и Кинси задрожала, потому что нуждалась в его прикосновениях, как утопающая женщина в воздухе. Потому что в любую секунду все могло закончиться.

Внезапно он опустил свой рот на ее и поцеловал.

Нет, это было слишком банальным словом для того, что он сделал. Он опустошил и уничтожил, вложил в это каждую унцию своей страсти. Его рот завладел ее, привел на край чего-то неопишуемого, а его сладкий душераздирающий вкус отпечатался во всех ее чувствах. Вытатуировался на ее сердце.

Затем он оторвал свои губы от ее в последний раз.

— Вот почему мы не можем быть друзьями, сладкая, — выдохнул Люк, каждое слово звучало как удар.

Затем повернулся и вышел из сада, образец мужественности, ее гордый мужчина, до конца. А Кинси благодарила звезды, что он не обернулся. Лучше пусть он никогда не увидит ее разбитой, утирающей первые слезы, пролитые с момента смерти ее матери.

Люк изучал расписание рейсов в международном аэропорту Сан-Франциско. Его самолет задерживался на два часа. Конечно же.

На долю секунды он задумался о том, чтобы отправиться к стойке с прокатом. Он слышал, что Тихоокеанское шоссе эпически живописно и идея запрыгнуть в машину и рвануть в Лос-Анджелес (в океан / со скалы) сейчас казалась невероятно привлекательной.

Звучит, как отличный план. Люк был не из тех парней, что любили цветочки и сердечки, но даже он был вынужден признать: то, что он только что сделал, или попытался сделать, было особенным. Он предложил ей все. Свое сердце, свой мир, — все это принадлежало ей, и вот он здесь, подтвердил свои слова решительными действиями.

Что ж, *сюрприз-сюрприз*. Очевидно он ни фига не знал о женщинах и в довершение всего она разыграла карту дружбы.

Какого черта он думал, что такая целеустремленная и утонченная женщина, как Кинси, захочет его для чего-то большего, чем пара раз бурного, крышесносного секса? Разве он ничему не научился после полного провала своего брака? Ему явно нечего было предложить, помимо своих покрытых мозолями рук, тела для билбордов и грубых навыков в постели. Материал для интрижки, недостаточно хороший для чего-то стоящего.

Но...

На мгновение, когда он обнимал ее в последний раз, чувствовал, как она дрожала от его прикосновения, Люк подумал, что боги могли бы выделить ему перерыв и поддержать проявленное им мужество. Но нет, боги были слишком заняты, смеясь до слез над ним.

Его телефон зажужжал, Люк вытащил его, надеясь, желая. Но это был всего лишь Уайатт, который звонил второй раз за месяц. Своего рода рекорд.

— Привет.

Как обычно, Уайатт перешел сразу к делу.

— Кинси позвонила Гейджу. Она беспокоилась о тебе.

Приятно знать, что *эти* двое все еще оставались друзьями.

— Я в последний раз слушаюсь твоих советов, Фокс. Что, женщины любят широкие жесты? Ты пересмотрел фильмов для цыпочек.

Уайатт ответил сопением без признака вины.

— Возвращайся домой, Люк. Малышня хочет позаботиться о тебе.

— Они сейчас рядом с тобой?

— Ловят каждое гребаное слово.

Люк улыбнулся, хоть это и причиняло боль, как гниющий зуб. Он почти видел, как они боролись за место, усердно стараясь держать рот на замке, пока Уайатт разыгрывал представителя их коллективной любви. Боль у груди немного утихла, но прямо сейчас Дэмпси были последними, кого он хотел бы видеть.

Даже не зная, как это произошло, Люк обнаружил, что его ноги несут его на улицу из терминала к стоянке проката авто. Он возьмет первый же, который приедет.

Он не мог вспомнить, когда последний раз брал отпуск, кроме того, который был вынужденным из-за его плохого поведения, и еще больше времени прошло с тех пор, как он по-настоящему отдыхал. Помимо конференции по безопасности в Далласе, его заданий в Ираке, и нынешней “охренительно приятной” поездки в Калифорнию, Люк никогда не

покидал Чикаго.

— Мне нужно пару дней, Уай. Я позвоню Вэнти и сообщу ему...

— Считай, уже сделано, — перебил его брат. — Настолько, насколько захочешь.

Одна из машин “Авис”^[145] завернула за угол терминала и остановилась прямо перед ним. *Дзинь, дзинь дзинь*, у нас есть победитель.

Перед тем, как повесить трубку, Люк услышал, как Гейдж выкрикнул:

— Люблю тебя, Люк.

Ад и все дьяволы, этот ребенок когда-нибудь убьет его.

Пара дней могут помочь ему привести в порядок мысли, но ему явно понадобится больше времени, чтобы залечить зияющую дыру в груди.

Пять дней спустя Люк вернулся в Чикаго, но его грудь все еще ощущалась так, будто его выпотрошили и сделали каноэ. Также был его скальп, который все еще горел от езды по Тихоокеанскому шоссе на кабриолете с поднятым верхом.

Хотя, в целом это того стоило. Его поразило абсолютное величие извивающейся, огибающей горы дороги вдоль побережья. Хорошо было бы разделить это с кем-то, родом из Калифорнии, в частности с одной девушкой, родом из Калифорнии, но ему нужно было немедленно прекратить думать в этом направлении. Однажды он сможет признать, что рискнуть и приехать сюда было правильным решением. Люк не мог представить, каким будет тот день, но сейчас он не чувствовал такой же горечи и обиды, как год назад после расставания с Лизой.

В 6:45 утра Люк зашел в свое пожарное отделение, прошел мимо спортзала, трофеев за софтбольную лигу и четыре сольные победы Бэка в Битве Значков, миновал коллаж фотографий с улыбающимися лицами ПО № 6, на котором вперемешку были как члены нынешней команды, так и давно ушедшие друзья.

Это был его дом, а эти люди — его семья, как Дэмпси, так и все братство ЧПД. Лучшая компания в Чикаго, городе, рожденном из огня. Не самое худшее место для жизни.

В раздевалке Люк обнаружил Гейджа, переодевающегося к своей смене. После того, как он начал встречаться со своим шефом, Гейдж выглядел немного взрослее, мудрее и в целом гораздо более счастливым. Болтун Гейдж и молчун пехотинец. Довольно безумно.

— Тебе письмо.

Парень поднял конверт. Люку не нужно было присматриваться, чтобы узнать, что это было.

— Давай сюда, бро.

— Не раньше, чем соберу здесь всех твоих коллег, — Гейдж пронзительно свистнул.

— Они не собаки, идиот, — пробормотал Люк, чувствуя как живот сводит от нервов, хоть и старался сохранять спокойствие. Он считал, что успешно прошел экзамен две недели назад, но если учесть, что недавно инстинкты его подвели, то кто знает?

— Что вы тут делаете? — спросил он Алекс и Бэка, когда они подошли вместе со всеми остальными. Ни у одного из них не было сейчас смены.

— Гейдж сказал мне заскочить, — ответила Алекс. — Слышала, тут будет большое объявление.

Бэк просто пожал плечами.

— Я был голоден, а здесь лучшая еда.

Зашел Уайатт, окинув быстрым взглядом собравшуюся толпу. Он забрал конверт из рук Гейджа и протянул его Люку.

— Просто открой и избавь их от страданий.

— Давай же, — подгоняла Алекс. — Ты лишаешь меня времени на пляже, Люк.

Разорвав конверт и вытащив листок, Люк молился, чтобы у него все получилось, потому что если ему придется и дальше терпеть печальные взгляды от своей семьи, то он запрыгнет обратно в самолет, летящий куда угодно, быстрее, чем успеют сказать “Летайте в дружеском небе”^[146].

Он вздохнул и увидел, как поникли лица его родных.

— Всего лишь... девяносто шесть.

— Что? — в панике Алекс посмотрела на братьев. — Не волнуйся, Люк, в следующий раз... эй, подожди. Это же... ты сдал, верно?

— С отличием, — добавил Бэк. — Отличная работа, Люк! Никто не заслуживает этого больше.

Все остальные столпились вокруг, и вскоре уже весь расчет А разразился дружественными хлопками по спине, поздравлениями и немалым количеством предположений о том, куда его могут назначить.

— В 69 отделении нужен офицер, — сказал Дерек. — Там работает мой двоюродный брат.

Это было встречено хором ругательств и непристойных предположений о том, что на самом деле происходит в 69. На фоне бурлящего шума Люк раздумывал о том, что все происходящее походило на конец эпохи. Вся его карьера в ЧПД, вся его жизнь, была посвящена защите семьи. Будет странно не работать больше вместе с ними.

Он поймал взгляд Уайатта. Его брат незаметно кивнул, словно уверяя, что он сделает все, что потребуется, чтобы сдержать их обещание. Останется ли он в ПО № 6 или переведется, Люк знал одно.

Настало время двигаться вперед по жизни.

Кинси налила себе чашечку кофе, нуждаясь в топливе перед тем, как отправиться в душ после вечерней пробежки. Ее мышцы болели и она радовалась этому. Этого она и добивалась.

Ее телефон зазвонил и сердце ёкнуло, а затем упало, когда она увидела, кто звонит.

— *Что?*

— Прозвучало так, будто тебе необходим секс, — ответил Джакс. — Но, конечно же, у тебя был шанс и ты его продула, — брат все еще злился на Кинси за то, что она отшила такого солидного парня, как Люк. Очевидно, они “действительно сблизились”.

— Твои “братания” — показуха. Если я смогла пережить это, то сможешь и ты.

Он проигнорировал это.

— Ты наконец встретила парня, на которого смогла запасть и с которым мне было не стыдно выпить пива. Перестань сочувствовать ему, потому что ты так удивлена его приездом с другого конца страны из-за желания быть с тобой. Он, наверное, был в восторге от возможности убраться подальше от его кровососущей семейки...

— Да, время, которое я провела вдали от тебя, было лучшими шестью месяцами в моей

жизни.

— Видишь? Это именно та беспощадность, которую я знаю и любви в своей малышке-сестре, — он усмехнулся. — Время собраться, Кинси. Время идти вперед.

— Спасибо, Тренер. Ты для этого звонил?

— Нет, но моя мудрость, даже если ты о ней не просила, имеет свою цену. Я хочу, чтобы ты помогла мне подобрать обручальное кольцо для Али. Встреться со мной завтра в обед.

Кинси проворчала:

— Поздравляю. Мои соболезнования твоей бестолковой невесте.

Услышав его смех, она отключилась. То, что они с Али решили обручиться, не удивило Кинси, но оценить это она сможет только спустя какое-то время.

— Привет, тыковка. Хорошо пробежалась? — спросил отец, заходя с заднего двора, чтобы допить свой бокал вина.

Она кивнула, позволяя кофе вернуть себя обратно к жизни, по крайней мере ненадолго. Хотя прямо сейчас оно не могло сделать это с ее сердцем.

— Ты же знаешь, что можешь остаться тут так долго, как нужно. Не спеши искать свое собственное место.

— Жить в городе более разумно, пап, — пока ей придется поехать на работу из пригорода, но она начала вялые поиски квартиры поближе к новому месту работы, которая начнется завтра.

— Кинси...

— Ты собираешься сказать, что мне следует поступить в юридическую школу, пап? Потому что все эти политики — плохие ребята?

Его губы сжались из-за беспокойства.

— Нет, я собирался спросить, слышала ты что-то от Люка. Прошла уже неделя с его приезда.

Вина за то, что она окрысилась на него, накрыла ее с головой. Взгляд отца был полон любви, которую прямо сейчас она не заслуживала. Она была неподходящей для свиданий, недостойной любви. По всем пунктам *не*.

— Нет, ничего не слышала и не жду, что услышу. Я действительно причинила ему боль, папа.

Ее отец усмехнулся, когда она не отказалась бы от небольшого сочувствия.

— Ты так похожа на свою маму, Кинси.

— Надеюсь, ты имеешь в виду в хорошем смысле. Прямо сейчас мне действительно нужно услышать что-то приятное.

Он обошел кухонный островок и обнял ее своей сильной рукой.

— Я имею в виду в лучшем смысле. Знаешь ли ты, сколько времени мне потребовалось, чтобы заставить ее выйти за меня?

О, боже. Сначала Джакс, теперь это. Кинси была не в настроении для романтики, которая заканчивалась романтикой.

— Целых шестьдесят секунд. Ты появился в той классной комнате и сбил ее с ног, остальное — история.

— Нет, Кинси. Это было всего лишь начало долгой, тяжелой дороги к завоеванию женского сердца. Она не хотела, чтобы дети плакали из-за ее отказа мне, так что вместо того, чтобы поцеловать меня, вывела в коридор, а затем сказала, что мне нужно придумать

что-то получше, чем это.

Кинси моргнула. Это была *не та* сказочная версия, которая утвердилась в летописи Тэйлоров. Все знали, что папа был в отпуске со службы в Окинаве, и затем — *вуаля!* — они с мамой уже вместе. Таковы были факты. Конец.

— Но как ты мог придумать что-то получше? То, что ты сделал, было идеальным, — ей следовало бы знать. То же самое произошло с ней ровно неделю назад.

Ее отец покачал головой, улыбаясь воспоминаниям.

— Не для твоей матери. Она была практичной женщиной. Она не хотела жить на военной базе в Японии, и не хотела провести первые месяцы или годы в качестве армейской жены в одиночестве, так что она ответила: как только я буду на постоянном месте в США, она еще раз обдумает предложение. Мне пришлось поработать над этим и год спустя, когда меня перевели на Западное побережье, она согласилась выйти за меня. Потому что была ужасно упрямой.

Не думая о том факте, что все, известное ей об уходе за ее родителей, было наглой ложью, Кинси приготовилась, как обычно, выступить в свою защиту.

— Пап, это не пример женского упрямства или требовательности. Ты знаешь, что произошло с Дэвидом.

— Люк — не Дэвид, Кинси. Приехал бы Дэвид за тобой вот так? В ту минуту, когда ты завернула на задний двор, лицо Люка озарилось, как Золотые Ворота^[147]. Он был так счастлив, увидев девушку, которую любит.

И тогда она разрушила его день. Его неделю. Может быть, его жизнь.

А может и свою.

— Любовь — это не проблема, — возразила Кинси. — Я не могу позволить ему отказаться от всей его жизни, а если я вернусь в Чикаго, то буду чувствовать, что сдалась. Как и раньше.

Он заложил прядь волос ей за ухо. Этот жест отозвался теплом у нее в груди и в сердце.

— О, дорогая. Иногда я думаю, может мне стоило жениться еще раз. Чтобы показать тебе хороший пример женского поведения.

— Чтобы я смогла лучше понять свое место? — пошутила Кинси, хотя на самом деле ей было совсем не весело.

— Чтобы ты смогла понять искусство компромисса. Почему это должно быть соревнованием? Почему вы оба не можете выиграть? Даже когда ты была ребенком, тебе всегда нужно было победить своих братьев. Быть лучшей во всем. В твоём мире нет такого понятия, как ничья.

Ее грудь болела, словно объята огнем.

— Папа...

— Нет, послушай. Ты была с Дэвидом довольно долго, но это никогда не выглядело так, словно вы действительно вместе. Все было так, словно его жизнь была отдельно, а твоя — отдельно. Иногда бок о бок, иногда сворачивая, но никогда не пересекаясь. Никогда не шла вместе, как одно целое. Сколько времени у него ушло на то, чтобы наконец сделать предложение? Чтобы предложить тебе настоящие обязательства? И ты тоже никогда не подталкивала его к чему-то серьезному. Ни один из вас не хотел меняться ради другого. Это не было судьбой и ты знаешь об этом.

Верно. Она полагала, что всегда знала.

— Ты можешь быть лучшей в чем-то и все равно полагаться на кого-то, если это

правильный человек, — продолжил ее отец. — Парень, который тебя заслуживает, который понимает приоритеты. Который понимает, насколько ты сильная, упорная и удивительная. Люк приехал ради тебя, тыковка. Он был готов бросить своих близких, потому что *ты* — его человек. Та, без которой он не может прожить. И я думаю, ты тоже не можешь без него.

Правдивость этих слов пронзила все ее существо. Кинси могла находиться в своем материальном доме, но этот мужчина был домом для ее сердца. Ее внутренний компас указывал на Люка.

— Я не могу забрать его из семьи, папа. Возможно, меня будет не достаточно, — Кинси казалось, что у нее не осталось больше слез, но их запас был бесконечным. — Видел бы ты его с ними. Они — все для него.

Сильные отцовские руки обхватили ее лицо и оказалось сильным ударом по расшатавшимся эмоциям Кинси.

— И ты тоже. Ты — его человек номер один, а он — твой. Вот и все. И когда я говорил, что ты похожа на свою маму, то не имел ввиду, что ты упряма, как она, хоть это правда, или что ты такая же постоянно соревнующаяся, хоть и это тоже правда. Я имел ввиду, что ты практичная.

Ее отец одарил Кинси таким же взглядом, как раньше, когда рассуждал о ее коллегах.

— Ты умная девушка, Кинси, самая умная из всех моих детей, и все же я хотел бы, чтобы ты тратила свои таланты на что-то более стоящее, чем помощь этим мошенникам, лгущим обществу. Эта проблема с Люком? Используй свой гениальный ум Тэйлор и реши ее.

Высказав мудрость, не приправленную излишними чувствами, полковник в отставке Джексон Тэйлор IV вышел во внутренний двор, чтобы почитать биографию Паттона^[148], потягивая Сира^[149] и обдумывая, какое мясо лучше подойдет для завтрашнего гриля.

Кинси плюхнулась за кухонный стол, мозг усердно работал, чтобы угнаться за бешено стучащим сердцем. Она прибегла к логике, своему старому и проверенному другу, но сучка отправилась в творческий отпуск. Может это было и к лучшему. Что вообще хорошего логика сделала для нее?

Кинси всегда верила, что не важно, насколько сильно ты хочешь, чтобы твои мечты исполнились, важно, сколько страданий ты готова выдержать, чтобы достигнуть их. Что-то ты *всегда* должен отдать. Отношения неизменно были в самом конце, или это была просто выученная мудрость? Не было такого понятия, как жизнь на блюдечке с голубой каемочкой, полная радуги и щенков, или пожарных и котят.

Ее отец был прав. Они с Дэвидом не слишком-то работали над отношениями. Чего-то не хватало, какого-то дефицита, о котором они даже не задумывались, потому были так сосредоточены на том, что происходит снаружи, а не внутри. Их совместная жизнь была комфортной. Безопасной. Но они существовали, а не жили. Жили в одном доме, но шли разными дорогами.

Кинси сама достаточно зарабатывала. Сама отвечала за свои оргазмы, потому ни в коем случае не могла положиться на мужчину в этом вопросе. Но помимо этого списка было еще много чего. Была страсть. Жизнь. Кто-то рядом.

Была искра узнавания, когда ты понимал, что принадлежишь кому-то.

Была ли она готова смириться с жизнью “если бы”? Страдать от поздних одиноких ужинов в высотных ресторанах, с печальными глазами размышляя о том, кого упустила? Полагаясь на то, что красивый официант подаст безрадостные оргазмы в паре с “Гленфиддик” восемнадцатилетней выдержки? Если она была готова отдать все ради

работы, то почему же не готова сделать то же самое ради чего-то личного?

Ее мужчина, которому ничего не доставалось так просто, и все же он готов был сделать все еще сложнее. Принять новый вызов.

Кинси.

Выкорчевать свою жизнь и переехать туда, где не знал никого, кроме любимой женщины.

Кинси.

Шесть месяцев назад она сделала это ради Дэвида, ради неправильного мужчины, и сейчас вернулась туда, откуда все начала, испуганная, не способная понять величие любви, которую испытывает к ней правильный мужчина. Потому что та была выше всего, что она когда-либо представляла.

Все это время, Кинси знала, что готовность переехать в Сан-Франциско ради нее, была огромным шагом для Люка, как вселенная, как секвойя, но истинная широта его жеста осталась непонятой ею. Не то, что он оставил позади свою семью, но то, что он думал, она стоила такого выбора.

Люк думал, что она стоит *всего*. Он приехал сюда, уважая ее выбор, с благородным сердцем. Он любил свою семью, своих детей из приюта, свою работу, свой город, свою страну. И в его огромном сердце все еще оставалось место для Кинси.

Вопрос был не в том, достоин ли этот мужчина ее. Это было доказано, и не раз. Вопрос был в том, достойна ли она такой волнующей жертвенности и глубокой любви, и достаточно ли крепкие у нее яйца, чтобы принять то, что он предложил с такой любовью?

Люк вышел из душа и обернул полотенце вокруг бедер. Прошедшая ночь была что-то с чем-то, пять выездов с десяти до четырех. Довольно необычно для воскресенья, но за годы работы Люк понял, что в сменах в ЧПД нет ничего обычного.

Выходя из раздевалки, Люк слышал стандартные обмены шутливыми оскорблениями, помогающие сбросить напряжение. Приехав на этой неделе на вызов, Уайатту пришлось сопровождать синеволосую старушку из дома престарелых в скорую помощь. Но по дороге она, как оказалось, довольно быстро пришла в себя, судя по тому, что постоянно хватала Уайатта за задницу. Сейчас его брат ворчал из-за синяков (*вот этот напоминает гребаную Флориду*).

Люк вышел из раздевалки.

— Боже милостивый, Уай, спрячь свою задницу и ... — его голос замолк, потому что стало чертовски тихо.

Осмотревшись, Люк встретился взглядом с золотисто-кариими глазами женщины, которая все еще ощущалась под его кожей, засев так глубоко, что он наслаждался этой сладкой болью.

— Привет, Люк.

В отличие от первого раза, когда она расхаживала по его пожарному отделению, эта версия Кинси была совсем не такой собранной. Поношенные подвернутые тренировочные штаны, толстовка с выцветшими буквами USA ^[150] на груди, шлепанцы — один розовый, другой оранжевый. Ее спутанные волосы стали бы хорошим домом для семьи малиновок. Весь вид девушки отражал отчаянное возбуждение, вызванное слишком большим количеством кофе и недостатком сна.

Она выглядела красивой.

Гейдж зашел в раздевалку с жизнерадостным:

— Привет, Кинси, — за что Алекс, смотревшая на Кинси так, словно готова была содрать с нее кожу, наградила его ударом локтем. В аду не было столько ярости, сколько в сестре отверженного Дэмпси.

— Привет, ребята, — ответила Кинси, не обращая внимания на холодный прием со стороны Алекса. — Не против, если я поговорю с Люком?

Его семья даже не пошевелилась, от них веяло преданностью наравне с любовью. Даже те из его смены, кто не знал всю историю, но почувствовали проблему, наблюдая за происходящим, остались в помещении. Эта женщина уж точно была проблемой. Когда-то она танцующей походкой вошла сюда и заставила его снова чувствовать, впервые за долгие годы.

— Все в порядке, — наконец сказал Люк своим сторожевым псам. — Если с ней возникнут трудности, я свистну о помощи.

Все неохотно вышли, бросая через плечо мрачные взгляды.

Кинси осмотрелась.

— Думаю, мы здесь уже когда-то были.

— Хочешь сказать, с тех пор ничего не изменилось?

Она прикусила свою полную нижнюю губу, которую Люку так хотелось пососать. Его маленькая решительная женщина нервничала.

— На самом деле, я бы сказала, что многое изменилось с тех пор, как я вошла сюда около двух месяцев назад, — она замолчала. — Но не многое изменилось с тех пор, как ты приезжал ко мне в Сан-Франциско.

Что, черт возьми, это значило?

— Ты что-то забыла? — Люк махнул рукой, указывая на нее. — Свой деловой костюм? Свои шпильки? — Раскаленное клеймо, которым она обычно отмечала свое обладание его задницей?

— Да, я кое-что забыла, — Кинси шагнула ближе и его сердце болезненно сжалось. Он никогда не поймет, как кто-то настолько слабый, мог быть таким подавляющим, вторгаясь в его личное пространство. — Я забыла, насколько мне повезло быть любимой тобой.

На ее лице отражалась такая ранимость, а он так хотел сказать “*Спасибо, Господи*”, за то, что привел ее обратно к нему. Но она уже дважды вонзила нож ему в грудь и потребуется нечто больше, чем блестящие глаза Кинси Тэйлор, чтобы вернуть его.

— Две недели назад ты сбежала, ни слова не сказав о том, что тебя уволили. Неделю назад, ты утверждала, что не любишь меня. Прости, если я не слишком охотно приму все это за чистую монету, сладкая.

Уязвимость вытеснилась широко распахнутыми от шока глазами. То, что он причинял ей боль, убивало Люка, но для него не существовало полумер. Если они собирались это сделать, то ему нужно было знать, что все это реально.

— Люк, я люблю тебя.

Его сердце бешено забилося. Глупое сердце. Осадив его, Люк нацепил на себя самый скучающий вид.

— Угу.

Пухлый, податливый ротик Кинси открывался и закрывался в той милой манере, когда она было на грани бешенства.

— Люк... я... почему ты так говоришь?

— О, я думаю, ты знаешь, пиар-принцесса. Это то, что ты делаешь, верно? Продаешь идеи, мнения, людей или, по крайней мере, представляешь их в выгодном свете, — он прислонился к своему шкафчику и скрестил руки, показывая гораздо большее спокойствие, чем чувствовал. — Тебе нужно убедить меня, что это нечто настоящее.

Он не думал, что эти прекрасные глаза могут стать еще больше, но они стали. А затем вспыхнули от ярости.

Он упоминал, что это оскорбительное выражение чертовски шло ей? Тоже неплохо, потому что собирался еще больше свести ее с ума.

— Используй слова, Кинси.

На мгновение Люк подумал, что зашел слишком далеко. Что линия, которую он пересек, оказалась позади и все больше отдалялась. Кинси тяжело дышала, ее идеальной формы грудь поднималась и опускалась с каждым вздохом.

— Видишь, как я выгляжу, Люк? Это производит на тебя хоть какое-то впечатление? Когда я осознала свою ошибку, Люк, то даже не потрудилась сменить этот наряд, потому что мне надо было успеть в аэропорт на ночной рейс. Я даже не захватила носки! — трясущейся рукой она указала на разные шлепанцы. Лак на одном большом пальце облез, милая деталь, которая неимоверно повеселила его.

— Мне пришлось снять их и идти через охрану аэропорта босиком. Одному богу известно, сколько заболеваний я подцепила! Я выгляжу так, словно продиралась сквозь

изгородь. Похожа на оборванку, беженку без рода и племени, а ты просишь меня обосновать любовь к тебе.

— И лучше бы тебе постараться.

Она выглядела как раз так, словно хотела постараться. Может быть, подзатыльник или кулак в пах, чтобы в итоге скрутить его яйца.

Она выглядела так, словно хотела выскочить напрямиком за дверь.

До этого момента Кинси не осознавала, как глубоко ранила Люка. Так или иначе, она ожидала, что самого факта ее присутствия и того сообщения, которое он нес, будет достаточно, чтобы Люк понял, почему она здесь. Что она не может вздохнуть полной грудью без него. Но, очевидно, долгая работа с эгоцентричными политиками наделила ее некоторым высокомерием, а Люк отказывался играть свою роль в этом большом финале.

Он правильно осторожничал. Его уже предала одна женщина, отвергла другая. Требовать, чтобы он ворвался в горящее здание и снова рискнул, что его сердце сгорит, было чересчур.

За последние шесть месяцев она превратила Люка Алмэйда в самого сексуального пожарного Чикаго, его сестру в любимую пожарную Америки, и оправилась от измены бывшего, который собирался стать отцом восьми детей со своей медсестрой. Познакомьтесь с королевой высоких требований.

Глубокий вдох. Расправить плечи. Кулаки на бедра.

Давайте, черт побери, сделаем это.

— Ты не дал мне возможности закончить, мистер Алмэйда. Пару минут назад, до того, как ты грубо перебил меня, — она одарила его своим лучшим уничижительным взглядом. — Я говорила о том, как мне повезло быть любимой тобой. Что ж, это касается не только меня. Каждый человек, который знает тебя, благословлен тем, что имеет рядом такого мужчину, как ты, дающего нам все, что ты имеешь. Потому что ты именно такой. Ты оставляешь на поле боя каждый кусочек своего сердца и души.

Подойдя ближе, Кинси откинула голову, чтобы посмотреть долгим, тяжелым взглядом на этого мужчину, которого любила.

— В огне, — она провела рукой по его плечу, где проходила грубая полоска шрама. Она еще не слышала историю о том, как он получил его, но собиралась выяснить это.

— Для страны, — он обвела скульптурные грудные мышцы над татуировкой *Semper Fidelis*^[151].

— Ради семьи, — кончиками пальцев она погладила манжеты из чернил на его бицепсах: *Шон* с одной стороны, *Логан* — с другой.

Наконец, став на цыпочки, она коснулась его губ. Немного надавить и она знала. не смотря на свое упрямство, Люк жаждал вернуться.

Только усилием воли Кинси удалось сдержаться и не обнять его, вместо этого она скрестила руки на груди, чтобы усилить эффект от слов.

— Сейчас мне не хотелось бы, чтобы ты обвинял меня в использовании женских штучек, Люк. Тебе нужны холодные, непоколебимые факты. Тебе нужен аргумент,

основанный на логике, потому как эмоциональной или сексуальной заинтересованности будет недостаточно.

Эти голубые глаза, которые не могли быть настоящими, потемнели до полуночного цвета. Она подозревала, что он начал наслаждаться эмоциональной (и сексуальной) заинтересованностью, но хотела дать ему больше. Она хотела дать ему все.

— Я никогда не была такой же храброй, как ты. Я выбрала одного мужчину, потому что думала, он подходит для жизни, как на картинке в глянцево-м журнале, которую я вообразила себе. А затем встретила другого мужчину. Мы сталкивались лбами, танцевали вокруг друг друга, бросали вызовы и сражались. Это было грязно и приводило в бешенство. Я имею в виду, ты действительно иногда выводил меня из себя.

Слабый намек на улыбку в одном уголке его рта дал ей понять, насколько Люк доволен этим замечанием. Боже, до чего же он бесил ее.

— Но я никогда не чувствовала себя более живой. Не смотря на все это, все эти моменты с самым раздражающим человеком, которого я когда-либо встречала, я поняла, что до сих пор жила только в черно-белом мире. Похоронила себя в работе. Использовала ее, чтобы избежать страсти, огня и любви.

— Прекрасно тебя понимаю, — пробормотал он.

— Стоп, — она подняла руку. — Не нужно делать это более легким для меня, Алмэйда. Да, ты своего рода эмоциональный знаток, который выяснил, что ему нужно, чтобы заполнить эту пустоту в своей жизни, но я не такая сообразительная, как ты. Я думала, что потеряю все, чего достигла, приняв любовь, которую ты испытывал ко мне. Словно это какая-то капитуляция...

— Сладкая.

— Знаю, — и она действительно узнала, в конце-концов. — У меня ушло какое-то время на то, чтобы понять, что любовь не делает меня слабой. Что вместе мы намного сильнее, чем по отдельности. Что я не хочу закончить свои дни в одиночестве, сидя в отличных ресторанах, потягивая высокопробный виски и полагаясь на официанта в получении оргазма.

Люк нахмурился.

— Никому бы не пожелал такого.

Что-то ты отклонилась от темы, Тэйлор. Она не сомкнула глаз в полете, слишком взбудораженная предстоящей встречей с ним.

— Прости, я плохо все объясняю. У меня есть к тебе вопрос. Всего один, — она сомкнула руки вокруг его завернутых в полотенце бедер. Внимание Кинси привлекла капелька влаги, проделывающая соблазнительный путь вниз по его груди, но она не позволила себя отвлечь. — Ты все еще переехал бы, чтобы быть со мной?

— На край земли.

Все еще. Этот мужчина все еще сделал бы все ради нее. Она была той, о ком он думал, вставая утром и ложась спать. А он был тем героем, который был ей нужен.

— Ты делаешь меня сильной, Люк. С тобой я чувствую себя непобедимой, словно могу совершить что угодно. И я думаю, что делаю то же самое с тобой.

Он прислонился своим лбом к ее, словно впитывая их общую силу. Вся ее нагретая кровь прихлынула к месту, где они были соединены.

— Да, — ответил он шепотом. — Да, делаешь.

Ее улыбка сквозь слезы светилась облегчением.

— Но тебе также нужно кое-что еще, чтобы быть сильным. Твоя семья. Они значат все для тебя и если ты оставишь их, это убьет тебя.

— Ах, крошка, поэтому ты отвергла меня в Калифорнии?

— Поэтому и из-за страха, что меня будет недостаточно для тебя. У тебя есть так много, Люк. Что я могу предложить тебе? Что можно дать мужчине, у которого есть все?

Одним пальцем он провел обжигающий след по пульсу, бьющемуся у ее горла и вниз к ключице.

— Ты даешь ему единственную вещь, без которой он не может существовать. Этот огненный шар внутри тебя. Твое сердце, Кинси.

Этот огненный шар разгорелся, посылая искры радости в каждое нервное окончание.

— Оно твое, Люк. Я знаю, что могу доверить его тебе. Знаю, что ты единственный мужчина, с которым оно будет в безопасности. Я также знаю, что лучшее место, чтобы сделать это, — здесь, в Чикаго.

Он озадаченно нахмурился.

— А как же твоя работа?

— У меня ее нет, но я очень, очень хороша в том, что делаю. Для женщины с моим исключительным набором навыков есть миллион возможностей.

Сексуальные губы дрогнули.

— Моим *профессиональным* набором навыков, извращенец.

Впервые с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать, Кинси была безработной и неуверенной в том, какой будет следующий шаг в ее карьере. Только сейчас у нее было гораздо больше знаний в запасе.

— Заглядывая вперед, я хотела бы работать над делами и кампаниями, которые мне действительно безразличны.

— Значит, реабилитация репутации дерущихся придурков больше не входит в твое меню?

— Как бы я ни наслаждалась, заставляя тебя попотеть для этого календаря, мои дни с царапающимися котятками и непокорными пожарными закончены.

Проглотив свой страх, она позволила ему увидеть свою уязвимость, которую всю жизнь скрывала. От своих братьев, от своих боссов, от любого мужчины, который стучался в ее сердце и находил его запертым на замок. Потому что Люк Алмэйда ждал ее с ключом.

— Пока я знаю, что ты прикрываешь мою спину, а ты знаешь, что я прикрываю твою, мы сможем справиться со всем, — и разве это не было правдой?

Наконец-то, наконец-то Люк обхватил ее лицо своими большими, заботливыми, созданными, чтобы любить ее, руками.

— Ты чертовски убиваешь меня, Кинси, — затем он поцеловал ее настолько невероятным поцелуем, что тот перевернул ее мысли от открывшихся возможностей и затронул до глубины души. В далеких галактиках благодаря этому поцелую возникли новые миры. А в этой началась ее новая жизнь.

Не отрываясь от его идеально рта, Кинси прошептала дрожащими губами:

— Я думала, что все испоганила.

— Что ж, так и было. Но ты опомнилась буквально в последний момент, — эти глаза, как два обжигающих синих солнца, тянули ее на глубину. — Ты уверена в этом, крошка? В нас?

— Может я и не так хороша в этом пиар бизнесе, как думала. Разве я не убедила тебя,

Люк?

— Убедила. Но звучит так, будто я получаю все лучшее от этой сделки. Остаюсь в родном городе, продолжаю кампанию по хроническому вмешательству в дела своей семьи и получаю девушку, — он широко усмехнулся. — И даже стану лейтенантом.

Кинси охнула.

— Ты сдал экзамен?

— Вчера пришли результаты.

— Люк, это замечательно! Я так горжусь тобой, — Кинси поцеловала его, а затем отстранилась до того, как мозг превратился в кашу. — Ты правильно спросил, кто больше выигрывает от этой сделки, мистер Алмэйда. Сейчас я вижу некоторый дисбаланс в наших отношениях, а ты знаешь, как сильно я это ненавижу. Что ты собираешься сделать для меня?

Люк обдумал это, и она ощутила дрожь предвкушения от того, что он придумал.

— Вот мое обещание тебе, Кинси. У нас будет много разговоров, смеха и любви. Будет и борьба, конечно же, потому что мы оба чертовски упрямы и не со всем соглашаемся, но это нормально, потому что мы справимся с этим, как взрослые люди. Я никогда не ударю тебя исподтишка и не проявлю неуважение. Буду слушать тебя, если только ты не начнешь болтать о волосах или одежде других женщин или о том, какого оттенка краской нам следует покрасить стены нашей спальни.

— Но я ценю твое мнение. Особенно в том, что касается покраски.

— Не перебивай. Объяснение в любви еще не закончилось, — он подарил ей свою сексуальную, помоги-ей-Люк улыбку. — Также будут сюрпризы. Время от времени я буду делать что-то такое романтическое, что заставит тебя плакать.

Кинси засопела и быстро заморгала. Должно быть, что-то попало в глаз.

— Да, тебя, Кинси Тэйлор. Я заставлю тебя плакать своими редкими романтическими жестами. А еще будет секс.

— Это уж точно.

— Я сказал, не перебивай. На чем я остановился?

— Секс.

— А что с ним?

Кинси сжала его бицепсы.

— Ты давал обещания, Люк. Замечательные, прекрасные обещания.

— Ладно, я добавлю туда несколько сюрпризов, чтобы поддерживать новизну. После смены, я примчусь домой, пахнущий дымом и насколько измотанный, что буду едва держаться на ногах. Но это не удержит меня от того, чтобы взять то, что принадлежит мне. И когда погружусь так глубоко внутрь тебя, что ты не будешь знать, где заканчиваюсь я и начинаешься ты, я приложу все усилия, чтобы ты поняла, почему находишься здесь в городе, который я люблю, и с семьей, которую я люблю. Почему ты — та женщина, которую я люблю, и что я никогда не забуду, как ты вернулась ко мне.

Его улыбка была убийственной, эти удивительные голубые глаза, наполненные всем, в чем она когда-либо нуждалась или хотела. Наполненные любовью к ней. Сердце Кинси болело от радости. Но это была хорошая боль. Лучшая боль.

Люк крепко прижал ее к своему твердому, греховному телу, и сжал ладонями попку, которая принадлежала ему. Только ему.

— Добро пожаловать домой, сладкая.

Она посмотрела в глаза мужчины, без которого отказывалась жить и позволила увидеть,

как сильно обожает его.

— Лучший город в мире, верно?

Он кивнул.

— Теперь, да.

Сирена ревела, пока грузовик на всей скорости рассекал обширный жилой район в северной части Чикаго. Частные коттеджи, временами разбавленные зелеными насаждениями, отличное место, чтобы растить детей. К тому времени, как они добрались до места назначения, Люк готов был из шкуры выскочить от нетерпения.

Плавно спрыгнув на землю, он рванул вперед, игнорируя выкрики его бригады. В некоторых случаях мужчина должен сделать все сам.

Он подбежал к дому, но ни одно препятствие не могло остановить его, ни одна преграда не была достаточно велика. Передняя дверь распахнулась. Лестница промелькнула, преодоленная широкими шагами. Наверху он замер и прислушался.

Все тихо.

Но ненадолго.

Мужчина резко открыл дверь в спальню и оценивающе осмотрел представшую перед ним сцену.

— Кто-нибудь вызывал пожарных?

— Ты опоздал, лейтенант, — проговорило видение, лежавшее под хрустящими, белыми простынями, которые едва прикрывали золотистую кожу и притягательные изгибы.

— Сейчас восемь двенадцать, сладкая.

Она томно потянулась на кровати, которую они купили вместе, и призывно приподняла бровь.

— Ты обещал мне в восемь шестнадцать, — подняв простынь, она указала тонким пальчиком на сокровища, спрятанные под покровом. — Быть здесь. А учитывая как много времени тебе нужно, чтобы снять одежду, я очень сомневаюсь, что ты уложишься в срок, мистер Алмэйда.

— Звучит как вызов, мисс Тэйлор.

Он завел пальцы под подтяжки своих защитных штанов и отбросил их в стороны. В обычной ситуации он никогда бы не покинул отделение, не сняв их, но этим утром у него были другие планы. Соблазнительные планы.

— Тебе нравится медленный стриптиз, Кинси, — он провел рукой по своей эрекции, которая жаждала освободиться и погрузиться в ее горячие, влажные небеса.

Она вздохнула, признавая правоту его заявления.

— Нравится.

За эти месяцы, прошедшие с тех пор, как она вернулась к нему, они переехали в съемную квартиру в паре кварталов от ПО № 6. Было логично, что они начинали свою жизнь в месте, не наводненном ядовитыми воспоминаниями о его браке. У них была вся жизнь, которую они собирались прожить вместе и прийти к более постоянному решению.

— Трудная ночь? — как всегда спросила она.

— Не более, чем обычно, — как всегда ответил он, зная, что позже будет время, чтобы поделиться событиями своей смены. Два пожара в домах, авария, с участием множества машин, и парень, который приковал себя наручниками к батарее бывшей девушки. Все живы, хотя, бывшая девушка выглядела так, словно вынашивала в мыслях план убийства. Это была хорошая ночь его первой смены в качестве лейтенанта расчета А, вместо МакЭлроя, который перевелся в ПО № 69.

Возвращаясь к стриптизу, он расстегнул защитные штаны.

Щелчок.

Она поерзала и он наслаждался этим.

Щелчок.

Она выгнула спину и скользнула рукой под простынь.

Щелчок.

— Люк, — хрипло выдавала Кинси, ее голос был полон такой потребности, что он с трудом сдержался.

Люк сорвал с себя футболку, быстро сбросив и все остальное. Пять секунд спустя он уже нежился в объятьях ее тела. Где и должен был быть.

Но это не значило, что все будет просто. С его женщиной не было ничего простого.

Зарываясь пальцами во все это блондинистое великолепие, он наткнулся на острый угол чего-то под подушкой. И вытащил... Иисус, Иосиф и Мария, проклятый календарь *“Мужчины на Пожаре”*.

— Пришло вчера, — пояснила она с хриплым смешком. — Джози прислала целую коробку таких на *“M Squared”*. Мы с Мэдисон провели всю вторую половину дня за мартини, проверяя каждую фотографию. Контроль качества, знаешь ли.

Неудивительно, что Кинси удалось устроиться на работу к Мэдисон Мэйтленд в лучшую пиар фирму Чикаго. Она будет вести их новое некоммерческое отделение, продвигая заслуживающие внимание кампании на пару с корпоративными спонсорами. Патронатное воспитание детей, лишившихся родителей, в округе Кук было ее первым проектом на этом посту.

Он так чертовски гордился ею.

Но возвращаясь к календарю.

— Он даже открыт не на июле, — заметил Люк, не уверенный в том, была ли грубость его голоса вызвана сексуальной игрой, в которую они играли, или его раздражением от того, что она для разогрева использовала Мистера Март, одного из тех показушников из спасательного отряда ПО № 57.

— О, это просто аперитив, малыш, — она одарила Люка озорной улыбкой, затем ее руки нашли его и твердо сжали, как ему нравилось.

Календарь полетел за его плечо.

— Теперь я готова к основному блюду.

Не нуждаясь в ином приглашении, он скользнул в нее одним мощным, собственническим, идеальным выпадом.

Восемь шестнадцать. У Люка всегда было точное чувство времени.

С каждым движением его бедер, по венам прокатывалось, как новое, так и уже знакомое удовольствие. Наравне с огнем и дымом, эта женщина была в его крови, и каждый день он благодарил богов за то, что те привели ее обратно к нему. Она была центром его вселенной и останется там навсегда.

Эти потрясающие карие глаза, опьяненные желанием, пленили его в своей глубине.

— Люблю тебя, Люк.

— Люблю тебя больше, крошка.

Потому что они никогда не прекращали соперничать.

И когда Кинси взмыла на волне своего оргазма, сжимая и приближая его к собственному удовольствию, самая важная мысль Люка была о том, как удержать это

счастье. Помочь могла только одна вещь. Сейчас он был человеком нескончаемых амбиций. Сделать эту женщину миссис Люк Алмэйда было его следующей высокой целью.

О, кого он обманывал? Если его женщина сделает все по-своему, то станет миссис Тэйлор-Алмэйда. И не услышит от него ни одной жалобы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Попай — герой американских комиксов и мультфильмов, у которого непропорционально развиты предплечья, а часто также непропорционально большие икры, отличается в повседневной жизни огромной силой, но в критической ситуации съедает банку шпината и становится многократно сильнее.

ок. 10 см

Всегда Верен

OK. 7 CM

OK 8 KM

"Холостяк" — американское телевизионное реалити-шоу знакомств для холостяка, в котором ему ищут жену.

Питчеры — подающие игроки в бейсбол.

Триб — крупное новостное агентство.

“Отчаянные домохозяйки” — американский телесериал в жанре «комедия-драма».

Фриттата — итальянское блюдо с жареными взбитыми яйцами, похожее на испанский омлет; Сальса верде — итальянский вариант зеленого соуса, содержащий большое количество трав.

Гидравлический домкрат — приспособление для разжатия частей машины, деформированных при аварии.

Кушайте, детишки, кушайте — итал

Джимми Чу — малайзийский дизайнер обуви и основатель одноименной компании в Лондоне.

Фраппучино — Холодный напиток, состоящий из кофе, льда и различных вкусовых добавок.

ок. 193 см

Чикаго-Луп — название исторического делового центра Чикаго. Loop в переводе с английского — кольцо. Название деловому району Чикаго дала кольцевая ветка надземного метро.

Бейкер Бич — один из известных пляжей США, Сан-Франциско, на берегу Тихого океана.

Толстая пицца — самая популярная чикагская пицца, названная так, из-за формы в которой она готовится, и толстого слоя начинки из различных сыров и, содержащего кусочки томатного соуса.

Молекулярная кухня — это современное направление в кулинарии. Главное отличие его от классической кухни — приготовление блюд с максимальным сохранением полезных свойств продуктов, блюд питательных, полезных и, что очень важно, низкокалорийных.

ок. 10 км

Чикагские Авиалинии

Капкейки — пирожные, которые выпекаются в форме для кексиков и украшаются сверху кремом. Они очень привлекательно смотрятся в разноцветных бумажных вставках для кексиков.

Система совместного использования велосипедов (велопрокат) Divvy — система проката, обычно созданная на некоммерческой основе, позволяющая арендовать велосипед на одной из автоматизированных станций, совершить поездку и вернуть велосипед в любой пункт проката, установленный в этом же городе. Подобные программы успешно существуют во многих европейских и североамериканских городах

острые колбаски Мергез — традиционное блюдо национальных кухонь ряда стран северной Африки, изготавливается из баранины или говядины с использованием бараньих потрохов, а также большого количества специй и приправ.

“Стейк Хаус” — сеть ресторанов, посвященных мясной кухне.

Лагавулин — марка одного из известных шотландских односолодовых виски, производимого на одноимённой вискикурне.

«Стеклянный потолок» — это термин для обозначения своеобразной формы дискриминации. Уровень в карьере, выше которого женщины практически не имеют возможности подняться.

Уайт Сокс — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола. Команда была основана в 1893 году. Клуб базируется в городе Чикаго, Иллинойс.

Мировой серии — решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола, право играть в которой сейчас имеют лучшие команды Американской и Национальной лиг.

«Чика́го Блэ́кхокс» — профессиональный американский хоккейный клуб, выступающий в НХЛ. Клуб базируется в городе Чикаго, штат Иллинойс.

Плей-офф это серия игр на выбывание, по итогам которой определяется победитель турнира. Плей-офф, как правило, начинается со стадии 1/8 финала, за которой следуют четвертьфиналы, полуфиналы и финал. Английское слово Playoff состоит из корня Play (играть) и суффикса off, означающего вылет или выбывание.

Гэндальф — один из центральных персонажей легендарного мира Джона Р. Р. Толкина, в частности, повести «Хоббит, или Туда и обратно» и романа «Властелин Колец».

Историю Елены Троянской рассказал Гомер в поэме «Илиада». Известная как «девушка 1000 кораблей», Елена Троянская считается одним из самых красивых женских образов в литературе. Парис, сын царя Трои Приам, влюбился в Елену и похитил ее. Оскорбленные греки собрали большое войско во главе с братом Менелая, Агамемноном, чтобы вернуть Елену. Армада 1000 греческих кораблей пересекла Эгейское море и прибыла в Трою. Целых девять лет город оставался неприступным, пока греки не пошли на хитрость. Они построили большого деревянного коня, внутри которого находились греческие воины. Несмотря на предупреждения троянцам «Остерегайтесь данайцев, дары приносящих», троянцы приняли коня в качестве подарка. Дождавшись ночи, греки вышли из коня, открыли ворота Трои, чтобы впустить армию Менелая. Троя была разрушена. Елена благополучно вернулась в Спарту вместе с Менелаем, получила прозвище «Троянская», став роковым символом разрушения эллинской эпохи. Именем Елены названа единица измерения красоты (Елена), требуемой для спуска на воду 1000 греческих кораблей. Эта единица измерения появилась в Древней Греции, где, как говорили, Елена Троянская за всю свою жизнь смогла поучаствовать ровно в 1000 спусках кораблей на воду. «Миллиелена» является мерой красоты и стиля, которая описывает точное количество красоты, необходимое, чтобы спустить на воду всего одно древнегреческое судно.

"Пицца Ангелов" — очень нежный и влажный даже без пропитки бисквит торжественно-белого, чуть с кремовым оттенком цвета. За этот праздничный, совершенно неземной вид он и получил имя. Говорят, такое название ему досталось еще и за легкость — среди ослепительно-белых ингредиентов совсем нет жиров.

беконово-овощным айоли — законченное блюдо, состоящее из отварных овощей, обычно используют морковь, картофель и стручки фасоли, и бекона, подаваемых с соусом айоли из чеснока и оливкового масла.

Джозеф (Джо) Майкл Манганьелло — американский актёр.

Путанеска — макаронный соус, в состав которого входят помидоры, чеснок, капперсы, оливки и анчоусы

Джон Стюарт — американский комик, сатирик, актёр, писатель, продюсер. Известен своей телепередачей *The Daily Show*, представляющей собой пародию на новости вкупе с политической сатирой.

Вэнти — итал. двадцать

УПОХ — Управление по охране труда — Occupational Safety and Health Administration, OSHA — управление в Министерстве труда США, которое занимается вопросами охраны труда и профилактики профзаболеваний.

"Пляж" — реалити-шоу, в котором восемь молодых людей, 4 девушки и 4 юноши, весело проводят время на побережье Атлантического океана, у главной героини длинные волосы, уложенные в прическу с начесом спереди.

Имеется ввиду игра слов в англ. to come значит и "происходить, случаться" и "кончать"

Сосиски в блинчиках на палочке Джимми Дина — Джѣмми Дин (англ. Jimmy Dean, 10 августа 1928 — 13 июня 2010) — американский певец в стиле кантри. В 1969 году Джимми Дин основал компанию по производству и продаже сосисок. Певец стал "лицом" компании и снялся в ее многочисленных рекламных роликах, а в 1984 году продал бизнес. Тем не менее, компания по-прежнему называется Jimmy Dean Sausage Company.

Амбивалентность (от лат. *ambo* — «оба» и лат. *valentia* — «сила») — двойственность отношения к чему-либо, в особенности двойственность переживания, выражающаяся в том, что один объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства.

Холстед Стрит — основная улица Чикаго, проходящая с севера на юг.

Егермейстер — популярный немецкий крепкий ликёр, настоянный на травах.

61 см

Эта шкала была предложена американским химиком Уилбуром Сковиллом для сравнительной оценки степени жгучести разных перцев.

хабанеро или капсикум китайский — растение, плоды которого считаются одними из самых острых среди стручковых перцев, обладают сильным жгучим вкусом, признаются самыми острыми среди распространённых в культуре.

энчиладас — традиционное блюдо мексиканской кухни, представляет собой тонкую лепёшку из кукурузной муки, в которую завернута начинка, чаще всего мясная, но может состоять и из яиц или овощей.

189 cm

8 км

гуахильо — вид перца стручкового острого характеризуется средней степенью остроты, в пределах от 3000 до 5000 по шкале Сковелля.

Грей Гуз — Grey Goose или Серый Гусь — бренд французской водки премиум класса.

WGN — американский базовый кабельный телеканал, который находится в Чикаго, штат Иллинойс и в настоящее время является единственным каналом, который не принадлежит к какой либо телевизионной сети, однако имеет национальный охват вещания.

Трибьюн (Tribune) — один из крупнейших мультимедиа холдингов США.

"Супер Майка" — фильм Стивена Содерберга про стриптизеров.

Chippendales — шоу мужчин-танцовщиков, исполняющих эротические танцы, было основано в 1979 году, и в свое время стало первым подобным проектом для женской аудитории.

NBC (National Broadcasting Company) — Национальная широковещательная компания американская телевизионная сеть со штаб-квартирой, находящейся в небоскрёбе Джи-И-Билдинг в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке, и с дополнительными основными офисами в Бербанке и Чикаго.

Вкус Чикаго — крупнейший в мире фестиваль еды представляет собой гастрономическую феерию, привлекающую свыше 3 миллионов человек каждый год.

Фостер — главная улица, проходящая с запада на восток по северной части Чикаго, а также северо-западным пригородам.

Метра — железнодорожная система северного Иллиноиса.

6,1 м

Signature Room — ресторан в 100-этажном Центре Джона Хэнкока, из окон которого прекрасно видны как город, так и озеро.

Гленфиддик — бренд односолодового шотландского виски, производящегося в долине реки Фидик и обладающего фруктовым и дубовым ароматом и вкусом.

Анны Винтур — главный редактор американского издания журнала Vogue

Области залива Сан-Франциско (крупный консолидированный метрополитенский статистический ареал в северной Калифорнии, сформировавшийся вокруг залива Сан-Франциско и названный его именем

Боно — ирландский рок-музыкант, вокалист рок-группы U2.

себя цвете — старинные фотографии в коричневых тонах.

I-90 — самая длинная из межштатных автомагистралей в Соединённых Штатах Америки, длиной 4,987 километров, начальная точка находится в Сиэтле, штат Вашингтон, а конечная — в Бостоне, штат Массачусетс.

Goose Island Summer эль — чистое, искристое, искусно сбалансированное пиво обычно с очень тонкими фруктовыми вкусами и запахами.

Whole Foods — крупная сеть продовольственных супермаркетов, которая занимается распространением натуральных продуктов питания.

сыр азиаго — сорт сыра из коровьего молока с ярко выраженным вкусом и разной текстурой в зависимости от срока созревания, производящийся в северной Италии.

имеется ввиду игра слов, dick в англ. и мудаки, и член

округ Кук — округ в штате Иллинойс, центром которого является Чикаго.

Беркли — Калифорнийский университет в Беркли — государственный исследовательский университет США, расположенный в Беркли, старейший из десяти кампусов Калифорнийского университета.

Итана Аллена (американский мебельный бренд с мировым именем производит полный ассортимент мебели и аксессуаров, основанная в 1932 году эта марка заслужила известность благодаря высокому качеству, вниманию к деталям, безупречному стилю.

“Skinnygirl Island Coconut” / “Скиннигёл Айсланд Коконат” — водка с сочным ароматом кокоса с примесью цитрусовых.

Напа — округ Калифорнии в области залива Сан-Франциско, практически полностью занятый одноимённой долиной, известной на весь мир своими виноградниками и вином.

Энн Сазер — ресторан в Чикаго, который существует уже более 60 лет и знаменит своей домашней едой и теплой атмосферой.

“Грейп-Натс” Grape-Nuts — известная марка производителя готовых завтраков из зерновых.

пожар пятого ранга — самый высокий ранг пожара, который предполагает сложную обстановку, и работу 15 отделений.

имеется ввиду игра слов, в англ. “покончить с работой” — “put job to bed” — дословно “положить работу в постель”

эмпанадас со свиной карнитас — фаршированные лепешки со свиной по-мексикански: куски мяса, тушеные с приправами без масла.

хумуса — закуска из нутового пюре, в состав которого обычно могут входить: оливковое масло, чеснок, сок лимона, паприка, сезамовая паста.

Pixies — американская альтернативная рок-группа, образовавшаяся в Бостоне

Нави Пьер — находится на одноименном военно-морском пирсе в Чикаго, высота колеса 45 м, поездка на колесе — это 8 минут любования видами городскими пейзажами.

Степфордская жена — отсылка к роману Айры Левин, означает идеальную домохозяйку, мать и жену, горничную и любовницу в одном лице.

Торжественная увертюра «1812 год» — оркестровое произведение Петра Ильича Чайковского в память о победе России в Отечественной войне 1812 года, в исполнении участвуют колокола, в финале предусмотрены пушечные залпы.

“бомбы с вишнями” — рассыпной фейерверк красного цвета.

Хуллиган — аварийно-спасательный инструмент, изобретенный в 1940 году в США Хью Хуллиганом. Многофункциональный инструмент для работы посредством рычага, в качестве ударного инструмента, для вскрытия, взлома, а также удаления других типов препятствий на пути пожарных и спасателей.

4,5 м

61 м

почти 2000 л

капюшон Нормекса — защитная одежда из огнестойкого материала.

2,5 М КВ

резидентура — в США — последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3–5 лет резидентом.

ФейсТайм — наименование технологии видеозвонков, включающей одноимённую веб-камеру, разработанную компанией Apple.

база в Президио — военная база в Сан-Франциско.

LSAT — тест, сдаваемый для поступления в юридический колледж.

]“Mad Ghosts” (“Сумасшедшие призраки”) — пехотный батальон в Корпусе морской пехоты США, расположенный в Чикаго, штат Иллинойс, и состоящий из примерно 1000 морских пехотинцев и моряков.

"Треугольник смерти" — самое страшное место в Ираке, территории между городами Эль-Махмудия, Искандария и Юсуфия. В октябре 2004 года перед Экспедиционным корпусом морской пехоты США, стояла задача — очистить самый опасный район в Ираке от мятежников.

Матрасы для нас

Златовласка — в англ. варианте сказки "Три медведя" девочка, заблудившаяся в лесу и попавшая в хижину медвежьего семейства.

Отцы-основатели — группа американских политических деятелей, сыгравших ключевую роль в основании и становлении американской государственности, в частности, в завоевании независимости и создании принципов новой политической системы.

Политические события в британских колониях Северной Америки в 1775–1783 годах, закончившиеся образованием США

Костко — крупнейшая в мире сеть складов самообслуживания клубного типа и пятое по величине продаж розничное торговое предприятие в США

Матрасы Serta признаны и любимы в 140 странах, почти 85 лет занимают лидирующие позиции на рынке сна.

Групповой дом — дом для совместного проживания "трудных" и бездомных подростков и молодых людей.

Красная линия — имеется ввиду самая загруженная линия скоростной железной дороги, проходящей по самому городу Чикаго, а также его окрестностям.

Ригли Филд — бейсбольное поле, расположенное на севере Чикаго и являющееся домом для команды города — Чикаго Кабс.

Гиганты — бейсбольная команда Сан-Франциско.

Павильон Джея Прицкера — дизайнер Фрэнк Гери смоделировал открытую музыкальную сцену, которая по праву считается лучшей в своем роде во всем США и сочетает нержавеющую сталь и травяную лужайку. Вместимость площадки при музыкальных выступлениях 11000 мест.

Видеокуб — большой экран, расположенный вверху в центре под потолком на спортивных аренах

БаззФит — новостная интернет медиа-компания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке

Фостерные семьи или патронажное воспитание — термин, используемый для системы, в которой несовершеннолетние, нуждающиеся в опеке, передаются для воспитания в приёмную семью или семейный детский дом на платной основе (содержание детей оплачивает государство). От усыновления отличается следующими основными чертами: Услуги приёмных родителей оплачиваются; Приёмные родители не получают полных прав на ребёнка и подконтрольны органам опеки.

Главной лиги бейсбола

“тетушка Фло приехала в гости” — героиня имеет в виду месячные.

В 2006 году Мел Гибсон при задержании за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения обозвал женщину-сержанта "сладкими сиськами". Впоследствии Гибсон публично принес извинения за свою выходку.

Кордовая древесина — древесина, обработанная специальным огнезащитным средством.

Дементоры — волшебные существа мира Гарри Поттера.

Гидравлические спасательные инструменты используются чрезвычайным спасательным персоналом, чтобы помочь высвобождению из транспортного средства жертв катастрофы, а также другому спасению из небольших пространств. Они обычно упомянуты в англоговорящих странах Содружества и США как Челюсти Жизни, торговая марка Hurs Performance, Inc. Челюсти Жизни сначала использовались в 1963 в качестве инструмента, чтобы освободить гонщиков из их транспортных средств после несчастных случаев.

3-й Батальон 5-е Морские пехотинцы (3/5) является батальоном пехоты в Корпусе морской пехоты Соединенных Штатов. Батальон, который называют «Темная кошадь», базируется из Базового лагеря Корпуса морской пехоты Пендлтон, Калифорния и состоит приблизительно из 1 000 Морских пехотинцев и Матросов. Они подпадают под команду 5-го Морского Полка и 1-го Морского Подразделения.

Milk Duds — конфеты-карамельки, покрытые молочным шоколадом, продукт фирмы «Hershey», классический символ похода в кино.

Американская панк-рок группа, основанная в 1986 году.

Gold Coast (Золотой берег) — район между парком Линкольна и водонапорной башней, где сохранилось много красивых старинных особняков. Долгое время это было место, где селилась элита, отсюда и произошло название.

Джолли Рэнчер — марка конфет и шоколада без сахара.

Эквинокса — сеть фитнес-клубов.

Халстед — основная улица, пересекающая Чикаго с севера на юг и являющая центром сообщества сексуальных меньшинств города.

трансжиров — жир, искусственно созданный во время химического процесса.

Бодикка — жена Прасутага, тигерна зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка на востоке Англии, После смерти мужа римские войска заняли её земли, а император Нерон лишил титула, что побудило её возглавить антиримское восстание 61 года.

Джексон Поллок — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма.

Кетел Уан — голландская водка традиционного способа приготовления.

Эмми — американская телевизионная премия. «Эмми» считается телевизионным эквивалентом «Оскара», премии «Грэмми» и премии «Тони».

“Психологиз 101” — имеется ввиду книга Пола Клейнмана “Психология. Люди, концепции, эксперименты”.

Уиннетка — богатая деревня, расположенная в 26 км к северу от центра Чикаго, на юго-западном побережье озера Мичиган, в штате Иллинойс.

Чи-берия — это то, во что превращается Чикаго, когда чертовски холодно, настолько, что резонно задать вопрос, ты все еще в третьем по величине городе Америки, или в мерзлой тундре в Сибири.

Имеется ввиду песня Марвина Гэя “Let's Get It On” — американский певец аранжировщик, музыкант-мультиинструменталист, автор песен и музыкальный продюсер, наряду со Стиви Уандером стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.

Hands across America, 25 мая 1986 года, США, 6,5 млн человек. — В этот день прошла благотворительная акция под лозунгом «Возьмитесь за руки по всей Америке» (Hands Across America). Живая цепь, в которую в полдень выстроились на 15 минут около 6,5 млн человек, протянулась от Бэттери-парка в Нью-Йорке до причала в калифорнийском Лонг-Бич. Общая длина цепочки, пронизавшей 15 штатов, составила свыше 6,6 тысяч километров. Целью акции был не протест, а сбор пожертвований в помощь нуждающимся, прежде всего голодающим и бездомным. В итоге удалось собрать более \$34 млн, и еще почти \$800 млн позднее было выделено на эти цели правительством, которое не могло не обратить внимание на столь масштабную манифестацию.

Чика́го Блэ́кхокс» (англ. Chicago Blackhawks) — профессиональный американский хоккейный клуб, выступающий в НХЛ. Клуб базируется в городе Чикаго, штат Иллинойс.

Røyksopp — дуэт из Тромсё, исполняющий электронную музыку. В него входят два норвежца — Торбьёрн Брундтланд и Свейн Берге. Слово Røyksopp — стилизованная версия слова «røyksopp», в переводе с норвежского — «гриб-дождевик»

Вейл — город и горнолыжный курорт в округе Игл, штат Колорадо, США

Мишен Дистрикт — красивый колоритный район в центре Сан-Франциско с мексиканскими ресторанами и кафе, характерен большим скоплением представителей нетрадиционной ориентации и их атрибутики

Avis Rent a Car System — международная компания, оказывающая услуги проката автомобилей

лозунг "Юнайтед эрлайнс", авиакомпании, обслуживающей всю территорию США с офисом в Чикаго.

Мост Золотые Ворота — висячий мост через пролив Золотые Ворота. Он соединяет город Сан-Франциско на севере полуострова Сан-Франциско и южную часть округа Марин, рядом с пригородом Саусалито.

Джордж Смит Паттон, младший — один из главных генералов американского штаба, действующего в период Второй мировой войны

Красное или розовое вино, как традиционное сухое, так и сладкое крепленое из сорта винограда Сира

USAL (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе) — государственный исследовательский университет, расположенный в городе Лос-Анджелес в штате Калифорния, США.

Всегда Верен